

Ольга Соврикова

Неприкаянная

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Бежала от судьбы в своем мире, сдалась, закрыв глаза на все наставления моего мастера. Видимо, незримая магия, окружающая каждого из нас, решила наказать меня за слабость, приковав к чужому телу наблюдателем, паразитом.

Боги, какие же страдания ожидали глупенькую юную аристократку, и все это пережить мы должны были вместе, но и она сдалась, а я в этот раз не упущу своего шанса. Шанса зажить по-новому в новом мире. И да поможет мне родной язык и боги обоих миров!

- [Ольга Соврикова](#)

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)

- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)
- [ГЛАВА 31](#)
- [ГЛАВА 32](#)
- [ГЛАВА 33](#)
- [ГЛАВА 34](#)
- [ГЛАВА 35](#)
- [ГЛАВА 36](#)
- [ГЛАВА 37](#)
- [ГЛАВА 38](#)
- [ГЛАВА 39](#)
- [ГЛАВА 40](#)
- [ГЛАВА 41](#)
- [ГЛАВА 42](#)
- [ГЛАВА 43](#)
- [ГЛАВА 44](#)
- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ГЛАВА 49](#)
- [ГЛАВА 50](#)
- [ГЛАВА 51](#)
- [ГЛАВА 52](#)
- [ГЛАВА 53](#)
- [ГЛАВА 54](#)
- [ГЛАВА 55](#)
- [ГЛАВА 56](#)
- [ГЛАВА 57](#)

- [ГЛАВА 58](#)
 - [ГЛАВА 59](#)
 - [ГЛАВА 60](#)
 - [ГЛАВА 61](#)
 - [ГЛАВА 62](#)
 - [ГЛАВА 63](#)
 - [ГЛАВА 64](#)
 - [ГЛАВА 65](#)
 - [ГЛАВА 66](#)
 - [ГЛАВА 67](#)
 - [ГЛАВА 68](#)
 - [ГЛАВА 69](#)
 - [ГЛАВА 70](#)
 - [ГЛАВА 71](#)
 - [ГЛАВА 72](#)
 - [ГЛАВА 73](#)
 - [ГЛАВА 74](#)
 - [ГЛАВА 75](#)
 - [ГЛАВА 76](#)
 - [ГЛАВА 77](#)
 - [ГЛАВА 78](#)
 - [ГЛАВА 79](#)
 - [ГЛАВА 80](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ольга Соврикова
НЕПРИКАЯННАЯ

ПРОЛОГ

Удар! Еще удар. Блок. Перекат. Блок. Темнота...

Открываю глаза и вижу удручающую картину — сэнсэй недоволен. Просто так мне сегодня с тренировки не уйти. Пропустила довольно простой удар, и теперь мне добавят, догонят и еще добавят.

Двенадцать лет я занимаюсь восточными боевыми искусствами, причем учителем моим является самый настоящий сэнсэй, известный как в Японии, так и за ее пределами. Вот только из своей страны он ни разу не выезжал, да и мне не надо, потому как моя семья тоже проживает в Японии. За все это время он похвалил меня всего лишь один раз. Мой любимый учитель похож на гранитную глыбу, такой же крепкий, спокойный, невозмутимый и непробиваемый, причем как в прямом, так и в переносном смысле. За все прошедшие годы моего ученичества я научилась определять его чувства по глазам, и вот сейчас ясно вижу его недовольство и разочарование. Тренировка окончена, я тороплюсь домой. Мне кажется, что внутри меня натянуты струны, и вот именно сейчас они стонут от напряжения и тревоги, которые я испытываю. Несколько лет назад я впервые прислушалась к своей интуиции, после чего мои тренировки сразу вышли на новый уровень. И сегодня эта клятая интуиция просто захлебывается от ужаса. Я боюсь думать о том, *что* с неотвратимостью снежной лавины надвигается на нашу семью.

Да, я глупо подставилась под удар. Бой нужно вести со спокойным сердцем и холодным разумом, отрешившись от эмоций и проблем, но именно сегодня я не смогла этого сделать. Пропал мой отец, мой папочка, Старцев Ярослав Владимирович. По гражданству он был русским, а вот мама японка. Познакомились они в Москве в Российском университете дружбы народов. Мама, Амиа Накатоми, училась в медицинском институте университета, а папа в составе строительной бригады занимался ремонтом аудиторий. Нет, он у меня тоже имеет высшее образование, окончил архитектурный институт, но вот сразу устроиться на работу не сумел, подрабатывал простым строителем. Целый год русский богатырь Славка ухаживал за миниатюрной японочкой, доказывая ей, что действительно любит и

беречь будет, и никогда не бросит, а она взяла и поверила. Поженившись, они четыре года прожили в России, а потом мама закончила учиться, и отец решил, что Япония ничем не хуже России, а он ради своей Амиа отправился бы и на Северный полюс. Родители моей мамы приняли его хорошо. У дедушки был небольшой магазинчик строительных материалов. Жили они очень скромно. Папа взялся за дело, и уже через пять лет семья Накатоми переехала в большой собственный дом. Основной бизнес был развернут в России. Япония являлась поставщиком. С десятков небольших магазинчиков давали стабильный доход.

Все было отлажено и работало как надежный проверенный механизм, но вот совсем недавно появились проблемы в России. Отец уехал. Первые два дня звонил каждый вечер, но внезапно телефон умолк на десять дней. Его заместители твердили все время одно и то же: уехал на переговоры с большими людьми, просил не беспокоиться. А как не беспокоиться? Семья у нас маленькая, бабушка умерла четыре года назад, и теперь нас четверо: дедушка, мама, папа и я. Мама к бизнесу отца и деда не имеет никакого отношения, она у нас целитель. Не медик, а именно целитель. Массаж и лечение травами — это ее стезя. Травы она выращивает сама и сама же делает настойки, притирания, сборы трав в виде лечебного чая. Я у них одна на всех, любимая дочка и внучка, но избалованной меня назвать нельзя.

Старцева Миира Ярославовна — упрямая, целеустремленная, и память у меня хорошая. В три года, посмотрев мультфильм «Кунг-фу панда», решила, что тоже хочу так. В четыре меня отвели к сэнсэю. По причине малого возраста я не понимала, что мне предстоит пройти, чтобы стать мастером, но к шести годам взвыла от все увеличивающихся нагрузок и решила бросить истязания меня маленькой. Не получилось. Не знаю, что тогда уже разглядел во мне мастер, но бросить занятия он мне не дал. Отвел в музей и познакомил со всем разнообразием холодного оружия. Дал возможность к нему прикоснуться. Именно с этого момента мой бунт закончился навсегда. Я заболела оружием, и ни один парень до сих пор, а мне уже шестнадцать, не смог составить ему конкуренцию. Соревнования? Глупость. Нет. Мой сэнсэй каждые три месяца устраивает мне спарринг с бойцами, превосходящими меня в умении владеть оружием, но на официальные соревнования не допускает. «Ты учишься

не для того, чтобы красоваться перед зеваками, считающими себя большими специалистами буквально во всем. Моя задача научить тебя защищать и защищаться, а красивое дрыганье ногами оставим для других», — говорит он. Именно поэтому никаких званий и поясов, определяющих уровень моего мастерства, у меня нет. Есть учитель, и он до сих пор остается для меня недоступной величиной.

И все-таки звание у меня есть. Я завоевала первый юношеский разряд в спортивных танцах, и на этом моя танцевальная карьера закончилась. Зачем мне танцы? Мне?! Сэнсэй решил, что дополнительное обучение ритму, умение слышать музыку всем своим естеством мне просто необходимо, ибо бой с оружием — это всегда танец. Смертельный. Завораживающий. Прекрасный. Чем сильнее воин, тем красивее танец смерти в его исполнении. С восьми лет до пятнадцати я танцевала, с оружием и без, но всегда с партнером. Сколько себя помню, я училась, училась и когда отдыхала — тоже училась. Никаких свиданий, никаких гуляний и шумных вечеринок. Курить, выпивать — ни боже мой! Я не просто тренированное дитя, я дитя двух культур. Оба языка для меня родные. Дома с папой и мамой — по-русски, а вот с бабушкой — только по-японски. Обе культуры мне близки и понятны и ругаться я тоже умею на обоих языках. Папа высокий блондин с серыми глазами, а мама маленькая, хрупкая, темноволосая, темноглазая — вечная девочка. А я? А я просто красавица! Ну правда красавица. Рост метр семьдесят пять, стройная как тростиночка, грудь маленькая, ладони узкие, пальцы длинные, волосы густые черные, блестящие, брови папины, взлет. Глаза чудо как хороши! Большие, чуть вытянутые к вискам, темно-карие, а густые, черные, длинные ресницы не только не нуждаются в туши, но и создают иллюзию подводки. И конечно, губы — сплошной соблазн!

Поклонников у меня очень много, а вот парня как не было, так и нет. Да и зачем? Мне вот папочка обещал меч, самурайский, древний. Это — да! Только бы он нашелся...

Я выросла в любви и заботе. Отец буквально на руках нас с мамой носил, причем одновременно обеих. И вот...

В России появились какие-то настойчивые покупатели. Им очень понравился наш бизнес, они решили его купить буквально за копейки. Папа уехал и пропал, через две недели вслед за ним в сопровождении адвоката уехала обеспокоенная мама. Позвонила она лишь один раз и

рассказала, что нашла отца в СИЗО. Его задержали по обвинению в убийстве одного из его заместителей. Затем в течение пяти дней ее телефон сообщал мне, что абонент находится вне зоны доступа, а на шестой день я узнала, что у меня больше нет родителей. Было больно. Очень больно! Я все ждала, что вот сейчас раздастся звонок и они войдут, и все окажется чьей-то ошибкой, а они все не приходили и не приходили.

Домой тела моих родителей доставил адвокат нашей семьи. В сопроводительных документах сообщалось, что моя мама погибла в результате несчастного случая под колесами автомобиля, которым управлял нетрезвый водитель, а отец, пытаясь незаконно освободиться из-под стражи для того, чтобы попасть к ней в больницу, был застрелен при попытке бегства. Единственный вывод, который я смогла сделать, — это то, что мой упрямый и гордый отец не согласился отдать все заработанное своим трудом, и вот теперь его нет. И мамы нет. Похороны забрали у нас с бабушкой очень много сил, но я молодая, а дедуля старенький. Он держится, боится оставить меня совсем одну. Я ведь еще несовершеннолетняя. Из России нам сообщили, что вся собственность, ранее принадлежавшая моей семье, изъята за долги. Какие долги? Кем изъята? Единственное, что мы смогли с дедом сделать, это официально перекрыли поставки в якобы закрытые склады и магазины. Они думают, что смогут перезаключить договоры по таким льготным ценам сами? Пусть попробуют.

И вот спустя полгода после смерти моих родителей, я через Интернет отследила судьбу папиного детища, сети магазинов под маркой «Накатоми», они обанкротились. Теперь на самом деле обанкротились.

А я продолжаю заниматься. Нам с дедулей пришлось сменить дом. Мы теперь живем на проценты с семейного капитала. Пусть денег немного, но нам хватает. Но вот заниматься с сэнсэем я не бросила. Наоборот, теперь я отдаю этому занятию не только все свои силы, но и душу. Время идет, через полгода стану совершеннолетней, нужно думать о дальнейшем образовании, а я даже не представляю, чем бы мне хотелось заняться. Куда поступить? Чему учиться? У меня в России остались бабушка, бабушка, два дяди и тетя, но я их никогда не видела. Папин отец — бывший военный, бывший сотрудник компетентных органов, жуткий непримиримый тип. Когда он узнал о

маме, в их семействе разгорелся скандал. Жена — японка! Сын едет на ее родину и собирается получить второе гражданство! А как же Леночка, дочка генерала Краско? Позор! В тот день мой папа стал сиротой, ибо в семье Старцевых «умер» старший сын. Про меня он им не сообщал. Так что они вроде бы есть, но их вроде бы нет... Ну и не очень-то и хотелось. Бог им судья.

Я вступила в права наследства, стала совершеннолетней. Выбрала институт. И осталась на этом свете совершенно одна. Умер дедушка. Сколько проживу я сама, тоже неясно, и дело не в здоровье, а в настойчивом ухажере. На похоронах дедушки на меня обратил внимание сын старого дедушкиного друга. Не внук! Сын! Дядька лет пятидесяти. Низкорослый гиббон с кривыми ногами, буквально обвешанный золотом. Именно с этого момента моя жизнь стремительно покатила под откос. Пока шла церемония прощания, этот уважаемый член общества все пытался меня за руку схватить, встать поближе, в гости напрашивался. Я отказалась с ним встретиться, так он два дня спустя сам приплелся. Не пустила. На следующий день попытался схватить на улице — вывернулась. Пришла домой — сидит на моем диване, как у себя дома. Оказалось — дом у меня дрянь, а обстановка не соответствует японскому стилю жизни. Замки в моих дверях уже поменяли, они его тоже не устроили. Но я ему нравлюсь, и с завтрашнего дня он лично займется моим воспитанием, потому как его жена должна быть не только такой красивой, как я, но и послушной, покорной, учливой и просто совершенной *японкой*.

Нос я ему сломала, из дома выдворила. Личный водитель подобрал своего шефа, увез, а я собрала самые необходимые вещи, документы, сняла наличные и пустилась в бега. Слишком много нехорошего я об этом человеке слышала. Сила, власть и влияние на его стороне. Имея двойное гражданство, я надеялась успеть выехать из страны. Не успела.

Никогда раньше не задумывалась о том, в каком мире мы живем. Жизнь показала, что с древних времен ничего не изменилось. Все как и прежде. Правят сильные и богатые, и плевать им на чужие чувства, жизнь, желания. Уже подъезжая к аэропорту, обратила внимание на огромные информационные табло. На них с небольшим перерывом крутили ролик, главной фигурой которого была я. С большим

удивлением узнала, что буквально час назад Миира Накатоми совершила ограбление валютного обменного пункта и находится в розыске. Эта персона, оказывается, очень опасна, владеет боевыми искусствами, может быть вооружена огнестрельным оружием. Всех заметивших меня просили не предпринимать попыток к моему задержанию, а просто сообщать о моих передвижениях, доверив эту сложнейшую задачу профессионалам.

В этот момент я поняла — все, не вырвусь. Да, я отличный мастер контактного боя, но в двадцать первом веке это может помочь отбиться от шпаны в подворотне, но убежать от группы людей с огнестрельным оружием в городе, напичканном камерами... А при помощи психотропных средств сломать можно любого, даже самого сильного. Ну почему? Почему люди так устроены? Почему им всегда не хватает того, что есть у соседа? Почему им обязательно хочется забрать это себе, а если не забрать, то сломать? Почему основная масса людей искренне считает, что является хозяином своей жизни? Зачем строят планы? Зачем живут на этой земле люди?

Мне восемнадцать, и, стоя перед информационным табло, я поняла, что единственное, ради чего стоит жить, — это любовь. Мои родители, они были молоды и прожили так мало, но они любили и ушли, сохранив любовь. Где-то там они сейчас вместе. У меня нет любимого. Нет якоря. Меня никто не ждет, и, судя по всему, мой жизненный путь на этой земле закончится, так и не начавшись. Не хочу окунаться в грязь человеческого лицемерия и злости, не хочу проходить все круги ада на земле еще при жизни. Мой отец русский, и я в большей степени папина дочь, а потому поставить на пьедестал старого волосатого мужчину и поклоняться ему всю оставшуюся жизнь не смогу, а уйти мне не дадут. Я одна, совсем одна... Ну что же — у каждого в этом мире своя судьба.

Граждане в Японии законопослушные. Сказали сообщать — значит, сообщат. И вот уже не один десяток человек вокруг меня схватились за телефоны. Но не все. Охранники аэропорта, в количестве пяти человек, решили рискнуть. А что я могу против них? Ведь будут гонять, потом ломать, пока не сломают. А так... Против судьбы, как говорил папа, не попрешь. Четверо пошли врукопашную и спокойно, не возмущаясь, прилегли вокруг меня, а вот пятый оказался самым умным, предусмотрительным, и по стрельбе из пистолета у

него наверняка высший балл. Стоял далеко, стрелял хорошо, на поражение, да и я уклоняться даже и не пробовала, наоборот, в самый последний миг подставилась. Зачем мне пуля в плече? С такого расстояния из пистолета точно в сердце. Пусть парень считает себя снайпером. И вот...

Темнота. Боли нет. Меня нет. Ничего нет. Жизнь закончилась не начавшись.

ГЛАВА 1

Темно. Ничего не болит. Ночь? А почему я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой? Даже пальцев не чувствую. Я не умерла? Но запахи чувствую. Больницей не пахнет. Легкий цветочный аромат, а еще шелест. На самой границе слухового восприятия звук шелеста волн. Где я? У моря? Бросили еще живую? Или что? Может быть, кома? Тогда откуда взялись звуки и запахи? Неужели правда, что люди в коме все слышат и чувствуют?

Опа! Кто-то шторы открывает. Солнечный свет буквально бьет по глазам, и то, что они закрыты, мало помогает.

— Ваша милость... Ваша милость! Просыпайтесь. Ваш батюшка гневается. Он ждет в кабинете. Ваш жених подарки прислал: письмо, цветы, шкатулку с драгоценностями. Маменьке уже не терпится глянуть да примерить, а без вас не открыть. Вставайте! Умываться, одеваться. Волосы, опять же, прибрать надо, платье выбрать. Как раз к обеду и поспеете.

— Дура! Кто так будит? Сколько раз тебе было сказано: не открывай шторы, буди осторожно. Подарки? Маменька хочет? Перехочет. Ишь, придумала чего! Пусть ей папенька подарки дарит. А мое моим останется!

Не поняла... Это кто? Это где? Какая еще «дура»? А ваша милость — это кто? Маменька. Папенька. Жених. А я где? О-о-о-о! Вижу! Вот это да! Вот это пылесборники! Комната большая, но из-за большого количества мебели в ней ступить негде. Встаю... Я встаю? Нет, не я. Встает, видимо, та, которая минуту назад орала... На кого? О, вот на кого. Темно-коричневое платье, украшенное белым воротничком, совсем не красит грузную пожилую женщину, раскладывающую на постели ярко-розовое платье. Интересно. Ковры на полу, гобелены на стенах, балдахин над кроватью — и все розовое. Оттенки разные, а цвет, в сущности, один. Это что? Нет, я понимаю... Фэнтези. Душа попала так попала. Пусть бы тело меня поначалу не слушалось, как пишут наши земные фантазеры, пусть бы память глючило, но так?! Я не согласна. Это я что теперь — паразит? Вижу ее глазами. Слышу ее ушами. И все? Боже! Да что же это такое? Мало

того что она меня, по всей видимости, не слышит, иначе бы уже от моих воплей оглохла, так она еще... Свинка. Прости меня господи! Как есть свинка. Глянь — стоит, любит. С собой любит. Самый красивый поросенок, которого я когда-либо видела: маленькая, метр пятьдесят, наверное, вся такая розовенькая, щечки как яблочки наливные, трехслойный подбородок, маленькие губки бантиком и глазки-щелочки, голубые вроде бы. Блондинка, блин! Волосы длинные, но жиденькие, тоненькие, брови и ресницы белесые. Фигура — блеск! Колобок с ручками и ножками. Пальцы как сосиски, но с колечками. Ножки как опорки у моста, но в кружевных панталончиках и прозрачное кружевное безобразие сверху. Мрак!

Я же умерла! Разве нет? Зачем я здесь? Кому это нужно? Может быть, это наказание? За то, что приняла решение уйти? Не захотела бороться? Сэнсэй говорил: «Человек — самое сильное животное. Он может вынести все и еще чуть-чуть». Не захотела бороться. Не захотела остаться одной против всех, но и здесь — опять одна и в таком странном положении, а оно в разы тяжелее того, от которого я ускользнула, потому как мир чужой, законы, обычаи, люди и даже тело, все чужое.

Вот почему в книгах всем попаданцам достаются красивые тела, магические силы, а мне почему так не повезло?

— Трашка! Умываться! Быстро!

О-о-о! А орет как! Голос тоненький, визгливый. Сама даже мордочку вымыть свою не может. Вон как морщится. Ее умывают, а она рожи корчит. Как там папка говорил: «Сосед, у тебя жинка орет, как у моего кума свинья во садочку, ее, наверное, уже забивать пора!» Как же этого поросеночка зовут-то? Судя по всему, я теперь вместо комментатора за кадром. Все вижу, все понимаю, но ничего не могу. Остается только смотреть, запоминать, учиться. Ну, по крайней мере, пока, а там посмотрим.

Два часа она одевалась, причесывалась, меняла украшения, просто капризничала, и вот, наконец, все. Можно идти. Результат стараний Трашки ошеломлял. Это ведь она одевала, причесывала, уговаривала. Поросенок превратился в большое облако сладкой ваты из моего детства. Макияж — вообще отпад! Вот идет теперь это чудо чудное в кабинет папеньки, торопится. Щечки дрожат, подбородки

сотрясаются, реснички склеиваются. Просто ах! У нас, по-моему, осязание общее.

Конь бежит — земля дрожит, а тут два бегемотика, Трашка и ее хозяйюшка, торопятся, и наверняка весь дом содрогается. Неужели мама с папой доченьке под стать? Опа! Какие перемены. Очи долу, стучим тихонечко, голосок дрожит.

— Вы звали, папенька?

— Звал. Два часа прошло, как звал. Что тебя так задержало, дочь моя?

— Так спала я, пока встала, пока оделась... Я спешила, как могла, даже завтракать не стала.

Ах! Скромняжка какая! Слезу в голос подпустила, папенька и поплыл. Вон как забеспокоился. А папенька ничего себе папенька! Высокий, с фигурой воина, волосы рыжие, как огонь, глаза почти черные, нос с горбинкой. На птицу похож хищную, а доченька в кого же? А-а-а, в мамочку. Вон сидит у окошка в кресле. Ножками короткими болтает. Еще один колобок: бледненький, кругленький и глазки-щелочки, но в голубом. Сидит, ерзает от нетерпения, но молчит.

— Ничего страшного, Ланьюшка. Ничего страшного.

Как он ее назвал? Это что за имя? Ланья, что ли?

— Братья твои на конную прогулку отправились, и у нас есть время поговорить. Эти непоседы не смогут нам помешать. Присаживайся. Граф Двардский, жених твой, прислал подарки и весточку. Через пять дней он приедет к нам с визитом. Пора уже вам познакомиться. Ты знаешь, что брак ваш был обговорен в тот день, когда ты родилась. Его батюшка и твой дед — большие друзья, пятнадцать лет назад они решили породниться. Граф, конечно, старше тебя, ему уже восемьдесят, но он маг, сильный маг, а потому молод еще и душой и телом. Да и король одобрил ваш брак.

— А если я ему не понравлюсь? — О, первая трезвая мысль из уст поросеночка.

— Как это не понравишься? Ты очень мила. А для жены что главное? Главное — титул, приданое, добрый нрав, а в остальном стерпится — слюбится. Да кто его спрашивать-то будет? Молод еще!

— Как же, папенька, молод? Ему же лет больше, чем вам с маменькой!

— Для мага молод, для мага. Что отец ему сказал, то и будет делать. Брак одобрен главой одного и другого рода. Одобрен королем. Волноваться не о чем. Ну а теперь подарок. Возьми шкатулку. Открой. Она, видимо, на тебя настроена и только в твоих руках откроется. Давай посмотрим, чем тебя граф решил порадовать. Маменьке вон тоже интересно.

Пальчики-сосиски зашевелились, ухватили ярко-розовую шкатулочку, граф наверняка многое знает о своей невесте, потянули, дернули — и вуаля! Красота неопиcуемая. Камни крупные, ярко-красные. Золотые листочки-веточки, массивные. Ошейник для крупной породы, а подарен колобку мелкому! Насмешка же... Серьги и браслет, конечно, выполнены в таком же стиле. Боги! Вот это визг! Ах, какие ручки цепкие! Ухватила-то как крепко. Маменьке сама показывает, потрогать не дает, а сама до сих пор повизгивает. Ой! Цепочку с камешком с шеи не сняла, а кольцо уже напяливает? Красава! Ну прямо помесь обезьяны и поросенка. И вот с этим я буду жить? Сдохну от бешенства! Так, а что там папенька лопочет? Посылает. Далеко? А-а-а, в спальню, завтракать. Посмотреть бы, что у нас на завтрак. О как рванула... Проголодалась. А подарочек-то взять не забыла. Все на себя повесила. Теперь, наверное, и спать в нем будет. К утру в колье волосенки запутаются и придется последние выдрать. Ну или проредить. Служанка следом побежала. За детку беспокоится.

Стол уже накрыт. Интересно, еды полно, а прибор один. Это ей на выбор столько блюд предлагают или она одна все скушает? Да! Деточка точно растущий организм. Почти получилось, не поместилась лишь самая малость. Уработалась, милая. Еле дышит. И-и-и — раз! Вес взят! Встали и пошли, нет, поползли. Куда? В спальню. На кровать. Отдыхать? А платье? Трашка снимает. Мать твою! Устала она. А мне что делать? Эта дура читать хоть умеет? Чем она вообще целыми днями занимается?

Трашка умеет. Что умеет? Читать. Я два часа роман слушала, в полной темноте. Она спала, а я слушала. Роман дрянь. Нежная дева, злой старый жених и молодой красавец-возлюбленный. Старик повержен. Красавица спасена. Все. Лавочки-цветочки, бабочки-платочки. Лучше бы я на самом деле умерла. Такая тоска накатывает по маме, по папе с дедушкой. Я даже поплакать не могу. Только выть от безысходности, да все равно никто не слышит, а лица родных будто

кто стереть пытается. Они отдаляются от меня, и образы их раз от разу делаются все более размытыми и нечеткими. Уроки сэнсэя помню, о мире своем помню. Все свои знания, как книгу, могу перелистывать, а вот лица родных, друзей и знакомых... Что это? Почему так?

Ужин прошел в кругу семьи. Братцы у моего поросеночка стервецы редкостные. Все в папеньку — высокие, симпатичные, рыжие, черноглазые, просто мечта глупых барышень. Покатались так покатались. Мужика конем на дороге сшибли, на сельском рынке порезвились, переворачивая все, что под руку попадалось, селянку какую-то молодую в замок притащили. Маменька охает. Папенька посмеивается. Стервецы веселятся. Девочка-колобок кушает. За час, проведенный в кругу семьи, поняла только, что находимся мы в замке, на дворе Средневековье, братьям-близнецам по двадцать лет, а девушке-красавице уже пятнадцать. Еще чуть-чуть — и старая дева. Какой ужас! Часики-то тикают...

Сегодня приезжает долгожданный жених. Хоть какое-то разнообразие. Может, по саду прогуляются. Пять дней! Целых пять дней мы кушаем, отдыхаем, спим, иногда купаемся и снова кушаем, а еще слушаем выразительное чтение Трашки и плачем над трагической судьбой героини. А за окном лето, сад и море. За все эти дни я не смогла выяснить почти ничего. Я не знаю, сколько дней в году, как сменяются сезоны, бывают холода или нет, как идет исчисление дней, часов, месяцев. Мне неизвестно название королевства, города, который виднеется на горизонте, и даже имя рода, к которому принадлежит моя носительница. Зато я уже прекрасно разбираюсь в драгоценностях, в поведении за столом, в названиях изысканных блюд, различаю все оттенки розового и даже сдохнуть от радости не могу.

Приехал. Невестушка соизволила встать и подойти к окну для того, чтобы увидеть его заранее. Увидела и я. Высокий, хорошо сложенный, черноволосый, настоящий. Он не просто маг, он маг-воин. Призывая весь свой опыт, я отметила, что человек, поднимающийся по ступеням парадной лестницы, знает, как правильно держать в руках оружие. Его походка, движения рук, поворот головы — все выдавало не просто бойца, а мастера.

Гляди-ка ты, понравился! Девочка в восторге. Трашку сюда! Одеваемся, красимся, талию затянуть! Где она талию увидела и где

бедная служанка ее искать должна, вот вопрос. Талию не нашли. Нашли шею. Платье меняли пять раз. Жених и родители ждали. Ждали. Ждали... Дождались. Мы, то есть она пришла. Вплыла в гостиную, попыталась изобразить реверанс. Гость встал, поклонился приветствуя. Ох какой! Красивый? Нет, красавцем его назвать нельзя: тонкие, сурово поджатые губы, синие, со стальным оттенком глаза, смотрящие с брезгливостью и насмешкой, высокий лоб, густые, черные, зачесанные назад волосы, убранные в короткий низкий хвост, и прямой, чуть заостренный нос. Его ноздри дрогнули. Гляди-ка! Сделал вдох... и замер. Забыл, бедный, как дышать! Ну а что, девочка нервничала. Хотела понравиться. Вылила на себя целый флакончик духов. Хорошо, что я в ней, а не рядом с ней, а то бы тоже задохнулась. Папенька вот стоит спокойно и не дергается. Привык уже, видимо, а гость теперь через раз дышать будет. Фиг! Он же маг, зараза такая. Колданул и порядок. Вон пленка какая-то ноздри прикрыла. А почему я это вижу?!

— Милорд, позвольте вам представить мою дочь, виконтессу Ланью Мирасвел, вашу невесту. Через полгода моей девочке исполнится шестнадцать. Согласно брачному договору, день рождения и свадьбу праздновать будем одновременно. Твой жених, доченька — Ларен, граф Двардский. Даже ваши имена созвучны, а значит, вашему союзу благоволят боги! — соловьем заливался папенька.

Поросеночек мой, кажется, глазки жениху пытается строить. Потрясенный красотой невесты, граф молча приходил в себя, а маменька, сидевшая в кресле возле стола, не сводила глаз с большой, нарядно упакованной коробки. И вот наконец-то граф отмер.

— Я рад приветствовать вас, моя леди! Ваша красота и молодость радуют глаз. Разрешите преподнести вам подарок, достойный вашей красоты.

Вот какой! Вежливо обхамил, взял за кончики пальцев и повел к столу. А поцеловать ручку и не подумал.

Драгоценности. Снова. Но какие? Очень изящная и чрезвычайно дорогая работа. Воздушное, словно кружево, кольцо — россыпь драгоценных камней и белое золото. В придачу к нему серьги, браслеты и перстень. Изумительно. Это еще не все. Магия... И я ее вижу. Каждый камешек, даже самый маленький, словно светится

изнутри. Что это? Зачем? Маг объяснит? Да. Послушаем. Невестушке-то все равно, она рада и до безумия счастлива, а мне интересно.

— Моя дорогая невеста, мне очень хотелось вам угодить, и я работал над этим подарком довольно продолжительное время. Его невозможно потерять, его не смогут украсть, и, самое главное, ни один маг не сможет подчинить вас своей воле. Этот набор драгоценностей был исследован в Магической академии лучшими артефакторами, и грамота, подтверждающая их свойства и возможности, прилагается к ним как дополнительный подарок.

— У вас такой изысканный вкус! Подарки просто бесподобны, — умиляется невеста. — Я самая счастливая на свете. С нетерпением буду ждать нашей следующей встречи.

— Я буду считать дни, ожидая ее.

Как заливает! Молодец мужик. Вон как девочку порадовал. Она теперь со своим платьем одного цвета.

— Носите и не забывайте обо мне.

Неприменно будет носить, как только выберет, какой из двух подарков ей больше нравится, так и будет. А может, и всё разом нацепит.

ГЛАВА 2

Не нравится мне последний подарок графа. Ой не нравится! Когда его моя красавица надевает, камни так и вспыхивают. Она радуется, перед зеркалом крутится, а мне на душе так пакостно становится. Ей пятнадцать, мне восемнадцать, три года разницы, а такое ощущение, что все десять, и я прямо старухой на ее фоне себя чувствую. Глупый, избалованный ребенок. Читать умеет, писать умеет, как оказалось, причем очень красиво, с завитушками и вензелями, а больше ничем не интересуется. Ее даже слугами управлять не учили. Она не знает, как дом вести, где, сколько, почему, зачем... Вдолбили в голову, что богатой замужней леди нужно служить украшением, она и верит. Платья, ткани, рюши, воланчики, драгоценности, любовные романы и конечно же покушать — вот и все, что ее интересует. Сделали из девчонки глупого, жирненького поросеночка и рады. Послушная, управляемая, глупая, что еще надо?

Нет, она не злая, никого не ударит, не прикажет выпороть, просто папе пожалуется. А жалеть... Кого? Зачем? Не научены. Не умеет она этого. Мимо пройдет, и все. Тут у нее на глазах служанка сильно поранилась, так она мимо прошла и даже на помощь никого не позвала. Животных не любит, но зато знает, что какой цветок означает, какое сочетание цветов о чем говорит, и может составить из них целое послание. Причем как за этой красотой ухаживать, где и как они растут, ее совершенно не интересует. О чем ее родители думают? Ведь просидит в гостиной, провздыхает над романами всю жизнь. Может быть, это я чего-то не понимаю, а она будет жить в свое удовольствие и помрет счастливой? Вон маменька ее, как и доченька, не обращает внимания на то, что хозяин дома вместе со своими сыночками ни одну мало-мальски симпатичную особь женского пола мимо себя не пропускают, и ничего, счастлива.

Боги! Неужели мне так и придется изо дня в день, из года в год наблюдать за тем, как живет эта девушка! Один день будет похож на другой, и только изредка — гости, балы и приемы. Завезет ее маг в какое-нибудь захолустное поместье и будет навещать раз в год по обещанию. А я? Зачем я здесь? В чем смысл моего существования?

А камни-то раз от раза все ярче горят. Нет, что-то здесь не так. Подготовка к свадьбе началась. Согласовывали время, дату, список гостей, место проведения торжества и самое главное — приданое. Мама с дочкой обсуждали украшения и платье. Из города привезли портниху. Работа закипела. Ах, какие это были мучения для маленького колобочка! Стоять неподвижно с поднятыми руками дольше двух минут она не могла и сильно капризничала. Работа над платьем затянулась. Ланья скучала, а я впервые испытывала непередаваемое удовольствие от процесса. Почему? А потому что портниха явилась в замок Мирасвел не одна. Она и ее четыре помощницы не только работали, но еще и языками мололи не останавливаясь. За три месяца, пока они усердно трудились над подвенечным платьем и новым гардеробом, достойным столицы, я узнала не просто много, а очень много, почти все. Оказалось, что родовой замок виконтессы Ланьи находится вблизи крупного портового города Магри, на скалистом морском берегу, а здешний год дней на сорок короче нашего. В месяце сорок дней. В неделе десять дней. Часы и минуты из расчета один к десяти. Зима короткая и мягкая, лето теплое, осень на редкость дождливая, весна наступает очень стремительно. Преступность здесь низкая, но «сильный правит бал». Мир магический. Королевство Ауриндия имеет выход к морю. На побережье три крупных портовых города. Столица далеко. Имеется пять герцогских владений, но треть земель королевства принадлежит правящему роду. Земли в основном равнинные, их пересекают две крупные судоходные реки и два десятка речушек помельче. Общественный строй — Средневековье, огнестрельного оружия нет, воюют холодным оружием и магией. Магом является каждый второй, но по-настоящему сильных магов очень мало, а если точнее, то единицы. Количество одаренных со средним уровнем силы исчисляется всего лишь сотнями. Существуют школы магии и даже академии. Слабосилки получают образование дома. Знания и умения у них передаются по наследству, от старших к младшим. Многого они не могут, но вот зажечь огонь в печи, очистить платье, послать магическую весточку родным с помощью магического почтового пенальчика, помыть посуду, облегчить себе ношу, да и просто избавиться от пыли — это всегда пожалуйста. Пара-тройка слабеньких

чудес за день — уровень всех слабосилков. В семье виконтов сильных магов не было, не было и середнячков. Мужская половина семьи кое-что могла, а вот женщин просто ничему не учили. Уровень их дара никого не интересовал, а зря. Судя по всему, когда-то давно в родне у мамочки отметились очень сильные маги, поскольку Ланья была одаренной и притом неслабой. Почему об этом никто не знал? Ну так она при папеньке и при маменьке с братьями никогда не капризничала. Только ее служанка и знала, как далеко и с какой силой летают вазы, как часто ломаются кресла и стулья, да все об стену, об стену, и почему в комнате молодой виконтессы цветы вянут в течение пары часов, никакая магия не помогает.

Время шло. Девушка трепетала от волнения, а камушки горели все ярче. Так переживала бедная, у нее ведь даже дебюта не было, ее ведь даже в свет ни разу не вывозили. А зачем? Все уже сговорено. У бедняжки аппетит пропал. Она даже два раза ужин пропустила. А жених не появился в замке своей нареченной больше ни разу. От него приходили весточки, подарки, цветы, но каждый раз они оставляли юную невесту разочарованной. Граф присылал ей книги, картины, ткани, магические артефакты, но вот драгоценностей больше не дарил.

Почему он так поступал, я поняла буквально вчера. Все оказалось очень просто. Маг хотел, чтобы его невеста носила кое-что определенное, а именно комплект драгоценностей с магической начинкой. Он наверняка уже устал ждать результата, и вот этот день настал. Стоя перед зеркалом, Ланьюшка надела весь комплект сразу. Раньше она частенько надевала то одно, то другое. Камни коснулись нежной кожи, налились светом, а затем ярко вспыхнули. Браслеты стали горячими, плотно прилегли к запястьям, кольцо превратилось в настоящий кружевной широкий ошейник, плотно обхвативший короткую шейку, серьги и кольцо уменьшились в размерах, и, наконец, вся эта красота начала просто вплавляться в кожу. Это было больно. Очень больно! Больно нам обеим. Слезы текли из ее глаз, но ни моргнуть, ни пошевелиться, ни закричать Ланья не могла.

Сколько это продолжалось, я не знаю, но наконец-то боль стихла. Драгоценности теперь казались просто нарисованными. Закрыв глаза, глубоко вздохнув, она, видимо, собиралась погромче заорать... И заорала, только не так, как ей бы хотелось. Вы когда-нибудь слышали дикий крик бешеной испуганной кошки? Вот! И кошка и крик были

настоящими. В роли кошки — милочка Ланья. Всего мгновение прошло после того, как отступила боль, и вот уже перед огромным, во весь рост зеркалом стоит не испуганная толстенная девушка, а бледно-рыжая, почти розовая кошка. Шерсть вздыблена, глазки выпучены, маленькие ушки прижаты к голове. А похожа она была больше всего на кота из мультфильма про попугая Кешу. Ну, на того, который говорит «Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят». Бег в исполнении этого кота вы представляете? Колобок увидел бы, давился от зависти! Лапки гребут, пробег измеряется в сантиметрах, а она еще и орет. Дальнейшие события поразили меня до глубины души. В спальню вбегает Тришка и тоже начинает орать.

— Ваша милость! Ваша милость! Где вы? Что случилось? — Кошка кидается ей в ноги, кричит, пытается вскарабкаться вверх по тяжелой юбке. Служанка взвизгивает и, оттолкнув ее ногой, начинает заглядывать во все углы, продолжая причитать: — Где же вы? Что эта кошка с вами сделала?

Вот могла бы, заорала бы ей в ответ: «Что, что... Съела!» Вот дура-то!

Так... Углы и шкафы проверены. Кошка схвачена за шкуру. Вопли продолжают. Орет Тришка. Орет кошка. Все сбегаются. В замке переполох.

ГЛАВА 3

Не нашли девушку-красавицу! Все обыскали — от подземелья до чердака и не нашли. Волновались, глядя на кошку — удивлялись. Братцы высказали предположение, что кошку Ланья прятала и кормила как на убой. Зачем? Не смогли придумать. Утром отец семейства пригласил в замок мага. С обеда поиски возобновились. Не нашли. Маг, старый, сморщенный, седой старик, уверенно заявил, что молодая госпожа жива и находится в замке. На вопрос «где?» пожимал плечами да руками разводил. И тут, впервые за все время поисков, послышался голосок заплаканной маменьки:

— Нужно позвать графа Двардского. Он один из сильнейших магов. Он сможет! Найдет Ланьюшку.

К ней прислушались. Кошку посадили в большую клетку и крепко закрыли. Найдется виконтесса, а кошечка потеряется, что тогда делать? Жирное чудовище уже не орало. Дооралось. Охрипло. Кошка сначала все пыталась между прутьями пролезть. Да разве же у нее получится, с такой-то комплекцией? Испугалась девчонка сильно, даже от еды отказалась. За те два дня, пока жениха ждали, только водичку и пила. Мне ее даже жалко стало. В чем ее вина-то? За что так сурово? Это наверняка суженый виноват. А кто еще? Ну не нравится невеста, так что? Перевоспитай. Научи. Откажись от нее, в конце-то концов. Она ведь совсем девчонка еще, глупая, доверчивая. Ее ведь растили, как цветок оранжерейный. Немного ласки, чуть-чуть строгости, толику настойчивости и, глядишь, расцвела бы девушка на загляденье завистникам и злопыхателям.

О-о-о! Явился. Как хорошо, что все в расстроенных чувствах и клетку из кабинета папочки убрать забыли. Вот сейчас мы с Ланьей можем наблюдать за представлением в первых рядах. Папочка охает, маменька плачет, братцы сидят, насупились, маг тревогу изображает. Глянь, выдержка какая, даже глаза на клетку ни разу не скосил. Расспросы, допросы, предположения. Четыре часа уж прошло, а воз и ныне там. Исчезла, и все дела! Как была — в платье, в туфельках и драгоценностях, так и пропала. Более ничего с собой не взяла, да и не

пропало больше ничего. Кошка только вон появилась... И где раньше пряталась?

Граф-то молодец. Выслушал, посочувствовал и занялся поисками. Глянь-ка, действительно магичит... А нити магические к клетке тянутся, только вот не видит их никто, а у Ларена глазки от удовольствия блестят. Все наверняка думают, что от слез. Ага, как же... Вот если он еще и слезу пустит, то я признаю его лучшим манипулятором королевства. Не выдавил... Не смог, но трагизму в голосе добавил и заверил виконта и его семью в том, что девушки в замке уже нет, но она жива, а потому он подключит к ее поискам лучших людей и вместе со всеми будет ждать ее возвращения хоть до окончания века. По его словам выходило, что ее похитили при помощи магии, а потому расследование и поиски легкими не будут, но он согласен ждать и помогать чем только может. Взамен же он просит отдать ему любимицу Ланьи, Рыжульку, обязуясь заботиться о кошечке, пока невеста не отыщется. Ну что, поверили. Отдали.

Едем! В карете. Кошка по-прежнему в клетке. А маг-то... Вздохнул с явным облегчением и, глядя на нее, улыбаться начал. Вот как улыбнулся, прям красавчиком стал, глаз не отвести. Глянь, клетку открыл. Кошку на руки взял, а она, дурочка, в глаза ему заглядывает, мяукает жалобно так, а он молчит и ласково ей пальцами ушки оглаживает. Минут двадцать молчал и вдруг заговорил. Объяснит? Да...

— Ну что, Ланьюшка, испугалась? Не нравится тебе все это? А уж как мне не нравится! Виноват я перед тобой, но и ты меня пойми. Я маг. Один из сильнейших. А тут такое... Запомни, моя девочка, никто и никогда не будет указывать мне, что делать, ни род, ни дед, ни отец. И женюсь я только тогда, когда сам захочу, и на той, на которой захочу! Снять с тебя заклятие смогу только я. Разглядеть в этом облике человека тоже смогу только я, потому как никто из ныне живущих магов даже не подозревает о такой возможности. Попали мне как-то по случаю в руки свитки древние, вот из них я и узнал много интересного и занимательного. Раньше маги миром правили. Они же наказания придумывали и осуществляли, а потому у каждого мага были вот такие зверушки. Только я, извини меня, невестушка, держать тебя при себе не буду, не хочу. Не нравишься ты мне, некрасивая ты и кошка из тебя

получилась просто отвратительная, а значит, придется тебе отныне самой о себе заботиться. Но ты не бойся, я доработал это заклинание. Моя магия не даст тебе умереть от ран. Заживать на тебе все будет очень быстро, и доживешь ты до старости. Колечко у меня на мизинце, маленькое такое, неприметное, я его к твоей душе привязал, всегда поможет найти тебя, но только мне. Остальные маги, если папочка твой будет их нанимать, смогут только сказать, что живая ты. Научит тебя жизнь попрошайничать, прятаться, мышей ловить, съестное воровать, охотиться. Похудеешь. Может, даже в дом кто пустит, пожалеет. Если, конечно, пользу приносить научишься.

Копыта лошадей застучали по булыжной мостовой, это мы, наверное, в город въехали.

— Ну, прощай, моя хорошая. Удачи тебе! Возможно, через пару-тройку лет встретимся.

Дверь кареты приоткрылась, сжались, словно клещи, крепкие пальцы, и вот она, свобода. Канава, в которую он выкинул кошку, была неглубокая, но грязная и вонючая. Жители трущоб не отличались чистоплотностью, и потому мы с Ланьей угодили в нечистоты. Спасибо не захлебнулись в этой гадости. Теперь она больше не была рыжей, она была черной, со слипшейся от грязи шерстью, но все такой же толстой и оттого еще более гадкой. Не осознав глубины той пропасти, в которую угодила, Ланья, выбравшись на дорогу, кинулась под ноги людям, спешившим до наступления сумерек закончить свои дела.

Это было больно. Очень больно. Люди спотыкались об нее, ругались, а самое главное, били, отшвыривали, наступали. Душераздирающий крик животного никого не разжалобил, только разозлил. Дети — это худшее, что могло случиться в тот вечер. Они кидались камнями, таскали за хвост, били палками.

И вот наконец на город опустилась ночь. Она не кричала. Больше не кричала. Ни впивающиеся в бока острые колючки кустарника, под которым она наконец-то смогла спрятаться, ни боль в отбитых ребрах, ни даже сломанная лапка не могли теперь заставить ее плакать. Ее боль — моя боль. Если бы только я могла с ней разговаривать. Если бы только она могла меня услышать... Маленькое пухлое тело сотрясала крупная дрожь. Замерзшая, мокрая, голодная, она замерла, тяжело, с хрипами дыша. Странное, необъяснимое оцепенение охватило ее. Ни о

чем не думала и ничего не хотела. Изнеженная домашняя девочка не умела и не хотела бороться за свою жизнь, а я не хотела умирать второй раз так быстро и безропотно.

Наступившее утро принесло облегчение измученному телу. Шерсть высохла, лапа срослась, ребра больше не болели. Не обманул маг. Но это ничего не изменило, даже желание нить и кушать не помогло. Кошка спряталась ото всех, и от жизни тоже. На третий день нашей бродячей жизни пошел дождь. В осколки разбитого глиняного горшка, лежавшие неподалеку, набралась вода. Я бы попила, она не стала. Эта дура решила умереть, а я хотела жить, хотела отомстить, наказать, доказать ему ошибочность его решения. Пять дней. Она продержалась пять дней, и то наверняка только благодаря магии артефактов, но они не могли заставить ее встать и пойти, они не могли ее напоить и накормить, они не могли заставить ее хотеть жить.

На шестой день я проснулась в теле кошки одна. Я больше не слышала ее мыслей, с трудом чувствовала ее тело. Оно теперь подчинялось мне. Ах, каких огромных усилий стоило мне сделать всего несколько движений, но я сделала их, добралась до воды. Я буду жить! Назло жестокому и такому равнодушному магу. Буду. А он теперь с полным правом может считать себя убийцей, ведь он действительно убил ее, молоденькую, глупую домашнюю девочку, вся вина которой заключалась лишь в том, что именно ее выбрали ему в жены. Она нашла в себе силы для того, чтобы уйти, а я для того, чтобы остаться.

ГЛАВА 4

Куст, под которым я пряталась, рос в маленьком дворике заброшенного дома, от которого только и осталось, что три стены и часть крыши. Но зато у дома был подвал. Пусть вход в него был засыпан обломками полностью обвалившейся стены, но я ведь не человек, а потому небольшой щели мне вполне хватило, чтобы через нее проскользнуло мое тощее теперь тело. А полезла я в эту щель лишь потому, что именно оттуда тянуло прохладой и пахло водой.

Мне повезло. Подвал был не очень большой, но, судя по всему, раньше он был частью большого подземелья. Несколько сбитых стеллажей, больше похожих на полати, были абсолютно пусты, но у дальней стены слышалось журчание воды. Я нашла ее, чистую, свежую, холодную и очень вкусную. Медная, по всей видимости, трубочка торчала прямо из крепкой еще каменной стены. Вода текла из нее тоненькой струйкой, скапливаясь в небольшой чаше, выдолбленной в центре массивного камня. На первый взгляд камень и чаша казались единым монолитом, но вода через край не переливалась. Я не стала разбираться, почему это происходит, а просто припала к воде, как путник, чудом пересекший пустыню. Лишь через несколько часов я смогла отойти от воды, решившись обследовать свое временное пристанище. Пахло плесенью, пылью, грязными тряпками, но вот крысами не пахло, и воздух был довольно свежим. Зрение мое подстроилось к полутьме, и я, не напрягаясь, заметила кучу тряпок в дальнем углу и ржавые цепи, закрепленные на противоположной стене. Все? Нет, не все. По полу, причем каменному полу, тоненькой струйкой сквозил воздух. Из этого каменного мешка есть еще один выход. Интересно. Сверху остатки развалюхи, а внизу... Но это не по моим силам и возможностям. Не разгадать мне этот секрет. Много ли сможет кошка, да к тому же еще и полудохлая! А еще кушать очень хочется, и, пока я могу двигаться, мне нужно срочно найти где, а главное, чем закусить.

Далеко идти не пришлось. Нужно было всего лишь выползти из подвала и перейти на противоположную сторону узкой улочки. Ночь на дворе не мешала, а помогала. Меня, такую маленькую, такую

грязную и тощую, тенью скользящую вдоль хлипкого забора, не замечал никто. Запаха кошек я поблизости не ощущала, а вот собаки в городе определенно были, и одна из них сейчас громыхала цепью справа от меня, в соседнем дворе. Если судить по грозному окрику и запаху, хозяин принес своему грозному сторожу пищу. Нужно посмотреть на сторожа. Может, поделится? О-о-о! Большая псина! Но все равно поделится. А что делать? Жизнь такая непредсказуемая штука.

Огромный, по сравнению со мной, лохматый кобель учуял мое присутствие сразу, стоило только протиснуться между досок забора, и рванулся ко мне. Бежать? Черта с два! Я есть хочу, а когда я злая и голодная, что мне какая-то собака! Подскок — и вот уже мои лапы обхватывают собачью голову, крепко вонзаясь когтями, а зубы впиваются в нос. Обиженный визг местного бобика оглашает всю близлежащую территорию, но хозяин на помощь не спешит, а пес, скуля от боли, безуспешно пытается меня сбросить. Не получается. Зубы сжимаются чуть крепче — и вуаля! Поза подчинения в его исполнении выглядит просто великолепно. Как она выглядит? Проигравший и признающий силу своего противника ложится на живот, голову кладет между вытянутых передних лап. Медленно ослабляю свой захват, внимательно наблюдая за реакцией пса. Вскочит? Нет, лежит и лишь поскуливает. Обидела тебя, маленький, хороший мой... Всегда любила собак. Трусью об его морду, давая понять, кто тут теперь главный, и зализываю пострадавший нос. К собачьей чашке подходим вместе. Мне разрешают выбрать понравившиеся кусочки. Уйти в свое убежище не смогла, силы к концу подошли, но и так неплохо. Будка у моего нового друга крепкая, любит его хозяин, да и сам он просто душа. Наглею окончательно, залезаю в нее вместе с псом, пытаюсь устроиться у него под боком и застываю в полном ошеломлении. Огромной пастью очень осторожно меня берут поперек тела и укладывают между передних лап. Все. Я сплю. Меня вылизывают. Жизнь удалась.

Ой... Какой большой! Это же как сильно жрать надо было хотеть, чтобы на такого монстра врукопашную полезть? А я почти чистая! Какая прелесть. Собачка, я тебя люблю. Иди обниматься будем, а то проснулась, а тебя нет. Ходят тут всякие, спать мешают, собачку мою волнуют. Вон как старается, лает как надрывно. Где уже этот хозяин?

Глухой, что ли? Пришли к нему, а он и носа не кажет. Мой песик ведь может и устать, охрипнуть. И этот тоже, приперся... Стоит, ждет. Сколько можно над бедной животиной издеваться, или ближе бы подошел уже, или бы топал туда, откуда пришел. Ну, наконец-то хозяин нарисовался. Домик бедный, заборчик хлипкий, а рожа у хозяина, как луна на небе, а луны-то в этом мире две, ночью увидела — на пять минут забыла, куда шла. А красавец мой лохматый замолчал и петь побежал. А я подожду немножко. Зачем себя красивую лишней раз демонстрировать. Люди они ведь как? Меньше знают — лучше спят. А сама я уже к людям не отношусь и потому разговор гостя и хозяина слышу очень хорошо, да и спать мне лишняя информация не помешает, а вот выжить поможет.

Новости оказались интересными. В город приехал отряд столичной стражи. Начались поиски и облавы. Ищут молодую виконтессу. За помощь в поисках и полезную информацию обещают вознаграждение. Трясут бордели, нищих, местных магов, на улицах хватают всех, кто вызывает хоть малейшее подозрение. Круто взялись. Только зря все, некого уже искать. Ушла девочка. Может, и правильно сделала. Граф-то рассчитывал на долгие годы поисков, а тут на тебе... Сделают повторный магический поиск и определят, что искать уже некого. Вот тогда он и попляшет. Чтоб тебе, тварь такая, новую жену подыскали, старую, страшную и обязательно сволочную, а если она еще и королевской крови окажется, так совсем хорошо будет. Ее исчезновения не простят и просто так не спустят, да и охранять будут, как сокровищницу. Боги, если вы есть! Облагодетельствуйте красавчика, будьте добры!

А зачем и почему обо всем этому мордату рассказывают? Э нет... Докладывают. Как интересно... А что? А где? А почему?

Два дня я отсыпалась и отъедалась, встав на постой у моего Бобика, а на третий начала оживать. Оглядела себя родимую и ужаснулась: шкура лишняя на боках висит, лапы слабые, мышцы дряблые, когти неточены, зубы нечищены, вот только морда умытая. Бобик на день несколько раз умывает, чудо мое лохматое. Был бы человеком, влюбилась бы! Так, главное... Если я теперь хозяйка данного тела, значит, придется именно мне все исправлять. Начнем тренировки. Сильные ноги и острые когти еще никому не мешали.

А все же, как хочется к луноликому мужику в дом заглянуть! Почему ему по несколько раз в день всякие темные личности отчитываются, а? Так, сначала ноги, а то, случись что, и убежать не смогу. Утро наступило быстро. Еще на рассвете я без особых проблем выбралась из города. Примыкавший к городским стенам жидкий лесок прекрасно подошел для моих целей, но, прежде чем начать тренироваться, я решила найти воду. Нашла. С большим трудом, но нашла. В маленьком узком овражке, в корнях огромного дерева, маленький такой ключ из земли бил. Вот неподалеку от него я и решила обосноваться, но именно в тот день больше ничем заниматься не стала. Переоценила свои силы. Насилу назад к Бобику добралась. А он, солнышко мое ненаглядное, и покушать мне оставил, и массаж языком сделал. Но все же как мне плохо ни было на утро, но за город я все-таки опять выбралась. Добралась до лесного исполина. Попила водички. И отправилась обратно. И так целых десять дней. На одиннадцатый день почувствовала, что я, добежав до дерева, совсем не устала, и приступила к тренировкам. Первые дни просто бегала, потом бегала и прыгала через препятствия, затем начала использовать для тренировки деревья. С ветки на ветку, с разбега, без разбега, удар, подскок, еще удар и, наконец, охота. Оказалось, что охота дело трудное и непростое. Все меня неуклюжую слышат, видят и чувствуют. Раньше, владея своим собственным телом, я была не просто воином, а умелым воином. Могла пройти, не потревожив пылинку, а это тело слабое, неуклюжее, с другими возможностями. Расстройство одно. Хорошо Бобик кормит, а то я бы уже с голоду сдохла, а ведь пора бы собаченьке моей и гостинцы начать таскать. Сколько можно объедать животину? Но сначала луноликий.

Этот день настал. Проскользнуть за спиной хозяина моего Бобика, пока он корм в его чашку накладывал, не составило никакого труда. Да и спрятаться там, куда я попала, можно легко и просто. Я и спряталась под старым шкафом. Зашел в дом мужик, захлопнулась дверь, и начались чудеса. Домик, снаружи казавшийся очень маленьким, и внутри был таким же. Сразу за входной дверью начиналась жилая комната, она же кухня, она же прихожая. Печь, стол, лавка, узкая кровать, заправленная потрепанным жизнью, но чистым покрывалом, и шкаф для вещей. Немногочисленная посуда стояла на полках, висевших на стене возле печи. Единственное окно закрывала плотная

темная занавеска. А еще сундук с магической начинкой. Все! Я чуть было не разочаровалась. Стоило сюда лезть для того, чтобы разглядывать это убожество. Вот только сундук...

А ларчик просто открывался... Ничего интересного он собой не представлял. Обычный холодильник в моем понимании. Луноликий когда крышку приподнял и чуть запотевший кувшинчик достал, то по запахам, волной прокатившимся по домику, стало ясно, что достал он для себя что-то вроде пива, а еще там есть мясо, рыба и даже молоко. Запасливый какой. Стемнело почти, а он свет не зажигает. И чем они здесь по вечерам занимаются? Сядет на лавку, ударит по пиву и спать, что ли, ляжет? А я тут вот, под шкафом, спать буду? Без Бобика? Мы так не договаривались. О-о-о... Нет, не сел и не лег, к шкафу потопал, сейчас раздеваться будет. Фу-у-у! Нет, не раздевается. Носом в пустой угол уткнулся, кувшинчик к себе прижал и скребется там в темноте. Сам себя наказал, что ли? Детство вспомнил? Ой! Дверь, дверь... Дверь! Только она узкая какая-то, но зато массивная, на петлях совершенно бесшумно поворачивается и прилегает очень плотно, потому как по полу от нее воздухом совершенно не тянет.

Как же хорошо, что люди под ноги почти не смотрят, и как же хорошо, что у любого животного слух и обоняние во много раз лучше человеческих. Вот я мало того что буквально под ногами у мужика проскользнула, так еще и заранее услышала, что там, куда собираюсь проскользнуть, кто-то есть и, судя по дыханию, этот кто-то на дверь точно не смотрит. Я оказалась права, но лучше бы я ошибалась. Дверь за мной закрылась сама. Хват, так звали луноликого его гости, к тому времени уже спустился по лестнице вниз и пропал из виду. Спустилась по тускло освещенной лестнице из десяти ступеней и я. Прижимаясь вплотную к стене, стараясь двигаться как можно более осторожно, выглянула из узкого, короткого тоннеля и обмерла. Слов нет. Такие хоромы! Под стареньким домиком? А кладка стен такая же крепкая и древняя, как и та, куда я пить лазила.

Большая комната была плохо освещена, зато богато обставлена. Посмотрев чуть раньше на обстановку в замке Ланьи, я вполне могла сравнивать. Так вот, все в этом помещении было в разы дороже — и мебель, и ковры, и гобелены, покрывающие стены. Стол, шкафы и кресла были просто произведениями искусства. Откуда? Наследство? Или сам добыл где? А вот еда на изысканных тарелках была самая

обычная, вот только тот, для кого ее, судя по всему, приготовили, не хотел есть. Он умирал. Тяжелое с хрипами дыхание, бледная, покрытая испариной кожа, мутный взгляд прекрасных глаз и запах смерти. Все вокруг было просто пропитано им. Не знаю, сознавали это люди или нет, но я, раз вдохнув, с полной уверенностью могла сказать, что до утра парнишка, лежащий на роскошной кровати, не доживет. Еще в замке я обратила внимание на то, что вижу магию. Пусть тело Ланьи изменилось, пусть оно теперь выглядит не так, как было назначено ему природой, но ее способности к магии никуда не делись. И сейчас я отчетливо вижу, как тело парнишки, лежащего на кровати, окутывает магическое существо или заклинание. Оно словно черный спрут с длинными черными щупальцами, которые сжимают свою жертву все крепче и крепче. Одно из щупалец обхватывает горло. Поэтому он так дышит. А мужик-то присел на кровать, взял паренька за руку, гладит его пальцы, у самого по лицу слезы текут.

— Прости, Милош. Прости меня. Виноват я перед тобой. Обещал твоей умирающей матери заботиться о тебе и вот недоглядел. За мои грехи страдаешь ты. Не нужно мне было спорить с этим магом и требовать с него обещанное. Ну не хотел он за услугу платить и боги бы с ним, но нет, злость меня взяла, гнев глаза закрыл. Не отдал я ему заказ, а разыскали мы тогда для него древний артефакт. Уходя запустил он в меня каким-то мерзким заклятием, и вот именно в этот момент ты в комнату вбежал и взял все на себя. Как он смеялся тогда и приговаривал, что получилось все даже лучше, чем он ожидал. Как же мы его искали тогда, всех опросили. Все что угодно обещали тому, кто сможет помочь. Того, кто заклятие наложил, так и не нашли. Он, видишь ли, под личиной к нам приходил, а другие маги только руками разводили. Долгих десять лет это проклятие убивает тебя, а я так и не смог ничего сделать. Если бы можно было взять эту пакость на себя! Но даже этого маги сделать не смогли. Прости меня, мальчик мой. Ты так долго боролся... Я готов все отдать, что у меня есть, тому, кто тебе поможет.

Мужчина пересел в стоявшее рядом с кроватью кресло. В комнате повисла тишина, прерываемая только хриплыми натужными вздохами задыхающегося парнишки. Еще через час крепко выпивший Хват задремал, а я решила на очередную глупость. Осторожно пересекла комнату и запрыгнула на кровать. Аккуратно переступая лапами,

подобралась ближе, пытаюсь разглядеть лицо юноши. Да, именно юноши, потому что лежавшему на кровати человеку на вид было лет пятнадцать. Я сумела разглядеть рыжие, цвета меди, волосы, разметавшиеся по подушке, зеленые глаза с ресницами того же оттенка, прямой, чуть заостренный от болезни нос, впалые щеки и потрескавшиеся губы. И только тогда поняла, что он не спит. Старательно дышит, сдерживает стоны и смотрит. Наблюдает за тем, как моя наглость принохивается, присматривается, любопытничает, поставив ему лапки на грудь и вытянув шею. Одно мгновение, второе... и вот щупальца черного спрута пришли в движение, сжимая сильнее, перехватывая горло еще туже. Его пальцы бессильно заскребли, захватывая одеяло. Голова откинулась назад в последнем усилии освободиться. Испугавшись всего происходящего, я поступила так, как поступила бы обычная кошка. Кинулась на противника. Именно моя магия, войдя в соприкосновение с проклятием мага, по всей видимости, спровоцировала его, и теперь я пыталась порвать щупальце, перехватывающее горло Милоша. К своему удивлению, делала я это не настоящими своими когтями. Что-то черное, эфемерное показалось из моих лап. Я не маг и не могу правильно объяснить, что это было, но эти призрачные когти легко справлялись с плотью магического спрута. Глубокий вздох парнишки порадовал меня, и я стала рвать эту дрянь уже всеми четырьмя лапами. И вот последний сгусток отталкивается от груди Милоша и летит мне в морду. Как же я испугалась! Но все обошлось. Я физически почувствовала удар, который швырнул меня на пол, хорошо хоть Хвату на колени не угодила. Ошеломленная и испуганная, я внимательно следила за тем, как, теряя остатки сил, тварь растворяется, маленькими искорками растекаясь по моей шерсти. Не соврал Ларен, не липнет ко мне никакая магия.

Есть! Все. Вот только сил совсем нет. Но оставаться здесь нельзя. Нужно спрятаться. А еще поесть бы. Силы восстанавливать нужно? Нужно. Вот зараза, как прятаться, так сил нет, а как про еду вспомнила, появились. Выбираю кусочек побольше, и под кровать. Кушать и спать. Вон парень спит уже, и мне пора отдохнуть от трудов праведных.

ГЛАВА 5

Пыли под кроватью нет, наверняка в комнате артефакт специальный имеется, но и ковра там тоже нет. Не холодно, но жестко.

И чего орет? Радуется? А орет зачем? Радуйся молча. Мы спим, а он...

— Милош! Боги милостивые... Милош, мальчик мой. Как же это?

— Пить.

— Сейчас, сейчас. Вот так, не торопись.

— Кошка где?

— Какая кошка? Не было здесь кошки.

— Как не было? Была. Маленькая такая, на котенка больше похожа, цветом как песок и пятнышки такие черные, лапки толстенькие, а еще кисточки на ушах и хвост короткий. Это она мне жизнь спасла. Посмотри на полу, она, может, испугалась да спряталась?

— Так нету нигде.

Нету, нету... Под кровать заглянуть живот, поди, мешает? Вылезти? Не вылезти? Или вылезти... Вот она я!

Тихонечко высовываю из-под кровати мордочку. Заметил.

— О! И правда кошка. Иди сюда, маленькая. Кис-кис-кис... Иди сюда, не трону.

Ладно, поверю твоим обещаниям, мужик. Смотри не обмани.

Вылезаю полностью и одним рывком вскакиваю на кровать. Милош протягивает ладонь. Позволяю себя погладить. Парнишка выглядит намного лучше прежнего. Дышит легко, улыбается. Глаза блестят, но руки подрагивают. Да и откуда у него силы-то! Но ничего, было бы здоровье, остальное можно исправить. Вот папаша спохватился...

— Милош, кушать хочешь? Я сейчас свеженького принесу.

Милош только головой кивнуть успел, а луноликий уже наверх вприпрыжку ускакал. Вот он идет, мясо тащит. Горячее. Придурок! Парень только с того света вернулся, а он ему мясо, овощи и что там еще — суп. Ну слава богу. Хоть что-то из того, что он принес, парнишке в рот взять можно.

Хват торопился. Его мальчик... Он сегодня улыбался. И самое главное, он дышал — легко, свободно. Все еще бледный, слабый, худой, но такой живой. И кошка... Откуда она? Да еще такая чудная. Ни разу такую не видал. На него шипит, а к Милошу ластится. Красивая. Шерстка густая, но при этом довольно короткая. Сама маленькая, а лапки крупные, мощные, костяк широкий, и глаза не совсем кошачьи, не бывает таких у домашних кошек. Может, котенок еще. Если сын прав и это именно она помогла ему излечиться, то ее с золотой тарелки кормить надо. Мясо она любит. Вон как принюхивается... За что?! Пока усаживал Милоша поудобнее, спокойно сидела, протянул тарелку с мелко нарезанным мясом — когтями по руке полоснула. Ишь ты... Шерсть вздыбила, шипит. А и правда, что это он, пятый десяток доживает, а глупости делает. Чуть сам сына до беды не довел. Нельзя ведь ему сейчас мясо-то! Вот так кошка... То ли действительно все понимает, то ли себе аппетитные кусочки приглядела. Так для такой чудесной помощницы и не жалко.

Вкусно! Не пожадничал хозяин. Сам парнишку с ложки кормит, а мне все блюдо с мясом на стол поставил. Не-э-эт... кошка на столе? Каково! Не сидела бы сама на столе, не лопала бы с серебряного блюда, сама бы себе не поверила. Как же жалко, что вся эта прелесть в меня не поместится. И на улицу сходить не мешало бы. Бобик мой, поди, волнуется. Вот придет время уходить, как я без него буду обходиться? Так, хозяин. Парень твой спит. Вон даже кушать устал, слабый такой, а я ору у дверей... Слышишь? Выпускай. Понятливый. Обе двери самолично открыл и даже ногой для ускорения не подпихнул. Уважаю.

Уже десять дней живу как королева, на серебре ем, на кровати сплю, но только ночью, а днем у меня дела. Тренировки никто не отменял. Время идет, и я меняюсь. Становлюсь сильнее, крупнее, привыкаю быть кошкой. Нашла в тайных хоромах Хвата огромное зеркало и в первый момент не поверила своим глазам. Мелкая, бледно-рыжая, почти розовая, но совершенно обычная кошка, в которую обратилась Ланья, канула в небытие. А ведь я заподозрила неладное, еще когда Милош описывал мой облик отцу. И вот я стою с открытой пастью и выпученными глазами. Любуюсь милым котенком рыси, с

нетипичным для его морды выражением. Пасть захлопнула, глазки закрыла. Вдох. Выдох. Смотрю еще раз. Ничего не изменилось. Опа! А ведь это великий и ужасный что-то намудрил! Нашел он свитки древние и... Умнее, видимо, не стал. Привязку делал к одной душе, а в теле их оказалось две, причем та, которую привязывали, ушла. Да, тело осталось, но оно, во-первых, имеет свою магию, а во-вторых — душа не та! И теперь я, по-видимому, тоже кое-что могу. Больше всего из всех кошачьих в моем мире мне нравилась именно рысь. И вот вам, пожалуйста.

А Ларен сам себя перехитрил. Ланью потерял. Отсрочку от женитьбы тоже. Меня он теперь точно не чувствует, нет ее, ниточки связующей магической. Да и выкидывал он из кареты обычную кошку. Ну, теперь жди меня, граф. Найду. Накажу. Вспомнишь ты еще Ланьюшку, девочку безобидную, глупенькую и очень удобную, задвинул бы ее в дальнее имение и жил бы себе спокойно! Ан нет... Свободы тебе захотелось? Сильнейшим и умнейшим себя почувствовал? Ну-ну... Уж я-то о тебе не забуду, мимо не пройду! Научиться бы теперь скрываться да прятаться, а то ведь люди мимо такой диковинки точно не пройдут. Охоту устроят.

Нужно в столицу идти. Суженого-ряженого искать. Пока маленькая, спрягаться проще и на жалость людскую давить сподручнее, а значит... Значит, прощаться будем. Милош уже ходит сам. Румянец на щеках появился. Кормит его папенька на убой. Ну так это их жизнь. Бобик мой потихоньку привык уже один спать. Вот его жалко. Люблю собак. Верные они, искренние, но всю жизнь под боком у Бобика не проживешь. Пора бы уже узнать, как там Ларен поживает. Ох, интересно...

ГЛАВА 6

Постоялый двор встретил меня шумом и гамом. Прибыл очередной караван. Множество людей устраивалось на ночевку. Состоятельные снимали комнаты, ужинали в большом зале на первом этаже. Основная же масса собиралась ночевать возле своих телег или прямо под ними и готовить ужин на костре. Как я поняла, на время пути караванщик нанял кашевара и за небольшую доплату все желающие могли питаться из общего котла. Караван был не просто большой, а очень большой. Я насчитала только охраны человек сорок. Горластые мужики, молчаливые, очень тихие женщины и несколько непоседливых ребятишек составляли его основу. Из их разговоров я смогла понять, что караван идет в столицу, повезло мне, но вот наличие в караване детей не радовало. То, на что взрослые не обратят внимания, обязательно заметят дети, но большое количество груженных телег и фургонов радовало. У меня появлялся отличный шанс для того, чтобы найти себе безопасное убежище на время пути.

Как хорошо, что в караване не было собак. В течение ночи я смогла проверить все, что движется на колесах, и нашла несколько неплохих убежищ для себя маленькой, в которых можно будет спокойно спать, не опасаясь, что меня обнаружат. Товары и вещи в телегах и фургонах были закреплены очень крепко, и основательно никто их ворочать до самого приезда на место не будет, а значит, и волноваться мне совершенно не о чем. Вот только еду придется самой добывать. Я, конечно, уже неплохо научилась охотиться, но вот есть то, что ловила, я еще не пробовала, Бобику своему носила. Жаль... Жаль, что мне как человеку нельзя с собой узелок с припасами взять, кашку на костре сварить, из общего котла пайку — кусочек получить.

Рассвет я встретила в очень удобном убежище, среди рулонов тканей. Мягкое покачивание и крики возниц убедили меня в том, что караван тронулся в путь, и я уснула, полная надежд на светлое будущее.

Как же много людей! Все ходят, что-то делают. Кто нужное, кто ненужное, а я вот сижу и никак не решусь выбраться. Чувствую лес. Слышу его дыхание, шелест... и никак. Они все ходят и ходят,

неугомонные какие-то. Вечер уже. Стемнело. А мне надо, очень надо. В ле-э-эс!.. Ну наконец-то. Надо как-то приспособливаться. Своим ходом за караваном бежать, что ли? А успею? Значит, придется успевать, не очень-то они быстро и двигаются. Но опять же бежать придется весь световой день. Днем в караван не проберешься, а валяться весь день в телеге тоже не дело. Ладно, завтра попробую, а сейчас надо покушать найти. Вон два охранника-ротозея у костра сидят, на огонь смотрят. Им моего сэнсэя в учителя, огребли бы сейчас по самое не балуйся. Я хорошо помню, как на уроках по выживанию в дикой природе он меня поучал: нельзя сидеть ночью, глядя на костер, если ты в дозоре, нельзя близко к костру сидеть, нельзя есть, нельзя разговаривать. А эти? Зато мне хорошо. Ветки в костре потрескивают, искры летят, огонь глаза слепит, тень от их тел темная. Все это меня лучше любого заклинания спрячет.

Получилось. И мясо вкусное. Жаль, воды из фляжки напиться не удастся, и не потому, что я ее утащить не могу, а потому что пробку тугую лапами не вытащу. Придется ручей искать. Где-то же они воду для вечернего чая набирали?

Все спят. Ну или почти все. Начнем. Всю стоянку обходить не пришлось. В этом месте, наверное, не один караван останавливался. Тропка к ручью хорошо натоптана. Ой! Нить, магическая. Сигнальная. Сейчас весь лагерь подниму или мага только? Это в караване маг есть? А я ни сном ни духом! И все равно... Пить хочу!

О как! Я линию пересекла, и ничего. Она так настроена, чтобы на мелочь типа меня не реагировать, или меня не видит? Отлично просто. Какое это чудо, чистая, вкусная, холодная вода! Куда спать пойдём? В телегу. Там мягче, удобнее. Надо только успеть в лес уйти до того, как основная масса народа встанет.

Ничего не видела, ничего не слышала и устала как собака. Весь световой день на ногах. Эти нехорошие караванщики остановку в полдень делать не стали. И идут вроде бы не быстро. Я вполне успеваю, но целый день... Нет, утром я еще позанималась — попрыгала, поохотилась, даже птичку небольшую употребила в качестве завтрака. А что? Голод не тетка. Правда, от перьев отплеиваться устала, а так ничего, вкусно. Может, это тело кошки так влияет на мои вкусовые пристрастия, но сырое мясо я теперь вполне смогу употреблять в больших количествах. К полудню уже устала и

готова была с большим удовольствием отдохнуть. А они? Идут и идут. Думала, не дождусь сигнала, возвещающего остановку на ночлег. Но как же хорошо, что я не лошадь! Сил хватило только на то, чтобы попить и спрятаться в развесистой кроне дерева, растущего возле стоянки. Пичугу какую-то из дупла прогнала, яичками поужинала и, довольная собой, уснула.

Еще в детстве я поняла, что в организме очень много мышц и все они могут болеть. Сейчас я это вспомнила. Болит все, а подушечки лап еще и кровоточат, слишком много препятствий возникало на моем пути сегодня. Я, конечно, успела до полудня поохотиться, и даже удачно, но вот дальнейший путь с набитым желудком показался мне адом. Боги! Когда собиралась в столицу, я была такой наивной дурочкой. Мне казалось, что может быть проще, чем путешествие в уютном тайничке. Я даже представить не могла, сколько трудностей мне придется преодолевать и как непросто это будет. Одно хорошо: благодаря магии графа Двардского я каждое утро просыпаюсь полностью восстановленная, готовая продолжать путь.

Десять дней мы двигались через лес. Я была довольна собой. Не поддавалась слабости и боли, не спряталась в телеге, не искала более легкого пути. Стала крепче, выносливее, подросла... и тут вдруг он кончился. Караван медленно и неторопливо втягивался в городские ворота, а я стояла на лесной опушке и наблюдала за ним издалека. Ну очень издалека. Слушая разговоры людей у вечернего костра о городе под названием Линишта, я умудрилась сделать совершенно неверные выводы, результатом чего и стало мое нынешнее положение. Как теперь в город попасть? Как найти нужный мне караван? Смогу ли я найти их в этом огромном городе? Идти сейчас? Или ближе к вечеру? Все же лучше дождаться сумерек.

Боги, ночь на дворе, а у них по улицам народу больше, чем днем, шастает! И самое главное, в густой ночной тени, отбрасываемой тусклыми, редкими фонарями, и то покоя нет. Все лапы отдавили. Один ненормальный даже поймать пытался. Пришлось путешествовать по крышам. Улицы узкие. Дома стоят близко. Крыши во многих местах смыкаются. Красота! Вот только не одна я так считаю. Конкуренция тьма, как четвероногих, так и двуногих. И если четвероногие признают во мне хищника и уступают дорогу, то темные личности, закутанные по самые брови, прутся по своим делам и под

ноги не смотрят. По крышам? Ну их, конечно, не так много, но троих я точно видела. А город — дрянь, большой, но грязный, тесный, вонючий.

Мне повезло. Караван остановился на ночь на постоялом дворе не очень далеко от ворот. Вон лошадки знакомые стоят, телега опять же, родная почти, и охрана все так же вполглаза бдит. Все так, но вот в свое мягкое гнездышко мне удалось попасть только под утро, а все собаки. Но вот я уже снова в пути. Город покинули на рассвете почти сразу же после того, как я спряталась. Хорошо.

Расслабилась. Поверила в свою удачу — и вот результат: ошейник, цепь, клетка. А как же гладко все шло! Никто не видел, никто не слышал и даже не подозревал о моем существовании, а я внимательно прислушивалась к разговорам людей и пряталась в свое убежище заранее. В городах всегда умудрялась полакомиться чем-нибудь вкусненьким, а в дороге удачно охотилась, начиная гордиться собой и своей изобретательностью. И вот чем мое самодовольство закончилось. В столицу мы прибудем уже завтра. Мои мечты и надежды разбились о суровую реальность. Ах, какая я дура! Ведь собиралась сменить место отдыха. Приглядела несколько наиболее удачных вариантов, но уверовала в свою безопасность и не захотела менять такое удобное гнездышко. А у гнездышка был хозяин. Вот он-то меня и заметил. Объявлять о моем присутствии в караване не стал. Подготовился и без особых проблем завладел моей спящей тушкой. Почему спящей? А просто все — пучок трав поджечь, притушить и дымком обкурить груз. Не успела я проснуться. Устала днем очень. Очнулась, а тут сюрприз, и не скажу, что приятный. Этот хитрый мужик не поленился, всю ночь грузы свои один разгружал, а потом на место укладывал, закреплял, а самое главное, небольшую клетку, ошейник и цепь заранее приготовил. Да и то сильно не перетрутился, потому как здоровый, словно медведь-гризли, такой же квадратный. Руки длинные, ладони как лопаты совковые, голова лысая, глазки маленькие, нос мясистый крючком и почти полное отсутствие губ красавчиком его точно не делали.

Утром он, довольный собой, хвастался, показывая всем желающим необычную кошку, которую он собирается выгодно продать охочим до диковинок аристократам. Нет, меня не били. Прутиками тыкали в клетку, и все. Очень уж им хотелось взглянуть, как я шипеть

буду, зубы скалить, ну или мяукать хотя бы. Не порадовала я их. Сначала сидела посреди клетки, безразличная ко всему окружающему, а потом вообще легла на бок. Лапы вытянула и начала изображать полудохлую особь. Мужик всполошился. Начал воду мне подсовывать, мяса кусочки. Потом даже клетку открыл, правда, сначала цепь от ошейника к прутьям клетки покрепче прикрепил, а сам попытался меня насильно напоить. Пить, конечно, хотелось, но моя личность сильнее инстинктов тела. Глаза не открыла. Пить не стала. Новоиспеченный хозяин ругаться начал. Мужики над ним посмеивались: али дохлятину на рынок привезешь, говорят, а этот придурок пообещал шкуру с меня снять и ее продать, если сдохну.

Глаза закрыты, но это не мешает мне слушать звуки и запахи. Город огромный. Людей не просто много, а очень много. Прямо от городских ворот караван начал распадаться. Купцы и мелкие торговцы повернули к рынку, караванщик и охрана на постоянный двор, все остальные, кто путешествовал с нами по своей надобности, постепенно сворачивали на соседние улочки и улицы. У моего временного хозяина в городе была небольшая лавка, примыкающая к маленькому домику. Вот в нее он мою клетку и притащил. Поставил в уголок, подальше от входа. Подсунул под самый нос воду и мясо и прекратил обращать на меня внимание. Да и правда, куда я денусь-то! Вот сыновья его набежали. Разгружаться помогают. Товар раскладывают. Зря осторожничала. Знала бы, специально бы ему гадость сделала. Вон кошки своим хозяевам за обиду в тапки писают. А я чем хуже? Вот бы они сейчас над своим товаром побегали! Да, мысль, конечно, интересная, но шкурка своя дороже все-таки. За такое ее с меня точно спустили бы. Встать попить? Нет, до ночи подожду. И вообще... Я маленькая, слабенькая, безобидный котенок, короче. Немножко не такой, как все. Ну и что? Кто сможет определить, взрослая я уже особь или котенок, если они таких, как я, не видели? Никто. Нужно внимательно к разговорам прислушиваться. Глядишь, и придумаю что-нибудь стоящее.

Товар разгрузили. Меня обсудили. К единому мнению не пришли. Двое старших, лет пятнадцати-шестнадцати, статью и внешностью похожие на отца как две капли воды, были согласны с отцом: я — взрослая особь, можно выгодно продать. Младший, лет десяти, тонкий как тростинка, звонкоголосый, ласковый, лохматый и немного

неуклюжий, как маленький медвежонок, просил отца о подарке, очень уж я ему понравилась. Жадность торговца в мужике победила, и меньшому в просьбе было отказано.

Ночь прошла спокойно. Попить я попила, есть не стала, а еще сделала в углу клетки все свои естественные надобности. Ну а что они хотели? Я живой организм. К утру в довольно маленьком помещении нечем было дышать. Ах, как меня порадовали хозяева, пришедшие в свою лавку! Открыть они ее открыли, но вот торговать с самого утра начать не смогли. Пока убрали все. Пока сбегали в магическую лавку за амулетом, освежающим воздух. А что? Ткани-то тоже провонялись. Старший лавочник уже не так сильно радовался моему присутствию в своей обители.

А еще через три дня злобно плевался в мою сторону. Посетители его лавки и покупатели, конечно, с интересом разглядывали мою неподвижно лежащую на полу клетки тушку, но большого интереса я у них не вызывала. Во-первых, цена в три золотых за мою тощенькую, неподвижную, полуживую тушку их не устраивала. Во-вторых, контингент посетителей состоял из людей, не склонных выбрасывать деньги непонятно на что непонятно зачем. Есть я по-прежнему не ела, а потому мой подростковый организм быстро терял свою привлекательность: шерстка потускнела, глаза помутнели, кости же, наоборот, стали потихонечку выпирать все сильнее и сильнее. Еще денек — и папочка решится отдать меня младшенькому отпрыску, который так и не перестал его уговаривать подарить кошку, а там, глядишь, и вольную удастся получить. Размечталась. Чтоб у вас лавка сгорела... Ишь чего выдумали: мальцу отдать, но на цепи держать, а если у него получится со мной договориться, вот тогда покупателя потихоньку и подыскать. Как же хочется завывать... Считала себя такой взрослой, такой умной, такой предусмотрительной, над Ланьей смеялась, а сама? Дура дурой.

А кошки, оказывается, умеют плакать. Слезы... Они сами текут по шерстке, и я только сейчас понимаю, что Ланьюшка была не слабой девочкой, а, наоборот, сильной. Не каждый сможет уйти так, как ушла она: решительно, уверенно, доказав и наказав своего обидчика. Вон хозяин вчера весточку читал: женят графа, без длительной помолвки и предварительного договора женят. А она ушла. Не стала унижаться и выпрашивать милостыню, не стала пресмыкаться. Нашла в себе силы,

преодолела страх, голод, боль, желания и надежды. А я? Что делать мне?

Колокольчик, прикрепленный на двери, отрывисто звякнул. В лавке посетитель? А почему молчит хозяин? Он же всегда кидается к посетителю и начинает расписывать ему достоинства своего товара. Шепчет... О чем? Почему?

А, посетитель аристократ! Пьяный аристократ, что вдвойне страшнее. Нет, пьяный маг-аристократ — тройне.

— Ваша милость! Ваша милость! Как же так? Что же делать-то? — Вон как зачастил. С перепугу язык заплетается. А господин-пьяница повис на нем, но... Глянь-ка, кто пожаловал!

— Ты кто? Зачем меня схватил? В крысу превращу. Хочешь? Не хо-о-очешь... Правильно не хочешь. Ты, смерд, думаешь, я пьяный? Нет. Я злой! Разозлили меня. Ты знаешь, кто я? Знаешь? Я Ларен, граф Двардский! (Помяни черта, он и явится.) Я сильнейший маг в этом городе. Если захочу, полгорода сожгу сейчас, а вторая половина завтра сама умрет. От болезней. Понимаешь? Никто не может смеяться надо мной безнаказанно! Никто. Я всех их запомнил. Знаю, кто все это придумал. Тварь старая! Думает, выйдет за меня и я буду по ее команде прыгать и спрашивать на лету, как высоко мне нужно лететь? Магичка... Слабосилка тупая. Своей силы не хватает даже на то, чтобы молодо выглядеть. Король ей эликсир покупает. Замуж выдает. И не абы за кого, а за того, на кого она пальцем указала. Почему? Пожалееет, тварь! Ты кто такой? Ты знаешь, что у меня праздник? Женюсь я завтра! Что ты мне подаришь? Я могу выбирать? А если я захочу все, что вижу? А-ха-ха! Ты, смерд, зачем котенка в клетке держишь? Зачем животное мучаешь? Ты не маг! Давай сюда кошку. Зачем мне твои железки. Завтра приду. Накажу тебя. Жди!

Удивительно верным движением для жутко пьяного индивида граф превратил клетку, ошейник и цепь в ржавую пыль и, подхватив мое обессиленное тельце, затолкал за пазуху своего щегольского камзола, а я туда еле-еле поместилась, потому как подросла за то время, что мы не виделись. Хорошо, что похудела сильно за последние дни, а то бы у него этот фокус наверняка не получился бы. А так он с минуту постоял покачиваясь, а затем, резко повернувшись, вышел на улицу. Там его уже ждали. Четверо молодых парней подхватили его милость под руки и усадили в карету. Мое сердце тревожно сжалось.

За пару минут моя жизнь сделала очередной крутой поворот, и вот я рядом с тем, кому собиралась отомстить. Буду ли? Не знаю. Дожить бы до завтра. А интересно, как он вообще в эту лавку забрел? Почему пил? На ком женится? Почему согласился?

Удача повернулась ко мне лицом. Обидчика искать не пришлось. Сам нашелся. Сам в свой дом притащит. Сам пожалеет об этом. Или нет? По-моему, я уже не очень-то на него и злюсь... Боги уже наказали его. Поживем — увидим.

ГЛАВА 7

А особняк-то какой шикарный! Два этажа, кованая ограда и ворота, подъездная дорожка к широкому крыльцу, цветники, сад, конюшни. Красота! Все это я успела рассмотреть, пока графа под белы рученьки из кареты доставали. Высунула мордочку чуть-чуть и рассмотрела. А вот потом пришлось со всей силы коготками в камзол вцепляться. Граф-то своих подручных одним взмахом в стороны раскидал и пошел по лестнице, как моряк по палубе в жуткий шторм. Хорошо у меня желудок пустой. Но все равно укачало. В комнату зашел, магический замок замкнул. И граф поперек кровати повалился. Вот рефлекс у мужика! Хорошо, что я выскользнуть успела, а еще хорошо, что я эти дни ничего не ела. А то был бы ему подарочек пахучий с утра пораньше, и вряд ли я долго прожила бы в этом случае. А так, гм, нечем. Зато ужин, стоящий на маленьком столике, меня порадовал. Обожраться мне магия не даст, из-за нее же и живот болеть не будет. Можно покушать и подумать. Прятаться от него? Убегать, пока время есть, или что? Но сил-то нет... Остаться? А ну как на опыты пустит?

Прелесть! Столик с ужином стоит вплотную к креслу. Выбор яств... Мням! Обожралась. Еле-еле на кровать пузо затащила. Человек! Подвинься! Я пришла! Ты упился допьяна. Я наелась допьяна! Мы молодцы! Завтра будет завтра.

О! Утро. Солнечные лучи робко и нерешительно заглядывают в комнату через неплотно прикрытые шторы темно-синего цвета, но и этого достаточно для того, чтобы разглядеть окружающее меня великолепие. Большая комната совершенно не выглядит загроможденной, хотя мебель в ней стоит массивная. Большая кровать, без рюшей и балдахин, поражает мое воображение своими размерами, а два кресла у камина притягивают взгляд, обещая уют и удобство. Еще одно кресло у кровати и маленький столик, остатки ужина на котором живо напоминают мне о вчерашней трапезе. Стены затянуты серой, чуть мерцающей тканью, кресла обтянуты темно-синим материалом, очень похожим на бархат, и самая главная прелесть — огромный ковер с длинным ворсом. Все оттенки серого и синего

сочетаются в его узорах, очень органично создавая ощущение уюта и безопасности. Новый день вступает в свои права, но, глядя на графа, хочется сказать «утро добрым не бывает». Лицо помятое, волосы в полном беспорядке, одежда мятая, обувь грязная. А запах... Сразу видно, проблемы у мужика. Ай, и у меня проблемы... В туалет хочу! Так, пьянь, вставай! Киса гулять хочет! Срочно! Прыжок на его спину. Потоптаться... О, ожил! Теперь в сторону.

Сел. Уже хорошо. Глаза не открывает. Плохо! Ждем. Ой, как мужику плохо... Было... Пальцами щелкнул и вот уже какое-то магическое плетение себе в нос впаял. Сам! Себе! Нашатырь магический, что ли? Вон как головой трясет. Замер. Открыл глаза и взглядом, живенько так, по комнате зашарил. Меня ищет? Вспомнил вчерашнее? Нашел. А я что? Лежу на кроватке, смотрю на нового хозяина. Его помятой физиономией люблюсь.

— Так, живность. Иди сюда.

Раскомандовался... Куда ручки тянешь? Какая такая живность? Куда иди? А где ласка? Обещания? Кусочек вкусенького?

— Сюда иди, сказал. На опыты пущу!

Приласкал, пообещал... Гад. Встаю и тихонечко, на полусогнутых подбираюсь к его протянутой руке. Пытаюсь изобразить обычное животное, домашнее. Обнюхиваю его пальцы. Фыркаю. Чихаю.

— Глянь какая... Чистюля. — Меня хватают за загривок и притягивают на колени, поворачивая пузиком кверху. Поджимаю свой короткий хвостик и пытаюсь вывернуться. — У-у-у-у! — К моему великому изумлению, голос графа меняется. Становится ласковым, журчащим. Пальцы поглаживают легко, аккуратно. Почувствует? Свою магию почувствует? Поймет?

— Ну, ну! Не волнуйся. Да ты, девочка, у нас котенок. Вот только кем ты вырастешь, я никак понять не могу, а еще я вспомнил, как вчера сам себе тебя подарил! Будешь теперь со мной жить. Надеюсь, у меня тебе больше, чем в клетке твоей, понравится. Как же тебя назвать? Не можешь же ты без имени ходить. А если — Мира? Мирочка?

С именем почти угадал, а вот магию свою не почувствовал. Намудрил с древним заклятием так, что сам его теперь не видит. Хорошо? Да! Для меня. Если бы почувствовал, то длительные опыты были бы мне обеспечены. Ну как же! Заклятие вот оно, а кошка не та и

душа не та, но мне повезло. Молодой, самонадеянный, не почувствовал.

— А ты девочка у меня непростая. Да? Магия с тебя соскальзывает! Так это и хорошо. Все меньше тебе от мадам моей будущей доставаться будет, потому как ее-то я в дальнее поместье отправить точно не смогу.

Все, Ларен. Ты, конечно, изумительно интересно рассказываешь, но я в туалет хочу. Выпускай меня! Вскочила с его колен и, кинувшись к дверям, пронзительно замяукала. О, понятливый какой! Лоточек мне в уголке организовал и, судя по магическому плетению, пахнуть он всегда будет только розами и очищаться сам по себе. Ну что, пусть так. Я уже и нестеснительная совсем. Тем более очень хочется, а хозяину нужно показывать себя только с хорошей стороны. Хорошо! Теперь на ручки. Ты говори, говори. Я слушаю. Я тебя теперь всегда слушать буду. О! А вашу милость кто-то потерял. Вон как в дверь долбят! Глянь, сидит и ухом не ведет, но гладит нежно, аккуратно.

— Видишь! Наказали меня боги! За девчонку, погибшую по моей вине, наказали. Кто же знал, что эта глупая гусыня умудрится умереть, имея такой мощный защитный артефакт на шее. Это же надо было еще постараться! А я теперь не могу узнать, что произошло. Она должна была жить долго и ждать меня. Лет через пять я бы ее нашел, приласкал, заклятие снял, женился, и жили бы мы долго и счастливо. Ну, я был бы счастлив. Послушная, молчаливая, незаметная жена, что может еще желать мужчина. Нет, она умудрилась умереть! И вот сегодня у меня свадьба, а поговорить мне о ней не с кем. Скажешь, свадьба есть свадьба, что о ней говорить? О-о-о! Моя свадьба — событие этого сезона. О ней будут говорить долго и вряд ли когда-нибудь предадут забвению. Все гадают, как можно было заставить меня идти в храм. Почему на браке так неистово настаивает его королевское величество? Ему хорошо, он женат. А я потерял невесту. Маги, ведущие поиск, подтвердили гибель девчонки, и я оказался лучшей кандидатурой в ее планах. Кого ее? Так герцогини Альбертины Гранской. Эта старуха... Да, старуха! Ей уже двести лет. Она более чем вдвое старше меня. Выглядит молодухой лет тридцати, но это только потому, что король присылает ей магический омолаживающий эликсир. Стоит он бешеных денег, готовится очень долго и является большой редкостью, так как делает его один-единственный маг в

королевстве. Теперь таких дураков будет два. Эликсир этот забирает у мага-изготовителя очень много сил, и ему просто некогда заниматься ничем другим, да и сил на другое не хватает. Я сильный. Очень сильный. У меня хватит сил на его изготовление, но и только. Зачем она мне нужна, эта жена? А ни за чем не нужна! Все думают, я короля испугался, лишения титула, земель. Нет! Король здесь ни при чем. Он просто попросил, а решение принимал я сам. Чем она короля шантажирует, я не знаю, а вот меня — сыном. Да, у меня есть сын, и до недавнего времени он спокойно рос в маленьком имении под присмотром няньки, учителей и пары охранников. Теперь его там нет. Как его смогли выманить за пределы усадьбы? Где он сейчас? Я не знаю, слишком мало времени уделял этому ребенку. Она обещает, что сразу после заключения брака я смогу увидеть своего мальчика, но я чувствую, что не все так просто. Да, магическую клятву нельзя нарушить, но ее можно обойти. Как? Это мне предстоит узнать уже завтра.

Да, я маг, но сына найти не могу и вытрясти сведения из этой твари тоже не могу. Не знает она, где его сейчас держат, действительно не знает. Наняла для работы пришлых и специально не узнавала, куда его увезут. На мальчике надет какой-то старинный амулет. Не вижу я его, не ощущаю. Сама она не может связаться с сообщниками, только они с ней, и, если завтра эта мразь не окажется замужем за мной, мой сын умрет. Вот так, киска, я всю жизнь считал, что сильные правят миром... Дурак! Хитрые, жадные, предусмотрительные и осторожные, вот они и правят! Она кто? Никто. Слабосилок. Только и может, что тесьму на своем платье затянуть да свечу зажечь. Но я подчиняюсь. Будь она проклята!

Он опустил голову и крепко сжал кулаки, а я вспомнила, как желала ему старую, стервозную жену, и впервые подумала о том, что боги этого мира не только существуют на самом деле, но слышат все наши искренние пожелания, да и проклятия тоже. Вот только мальчишка тут ни при чем. Жалко его.

В дверь заколотили сильнее, и маг взревел раненым зверем:

— Кто там? Входите уже!

Дверь открылась. В комнату вошел невысокий мужчина плотного телосложения, с почти полностью лысой головой, но зато с шикарной седой бородой и густыми бровями, причем ни они, ни нос, больше

напоминающий картофелину, его не портили. Он казался добродушным и милым, а его грудной басистый голос приятно ласкал слух. Судя по ливрее, дворецкий или управляющий.

— Ваша милость, помилуйте! Времени почти не осталось. Вы еще не готовы. В соборе гости уже собираются. Прикажите одеваться!

— А может, я так пойду! Мятый, нечесаный, со щетиной и красными после пьянки глазами. Хочет замуж? Так я женюсь! Обещал. А вот прилично выглядеть не обещал.

— Ваша милость... Так гости же. Сам король будет присутствовать!

— Этот будет... Друг называется... Столкнул в пропасть и воротничок на мне поправил, чтобы я, оказавшись в гостях у демонов, поприличнее выглядел! Так. Переодеваться не буду. Я и так прилично одет. Смотри, одно плетение — и я чист, как младенец. Одежда как новая.

— Это да! Это вы умеете. Только, может, сменить костюмчик-то? А то во всем черном, да еще и глаза злые... Гостей всех распугаете.

— Гостей? Плевать. Они придут позлорадствовать. Пусть! Красоты и радости невесты хватит на всех. Оркестр, танцевальный зал, напитки...

— Все готово.

— Хорошо! Отец...

— Его сиятельство прибыли еще вчера и появятся в соборе вместе с королем. Невеста прислала весточку, что появится перед жрецом сразу после вас.

— Сколько у меня времени в запасе?

— Чуть меньше часа. Потом нужно выезжать, иначе опоздание будет чудовищно неприличным.

— Подождут.

— Милорд изволит позавтракать?

— Милорд изволит.

— А зверь ваш?

— И зверь изволит. Предупреди всех о том, что в доме появилась кошка. Зовут Мира. Будет ходить, где хочет, и делать, что захочет. Двери открывать любые, кормить столько, сколько попросит. В мои личные покои пускать незамедлительно.

— Ошейник? Поводок для прогулок? Приставить специального человека, чтобы выгуливал?

— Ошейник я ей сам подберу, и он будет служить украшением и знаком, говорящим о том, кому принадлежит животное. Поводок я на тебя скорее надену. Выгуливать она сама себя будет, а вы двери открывать. Ясно?

— Ясно. Чего же тут неясного. Кошка у нас теперь самая главная после вас. А молодая графиня? Ежели она чего прикажет? Ну, выкинуть животинку или на конюшню отправить, мышей ловить?

— Моей нежной второй половине вежливо и убедительно сообщите, что Мира моя любимица, а она всего лишь жена.

— Убедительно, значит... Ну, как прикажете. А вот завтрак и миска для животинки. Кошке на пол у стола ставьте. Приятного завтрака вам, ваша милость. У вас есть час.

— Вот, Мирка, видишь? Даже мой личный камердинер мною командует. И вообще, он тут всеми командует. Крыса старая, жена которая будущая, думает, что приведет своих слуг в мой дом и будет всем здесь заправлять. Вот увидишь, будет так, как мой Ниран захочет. Что кушать будешь, хорошая моя? Терпеливая. Весь мой бред выслушала и даже никуда не попросилась, никуда не ушла. Умничка.

Подтверждая звание умнички, аккуратно вывернулась из рук Ларена и, остановившись на краю кровати, принюхалась. Перепрыгнула на кресло и, предварительно оглянувшись на хозяина апартаментов, протянула лапку, пытаясь когтями подцепить понравившийся кусочек с его тарелки. Рассмешила.

— И правда... На моей точно вкуснее. Бери! — Воспользовалась разрешением и утащила облюбованный кусок вниз, на свое расписное блюдо, решив сильно не наглеть.

ГЛАВА 8

Через час граф Ларен Двардский отправился в путь за красавицей-женой. Уж она-то наверняка стройна, богата, родовита, умелая хозяйка и потрясающая любовница в одном лице. И, судя по ее возрасту, все ее добродетели не раз и не два проверялись подрастающими поколениями за последние два века. Интересно только, сколько мужей она уже похоронила? Она просто обязана понравиться молодому привередливому мужу, потому как является полной противоположностью юной, глупенькой и невинной Ланьи.

Так... Сколько там может длиться эта церемония? Очень уж хочется посмотреть на этот образец мужских желаний и мечтаний, а пока стоит, наверное, получше познакомиться с домом и домочадцами. О! Первый этаж... Огромный холл, который, по-видимому, будет служить залом для торжественного бала, украшенный большим количеством живых цветов, своей пестротой произвел на меня ошеломительное впечатление. Музыкальная гостиная, и в ней множество музыкальных инструментов. Курительная комната, в ней кресла, столики с напитками и коробочками с тем, что в этом мире заменяет табак. Еще дальше по коридору несколько дверей, выходящих на две закрытые веранды и в сад. Большая лестница, ведущая наверх, и за ней помещения для слуг, комнаты, кладовая, столовая, кухня. Второй этаж... Вверх по лестнице господские смежные спальни, одна из них та, где мы с графом ночевать изволили, а вторая явно подготовлена для женщины. В ней, как и в спальне хозяина, есть своя гардеробная, личная купальня с удобствами для естественных нужд и конечно же небольшой будуар с креслами, столиком и огромным зеркалом. Ковры и гобелены прилегают. Все яркое, позолоченное, с вензелями, гербами и кучей завитушек везде, куда только падет глаз. С ума сойти! Я бы сошла. Дальше по коридору кабинет, и к нему, скорее всего, примыкает лаборатория и библиотека, потому как второй этаж не меньше первого, а дверей больше нет.

Так, а где же накрытые столы? Как же банкет, крики «горько», пьяные гости и вообще... Кормить всех притащившихся позлорадствовать не будут, что ли? Чудные дела творятся. У них тут у

всех так или это господин жених так сильно на судьбу обиделся? Да и правильно! Дамы в корсеты себя так затянут — вздохнуть с трудом могут. Какая еда в таком положении, а мужики покурят, выпьют и... Обойдутся, в общем. Они сюда что, жрать придут? Нет? Ну вот и правильно, тогда все организовано. Все посмотрела. Даже в сад сбегала. Вся территория и сам особняк магией, как паутиной, опутаны. Гости по пропускам проходить будут или сегодня день открытых дверей? Одной мне, наверное, повезло. Меня магия не видит. Нет меня для нее. А слуги у Дарена вполне адекватные люди. Никто не орет при виде меня, не шарахается, погладить не стремится, двери, как и велено, открывают. Стоит только поймать кого-нибудь когтями за штанину, и идут следом и беспрекословно швейцаром работают. Блеск! Мне нравится!

Ну где же гости? Я от нетерпения извелась уже вся. Третий час к концу подходит. Наконец-то!

По каменной мостовой улицы застучали копыта лошадей, загрохотали колеса. Судя по всему, мое ожидание кончилось. Прижавшись к перилам лестницы на площадке второго этажа, я могла отлично рассмотреть всех входящих в дом. Первым появился совершенно седой, богато одетый, очень представительный господин и, судя по тому, что именно на него был очень похож Ларен, он являлся старшим графом Двардским, отцом молодого мага. Уверенно отдав распоряжения прислуге, старый граф развернулся лицом к входным дверям и принялся приветствовать прибывающих гостей.

Все происходящее казалось мне нереальным. Сказкой. Фильмом. Миражом. Дамы — красотки, затянутые в шелка и бархат, почти все такие воздушные, хрупкие и нежные. Мужчины такие же яркие (к моему удивлению), уверенные в своем превосходстве, немножко манерные. И, конечно, море драгоценностей на гостях просто ошеломляло.

Наконец-то... Молодожены! Они вошли последними. Под громкое приветствие гостей и тихий шепоток слуг, который услышала, кажется, только я.

Ларен от волос до кончиков туфель в черном. Единственным украшением ему служила изящная трость с золотой рукоятью и несколько перстней. И его невеста... Шикарные кудри цвета горького шоколада окутывали ее точеные плечи, а диадема, обильно

украшенная драгоценными камнями, венчала голову, словно корона. Большие карие глаза, тонкий нос и пухлые, капризно изогнутые губы делали ее лицо прекрасным. Изящную шею и выставленную в глубоком декольте грудь украшало кольцо, на мой взгляд чрезмерно перегруженное драгоценными камнями. Ярко-алое платье подчеркивало изящество ее фигуры и являло собой чудо портновского искусства. Сказать о такой, что она старуха, было просто невозможно, не покривив душой, конечно. Она была изумительна! И все драгоценности, будь то кольцо, тяжелые широкие браслеты и перстни на пальцах, буквально кричали о ее хрупкости, нежности и неземной красоте. Все вокруг были восхищены ею, а вот мне было очень интересно... Сколько в ее образе, так тщательно и искусно представленном на всеобщее обозрение, было настоящего? Сколько магии и, в конце концов, ловкости рук ее служанок?

Со своего наблюдательного пункта я хорошо видела, что молодой муж мрачен и молчалив, а его жена просто светится довольством, радостью и превосходством. Обходя по кругу всех собравшихся и принимая поздравления, она, опираясь на его руку, с видимым удовольствием раз за разом подчеркивала в разговорах с гостями, что именно она теперь является хозяйкой этого дома, что именно ей теперь придется взвалить на свои хрупкие плечи управление этим домом, что уже завтра она поменяет не только слуг, но и старый и совсем не модный интерьер этого особняка, потому что ей стыдно будет принимать многочисленных друзей и гостей в этом склепе. Гости улыбались и обещали новой хозяйке непременно оценить ее старания и вкус, ответив на приглашения прибыть в гости обязательным согласием.

Поздравления кончились. Заиграла музыка, и первый танец был исполнен парой молодоженов. Это было красиво, но... Чувств в этом танце не было. Две механические куклы, безупречно выполняющие все движения, вот на что был похож этот танец. Овации и похвалы, расточаемые гостями, показались мне далекими от искренности. Мелодия сменилась, и начался бал. Танцы, смех, флирт — феерическое зрелище для неискушенной зрительницы, каковой являлась я. Через час гости уже вполне освоились. Сад заполнили гуляющие парочки. Желая отдохнуть мужчины сбежали от своих половинок в мужскую комнату и приступили к дегустации выставленных в ней

напитков. Женщины постарше объединились в сплетничающие группы, разделившись по интересам и симпатиям. Самая большая группа собралась вокруг королевы этого бала — бывшей герцогини Гранской, а теперь графини Альбертины Двардской. Она блистала остроумием, и ее ничуть не смущало, что молодой муж покинул гостей и, по-видимому, не собирался к ним возвращаться. Старый же граф делал все, чтобы сгладить неприятное впечатление, производимое на гостей поведением его сына, но, в конце концов, оставил это бесполезное занятие и присоединился к мужской компании, дегустирующей выпивку.

Смех, музыка и веселье продолжались почти до утра, и лишь на рассвете гости начали разъезжаться. К тому времени Ларен, пьяный как сапожник, крепко спал в своей комнате, а я, примостившись у него под боком, чутко прислушивалась ко всему происходящему в доме. Вот захлопнулись въездные ворота, это самым последним отбыл восвояси старший граф Двардский. Засновали по дому слуги, приводя в порядок холл, комнаты, сад. В этом хаосе слышался уверенный голос Нирана, придающий всему этому действию упорядоченность. Ублажали в соседней спальне свою хозяйку две молоденькие горничные. Она теперь с полным правом устраивалась в комнате хозяйки, собираясь основательно отдохнуть, прежде чем взвалить на себя, как она обещала, непосильную ношу жены мага. Бедным девушкам понадобилось для этого целых полтора часа, и вот наконец Альбертина закончила командовать и отпустила их отдыхать.

Только после их ухода она попыталась сделать это — войти в комнату своего теперь уже мужа. Повернулась дверная ручка, но дверь не открылась. Ее очень крепко держало магическое плетение. Не знаю, на что она рассчитывала, но явно не на это. Мой прекрасный звериный слух, усиленный магией, позволил расслышать, как грязно умеет ругаться эта изысканная с виду мадам. И все-таки усталость взяла свое, заснула и она. Затих дом, работа велась только на кухне. Закончился этот условно праздничный день, и в этой оглушительной тишине мне начали мерещиться совсем уж нереальные вещи: шепот листвы в саду, гром, раздающийся в небе, на котором нет ни одного облачка и тяжелые вздохи самого дома, пугающегося будущих перемен.

ГЛАВА 9

Новый день начался совсем не так, как я для себя придумала: тишиной, едой, тихим похмельем хозяина... Нет, он начался в полдень диким, яростным криком. Некто орал прямо под дверью спальни, в которой мы с ним тихо и мирно отдыхали.

— Открой сейчас же! Я теперь хозяйка этого дома! Ты не имеешь права меня игнорировать! Если захочу... Я найду на тебя управу! — Судя по угрозам, под дверью надрывалась наша молодая. — Тебе больше не интересно, что стало с твоим незаконнорожденным ублюдком? Впусти меня! Ты один? Имей в виду, я не потерплю твоих девок в нашей кровати!

— Иди в трапезную, Альбертина! Я спущусь через пару минут, и мы обо всем поговорим, — заорал в непосредственной близости от моего уха, заставив меня вздрогнуть, Ларен.

— Ты пожалеешь! — донеслось ему в ответ. Вслед за этим послышались легкие шаги и особа, издающая такие громкие вопли, соизволила удалиться. Меньше чем через пять минут крики раздались где-то на первом этаже. Интересно, это у них слышимость такая в доме или слух у меня теперь настолько острый? О! Господин могучий маг проснулся и даже погладил меня мимоходом. Он всегда магией себя в порядок приводит или все-таки в простой водичке хоть иногда купается?

— Ну что, Мирка? Хочешь не хочешь, а спускаться вниз все же придется. Надеюсь, ты не оставишь меня в одиночестве? Со слугами мне вроде бы как не по чину откровенничать. Отцу всего не расскажешь. Братьев и сестер у меня нет. Вот и получается, что только ты одна меня можешь выслушать и поддержать. Пошли?

И мы пошли вниз по лестнице, в замеченную и обследованную мною еще вчера столовую, трапезную, если говорить языком графа. Разгневанная и оттого еще более прекрасная особа ожидала милорда за столом. И не просто за столом, а во главе стола. Говорить она тоже начала первая, не дожидаясь, пока он подойдет к столу и сядет. А он и не сел. Остановился послушать, я тоже, наострив уши, устроилась у его ног.

— Я решила, милый, что место во главе стола по праву принадлежит мне, так как я герцогиня, а ты всего лишь граф. Присаживайся, дорогой. Твои слуги несносны. Не обессудь, но уже к вечеру я поменяю их всех. Ты платишь жалованье хамам. Я такого не потерплю. Они...

Договорить она не успела. Ларен сделал один очень большой шаг, обхватил своей совсем немаленькой ладонью шею мадам, которая вся из себя герцогиня, и «вежливо», рывком, вытащил ее из-за стола. Помню, цепкость и силу этих пальцев я тоже как-то испытала на собственной шее. Вот они разжались, и ее милость оказалась сидящей на своей изящной попе у его ног, а граф уже невозмутимо усаживался на свое место, не обращая на нее внимания. Сел. Позвонил. Мгновенно появившемуся лакею велено было подавать. Что в этот момент делала я? Как — что, последовала примеру хозяина. Скользнула вслед за ним. Вспрыгнула ему на колени, пока еще маленькая. Свернулась на них в маленький клубочек, надеясь, что меня не прогонят, уставилась сверху вниз на Альбертину, пытающуюся встать и не запутаться в ворохе своих юбок. Меня не прогнали, а даже, наоборот, начали поглаживать. Она же наконец-то сумела подняться. Изящество манер слетело с нее, как шелуха. Перекошенное отвратительной гримасой лицо совсем не красило молодую женушку. А ее попытки заорать тем более.

— Что ты... — попыталась она, но ее перебили.

Вот теперь я узнала его. Именно таким холодным, надменным гадом увидела я его впервые. А еще этот жуткий, безэмоциональный, как холодная ледышка, голос, пробирающий до глубины души.

— Герцогиней ты уже не являешься. Соглашаясь на брак со мной, ты отказалась от своего титула. Не помнишь? Внимательнее нужно читать бумаги, которые подписываешь. Глава семьи я. И только я. Ты вошла в мой дом. Здесь я хозяин. Мое слово закон. Согласно древнему уложению о порядке в семье, которое, кстати, никто не отменял, твое слово и твои требования силы не имеют. Ты можешь смиренно попросить, и я, если будет на то мое желание, могу снизойти к твоим просьбам или же нет. У тебя есть твой дом, вернее, был твой, теперь же все твое стало моим, но я, проявляя великодушие, возможно, мог бы разрешить тебе проживать в нем и считать себя его хозяйкой по-прежнему. Но всегда есть они, обстоятельства. Не забывай об этом, а

сейчас я хотел бы знать... Почему сегодня за столом я не вижу своего сына. В добрачном соглашении ясно было сказано, что на следующий день после обряда я смогу его увидеть.

В ответ на его вопрос раздался неприятный, каркающий смех и вслед за ним насмешливое, язвительное объяснение:

— Увидишь. Прямо сейчас и увидишь. Для этого ему вовсе не обязательно быть здесь. Не так ли?

Альбертина демонстративно сжала в кулаке прозрачный кристалл, и над столом развернулось что-то вроде маленького окошка. В нашем мире я назвала бы это голограммой или виртуальным видео, а здесь это называлось письмом-картинкой. Именно эта картинка звука не передавала. Только изображение мальчика лет пяти-шести, очень похожего на графа. Черноволосый, синеглазый ангелочек смотрел прямо на нас и грустно улыбался. Его одежда была запыленной и местами порванной, руки сжаты в кулаки, а ноги босы. Позади него можно было рассмотреть полог фургона для дальних путешествий. И все. Это было все, что можно было увидеть за очень короткое время, пока картинка висела над столом. Она погасла, а мадам графиня демонстративно стряхнула пыль, оставшуюся в ее ладони вместо прозрачного кристалла.

— Я выполнила свое обещание, — заговорила она, — вы увидели его. Он жив и здоров. Где он, я не знаю. Следующее сообщение мне придет ровно через месяц. Придет оно на мой почтовый пенальчик. Человек, отправляющий мне сообщения, активирует свой только в момент отправки, и каким бы сильным магом вы ни были, все равно не сможете зафиксировать место отправления. Вы не найдете его. Радуйтесь тому, что сын жив. Если вы, мой дорогой муж, планировали вернуть его в дом или признать наследником, то просчитались. Этого никогда не будет. Никто и никогда не узнает о нем. Он никогда не будет признан вашим наследником. Только я — слышите? — только я, если вы меня очень хорошо попросите, могу подарить вам наследника. Но имейте в виду, я обезопасила себя со всех сторон. Вы не сможете избавиться от меня. Будете вынуждены заботиться о моем здоровье и благополучии. Вы и ваш друг-король — глупцы, считающие себя почти всемогущими, но именно вы будете делать то, что я захочу, а я хочу власти и богатства. Все это теперь у меня есть. Надеюсь, вы будете послушным мужем, и вот тогда, возможно, лет через десять, я

рожу вам наследника. А теперь освободите мне мое место и приготовьте к вечеру не только супружескую постель, но и драгоценный подарок. Вам долго, очень долго придется вымалывать у меня прощение за ваш варварский поступок.

Она уже торжествовала, дура! Я бы на ее месте бежала бы уже куда-нибудь подальше. Грозить Злому Магу — это надо быть совсем того... Ну, что я говорила? Над моей головой раздался негромкий щелчок пальцами, и уже празднующая победу женщина застыла, обездвиженная мощным заклинанием, я хорошо видела магические нити, опутывающие ее все плотнее и плотнее. Теперь на детальное прояснение ситуации нарвалась уже она. Остывающий на тарелках завтрак уже никого не интересовал.

— Вы торопитесь, моя дорогая жена. По договору, который мы с вами заключили, я не могу удалить вас из своего дома без вашего на то желания, а также обязуюсь не причинять вреда вашему здоровью как действием, так и бездействием, обязан заботиться о вашем комфортном проживании. Так? А я и не отказываюсь. С сегодняшнего дня вы будете проживать в неге и комфорте в своих комнатах. Ухаживать за вами будут обе ваших горничных, по очереди. Сами вы отныне не сможете выйти за порог своих апартаментов и это, поверьте мне, не будет считаться вредом для здоровья. А теперь самое главное... Ниран! — заорал он, и перед ним словно из ниоткуда появился камердинер. — С сегодняшнего дня госпожа графиня будет проживать в своих комнатах без права их покидать по своему желанию. Всех ее людей, которые прибудут через пару часов, отправить обратно. Из гардероба, который они привезут, вам нужно будет вместе с ее горничными отобрать не больше пяти платьев. Два для приема гостей и три повседневных. Замена их будет происходить не чаще одного раза в полгода. Если они вдруг придут в негодность раньше этого срока, ей придется ходить в лохмотьях. Выезжать в город и на приемы ее милость больше не будет. Я знаю точно, мне не идут рога. На прогулки в сад и вообще куда бы то ни было я неизменно буду сопровождать ее сам, когда найду для этого время. Лечить в случае любой болезни тоже буду сам. Вы собрались меня прогнать под себя, как всех своих ныне почивших мужей? У вас не получится, мадам. Вы пожалеете о том дне, когда вам пришла в голову мысль связаться со мной. А сын? Я новым обзаведусь, и поверьте, для этого вы не будете

мне нужны. Ниран! Обыскать все вещи. Ищите все почтовые пеналы и любые, даже самые нужные амулеты и артефакты. Впрочем, я сам займусь этим. А то еще пропустите что-нибудь.

— Прошу вас, мадам! — шутовски поклонился граф, предлагая ей идти впереди него. И она пошла, как швабра с ножками, вся такая деревянная-деревянная. А я что? Я следом. Обыск был долгим и тщательным. Перебирали всё: белье, драгоценности, ленты, заколки, шпильки и даже флакончики, содержащие средства гигиены. И все это время госпожа, возомнившая себя владычицей, была вынуждена сидеть в кресле с неестественно выпрямленной спиной. Сначала ее глаза горели злобой и бешенством, но к концу второго часа из них потекли крупные, словно горошины, слезы, но они никого не разжалобили.

Лично мне очень быстро надоело ходить вслед за магом и разглядывать все женские вещички, что он перебирал. У него и у самого все прекрасно получалось. И вот наконец-то обыск закончился. Последнее слово, удаляясь, молодожен сказал уже на пороге комнаты.

— Ах да, эликсир... Нарушить магический договор я не могу, а он обязывает меня готовить его для тебя точно в назначенный срок. — Глаза графини блеснули торжеством. — И даже если на это будут уходить все мои силы, отказаться я не смогу, но... В договоре сказано, что я должен делать это для тебя, а о том, что я должен отдавать его тебе, не сказано. Как ты сказала, я должен был увидеть сына и я увидел его? Так и эликсир. Он будет приготовлен именно для тебя, и никто другой не сможет его получить, но вот стоять он будет у меня в тайнике, а я буду наблюдать за тем, как быстро ты будешь стареть. Спокойных тебе снов, любимая.

Веселье началось с утра пораньше уже на следующий день. Весь дом был похож на растревоженный улей. Граф с утра, не забыв покормить меня и погладить, отбыл в королевский дворец, а слуги обсуждали условия проживания госпожи и ее требования. Две зареванные горничные не успевали сменять друг друга, выполняя ее пожелания, убирая битую посуду и получая оплеухи. Больше всего в этом бедламе мне понравилось поведение Нирана. Абсолютное спокойствие и железное самообладание. Бьет посуду? Подать деревянную. Сорвала занавески? Убрать остатки и оставить окна без затемнения. Вылила в купель средства для мытья волос и ухода за

телом? Отнести мадам кусок мыла из маленькой купальни для слуг. Раскидала и пролила первый, а затем и второй завтрак? Отнести лекарство от кишечной колики вместо обеда. Просит принести крепкую веревку для того, чтобы повеситься? Отнести и привязать там, где укажет. Требуется позвать целителя? Сказать мадам, что граф уехал на прием к его величеству и если успеет, то обязательно окажет графине помощь, как только вернется домой. Требуется принести книги? Отнесите ей в комнату пару молитвенников. Плачет? Передайте горничным, чтобы ушли из комнаты и не мешали мадам самовыражаться.

Дни шли за днями. Молодая жена продолжала беситься не уставая, а граф нанимал людей, направлял их на поиски сына, допоздна работал в лаборатории и лишь иногда ездил к королю.

Я была предоставлена самой себе. Маг приползал в комнату чуть живой, с опустошенным резервом и растрепанными нервами. Работа в лаборатории, монотонная и однообразная, его просто выматывала, а безрезультатные поиски сына сильно расстраивали. Старый граф после шумного скандала в доме не появлялся. Через десять дней после заключения брака этот самоуверенный старик явился к Ларену и принялся распекал его за неуважение к жене, обществу и семейным ценностям, посмел потребовать скорейшего появления законного внука. Молодой маг впервые сорвался и показал себя во всей красе. Дом содрогался, прислуга испуганно жалась к стенам, а ошеломленный поведением всегда почтительного сына отец уехал домой чуть живой. Но спокойствия этому дому его отъезд не принес.

Высший свет столицы буквально завалил особняк письмами, визитками и приглашениями. Все хотели посетить молодую графиню, пригласить ее на прогулку, увидеть ее на балу и т. д. Известие о тяжелой болезни женщины отвратило немногих. Все время находились желающие нанести ей визит, но защита на городской усадьбе графа была активирована на полную мощность, и потому всем любопытным и заинтересованным лицам приходилось довольствоваться отписками графского секретаря.

ГЛАВА 10

Я выросла. Ну, по крайней мере, достигла размеров взрослой рыси, поражая своей красотой и необычностью всех, кто меня видел. Никто из домашней обслуги ни разу не видел меня в гневе, и все в особняке считали меня большой безобидной домашней кошкой, а не тем хищником, каковым я являюсь. Ларен выбрал время, навестил семейную сокровищницу и украсил мою шею золотым ошейником. Широкий, инкрустированный драгоценными камнями, он свободно болтался на моей шее, не стесняя движений и выполняя лишь функцию украшения.

Последнее время я всюду следовала за магом: во время его редких прогулок, посещений дворца, поездок в мужской клуб с картами и девочками. Скользя бесшумной тенью возле его ног, я не доставляла ему беспокойства, не пытаюсь убежать или, не дай боги, напасть на кого-нибудь. Высший свет привык к моему присутствию рядом с ним. Дамочки умилялись и тянули свои резко пахнущие духами ручки к моей шерстке, но почти беззвучная демонстрация моих клыков помогала им передумать, а вот мужской половине очень хотелось бы знать, где можно обзавестись подобным питомцем. Мне же было безумно интересно наблюдать за теми, кто считал себя элитой общества, теми, кто имел власть над судьбами других людей. Их манеры, привычки, строгая иерархия в отношениях, уверенность в своем превосходстве — все это мне непременно нужно было знать, во всем этом я хотела разобраться. Почему?

Потому что время шло, а у Дарена ничего не получалось. След остыл совсем. Никто не видел, никто ничего не слышал, никто ничего не знал. Все связи графини перетряхнули, проверили и вроде бы всех, кого только можно, взяли под наблюдение, но... Ничего. Совсем ничего. Складывалось такое ощущение, что мальчишки просто не существовало на этом свете и только отчаянье графа и ежемесячные отчеты, появляющиеся в почтовом пенальчике его жены, доказывали обратное. Выслушивая вместе с магом отчеты людей, занимающихся поисками парнишки, я все чаще ловила себя на мысли, что что-то идет не так. Ищут неправильно! Идут поиски наследника знатного рода.

Обыскивают все дома, имения, квартиры, принадлежащие графине и ее друзьям. Все почему-то уверены, что ребенка держат где-то как знатного заложника. Даже теневиков, а если проще, воров прижали и прошерстили... Пусто! Парнишечка как сквозь землю провалился. Вот у нас бы, в прошлой мой жизни, искали не знатного заложника, а мальчишку лет пяти-шести, черноволосого, синеглазого, с маленьким шрамом, пересекающим левую бровь. Обходили бы города и поселки, проверяя всех, начиная с горожан, кончая селянами, и узнавали бы, не появился ли у кого-либо в семье с полгода назад парнишка, похожий на пропавшего. Ищейки судят по магическим зарисовкам и потому продолжают искать мальчишку, одетого в добротную, дорогую одежду, хорошую обувь, он больше ни разу не был показан босым и неухоженным, и потому продолжают поиски именно высокородного пленника. Да, волосы у него отросли и они всегда чистые, одежда соответствует, но ее можно снять и надеть заново, ребенка отмыть и заставить улыбаться. Почему никто не думает о том, что мальчишка может, например, шататься по стране в сопровождении нищих или отряда наемников, выполняя роль мальчика «подай-принеси»? И самое главное, фургон, у которого он сидит, один и тот же, а вот земля у колес разная — трава, грязь со снегом, булыжники мостовой и даже старая хвоя. А это значит — дорога, город, село, лес. Этого никто не видит. Смотрят и не видят? А послания все одноразовые. Посмотрели, камешек рассыпался в пыль, и все, второй раз не посмотришь. Почему они не сделают копии и не изучат все еще и еще раз?

Граф теряет надежду на благополучный исход поисков, но он знает, что парнишка жив. Я же все чаще, глядя на его метания и переживания, думаю о родителях Ланьи, ведь они потеряли свою девочку навсегда. Ее больше нет, и виноват в этом Ларен. Интересно, он вспоминает о ней? Думает о том, что сделал? О том, какое горе испытали ее родители, когда узнали, что их колобочек никогда не вернется? Оказывается, я по-прежнему злюсь на него, но это не мешает мне сопереживать ему.

Как же плохо, когда сидишь, злишься, а сказать ничего не можешь. Остается только ментально пожимать плечами и развлекать себя любимую всеми возможными способами. Граф из особняка теперь редко выбирается. Зато я каждый день. Наблюдать за жизнью города не менее интересно, чем за аристократами. А как это помогает в

тренировках! Крыши, деревья, пожухлая трава небольших двориков помогают скрывать мои передвижения и проказы, а умение понимать речь людей — вдвойне. Собак в городе я уже запугала. Стоит только им почуять мой запах — и все, из будок и подворотен только хвосты видно. И тишина. Молчат, как партизаны на допросах. Вот и получается, псы молчат, магия не замечает, люди в большинстве своем, особенно ночью, как куры слепые, а я крутой шпион-террорист. Кого могла — запугала, кого могла — обманула, что хотела, рассмотрела, пролезла, пощупала, попробовала. За те полгода, что я в городе обитаю, уже у всех, кто меня интересовал, в гостях побывала, даже главу воров навестила как-то. А что? Неплохой мужик. Хваткий такой, жестокий, но справедливый дядька. Своих всех в железной рукавице держит, а какие у него камушки есть, а тайники... Блеск! А у аристократов сколько тайников? Да они любым вора́м фору дадут!

Но больше всего мне нравилось наблюдать за уже не совсем молодой женой моего мага. Минуло полгода, эликсир она так и не получила. И вот тут начали проявлять себя ее прожитые годы. Являясь довольно слабым магом, она не могла сохранять молодость, жизнь — пока да, но вот молодость — нет. Ее внешность претерпевает изменения, и мне интересно наблюдать за этим, а вот ее ужасно бесит то, что я могу беспрепятственно зайти в ее комнату и выйти оттуда. Первое время она пыталась повлиять на меня магией, но убедилась в бесполезности своих стараний. Затем начала изобретать ловушки, петли, падающие предметы. Теперь изображает добродушие и пытается подружиться. А мне интересно. Не зная о том, что я прекрасно ее понимаю, она о многом говорит в моем присутствии и многое планирует. А еще я могу без опаски наблюдать за ней и ее горничными, за тем, что именно они ей рассказывают. Например, девки доложили ей о том, что я живу в комнате графа, что кормит он меня со своей тарелки, а сплю я у него под боком. И вот эта дура послушала-послушала и решила заняться дрессировкой. Очень уж ей захотелось натравить меня на мага, а если и это не получится — отравить его. Я же говорю — дура, но умная дура. Я и раньше подозревала, что все свои дела она проворачивала не одна, а тут совершенно неожиданно для себя получила подтверждение этому.

Сегодня вечером, развалившись на подоконнике, я как всегда невозмутимо наблюдала за ее метаниями по комнате и внимательно

прислушивалась к ее неразборчивому бормотанию, а оно было очень занимательным.

— Еще чуть-чуть... Он же должен понять, что такое долгое мое отсутствие не просто болезнь. Если бы я по-прежнему принимала эликсир, он не позволил бы мне заболеть! Даже кретины должны это понимать. Наверняка продолжает платить за содержание ублюдка, и потому Ларен продолжает получать подтверждение тому, что его отпрыск жив. Старый глупец, как и я, не знает, где находится ребенок, но он знает того, на чье имя идет оплата и через кого можно дать команду на устранение мальчишки. У меня нет денег... Чем мне заплатить ей? Отдать ожерелье? Только за то, что она сходит в город, найдет там одного старого недоумка и передаст ему письмо? Он должен был догадаться сам. Должен был... А если ее схватят и допросят? Она скажет, куда ходила, и тогда все может пойти прахом. Но девки утверждают, что за ними уже не следят. Рискнуть? А если письма — известия о сыне перестанут приходить? Граф отдаст мне эликсир? Ради новых известий о нем отдаст? Или решит избавиться от меня и сделать себе, как он говорит, нового? Это не выход. Мне нужно избавиться от мужа, тогда я смогу вернуть себе не только красоту и свое имущество, но и прибрать к рукам состояние молодого Двардского. Да, так будет правильно! Придется все же использовать обеих. Одна в город пойдет, другая к графу, и все получится. Обязательно получится! Ожерелье одной и браслеты другой. Жалко, но я все верну. Выберусь из этого кошмара и верну! Так: письмо, яд, противоядие... Зачем противоядие? Пусть будет. Что еще? Ах да, мальчишка! Пусть... Нет, рано. Если Ларена напугать, а ведь он его ищет, он взбесится, а остановить мага такой силы, как мой муж, когда он находится в таком состоянии, очень сложно, почти невозможно. Убьет и скрывать не будет за что! Нет... Я жива, пока никто ничего не знает, и король опять же... Он наверняка делает вид, что ни о чем не подозревает. Пожалееет... И этот пожалееет. О тайнике с документами и магическими картинками не знает никто, даже я. Но стоит мне умереть... Бунты и свержение королевской династии самое малое, что ожидает королевство. Моя девочка очень любит свою маму и сделает все, как ей было сказано. У меня есть на кого надеяться. Еще есть. И должники есть... Письма. Нужно написать, чтобы все мои подопечные начали требовать моего появления при дворе, ведь не только король и

граф находятся в моих крепких руках. Я умная и хитрая. У меня всегда все получалось так, как я хочу. И теперь получится.

Эй, кто там... Бумагу мне! Пошла вон!

У-у, какая дамочка... Прямо Наполеон в юбке! А ведь у нее может получиться. Я до изнеможения металась по зимнему саду с дерева на дерево. Что? Что я могу сделать? Как сказать? Что у нее есть на короля? Какая дочь? Где она? Кто такой этот старый кретин, которого ругает графиня? На что она решилась?

ГЛАВА 11

Альбертина все-таки смогла договориться со своими горничными, а я не уследила. Одна из них ускользнула в город рано утром и к вечеру вернулась с маленьким пузырьком и ответами на ее письма. Граф — глупец! Расслабился. Да, целых полгода она и ее горничные вели себя просто образцово, она ни с кем не пыталась связаться, а они все так же жаловались на свою госпожу и изображали дружелюбие к жителям особняка и отвращение к графине. И вот... Все поверили им.

Началось! Сегодня одна из ее горничных спросила моего упертого мага, не стоит ли воспрепятствовать проживанию зверя в его комнатах, поскольку такая огромная кошка, как я, очень сильно линяет и именно теперь им все сложнее и сложнее поддерживать порядок. Знающие люди говорят, что, когда у кошки начнется гон и она загуляет, у господина будут большие проблемы с ее поведением. А еще для питомицы графа уже готовят большую клетку с домиком, деревьями и меховой лежанкой, ведь ее пора спаривать. Для лохматой красавицы охотники уже отловили несколько крупных самцов, правда, они сильно отличаются от нее, но ведь кошки есть кошки. Детки наверняка будут замечательные!

— Что? Кого в клетку? Мирку? Кто приказал? Ах, старый граф приказал? Да я вас всех одновременно в эту клетку посажу, а тех, кто устал ее шерсть магией убирать, уволю без рекомендаций.

Как он орал, я аж заслушалась. А как слуги по особняку бегали, с какой скоростью клетку разбирали... Я думала, это только для мальчиков строили, а оказалось и для меня тоже. И то правда, меня же очень нужно из его комнаты убрать. Молодцы какие, даже старика-графа подключили. Ну, твари, пожалеете еще... Я тебя сама до заикания доведу, гадина высокородная! Прямо сегодня и доведу, вот только придумаю как.

Ночь. Господин маг наорался и спит сейчас как младенец, а я не могу спать. Все буквально клокочет внутри. Меня! В клетку! Кого у нас больше всего боятся женщины? Да настолько, что, когда видят, забывают обо всем, и о магии в том числе? Крыс. Мышей. Змей! Точно, змей боятся почти все, а больших змей и подавно. Думаая о

змеях, я вспомнила любимый папин мультфильм о мальчишке, которого воспитали волки, — «Маугли». Да, Маугли и завораживающая сцена с удавом Каа и обезьянами. Пытаясь успокоиться, позволила своему воображению разыграться, красочно рисуя в своем мозгу огромную змею, только не удава, а анаконду. Сильное тело, стальные мышцы под блестящей гладкой кожей, покрытой мелкими чешуйками, длинный хвост, завораживающие глаза и совершенная форма головы. Красотка. Больше всего на свете из всех животных любила и люблю кошек и змей. Они такие, такие...

Звякнул, падая на пол, ошейник, и я сначала не поняла, как он мог соскользнуть с моей шеи. Да, он всегда висел на мне совершенно свободно, но никогда не спадал, как бы не прыгала, где бы не лазила, в каких бы драках не участвовала. А тут... И пол я вижу не так и краски не те, хотя вижу и слышу по-прежнему хорошо, вот только... Японская ты моя мама!

Вот это хвост! А кольца? Блеск! Красота! Я... Я красотка! Такой огромной анаконды я вживую ни разу не видела, а вот люди наверняка ни разу не видели, как огромная змея рассматривает в зеркало сама себя. Хорошо, что маг спит! Что же этот уверенный-самоуверенный намагичил-то? Это же надо, заклинания он древние нашел, да еще и усовершенствовал... Придурок!

А все же прелесть какая... А назад как? Вряд ли маг обрадуется появлению такого питомца. Как там в фэнтези писатели пишут: представить себе свой первоначальный облик до мельчайших подробностей... Есть! Да! Получилось! Та-а-ак, теперь обратно. Ну, графиня! Ш-ш-шди меня! Я иду-у-у-у...

Ах, как сладко спит графинюшка! Планы составила, в жизнь воплотила, ну или почти воплотила и вот теперь спит. Носит же таких земля! Теперь я точно знаю, что такое стерва и ведьма в одном флаконе. Как же хочется ее придуш-ш-шить. Сжать покрепче в объятиях, и все дела, но нельзя. Смена власти королевству на пользу не пойдет. Чем же она держит короля? Кто знает о ее дочери? Где ее искать? И кто такой он, на помощь которого она надеется? Как много вопросов, на которых у меня нет ответов. Та-а-ак! В клетку, говоришь, меня, для спаривания. Ну-ну... Нравятся мне местные господотоварищи — если есть магия, зачем нужны механические замки?

Богатым не нужны, а если еще хозяин один из сильнейших магов, то и подавно! Вот только не замечает меня магия, и потому именно для меня открыты в домах аристократов все двери.

Здравс-с-твуй, дорогая графиня! Здравс-с-твуй.

Посреди ночи особняк молодого графа Двардского засиял яркими огнями. Душераздирающий крик, оборвавшийся на самой высокой ноте, разбудил всех его обитателей. В течение нескольких минут люди никак не могли понять, что их разбудило. И если кто-то действительно кричал, то кто это был? Нашли, конечно, как не найти. Не могло же показаться всем одновременно? Вот только понять так ничего и не смогли, потому что кричавшая графиня оказалась крепко не в себе. Твердила хриплым полупшепотом об огромной змее, которая душила ее в своих кольцах, и падала в непритворный обморок, стоило только потушить свет. Оставаться же одна категорически отказывалась, начиная биться в припадке, цепляясь за всех подряд. К утру было решено, что в комнате хозяйки теперь всегда будет гореть свет и находиться одна из горничных. Сама же графиня к утру слегла в постель с высокой температурой. Особняк тщательно обыскали. Согласно магическому договору, граф был просто обязан заботиться о благополучии жены, и он сделал все, чтобы обнаружить то, что ее напугало, но все его усилия ни к чему не привели. Дом был чист. Никаких огромных змей и в помине не было.

Весь этот цирк я наблюдала из первых рядов, путаясь под ногами у мага пушистым комком. Ха! У них, оказывается, вообще таких огромных змей нету! Вот это я выступила! Напугала так напугала. Ну ничего, от нервной горячки еще никто не умирал. Зато к утру все в особняке были твердо уверены в том, что молодая хозяйка тронулась умом. Еще пару раз змею увидит и поселится в отдельном имении для буйных магов и, самое главное, сама будет твердо уверена в своем безумии.

Я просчиталась. Мадам в горячке, а получившие, видимо, накануне указания и оплату горничные начали действовать. Посовещавшись между собой, эти дуры решили, что болезнь хозяйки — дело рук ее мужа, и пришли к выводу, что если он умрет, то другой целитель ее непременно вылечит и на нее при этом никто не подумает. Вот теперь я наблюдаю за их решительными действиями. Ужин уставшему магу сегодня сервируют в комнате, и пока он умывается и

снимает с себя хламиду, в которой работал в лаборатории, одна из двух прелестниц между делом добавляет ему в бокал с вином пару капель яда. Во как! Уходит... А почему она вообще сегодня его обслуживает? Кто ее сюда пустил? Почему молчит граф? Устал так, что ни на что не обращает внимания? Так, садится. Обнюхиваю все, что ему принесли. К этому он уже привык. Ба! Есть собирается! Обычно артефактом еду проверяет, а сегодня из-за бессонной ночи и тяжелого дня расслабился. Он его вообще в умывальне забыл!

Говорила мне мама, что алкоголь это зло, а я сомневалась. Нет чтобы поест сначала, чайку выпить, а он к фужеру ручки тянет. Так и хочется заорать: «Не ней, козленочком станешь!» Вот сейчас выпьет и умрет... А оно мне надо? Нет. Будем спасать «самого умного, самого сильного»...

Резкий удар лапой по руке мага привел к ожидаемому мною результату. Фужер упал на ковер, разбиться не разбился, но содержимого лишился. Некрасивое темное пятно расплзлось по ковру. Интересно, не ругается. Посмотрел с укоризной, вздохнул, поднял фужер и принялся наполнять его вновь. Нет, в графине с вином яда нет, а вот на стенках фужера... Наверняка. Удар! И на ковре появляется еще одно пятно.

— Мира! Прекрати!

Ага, сейчас... На тот свет всегда успеешь, торопыга! Раскомандовался тут. Нет, ты погляди, какой упорный. Ему именно сегодня умереть очень хочется. Опять к фужеру тянется и морда лица такая недовольная. Выпускаю когти и теперь уже бью лапой по его руке, оставляя на ней четыре красных царапины, на глазах наливающиеся кровью. Руку отдернул, но орать не стал. Смотрит на меня, как на чудо невиданное, и усиленно о чем-то думает. Работа мысли вон даже на лице отразилась. До чего-то додумался, на мгновение будто застыл, а потом проверил руки на предмет артефакта и в купальню рванул. Молодец! Лучше поздно, чем никогда. Не торопясь проверил разлитое на ковре вино, валяющийся у меня возле ног фужер, графинчик с вином тоже не забыл. Потемнел лицом. Стиснул кулаки. Магия вокруг так и забурлила, окутывая его фигуру словно плащом. Сейчас заорет. Точно.

— Ниран!

В ответ на его ор дверь распахнулась и явила нам все ту же красотку, что ранее занималась сервировкой графского ужина. Глазки опущены, ручки дрожат. Ну прямо сама невинность во плоти.

— Где Ниран? — взревел злобный монстр в лице господина графа.

— Не извольте гневаться, милорд. Приболел он.

— Почему ты пришла? Где лакеи?

— Так болеют все. Повар сегодня на обед несвежую рыбу приготовил, вот теперь большая часть прислуги животами мается.

— Что ты несешь? Какая несвежая рыба? Кто мне ужин принес?

— Так я и принесла, милорд. Как мне повар на кухне все, что положено, на поднос поставил, так и принесла.

Как же вовремя все заболели. Да и спрашивает он ее не о том. Так он долго еще к цели приближаться будет. Помочь ему, что ли?

Мягко и совершенно беззвучно я двинулась к девушке. Мое обоняние ясно говорило, что изобличающий флакончик все еще находится в кармане ее платья. Я, конечно, обратила внимание на то, что в комнате наступила тишина и что теперь все внимание приковано именно ко мне и моим действиям, но не стала останавливаться. Подойдя вплотную к стоящей у закрытой двери горничной, демонстративно ее обнюхала, затем оскалилась и зарычала. Этой подсказки графу хватило с лихвой.

— Что там у тебя? — с показным спокойствием спросил он.

— Платочек и флакончик с лекарством. Я сегодня тоже эту рыбу пробовала, правда самую малость, потому мне капли и помогают совсем не разболеться.

Ты глянь, какая умненькая девочка. Если бы не я, у нее бы все получилось. Ларен уже успокоился, поверил, того гляди отпустит красавицу. Что же он сегодня так тормозит-то? Устал так сильно, что ли? Ладно, побуду сегодня плохой. Очень плохой.

Шаг назад и удар всем телом. Сбиваю девчонку с ног, как кеглю в кегельбане. Она даже закричать не успела. Рву когтями карман платья и, придавливая лапами ее тело, изображаю захват горла своими клыками. Поранить шею не поранила, но напугала сильно. Лежит бедная, не шелохнется и даже дышит через раз, а вот самоуверенный маг уже и не такой самоуверенный. Стоит, как замороженный, и глазами хлопает. Красавчик! Отмирал бы уже побыстрей, что ли.

Можно подумать, мне правится так вот лежать... О, ожил! И что самое интересное, опять не орет. Подходит, гладит по голове и почти мурлыча приговаривает:

— Что такое, девочка моя? Что случилось? Чем она тебе не понравилась? Или не она? — Ну наконец-то. — А может, тебе флакончик с лекарствами не понравился? — Он щелкнул пальцами и взял в руку флакончик, хорошо видный в разорванном мною кармане. — Все. Я ее держу. Отпускай.

Тело девушки подо мной будто задеревенело, а граф другой рукой тихонечко потянул меня в сторону. Ну, отпускать так отпускать. Послушно встаю и отхожу в сторону.

Для того чтобы определить содержимое флакончика, много времени ему не понадобилось, а вот чтобы что-то узнать у своей несостоявшейся отравительницы, пришлось повозиться. Разводить церемонии маг не стал. Вломился в разум горничной, и через полчаса на полу его комнаты лежала счастливая, но абсолютно глупенькая девушка, а вторая стояла рядом и, глядя на нее, исповедовалась, стуча зубами от страха. Лично я ничего нового для себя не услышала, а вот граф получил надежду на возвращение сына. Дальше все завертелось очень быстро. Девочек закрыли в подвальных камерах, слуги получили лекарство от своей хвори, Ниран приступил к выполнению своих обязанностей камердинера, и спустя час молодой граф Двардский срочно уехал по делам.

Меня с собой не позвал, но не очень-то и хотелось. Что я, не найду чем заняться? Такое веселье кругом... Вот только мадам графиню все эти события обошли стороной. Ее, болезную, никто беспокоить не стал. Жар у нее спал, чувствовала она себя немного получше, так зачем ее душеньку тревожить?

ГЛАВА 12

К утру дом затих. Все ждали возвращения хозяина, а я ходила из угла в угол по его апартаментам и злилась. У меня не получалось. Нет, поменять облик рыси на анаконду и не терять при этом своего блестящего украшения, причем у змеи на шее оно точно не болталось, уже получалось, а вот больше ничего, а я так надеялась.

Чем я занималась? Сначала стояла перед зеркалом и пыталась представить себя любимую, всю от кончика пальцев до кончика волос. Не получалось. Рысь — получалась! Змея — получалась! А вот девушкой стать не получалось. И никем больше не получалось. Не помня себя от злости и разочарования, я была готова по потолку бегать. Время шло, я успокоилась и почти уже решила прилечь на кровать, как в мою голову пришла ошеломляющая мысль: «А почему я представляю себя? Тело ведь не мое!» Не теряя ни мгновения, метнулась к зеркалу и начала вспоминать образ Ланьи...

Не получается. Как же больно, когда в душе умирает надежда. Ничего не хочу. Жить не хочу. Прожить всю жизнь в теле животного — незавидная судьба. Будь прокляты самоуверенные маги и их желание экспериментировать над живыми людьми! Если бы граф Двардский вернулся домой именно тогда, когда я поняла, что все мои попытки ни к чему не приводят, он бы рисковал. Очень сильно рисковал, потому как именно в этот момент мне больше всего хотелось вцепиться клыками ему в шею, но он не пришел ни в тот момент, ни утром, ни даже вечером.

Его сиятельство явился домой спустя три дня, ближе к полуночи. Рывкнул на кого-то в коридоре, оглушительно грохнул дверью своей спальни и словно подкошенный рухнул на кровать лицом вниз. В течение нескольких минут он лежал совершенно неподвижно, а потом вскочил и ринулся к двери, ведущей в смежную комнату, комнату его супруги. Дверь он за собой не закрыл, и я легко проскользнула вслед за ним.

Мадам графиня возлежала на кровати, готовясь отойти ко сну. Вокруг нее хлопотала новая горничная, еще не старая женщина крепкого телосложения, с посеребрёнными сединой волосами и сурово

поджатыми губами. Очень спокойная и флегматичная, она делала свое дело и не обращала внимания на выкрутасы своей новой госпожи. Жалование ей пообещали достойное, из прачек повысили до горничной, она явна была довольна жизнью, и ничего более ее не волновало. Все выглядело тихо, спокойно, пристойно, потому как барыня успела перебеситься.

Известие о том, что она больше никогда не увидит своих горничных, привело Альбертину в бешенство, и она, несмотря на слабость и недомогание, изрядно попортила нервы всем, кому могла. Остановившись у кровати возлежащей среди подушек и одеял своей жены, граф немного помолчал, дождался, пока она обратит на него внимание, и только тогда заговорил. Честно говоря, я ожидала чего-то более эмоционального, но его голос звучал устало, тускло, очень тихо, но в словах чувствовалась решимость и уверенность в своей правоте.

— Добрый вечер, дорогая Альбертина. Извини за небрежение к твоим нуждам, мне передали все твои претензии и жалобы, и я спешу тебя обрадовать теми многочисленными новостями, которые появились за последние несколько дней. Во-первых, твои горничные... Их больше нет, королевский суд приговорил их обоих к смертной казни за покушение на убийство. Приговор приведен в исполнение.

О, а я и не знала, что их уже забрали!

— Во-вторых, их показания дали мне возможность завершить расследование по делу о пропаже моего сына. Твой бывший возлюбленный, который помогал тебе все это время и на помощь которого ты так рассчитывала, умер. Умер он по причине преклонного возраста, но перед этим успел сообщить мне о том, что месяц назад он прекратил посылать деньги на содержание мальчика и пять дней назад получил известие о его смерти. У меня больше нет сына, у тебя больше не будет свободы, здоровья и слуг. Согласно нашему договору я обязан содержать тебя в моем доме? Я построю для тебя башню со всеми удобствами. Ты будешь жить очень высоко и не сможешь выйти оттуда самостоятельно, а никто, кроме меня, не сможет войти к тебе. Всем необходимым я тебя буду обеспечивать. Что еще... А, забота о твоём здоровье. Ты не будешь болеть, это я тебе обещаю, но вот от старости я тебя лечить не обязан, так что прости, стареть ты будешь, как все. На короля можешь не надеяться, отныне ты полностью в моей власти, и только в моей. Единственное, что я могу тебе обещать, так

это то, что ты еще не раз и не два пожалеешь о том, что перешла мне дорогу. С завтрашнего утра я приложу все силы для того, чтобы ты как можно быстрее переехала в свои новые апартаменты. Спокойной ночи, милая. Сладких снов.

Мы покинули комнату так же тихо, как и вошли, а мадам по-прежнему продолжала молчать. Дверь за графом закрылась. Щелчок пальцами и дикий крик за стенкой. Обездвижил, стервец! Я-то думаю, чего это она так терпеливо и упорно молчит? Разозлила мужика. Так ей и нужно, а вот мальчишку жалко.

Дни шли за днями. Ларен все больше замыкался в себе и работал как проклятый. Изо дня в день — лаборатория, строительство башни, кратковременный сон. Он не только свой резерв опустошал постоянно до самого дна, но и накопленные годами магические накопители не экономил, стараясь наказать жену как можно скорее. Меня кормили, ласкали, но не разговаривали. Иногда мне начинало казаться, что Ларен просто разучился это делать.

Спустя месяц мадам графиня вынуждена была поселиться в своих новых апартаментах. Теперь ее истерики и желания никого не тревожили и не волновали. Альбертина могла быть довольна собой. На собственном примере она научила мужа обходить условия магического договора. Ученик ей достался талантливый и сумел превзойти учительницу по всем параметрам. Вот теперь уже точно никого не интересовало, хватает ли магических сил и желания у жены графа для того, чтобы самостоятельно содержать в чистоте и порядке свое тело, волосы, одежду, комнату.

Да, потеряв сына, Ларен не стал мягче. Он и так был довольно жестким, своевольным, самоуверенным, а теперь и вовсе озверел. И непонятно, что именно злило и огорчало его больше: потеря сына или собственное бессилие по этому поводу. Слуги сновали по особняку, изображая безмолвные тени, Ниран отдавал все нужные указания чуть ли не шепотом и даже король при встрече со своим другом не решился высказать какие-либо претензии. Светское общество начинало забывать о существовании графини Альбертины Двардской. Новые события и происшествия занимали умы людей, и, как мне кажется, многие из тех, кто так настойчиво ранее интересовался ее судьбой, просто вздохнули с облегчением, не получая от нее известий и

требований. Судя по всему, всем, буквально всем было выгодно ее исчезновение, и только я, зная о существовании ее дочери, искренно надеялась, что эта женщина, кем бы она ни была, все же не решится обнародовать оставленные ей на сохранение материалы, не получая от нее известий и указаний.

Но время шло. Никто никого не изобличал и не обвинял. Начал понемногу оттаивать граф. Он наконец-то решил, что не разорится, покупая раз в полгода эликсир, но при этом освободится от нудной и трудоемкой работы, ведь графиня не вечна, а неиспользованный эликсир с огромной выгодой можно продать и чуть позже. Теперь Ларен пропал в лаборатории, возобновив работу над собственными экспериментами. А я?

А я начала было скучать. Столицу я уже изучила вдоль и поперек. Научилась использовать оба своих облика в полную силу. Была бы драконом, начала бы сокровища собирать, а так... Даже путешествовать по стране не тянуло. Ну побегаю я по лесам. Ну поохочусь в свое удовольствие. А дальше что? Кошкой я, слава богам, была только внешне, и никакие кошачьи загулы меня не тревожили, змеей, видимо, тоже, потому как холода не боялась и в оцепенение при понижении температуры не впадала. Надежда на то, что когда-нибудь все-таки смогу принять вид человека, теплилась теперь в моей душе едва-едва. Жизнь потихоньку начинала терять смысл.

ГЛАВА 13

Все изменилось именно тогда, когда я уже полностью потеряла надежду. Пару дней назад жуткая по своей мощи гроза застала меня на половине пути из леса через город, в особняк моего хозяина. Холодные струи дождя хлестали по спине как плети и буквально сбивали с ног, гром заставлял прижиматься к земле, а молнии — искать убежища. Улицы стремительно пустели. Люди и животные прятались от непогоды кто куда, были забыты разногласия и деление на сословия. Тяжелые, низкие тучи превратили еще не поздний вечер в ночные сумерки. Темноту с частой периодичностью освещали бьющие вертикально молнии. В придачу ко всей этой «красоте» решил присоединиться еще и ветер. Его резкие порывы заставляли греметь и слетать с крыш черепицу, разные мелкие предметы поднимались в воздух лишь для того, чтобы с огромной силой удариться о ближайшую стену.

Самое паршивое в этой ситуации было то, что крылечко, под которым я спряталась, решило, видимо, последовать всеобщему примеру и тоже поучаствовать в творившемся вокруг хаосе и веселье. Оно отчаянно скрипело и вздрагивало, стараясь оторваться от земли. И у него получилось! А вот я благодаря его стараниям осталась без укрытия.

Вот тут-то все и началось. В поисках нового укрытия я, конечно, бросилась бежать вдоль улицы, надеясь добраться до небольшого домика кузнеца, во дворе которого находилось крепкое строение конюшни. Уж там-то наверняка можно было укрыться и не опасаться дождя и ветра. Именно в этот момент удача отвернулась от меня и посмеялась над моими усилиями и желаниями. Как ничего не весящую пушинку, ветер подхватил мою как минимум пятидесятикилограммовую тушку и швырнул вверх. Я была просто в ужасе, и не просто потому, что такое буйство стихии впервые встречала в подобном положении, а потому, что именно в тот момент поняла: эта гроза не является чисто природным явлением. Именно здесь и именно сейчас я отчетливо увидела магические нити, вплетенные в окружающую меня стихию. Они набирали силу,

становились все более толстыми и упругими. Означать это могло только одно: маг, причастный к данному безобразию, сердится, и не просто сердится, он в бешенстве. А какой маг может сотворить такое?

Я лично знала только одного сильнейшего, ненормального, молодого, самоуверенного и, самое главное, с расшатанными в последнее время нервами — Ларена. Графа Двардского. А это значит, что на быстрый конец светопреставления можно было не надеяться. Болталась я в воздухе недолго, а затем меня со всей дури приложило о крепкую крышу местного трактира. Порадоваться тому, что я еще жива и сумасшедший ветер оставил меня в покое, я не успела. Пару мгновений полежала, распластавшись по черепице, как мокрая тряпочка, и поймала высшее наслаждение мазохиста — молнию.

Это было непередаваемое ощущение.

Каждой клеточкой своего тела я почувствовала, так сказать, прелесть единения со стихией. Казалось, что кто-то очень огромный и по-детски любопытный с интересом крутит мою тушку, изучая все ее части по отдельности. Отделяя одну от одной, вертя, скручивая и складывая вновь, как кубики или части пазла. Я почувствовала каждый свой нерв, каждый волосок, даже мысли причиняли боль. Боги смилостивились надо мной и погрузили мое сознание в небытие. Позволили окунуться в безмолвие и покой.

Именно в этот момент моя судьба сделала крутой поворот, а я его не сразу заметила, потому как в это время находилась в совершенно невменяемом состоянии. В себя я пришла от дикой головной боли. Кто-то внутри этого нароста на моем теле упорно занимался комплексным ремонтом, сверлил, стучал, работал перфоратором. Прямо убила бы этого строителя, если бы нашла... Но несбыточные мечты отошли на второй план сразу после глубокого вдоха, который я наконец-то смогла сделать, потому что сознание покинуло меня еще раз. Нет, ну а кто бы, обладая моим чувствительным носом, смог бы выдержать подобное издевательство! Придя в себя второй раз, я задержала дыхание и попыталась определить причину зловония, окружающего меня буквально со всех сторон, а также определиться со своим местоположением и окружающей действительностью. Определилась... Забыла и про запах и про боль!

Вот теперь я с уверенностью могу сказать: бывает хуже, но реже! Еще совсем недавно я сетовала на однообразие и скуку? Дура! Хотела

перемен? Получите и распишитесь в получении. Темнота, в которой я очнулась, не помешала мне понять, что огромное помещение, где я нахожусь, просто набито людьми. Вокруг раздавались тихие стоны, шорохи, редкие удары металла о металл, звон цепей, шепотки молитв и уговоров, еле слышные всхлипывания женщин и плач маленьких детей, а самое главное — это звук удара волн о деревянный борт судна. Несколько раз, еще в своей прошлой жизни, мне доводилось путешествовать на небольшой яхте, и потому спутать этот звук с чем-либо другим я точно не могла.

Обоняние, слух и наконец-то зрение... Оно восстановилось, и я сумела рассмотреть почти в полной темноте ряды клеток, буквально набитых людьми. Места там хватало только для того, чтобы сесть и вытянуть ноги, причем клетки с женщинами были отделены от клеток с мужчинами теми, где содержали детей. Тяжелый запах множества невымытых тел и людских испражнений заставлял глаза слезиться. Ко всему этому прибавлялось еще одно неудобство: мужчины были скованы по рукам и ногам, женщинам сковали только руки и только дети были освобождены от ношения тяжелых, скованных между собой цепью наручей. Заключенные? Преступники? Рабы? Ответа на этот вопрос я не знала, но зато прекрасно поняла, что нахожусь в одной из таких клеток в компании всего трех женщин и двигаюсь навстречу судьбе вместе со всеми этими несчастными. При этом воздух, так необходимый всем, поступает через два небольших люка, расположенных в разных концах трюма. Они, конечно, открыты, но это не спасает положения. Дышать но-прежнему тяжело, и из-за этого меньше чем через сутки люди начнут болеть. Сначала самые слабые, дети, затем женщины и под конец мужчины. Надеюсь, наш путь будет недолгим, иначе наши перевозчики окажутся в минусе, потому как товар придет в негодность.

И все из-за чего? Из-за того, что высокородную заразу, Двардского, кто-то разозлил, и вот я опять в дерьме по самые уши! И самое главное, опять при его непосредственном участии. Я нашла в себе силы пошевелиться и застыла, обратив внимание на загремевшие по полу средневековые наручники. На несколько долгих минут мой мозг просто отключился только потому, что эти железки были надеты на руки. *На руки!*

Темнота не помешала мне в конце концов понять, что у меня получилось... Наконец получилось! Я — человек! Да, на мне магические оковы, призванные блокировать магию, но мои руки... Они — есть! Тонкие запястья, длинные пальцы, бледная кожа, аккуратные ногти... Да! Все плохое отступило на задний план. Чувство восторга охватило меня, и ему не могли помешать ни грязные тряпки, бывшие когда-то розовым платьем Ланьюшки, ни грязные босые ноги, ни вонь, стоящая в трюме увозившего меня в неизвестность корабля, ни три свернувшихся в клубок женщины, забывшиеся в тяжелой дреме. Ничего...

Я счастлива!

ГЛАВА 14

Ощупывая себя и разглядывая все, что было доступно моему взгляду, я сумела понять, что принадлежу к женскому полу. Слава богам! Рост мой не превышает метра шестидесяти, и это наследие Ланьи, но вот только тело мое полностью вовсе не отличается. Напротив, оно худое, жилистое, с прекрасно натренированными мышцами. Рассвета я ждала как чуда, потому что больше всего на свете мне в данный момент хотелось узнать, как я выгляжу.

Клетка, трюм, наручники, плен — все это отодвинулось на задний план. Нет, я не дура и не блондинка. Мне просто очень нужно было знать, как я выгляжу, чтобы понять, как дальше жить и действовать. Например, зрение, как у кошки, а глаза? Лицо — красивое, страшное, невзрачное... Какое? Какие волосы? В темноте не могу определить. Черные, потому что грязные, или потому, что цвет такой? Как же долго тянется время.

И вот он, рассвет. Зашевелились более активно люди, пытаюсь размять затекшие во сне тела, запричитали женщины, окликая своих детей. Заплакали дети, причем как малыши, так и подростки. Все это не могло не привлечь охрану.

— Заткнитесь! Пададь! — раздалось из люка.

Шум нарастал, но вниз пока никто не спускался, правда, орать тоже никто больше не орал. В трюме постепенно становилось все светлее и светлее. Я наконец-то смогла получше рассмотреть своих соседок и начать разговор.

— Я Миира, и после удара по голове даже как выгляжу, не помню, только имя в голове крутится. Не могу понять, где мы и что происходит? Надеюсь на вашу помощь, — проговорила я, привлекая к себе внимание своих соседок. Ответили мне не сразу, но все-таки ответили. Первой заговорила молодая женщина лет тридцати, маленького роста, полненькая, светлоглазая, с огненно-рыжими волосами.

— Я Рада, мне двадцать восемь, меня и моего сыночка взяли в плен при нападении на купеческий обоз. Мой муж погиб, защищая нас, и теперь я не только потеряю сына, но из купеческой жены

превращусь в рабыню. Нас продадут с торгов на острове Квари. Именно там теперь проводятся торги, потому что совсем недавно все соседние королевства подписали договор о запрете торговли людьми, который при этом совсем не запрещает богатым людям владеть рабами. Остров же находится под властью морских разбойников, и теперь торговля людьми самое прибыльное дело для них. Желаящие купить рабов беспрепятственно пропускаются на остров и так же свободно покидают его. Сильнейший магический источник и неприступный древний бастион надежно защищают остров и его жителей. Как только наши ноги коснутся его берегов, мы потеряем свою свободу навсегда. Клеймо раба сделает нас вещью, покорной, податливой, готовой услужить, и нам уже никогда не захочется покинуть своего хозяина.

Слезы потекли из ее глаз, губы задрожали, а руки упали вдоль тела, увлекаемые вниз тяжестью наручей, скованных цепью.

— Я Марика, — заговорила высокая смуглая женщина с угольно-черными волосами, темноглазая, стройная, с большой грудью, длинными ногами и изящными руками. — Мне тридцать. Была в городе проездом. Муж, барон Варлен, улаживал свои дела в портовой таверне. Меня выкрали прямо из комнаты, где я отдыхала в ожидании, пока он освободится. У меня трое детей, но они, слава богам, остались дома, в безопасности. Я неплохая магичка, но оковы полностью блокируют меня.

— А я Ласка, мне шестнадцать, — заговорила молоденькая девушка с белыми как молоко волосами, огромными темными глазами, тоненькой как тростинка фигуркой и опухшим от слез личиком. — Служила подавальщицей в том трактире, откуда украли госпожу баронессу. Случайно оказалась свидетелем ее похищения, и вот я тоже тут; детей у меня нет.

Все трое, очевидно, потеряли надежду на спасение и совсем пали духом, но мне нужны были ответы, и я начала задавать вопросы. Отвечала мне в основном Марика.

— Нас могут спасти?

— Нет. Я видела, куда меня тащили. В море, под охраной трех боевых кораблей, вышло несколько кораблей торговцев с большими трюмами. Они совершают плавание совершенно легально и по документам наверняка увозят сейчас полные трюмы обычного товара.

Их никто не будет трогать, потому что идут они под флагами союзного королевства. Никто не будет нарываться на скандал с воинственным королевством Уркуаи ради кучки пропавших людей, а ведь именно его флаги сейчас реют на мачтах.

— Откуда мы отплыли?

— Из порта.

— Да нет! Город как называется? Далеко он от столицы?

— Называется Лиая. До столицы два дня пути на лошадях.

— И что, нет никакой надежды на освобождение? А если пленники смогут захватить корабль?

— Корабль потопят, но не дадут уйти.

— Почему после рабского клейма люди не хотят покидать хозяев?

— Магическое клеймо лишает воли навсегда. Таких людей никто уже не ждет дома, их не освобождают из рабства, они уже никогда не смогут жить самостоятельно, им всегда будет нужен тот, кто будет думать за них и отдавать приказы.

Так... Мне туда нельзя. Вряд ли на меня подействует клеймо, но занять такую красоту я не хочу и проверять вероятность воздействия тоже не желаю.

— Девочки! Опишите меня. Я не представляю, как выгляжу!

Чуть помолчав, они заговорили, дополняя друг друга.

— Ты молоденькая девушка лет четырнадцати-пятнадцати, маленького роста.

— Худенькая, но даже под твоим широким платьем видна твоя ладненькая фигурка и грудь.

— Очень белая кожа, черные волосы с белыми прядями, голубые глаза, красивые руки и шея...

— Ты красавица и явно принадлежишь к одному из высокородных родов.

— Вот только твое платье... Оно, конечно, раньше было очень дорогим и красивым, но сейчас оно грязное, рваное, с него срезали все украшения, да и размер явно не твой. Тебя запихнули в чужое платье.

Ага, в чужое, Ланья-то была попухлее. А камешки с платья жалко... Внешность нужно менять хотя бы временно, судя по всему, внешность моя — это что-то среднее между нами, но... Это значит, что, если я столкнусь лицом к лицу с самоуверенным магом, он меня не узнает. А самое главное, что жуткого украшения, которое получила

молоденькая виконтесса, у меня нет и весь комплект магического украшения, впечатавшегося в плоть девушки, нельзя обнаружить визуально. Буду надеяться, что магическим путем его тоже никто не сможет обнаружить. Не видит же его сам создатель!

Хорошая новость, конечно, но на сегодняшний день это всего лишь вторая хорошая новость, а вот плохих становится все больше и больше. Значит, медлить нельзя, нужно действовать. Вскоре мои соседки могли наблюдать удивительную картину со мной в главной роли. Я же, стараясь прикрыться ими, как живым щитом, отошла в самый темный угол нашей клетки и начала приводить себя в должный, по моему мнению, вид. Я оторвала от платья одну из нижних юбок, разорвала ее на широкие полосы, спустила с плеч большое не по размеру платье и для начала аккуратно перетянула грудь. Затем натянула платье обратно и полюбовалась результатом. Да! У меня получилось! Теперь моя фигура напоминала плоскую доску. Пятнадцать мне теперь не даст никто. Еще одна полоса юбки стала поясом, а вторая изобразила шнуровку в районе плеч, очень уж не хотелось, чтобы эта конструкция, ранее бывшая платьем, свалилась с меня в самый неподходящий момент. Не забыла я и про макияж. Вековая пыль под моими ногами прекрасно подошла на роль пудры и скрыла белизну моей кожи на всех видимых участках, а также помогла сделать волосы тусклыми и неприятными на ощупь. Боги! Мне сразу захотелось броситься за борт и смыть с себя весь этот ужас, но жить хотелось больше, и я заплела всю эту красоту в тугую, неопрятную косу, стараясь предстать перед любым любопытным взором в виде пугала огородного, не стоящего не только второго взгляда, но и первого.

— Перед торгами всех заставят помыться, — прокомментировала мои усилия Ласка.

— До торгов еще нужно дожить, а на корабле около сотни мужиков, не чуряющихся плотских удовольствий. Я не хочу служить для них развлечением.

— Молоденьких девственниц они не трогают. Капитан не захочет терять деньги, и деньги немалые, — сообщила Ласка.

— Надежда на богов и хозяев дело, конечно, хорошее, но я предпочитаю надеяться на себя, — высказала я свою точку зрения на все происходящее.

Я очень вовремя закончила свои преобразования. Проснувшись основная масса детей, и вот уже человек двадцать из тридцати один за другим присоединились к хоровому исполнению надрывного плача. Спустя какое-то время к ним добавились стенания матерей, а вслед за этим и крики наших тюремщиков. Спустя полчаса и сами они во плоти явились перед нами. Как они решили разобраться с этим вопросом? О, все очень просто. Врывались в клетки и начинали лупить тех, кто вызывал их недовольство. В итоге крику и плача стало в разы больше. Прекратилось все с приходом капитана. Стоя на ступеньках трапа, он гаркнул во все свое луженое горло, и наступила блаженная тишина. Ну как тишина... Заключенные и надзиратели притихли, а вот сам капитан жутко разорался.

— Вы что здесь устроили, придурки? Вам что было велено? Быстро вытаскивайте из клеток с десятков подростков и заставьте их опорожнять ведра с дерьмом, таскать воду и еду. Если хоть кто-нибудь сдохнет за время пути по вашей вине, сами займете их место. Вас для чего взяли в долю? Для того чтобы вы следили за товаром и заботились о его сохранности. Так начинайте же наконец соображать своими пустыми головами!

После его указаний матросы забегали. В наши клетки принесли воду и баланду, по-иному принесенное варево назвать было нельзя. И если воду можно было пить прямо из ведра по очереди, то так называемую еду нужно было как-то разделить. А как? Начались драки, причем как в клетках, где сидели мужчины, так и в клетках, где были только женщины и дети. Ор, который поднялся вследствие этого, во много раз превышал утренний. Как оказалось, надзиратели забыли раздать людям приготовленные специально для этого небольшие металлические миски, да и раздавать пищу должны были сами, не пуская это дело на самотек. В итоге только в нашей клетке все прошло гладко и спокойно. В остальных же как минимум половина остались голодными до следующего приема пищи. Пища оказалась именно баландой, и только мысль о том, что голодание приведет к потере сил, помогло мне проглотить то, что нам всем предложили. Эта дрянь больше всего напоминала помой. Лично мне помогли уроки выживания, которые преподавал мне сэнсэй, а вот Рада, Ласка и Марика так и не смогли побороть отвращение и не проглотили ни

глотка. Вряд ли они продержатся долго. Голод делает с человеком страшные вещи, и выдержать пытку голодом могут немногие.

Больше всего в этой ситуации страдали дети. Маленькие никак не могли успокоиться. Плач стоял весь день, и к вечеру команда корабля была просто в бешенстве. Выход опять же придумал капитан. После его очередного командного рыка в трюме начались перестановки.

Детские клетки открывались одна за другой. Детей от трех до десяти лет, младше не было, выводили в проход между клетками, где содержались женщины, спрашивали: — Чей? — В ответ почти всегда раздавался крик: — Мой! — И счастливец отправлялся в объятия матери, а в проход уже выводили следующего. Но везло не всем. Некоторых детей не опознали, и именно в этом случае следовал другой вопрос: — Кто возьмет? — К моему удивлению, желающих оказалось очень мало, и маленьких отказников возвращали на место. Недоумевая, я повернулась к своим соседкам и одними губами спросила: — Почему? — Меня поняли. Ответ я получила от Марики:

— Если ребенок во время пути умрет, отвечать придется той, что взяла на себя ответственность за чужого ребенка.

Возмутиться я не успела. Рядом со мной громко вскрикнула Рада и рывком прижалась к прутьям клетки. Слезы градом текли из ее глаз. Руками она пыталась достать маленького мальчика, стоящего довольно далеко от нашего места обитания. Но вот стукнула дверца нашей клетки, и испуганный зареванный малыш оказался в объятиях своей матери. В нашей клетке прибавился новый жилец. Следующий мальчишка лет пяти, оказавшийся в проходе между клетками, отчего-то показался мне знакомым. Большие синие глаза блестели от невыплаканных слез, но ни один звук так и не сорвался с его губ, хотя маленькое тельце сильно встряхнули, выталкивая вперед. Густая копна черных как смоль волос беспорядочно вилась крупными кольцами вокруг его головы. Подрагивающие губы были крепко сжаты, и подбородок упрямо выдвинут вперед.

— Мой! — услышала я собственный голос и уже в следующее мгновение осознала свое положение. Сказать, что я удивилась собственным действиям, это ничего не сказать, но вот она я, стою, прижавшись к прутьям, и протягиваю руки к малышу.

Слава богам! Никто не стал выяснять степень нашего родства и обращать внимание на возраст. Только женщины, окружающие меня,

смотрели с недоумением. Вопросы посыпались, стоило только стражнику втолкнуть мальчика в нашу клетку и отойти.

— Ну и кто он? — скептически поглядывая на меня, буквально вцепившуюся в ребенка, спросила Марика. — Ты же вроде бы ничего не помнишь?!

Пришлось отвечать.

— Он мой! Точно мой! Я чувствую!

— Он не может быть твоим. Ты для ребенка такого возраста слишком мала, — прошипела она.

— Может, брат? — подала голос успокоившаяся Рада.

Она сидела в углу, прижимая к себе сына. Я же стояла на коленях недалеко от дверцы, крепко прижимая к себе маленького мальчика, ручки которого крепко вцепились в меня. Его тело вздрагивало от беззвучных рыданий, а лицо пряталось в складках моего платья. Я же пыталась понять. Понять, как на корабле контрабандистов-работоторговцев оказался сын графа Двардского. Я признала его своим, прежде чем окончательно осознала, откуда я знаю этого ребенка и что теперь говорить, я еще не решила. Помогла мне Ласка. Она присела рядом со мной на корточки и, развернув к себе лицо ребенка и внимательно его рассмотрев, произнесла:

— А я его знаю! Он путешествовал с балаганщиками. Их фургон останавливался у нас в трактире пять дней назад, и в день отъезда ребенок пропал. Они его особо и не искали. Да и правда, зачем он им, неполноценный, нужен? Он же лишенец. Маленькая плясунья, выступающая в составе этой группы фигляров, поведала мне интересную историю. Глава бродячей труппы привел однажды вечером этого малыша и рассказал всем, что подобрал сироту на улице из жалости. Вот с того времени они якобы и возили его с собой. Сначала я поверила ее словам, но потом поняла, что она врет. Ребенок очень отличался от них своими манерами и поведением. Грустный, но очень умненький малыш нравился и мне и посетителям. После их выступления именно он обходил людей с небольшой чашей в руках, и ему охотно подавали. Они прожили в нашем трактире четыре дня, и перед тем как он исчез, я успела заметить изменения, которые с ним произошли. Моя мама из обедневшего купеческого рода, так вот, она не раз пугала меня в детстве участием таких малышей. Детей, обещающих стать сильными магами, крадут из семей и впоследствии

используют как накопители. Если маг умелый, такой ребенок может прожить довольно долго, магию в результате все равно потеряет, но останется жив, а вот если маг, работающий с ним, слабосилок, да еще и бездарь, то ребенок не только выгорает как маг, но и становится глупеньким. Этот вот малыш к концу четвертого дня перестал разговаривать, плохо понимал, чего от него хотят, сильно ослабел физически, и глазки у него стали такие тусклые, безразличные. Может, он и не пропал и не потерялся, может, и не украли его вовсе, а просто продали работорговцам, теперь уже и не узнать. Так что зря ты его взяла... Хотя вы с ним похожи. Может, он твой брат? На него, по моему, больше твое подсознание среагировало, а не ты сама. Гляди, и память к тебе вернется, раз такие дела творятся. Вот только в рабстве нам всем уже все равно будет, кто мы и откуда, чего хотели, о чем мечтали...

Женщины наконец-то оставили меня в покое и начали устраиваться возле дальней стены клетки, внимательно поглядывая, как наши надсмотрщики распределяют женщин с детьми в клетках, стараясь распахать всех более равномерно. День закончился неожиданно быстро. Как-то вдруг очень резко стемнело. Угомонились в клетках люди. Затихли дети. Замолчали мужчины. Уставшие подростки опорожняли ведра с отходами жизнедеятельности, а если проще, с дерьмом, как сказал капитан, разносили воду, раздавали чашки и баланду. Сильно голодных еще не было, и потасовки из-за еды на этот раз возникали редко, а потому тишина в трюме наступила почти одновременно с полной темнотой. Прижимая к себе ребенка, уснувшего у меня на коленях, я сидела, прислонившись, как и все, к прутьям клетки, и размышляла о том, что увидела и услышала сегодня.

Да, Ласка права. Малыш молчит, но его умненькие глазки никак нельзя назвать глупыми и безразличными. Он все понимает. Может быть, потеря магии сначала очень сильно ударила по нему, но я верю в то, что он восстановится. Не может быть, чтобы сын такого сильного мага, как Ларен, был настолько слабым. Он просто еще очень маленький. Возможно даже все, что с ним произошло, на какое-то время затормозит его развитие, но наверняка не остановит совсем. Ему просто нужно помочь. Вот только как? Если мы все сейчас движемся к тому, чтобы полностью потерять себя. Смогу ли я выбраться из клетки? Да, смогу. Еще в доме Двардского я поняла одну очень

важную сейчас для меня вещь: все, что я искренне считаю своим, при смене облика остается со мной. Например, ошейник с кошки упал только при первом обороте в змею, потом он просто исчезал и появлялся вместе с обликом рыси, и снимать я его могла по своему желанию. Вот и сейчас я в теле человека, а в придачу к нему в платье Ланьи, и если поменяю свой облик на змеиный и при этом точно буду помнить, что оковы, надетые на меня, мне не нужны, они упадут на пол. Придушить ночного охранника мощными кольцами огромной анаконды и взять у него ключи дело еще более легкое, а вот что потом? Ну выпущу я мужчин из клеток, перебьют они охрану. Но корабль идет в составе большого конвоя. Нам не дадут уйти. И даже захватывать не станут. Потопят, как крыс, вместе с кораблем, и все!

Как же болит голова. Мысли мечутся, как блохи на бродячей собаке, но толку...

ГЛАВА 15

Два дня прошли в раздумьях и суете. Мой мальчик... Теперь уже точно мой! А я ведь даже имени его не знаю!

Мой ангел. Ангел. Чем не имя? У них тут нет ангелов. Они не знают значения этого слова, зато я знаю. Эти безумно красивые глаза, которые смотрят на меня с такой надеждой и доверием, такие разумные, такие прекрасные. Именно ради них стоит жить. Стоит бороться. И нет, я не ощущаю его как брата. Все во мне признает его сыном. Он мой сын. Никому не отдам. Убью ради него и не дрогну, а он, моя маленькая прелесть, сделает все для меня.

Именно сегодня, глядя на мое встревоженное лицо, мой Ангел съел всю эту гадкую баланду и не поморщился, только, успокаивая, погладил меня ладошками по лицу. И именно сегодня я заметила маленький, но очень яркий огонек в его груди. Малыш будет магом. Я просто уверена в этом, ведь я рядом, а уж во мне полно не только своей магии, но магии его папеньки напихано немерено, не зря же меня его рукотворной молнией приложило, а потому все у нас получится.

Вот только проблемы вокруг нас начали нарастать как снежный ком. Жара и духота, отвратительная пища — все это привело к проблемам. Малышей лихорадило. Старшие маялись от боли в животе. В клетках как мужчин, так и женщин возникали ссоры и драки за воду и еду. Матросы начали таскать из клеток женщин для удовлетворения своих ну очень насущных желаний. Две из них просто не вернулись. Да, капитан орал где-то там наверху, но это ничего не изменило. Нам пока везло. Возможно, потому, что именно наша клетка находилась в самом темном закутке, а может, потому что нас в ней было очень мало, но до сегодняшнего дня везло.

Но вот уже почти в сумерках в трюм спустился сам капитан и, держа в руках магический светильник, начал внимательно разглядывать клетки и находящихся в них женщин. Он никуда не торопился и не собирался, судя по всему, хватать первую же симпатичную мадам. Капитан прошел всех и остановился возле нас. Я сразу поняла, что его внимание привлекли Марика и Ласка. На его

лице появилась довольная ухмылка, рука потянулась к поясу с ключами. Он сделал выбор.

— Ну что, малышка, — проговорил он, неотрывно глядя на отшатнувшуюся за наши спины Ласку. — Составишь мне сегодня компанию, а я тебя не обижу. Покажу свое сокровище, дам потрогать, приголублю и научу дарить радость таким мужественным парням, как я.

Мы все судорожно вздохнули. Рада крепче прижала к себе сына. Я прикрывала собой своего малыша, сидящего на полу позади меня, но, как и она, не сдвинулась с места, а вот Марика сделала шаг в сторону, пытаясь уйти в тень как можно дальше. Аристократка, мать ее... А капитан уже вошел в клетку. Безбоязненно. Уверенно. Одним движением оттолкнул нас с Радой в сторону и, вцепившись в руку Ласки смертельной хваткой, рванул ее на себя. Падая на пол, я не боялась удариться, уж чего-чего, а падать я умела, я просто старалась не придавить своего Ангела. Капитану же я от всей души, на чистом русском языке пожелала «да чтоб у тебя руки вместе с твоим сокровищем отвалились!». Ласка в этот момент громко вскрикнула, и моего бормотания никто не расслышал, а вот бравый капитан, почему-то отпустив нашу девушку, отчаянно заорал. Он стоял покачиваясь и продолжал орать, пока сбегались его люди, пока его волокли к трапу, пока поднимали на палубу и еще полночи. Утром из разговоров наших надзирателей мы узнали, что капитан очень плох, поскольку у него не двигаются руки, покрывшиеся гниющими язвами, а еще вся команда шепотом убеждала друг друга, что точно такая же беда постигла и его мужское достоинство. Маг, занимающийся целительством, оказался бессилен.

Все путались в предположениях и догадках, и только я точно знала, что с ним произошло, тем более что следующие желающие позабавиться с беззащитными женщинами нарвались на пожелания «чтоб вы подавились!» — и начали задыхаться, буквально синея. Еще троим вслед кинула «чтоб у вас руки отсохли!» — и они начали кричать от боли в руках, потеряв возможность взять пальцами даже ложку. Все люди, находящиеся на корабле, пришли к единому мнению уже через пару дней: «На корабле среди рабов находится ведьма». Желание таскать женщин наверх умерло у всего экипажа вместе с капитаном и двумя в конце концов задохнувшимися.

Экипаж охватила паника, и слабому корабельному магу прислали подкрепление с флагманского корабля. На нашу посудину прибыл более сильный маг, помочь не смог, но остался для личного контроля над ситуацией. На море тем временем наступил полнейший штиль. Солнце пекло нещадно, ни ветерка, ни волн — ничего. Резерва магов и магических накопителей не хватало. Караван кораблей не сумел выйти из этой аномальной зоны. Все замерли в ожидании перемен, ведь до конца пути оставалось всего трое суток. Работоторговцы мысленно подсчитывали потери от вынужденной остановки, а люди, находившиеся в трюмах кораблей, просили богов о помощи, многие просили о смерти, и она приходила за ними все чаще и чаще. На нашем корабле первыми начали умирать дети и женщины. Нехватка воды, скученность и полная антисанитария делали свое дело. Тела погибших выбрасывали в воду, и вокруг кораблей собрались морские хищники. Здесь, в трюме, благодаря полному штилю мы могли только прислушиваться к тому, как их огромные тела ударяют в борта нашего судна, как время от времени кто-то очень настойчивый шуршит щупальцами по доскам, выискивая малейшие трещины. Магия пока еще держит целостность корабля в неприкосновенности, но как долго все это будет продолжаться?

Пять дней. Целых пять дней мы бултыхались на одном месте. Воды сегодня не дали совсем. Мой маленький Ангел слабел прямо на глазах, но не плакал. Он просто прижимался ко мне и заглядывал в глаза, с трудом облизывая свои пересохшие губы. Я была в бешенстве! Я не хочу умирать. Не хочу видеть, как помутнеют и закроются прекрасные глазки моего малыша. Он мой. Он должен жить. А злилась я не только на людей, захвативших нас в плен, но и на себя. Мой мозг бился в поисках выхода и не находил его, но я еще не готова умирать и не собираюсь отпустить за грань доверившегося мне ребенка.

Ночью. Я нашла решение ночью.

В темноте и духоте трюма я неожиданно для себя вспомнила песню группы «Ария» под названием «Штиль», и выход был найден, но еще час, целый час мне понадобился для того, чтобы воплотить его в жизнь. Никогда раньше я не пробовала изменить лишь частичку себя. Облик всегда меняла только полностью, а теперь мне требовалась частичная трансформация, и это было тяжело сделать. Очень тяжело. Но у меня получилось. Спустя час ногти на моих руках легко меняли

свою форму, превращаясь по моему желанию в очень жесткие и острые когти. Вот именно таким когтем я рассекла себе запястье и в полной темноте напоила своего Ангела. Он впервые за все эти дни уснул крепко и спокойно. Сама я ничуть не боялась истечь кровью. Мои необыкновенные глаза позволили мне увидеть, как стремительно исчез на моей руке не только разрез на запястье, на ней не осталось даже следа от него. Уже проваливаясь в беспокойную полудрему, я ощутила беспокойство, сгущавшееся вокруг. Желание понять и увидеть, по-видимому, помогли мне. Через недолгое время смогла посмотреть на себя, и не только на себя, со стороны.

Мелкая хрупкая девочка-девушка спала тревожным сном, привалившись спиной к прутьям клетки, крепко прижимая к себе ребенка. Рядом с ней вздрагивала Рада, даже во сне тревожно прислушиваясь к хриплому, надрывному дыханию своего мальчика. Тяжелая дрема охватила всех остальных обитателей клеток. Все выше и выше... И вот уже моему взору предстал весь корабль, на котором мы находились. Большой, крепкий, с крутыми высокими бортами, он походил на хищника, попавшего в ловушку и застывшего в ожидании удачного момента для рывка. Совсем рядом, так же неподвижно, замерли еще десять кораблей. Тишину и неподвижность нарушали только часовые и капитаны, рядом с которыми яркими огоньками светились ауры магов. Да, на палубах всех кораблей находились капитаны и маги. Оглядевшись, я поняла причину их беспокойства. С востока прямо на нас шел грозовой фронт. Через несколько мгновений резкими звуками колоколов были подняты по тревоге команды, и корабли начали подготовку к шторму. Крепились снасти и обвисшие паруса, задраивались трюмы. Светлело небо на западе, а с востока напозла тьма, подсвеченная частыми молниями. Это был шанс. Наш шанс. Мой создатель мог управлять стихией, и я смогу. Мне совсем не хочется получить клеймо. Не хочу потерять только что обретенного сына, а значит, у меня получится.

Напрягая все свои силы, я попыталась слиться со стихией. Молнии уже бьют рядом с бортом нашего корабля, безобидное еще час назад море превращается в ад, и я понимаю всю меру своей самоуверенной глупости. Эта безумная мощь и неудержимая сила почти поглотила мою сущность, почти подчинила меня себе. И только вид беспомощного кораблика, такого маленького, такого хрупкого в

сравнении с окружающей его стихией, падающего в огромные ямы и с трудом взбирающегося на крутые пики волн, удержал меня от окончательной потери себя. Отчаянная мысль, что именно от меня зависит, будем ли мы жить или умрем, помогла. И вот корабль под названием «Арвитка», именно тот, на котором сейчас находится мое тело и мой сын, подхватывают волны, и он перестает падать и подниматься. Сверху мне хорошо видно, как маги и матросы, пытавшиеся еще несколько мгновений назад обуздать стихию и проигравшие ей, обессиленные и уставшие, с изумлением смотрят, как волны, словно родная мать, бережно передают их корабль с одной на другую, не позволяя ему скатиться с их крутых боков. Все дальше и дальше удаляя от того места, куда они так стремились прибыть. Мощи стихии и моих сил хватило на то, чтобы покрыть пройденный нами за эти дни путь всего лишь за несколько часов. Мы вернулись туда, откуда отплыли. Ну, не совсем туда, но почти...

Скалистый, крутой, пустынный берег предстал перед моим взором, но понять, где мы оказались и что нас ждет, я не успела, потому как почувствовала, что соскальзываю в темноту и усталость не просто охватывает меня, она меня поглощает.

ГЛАВА 16

Прийти в себя меня заставил ребенок, находящийся рядом. Он не произносил ни слова, только поскуливал, как щенок, и это отчего-то очень сильно тревожило мою душу. Сосредоточившись, я все-таки смогла открыть глаза. Плакал мой Ангел, и плакал он, прижимаясь к моему распростертому на полу клетки телу. Сидевшая рядом с ним Ласка осторожно гладила его по спине и пыталась утешить:

— Ну что ты, маленький... Она дышит. Устала просто. Сейчас отдохнет, поспит, и все будет хорошо. Не плачь.

И тут она заметила, что я открыла глаза, и, конечно, незамедлительно привлекла к этому факту внимание малыша:

— Вот, смотри, проснулась! Сейчас мы поможем ей сесть. Помогай мне. Вдвоем у нас это лучше получится.

Она крепко обхватила меня своими сильными руками, привыкшими носить тяжелые подносы в таверне, и попыталась посадить. Маленькие ручки еще всхлипывающего ребенка старательно ей помогали, а затем... Затем меня не только посадили, но и напоили. Силы наполняли меня, как воды стремительный горный ручей после сильного дождя, но я не спешила это показывать, чувствуя какое-то непонятное напряжение, буквально разлитое вокруг меня. Объяснения пришли со стороны Рады:

— Вот видишь, Марика, девочка пришла в себя. А ты утверждала, что она уже умерла и оставлять ей воду глупо! А зачем жадничать? Шторм закончился. Корабль ищет возможность пристать к берегу. Найдут воду, наберут запас. Всех напоят и, может быть, накормят. Мы выживем. Моему сыночку уже лучше. Мало ребятишек пережило весь этот кошмар, но наши живы. Боги помогут! Они милосердны. Нужно верить!

В ответ на ее слова послышалось злобное шипение:

— Дуры глупые... Ее боги пожалели. Хотели к себе забрать. Нет же... Вы у нас добрые, поили ее. Последние капли воды ей отдали. Ну, умерла бы она, потом пащенок ее и что? Отмучились бы уже. Что их, да и нас, дальше ждет? Вы думали? Молодая, красивая, нетронутая... А пацана? Вон смазливый какой! Превратят в игрушку для похотливых

стариков, и что дальше? Нет, смерть приносит облегчение, а в нашем случае еще и свободу. Умереть, убивая себя, грех, но если забирают боги... Им противиться нельзя!

— А мне кажется, — заговорила с ней Ласка, — ты просто пожалела им воды, вот и все. И все рассуждения о воле богов просто оправдания твоей жадности.

— Может, и пожалела, — уже спокойнее ответила ей наша баронесса.

Слова Рады закончили их спор.

— Ладно, хватит вам собачиться. Все устали. Всем тяжело.

Вслед за этими ее словами наступила тишина, которая позволила нам всем отчетливо услышать, как скребутся камни о дно и борта корабля. Корабль, по всей видимости, входил в бухту, буквально протискиваясь между скал. Шум волн стихал, стали хорошо слышны крики птиц. Загрохотала якорная цепь. Послышался натужный хрип десятка человек, но воде ударили весла. От корабля к берегу отошла шлюпка, и уже к вечеру нас действительно напоили и накормили. Удача наконец-то повернулась к нам лицом, ибо острый слух позволил мне узнать о том, что большая часть экипажа осталась ночевать на берегу, собираясь начать возить на корабль воду с самого раннего утра. Боги ответили на наши молитвы и дали нам шанс.

Ждать, пока уснут все, дело совершенно бесполезное, потому как народу в трюме по-прежнему много, но дожждаться, пока уснут люди именно в моей клетке, все же стоило.

Руки плотно прижаты к полу, а потому оковы не издали ни малейшего звука, спадая с моих кистей. Правда, и рук-то уже никаких не было. На том месте, где еще мгновение назад сидела хрупкая молоденькая девушка, теперь медленно, словно танцуя, разворачивались кольца огромной змеи. Да! Теперь прутья клетки не могут служить преградой для меня. Плавное, гибкое движение — и вот я уже на свободе. Если бы со мной не было моего маленького Ангела... Но слава богам, он есть, и потому мне придется освободить всех, кого можно. Всех тех, кто даже не подозревает, как им повезло и кому именно они будут обязаны. Мощное тело и стальные мышцы позволяют мне с легкостью превратить клетки в обычный железный лом. Достаточно всего лишь сжать своими кольцами прутья клеток, сминая их и буквально вырывая из креплений и пазов. Треск металла

конечно же разбудил людей, но, к моему огромному изумлению, все они продолжают молчать. Сбились в кучи у дальних стенок своих клеток, но ни один звук не слетает с их губ. А я, сделав дело и не забыв раскурочить и свое «гостеприимное» жилище еще в самом начале сего действия, скользнула в самый темный угол трюма, за большие бочки, стоящие в самом дальнем углу. Затем, перевоплотившись в человеческий облик, затаилась, стараясь не выдать себя. Хватит, и так уже нарисовалась, не сотрешь!

Как же долго они думают. Мне же нужно еще помочь парочке магов открыть магические оковы, остальным они сами откроют, а для этого к ним нужно подойти, а как? Все змею боятся. Шепчутся и не двигаются. Ну же!.. Как я смогу с толпой смешаться, если никто не выходит? Понравилось в клетках сидеть? Настроились на рабство? Ага, зашевелились. Так, быстрее...

Есть, выходят. Теперь к моему мальчику! Я даже отсюда слышу, как он плачет. Тихонечко так всхлипывает, а у меня сердце разрывается. Пока к своей клетке между людьми скользила, сумела незаметно у двух магов оковы разомкнуть. Как же хорошо, что у них обычная защелка, пусть ее не сможет отомкнуть простой человек и маги в оковах тоже не смогут, нужен для этого свободный маг, но я же не простая зверушка, магия меня не видит, не отторгает, раз! — и все. Замки открыты, защелки сорваны, двери открыты, защита пройдена, удружил друг любезный Двардский! Вот... Пока я малыша своего успокаивала, среди народа лидеры объявились. Оковы сначала с мужиков снимают, а те потихоньку наверх поднимаются. Пусть дальше сами о своей свободе позаботятся. Так, кандалами демонстративно звякнула и объяснила заинтересованным женщинам, что выбралась из клетки, когда они еще спали, оковы маги расстегнули, а рисковала я ради воды. Набрала вот в одной из бочек, чтобы ребенка напоить.

Забыли про меня. Пока забыли. Вспомнили о воде. Занялись своим освобождением. Хорошо. Все время прислушиваюсь и наконец понимаю, что все закончилось. На корабле больше нет чужих. Осторожно, ни на кого не оглядываясь, проскальзываю мимо оставшихся внизу и поднявшихся наверх, придерживая вцепившегося в меня как клещ малыша, выбираюсь на палубу. Пошарить в вещах капитана или мага мне никто не даст, а вот поверженные противники пока еще никого не интересуют.

Нахожу сначала самого мелкого и «предлагаю» ему переодеться. Соглашается, не собираясь сопротивляться. Да и правда, умер так умер. Успела. Теперь мне не придется путаться в платье. Пусть вещички не совсем по размеру и не совсем чистые, но лучше, чем ничего. Радуют, как никогда, крепкие штаны, теплая рубашка, плотная парусиновая куртка, схваченная на поясе широким кожаным ремнем с вытертыми ножами, но зато с хорошим стилетом. А уж набор метательных ножей во внутренних карманах куртки и вовсе приводит в неопиcуемый восторг. На камбуз даже не пытаюсь сунуться. Получить нож в живот из-за кусочка хлеба мне совсем не хочется, а вот обшарить карманы трупов, валяющихся неподалеку, мне пока еще никто не мешает. Вдруг повезет?

Удача по-прежнему со мной, и теперь мой Ангел, закутанный в огромную для него теплую рубашку, сидит у меня на коленях и грызет большой сухарь. Его синие глазенки восторженно поблескивают, а я, глядя на него, обещаю себе сделать все для того, чтобы моему Ангелу больше никогда не пришлось голодать. Сильно огорчает в данный момент лишь одно — обувь. Пока я так и не смогла найти ничего на свою ногу. Хорошо хоть малыш у меня обут, пусть в старые, но еще довольно крепкие башмаки, а для себя я что-нибудь обязательно найду.

Погруженная в заботы, я как-то упустила контроль над своим окружением, а это не есть хорошо. Что происходит, а?

А нормально все. Мужики в лидеры выбились умные, сильные. Людей напоили и назад вниз загоняют. Правильно. Рассвет уже. Скоро с берега люди начнут воду подвозить. Зачем их заранее тревожить? Правильно, незачем. Вот только в трюм мне не хочется. Мы вот тут, возле канатов, в закуточке подремлем и никому мешать не будем. Правда, правда...

Хорошо поспали. Никто нас так и не потревожил. А что? Магов среди пленников оказалось аж пятеро, я имею в виду середнячков. Двоих, корабельных, раскатали как блинчики по сковородке, а злые мужики остатки экипажа на ножи взяли. Да, «наших» больше. Только моряков среди нас нет, и об этом никто не подумал. Корабль есть. Свобода есть. Моряков нет. Куда теперь? Кто-нибудь хоть знает, где мы находимся? Погорячилась я, когда решила, что мужики умные

попались. Умные, поди, в плен не попадают... Ну, это я злюсь, конечно, но обидно как...

Ну что... Прощай, корабль. Здравствуй, берег! Хотя свидание со ставшим почти родным королевством Ауриндией, судя по всему, откладывается на неопределенный срок.

ГЛАВА 17

Большая бухта, скрытая от ветров и чужих глаз высокими обрывистыми скалами, приютила нас всех. Порадовала наличием глубоких горных пещер и задорно журчащим по камушкам источником пресной воды. Море одарило обилием рыбы, съедобных водорослей и огромных крабов, а потому ужин был просто роскошным. Вот только детей приходилось насильно удерживать от переедания после вынужденной голодовки.

Но вот пришла ночь, и мы замерзли. Уже к утру наши умнейшие-мудрейшие пришли к выводу, что лето кончилось, на дворе осень, а потому нам всем срочно нужно начинать готовиться к зимовке на этом гостеприимном берегу. О том, как правильно организовать наш быт, мужчины спорили до самого вечера. Женщин на собрание сильных мужчин не позвали. А что могут глупые женщины? Пока мужчины решают их судьбу, пусть рыбку половят, еду приготовят, охапки сухих водорослей в пещеру для более удобного сна таскать начнут. Время идет. Медлить нельзя. Они решали. Мы работали. Но если мужики думали плотно сесть на шею бедным женщинам, то просчитались. Нет, рыбы мы наловили, ее и руками можно было ловить, но небольшие сети, которые сплели две селянки, оказались как нельзя более кстати, вот только количества пойманного нами хватило для сытного ужина детей и женщин. Мужикам досталось совсем чуть-чуть. Мягкие лежанки из сухих водорослей в пещерах достались только детям. А что? Мы слабые, глупые существа. Что смогли, то и сделали. Осталось только узнать результаты их споров и драк. Надеюсь, нам расскажут.

Твари! Самцы двуногие! Нарешали они. Как же хочется пожелать им всего самого хорошего на истинном русском языке, да жалко баб с детишками. Ведь если эти сдохнут, они сами не выживут. Вот лежу сейчас в темноте пещеры, прижимая к себе ребенка, и думаю о том, что услышала за ужином. Оказывается, корабль мужики будут разбирать. В одной пещере делать несколько изолированных друг от друга залов. При помощи досок и парусины перекрывать вход, спасаясь от холода и непогоды. Еда из общего котла, а потому засолка

рыбы в бочках из-под воды дело общее. Да, согласна! Но! Женщин в два раза меньше, чем мужиков. И так долго эти сволочи решали, кто, кому, когда, в каком порядке. Решили и порадовали женскую часть нашего общества принятым решением прямо перед сном, и вот теперь я просто уверена в том, что большинство из нас не спит.

Пять дней. Они дали нам пять дней, чтобы определиться со своими симпатиями. Судьбу тех, кто не сможет определиться, сами решат жеребьевкой. О чем речь? Да ерунда... Все просто, как дважды два. Каждая женщина, в эту категорию вошли все женские особи от четырнадцати и старше, должна выбрать себе двух постоянных спутников жизни, поскольку длительное мужское воздержание ведет к болезням, спорам, дракам.

Пять дней! У меня всего лишь пять дней, чтобы убраться от этих гордых, сильных, мужественных, великолепных мужчин как можно дальше. Я более чем уверена, что драки все равно будут и, в конце концов, женщин превратят в разменную монету. Если переживут зиму и решат никуда не идти, то между магами начнется соперничество за главенство в этой маленькой человеческой стае, и вот тогда только боги будут знать, чем все это закончится.

Нет, нужно уходить. Но как тяжело это будет сделать в компании моего малыша, а оставить его я не смогу никогда. Да, я многое могу, много знаю, но магией умею пока только проклинать и маленький огонек зажечь. Бытовые заклинания знаю, не раз и не два наблюдала за тем, как ими пользуются слуги, но вот пользоваться ими сама пока не умею. И все же, боги, как же хочется жить! И хорошо жить, а не выживать.

Утро началось с драки. Дрались женщины. За что? Ну как за что... За кого! За мужиков. Почти каждая хотела получить в личное пользование мага, а можно и двух. Мрак.

В итоге те сами выбрали, а каждая счастливица начала приглядывать себе еще одного. Я думала, женщины до последнего тянуть будут, а они... Торопятся выбрать тех, что поприличнее выглядят. Может, они и правы.

А уходить-то придется раньше, потому что с выбором замешкались только такие молодые дуры, как я, а нас всего четверо. Теперь нам проходу не дадут. Времени на раздумья у меня почти не осталось.

Этой ночью мне удалось проскользнуть на стоящий в бухте корабль. Охраны на нем не было. Мне повезло. Именно сегодня все ночевали на берегу, радовали женщин своим вниманием, а я радовала себя очень нужными находками. Найденный мною вещевой мешок на лямках для ношения на спине пополнился мотком крепких ниток и большой иглой, магическим кубком, в котором любая жидкость превращается в чистую воду, мешочком соли и специй, небольшим, туго скрученным в валик теплым плащом. А также скруткой кожаных ремней, из которых я намеревалась сделать для Ангела страховочные ремни, и, наконец, мешочком с монетами, который я нашла под плитой на камбузе.

Сотня золотых и серебряных монет меня необычайно обрадовала, потому что я до сильных холодов все-таки надеялась выйти к жилью людей. С обувью все решилось еще вчера. Один мужик при помощи мага смастерил всем, у кого не было обуви, что-то очень похожее на индейские мокасины. Все, что я нашла, искренне считала своим и только своим, а потому обращение в анаконду прошло идеально. Ничего не выпало, не упало и не потерялось.

Обратный путь также не представил для меня никакой трудности. Никто не заметил, как огромная змея навестила корабль. Никто не заметил ее возвращения. Бывшие пленники уже позабыли, как несколько дней назад безрезультатно облазили весь корабль, пытаясь ее отыскать. Теперь все думают, что появление этой жуткой твари — работа одного из магов, а те делают загадочные лица и дружно отмалчиваются. Мне же уже завтра нужно разведать тропу через скалы. Не так-то просто будет забраться наверх. Бухта очень большая, и окружающие ее скалы выглядят неприступными. Два дня мужчины ищут проход. Результатов нет. Горючих камней, то есть угля, нет. Дров и деревьев поблизости тоже нет. Где-то там, на самой границе восприятия, виднеется лес, но до него еще добраться нужно. А сейчас — спать. Мужики угомонились, а значит, скоро рассвет.

Ветра нет, но вода уже довольно холодная, а водоросли, которые мы таскаем и раскладываем на берегу для просушки, такие мокрые, но растопка для костра и набивка для матрасов (сшитых из парусины) после их просушки получается выше всяких похвал. Работаем как проклятые, и только после обеда у меня получается отлучиться.

Частичная трансформация помогла. Когти крепко и уверенно цепляются за выступы и трещины, и уже через двадцать метров я нахожу тропу. Лошадей по ней не проведешь, повозки тоже, но вот человека вполне, нужно только пройти участок в пару десятков метров совершенно, на первый взгляд, неприступной, почти отвесной скалы, а дальше уже легче. В облике рыси я смогла бы преодолеть этот участок одним прыжком, но со мной ребенок, и это меняет все.

Найденная мною тропа, по всей видимости, принадлежит четвероногим хищникам. Если внимательно приглядеться, то тут, то там можно заметить зацепившиеся за колючие ползучие растения клочки черной шерсти. И пахнут они очень резко, очень страшно котом — большим, сильным, и все приобретенные мною инстинкты подсказывают, что встречи с ним мне не миновать.

Что тропа есть — хорошо, а вот недавний проход хищника — плохо, но это не аргумент для меня. Тянуть дальше нельзя. Нужно уходить. Жалко только Ласку. Оставлять ее здесь очень не хочется, но двух я не потяну. Да и доверять малознакомому человеку... Тем более пару среди мужиков она себе уже присмотрела. Решено. Буду уходить только с ребенком.

В предрассветные часы так сладко и крепко спится. Вот именно в это время я и начала будить Ангела. Привыкший за последнее время вести себя очень тихо и незаметно, малыш не доставил мне никаких проблем, и потому у нас все получилось. Мы сумели выскользнуть из пещеры, никого не потревожив и не разбудив.

С самого начала меня поражала уверенность людей в силах и умениях магов. Их уверенность не поколебал даже плен и то, что маги тоже были пленниками, ведь как-то они попались! Вот и сейчас все спокойно спали, полностью уверенные в своей безопасности. Охраны не было, никто не дежурил ночью. Все надеялись на магическую сигнальную паутинку. Ну-ну! Я с малышом на руках прошла сквозь нее, как туман над нежными травинками, не потревожив.

Отойдя подальше от спящих людей и одевая ребенка как можно теплее, я нашептывала ему о том, куда мы пойдём и почему, что нужно делать, как себя вести. Рассказывала о том, что могу становиться большой красивой кошкой и большой змеей, но это все равно я и потому ему не нужно бояться, ведь он мой мальчик, любимый, дорогой мой малыш, а значит, все будет хорошо и я никогда его не обижу.

Посадив ребенка себе на закорки и привязав его к спине кожаным ремнем, почувствовала, как маленькие ручки крепко вцепились в ворот моей куртки. Я решительно двинулась в сторону оставленной мною у подножия скал метки, определяющей начало нашего пути. Всего пара минут у меня ушла на ее уничтожение, погоня мне была не нужна.

Несколько десятков метров очень опасного пути — и вот мы уже на вполне проходимой тропе. К рассвету я с задремавшим на спине Ангелом успела не только уйти очень далеко, но и затеряться в скалах. Тропа сильно петляла, проходя по расщелинам и небольшим природным тоннелям. Скалы, казавшиеся сплошным каменным монолитом, таковыми не были, они больше были похожи на сыр с крупными и не очень дырочками. И это меня очень радовало, потому что только сейчас я поверила в то, что нам с ребенком действительно удалось уйти и никто из наших бывших товарищей по несчастью не сможет нас здесь заметить, хоть мы и продолжаем подниматься вверх. На обед, он же завтрак, мы остановились в небольшой пещере и с удовольствием подкрепились вареной рыбой, припрятанной мною еще с прошлого ужина. К вечеру я рассчитывала дойти до леса и укрыться под его ветвями, потому что мне очень не нравился начинающий крепчать ветер и те темные тучи, которые он нес с собой.

Лес. Запахи. Звуки. Сила и мощь. Как-то очень уж резко закончились скальные образования. Вот только под ногами были камни, и через мгновение нога ступает по мягкой, толстой опавшей хвое. Деревья, очень похожие на наши земные сосны, мощными высокими стволами подпирали небо. Могучий и явно очень древний лес предстал перед нами во всей красе. Спуская Ангела на землю, я раздумывала о том, как сделать так, чтобы при знакомстве с моими обликами он не испугался. Как? Долго раздумывать мне не пришлось. Резкий запах самца буквально ударил в нос, раздражая, волнуя, тревожа. А он не скрывался, не стал заходить с подветренной стороны, нет. Он, рисуясь, уверенной поступью вышел нам навстречу, беззвучно оскаливая клыки. Великолепный зверь, я не могу не признать этого, без сомнения, рассматривал нас как свою законную добычу. Огромный, выше моей рыськи в холке ладони на три-четыре, с густой черной шерстью, мощной грудной клеткой, крупной лобастой головой и звериной яростью в желтых глазах. Без сомнения, хозяин леса. А тут мы!

Оборот прошел быстро, и вот уже в виде рыси я стою, закрывая собой моего мальчика, выгнув спину, встопорщив шерсть, оскалив клыки. Мое появление ошеломило не только Ангела, чье сердечко неистово билось у меня за спиной, но и приготовившегося к нападению кота. Передумав нападать, зверь принюхался и, с недоверием глядя на меня, принялся обходить нас по кругу. Мне приходилось двигаться тоже. Я старалась встать так, чтобы мое тело обязательно прикрывало малыша. Но ни мое грозное рычание, ни защитная стойка не смогли остановить этого сильного зверя.

С каждым витком он приближался к нам, и если на меня он уже поглядывал с явным интересом, видимо распознав во мне самку, то ребенок вызывал у него явно гастрономический интерес. Вот только мое вызывающее поведение ему не нравилось. Его грозное порывивание и яростно бивший по бокам хвост очень ясно говорили об этом. Если бы я продолжала стоять на месте, то его молниеносный удар лапой просто снес бы меня далеко в сторону, не причинив большого вреда, но я не стояла. Я бросилась. Поднырнув под его лапу, попыталась вцепиться в его горло, но... Он был слишком сильным для меня, слишком быстрым и очень опытным. Рычащий меховой клубок покатила в сторону, и это было единственное, что я могла сделать для мальчика, ибо этот уверенный в своем праве и своих силах кошак играл со мною.

Я пыталась убить его. Правда пыталась... А он пытался заставить меня подчиниться. Ни у него, ни у меня ничего не получалось, и если я начала уставать, то зверь начинал злиться. Его клыки и когти стали оставлять на моей шкуре рваные раны, ноздри трепетали, вдыхая запах крови. Из-за своего нежелания подчиниться я, видимо, перешла в разряд добычи и за меня взялись всерьез. Нет, я тоже смогла нанести ему несколько довольно серьезных ран, но они не шли ни в какое сравнение с ранами, какие получила сама. Голова кружилась. Лапы начинали дрожать от слабости, и мысли о смерти замелькали в моей глупой голове. Почему глупой? Потому что, только услышав, как Ангел отчаянно кричит «мама!», я вспомнила, что могу становиться не только рысью.

Зверь не успел понять, что происходит, потому что мощные объятия огромной змеи он не пережил. Сильное, мускулистое тело не помогло ему избавиться от непонятной для него угрозы. Наверняка с

такими представителями фауны он не встречался никогда. Невозможность дышать и двигаться быстро сломали его сопротивление. Где-то на краю сознания у меня мелькнула мысль о том, как много потеряет лес с его смертью, но мой мальчик был мне дороже, и я убивала, сжимая кольца, ломая кости, забирая дыхание. Большое сильное сердце ударило в изломанной грудной клетке последний раз, глаза помутнели, тело обмякло. Все. Победа над ним далась мне тяжело, но отдыхать... Я не могла расслабиться и отдохнуть именно сейчас. Мой Ангел плакал. Не двигаясь с места, он всхлипывал, продолжая звать меня, и я смогла не только выползти из-под огромной туши хищника, но и, перевоплотившись в теперь уже свое, человеческое тело, торопливо двинуться в его сторону. Без тени сомнения малыш кинулся бежать ко мне и буквально влетел в мои объятия.

Не было ран, не было крови, была жуткая усталость. Оборот и магия моего создателя помогли мне мгновенно восстановиться, а безумная радость — продержаться еще немного для того, чтобы успокоить ребенка, покормить его и найти место для ночлега. Запах уже мертвого хозяина леса всю ночь охранял нас от всех остальных обитателей этого места, а теплый плащ от холода. До утра я смогла отдохнуть и полностью восстановить свои силы.

ГЛАВА 18

Пять дней. Вот уже целых пять дней мы идем через этот лес. Не всегда идем. И не все! Чаще всего я бегу, оборачиваясь в рысь, а мой сыночек довольно сопит, уткнувшись носиком мне в шею, крепко вцепившись в шерсть руками и обхватив ногами бока. Ну, как обхватывая... Пытаясь обхватить. Малышу очень понравилась моя кошка, а кататься на ней понравилось еще больше.

Лес, в котором мы оказались... Он странный. Деревья очень высокие, с мощными стволами и гибкими ветвями. Подлеска в нем почти нет, ни мелких деревьев, ни кустарника. И только растения, очень похожие на папоротник, высотой в человеческий рост, словно огромные островки, встречаются на нашем пути то там, то тут. И звери. Мало того что лес просто кишит ими, так они еще и непуганые. Те, что покрупнее, воспринимают человека как добычу, ничего не опасаясь, а те, что помельче, не спешат убежать. Не чувствуют угрозы. Ничего, вот доберутся до леса новопоселенцы, и все изменится. Мне же приходится не только внимательно приглядывать за ребенком, но и настороженно слушать лес, потому что хищников здесь немного, но они все же есть. Одно хорошо, охота не доставляет мне неудобств.

Оставлять ребенка одного и уходить от него далеко мне не приходится, а самое главное, коллекция шкур, начало которой положил убитый первым кот, все пополняется. К наступлению холодов у нас будет не только теплая одежда, но и теплая постель. Вот только лес... Конца и краю ему нет, и даже подъем вверх по стволу высокого дерева ничего не дал. Все пространство, куда доставал мой взгляд, было занято чуть волнующимся зеленым морем. Радовало одно: мы попали не на маленький остров, а, скорее всего, на материк. Пугало другое.

За все время пути мне ни разу не попалось место, которое можно было бы приспособить под жилье для того, чтобы пережить приближающиеся холода — ни одной берлоги, ни одной большой норы, ни бурелома. Ничего! Сушняка для вечернего костра и то мало, а если точнее, то каждый раз именно столько, сколько нужно. Когда я начинаю задумываться о всех странностях, которые нас окружают, волосы на моей голове начинают шевелиться. Вот, например, шепот —

тихий, шелестящий, звучащий на грани моего восприятия каждый вечер. Стоит только моему Ангелу крепко уснуть, прикинувшись к моему мохнатому боку (а спать теперь я предпочитаю только обернувшись рысью, и малышу тепло, и мне спокойнее), как мне начинает чудиться что-то совершенно невероятное. Уверяю себя в невозможности подобного, а сама прислушиваюсь к тому, что шепчет мне лес. Настойчиво шепчет. Вот только понять его я пока никак не могу, а потому ветви не ломаю и живность убиваю только по необходимости.

Дни идут. Погода будто бы замерла, дожидаясь конца нашего пути. Дождей нет. Холодные ветра не беспокоят. Ночи сравнительно теплые. Чудеса. Родники, ручейки и небольшие овражки, затопленные водой, встречаются часто, но ни речка, ни озеро на нашем пути пока так и не встретились.

С каждым днем все больше и больше люблю своего сына. Спокойный, ласковый, терпеливый умница быстро привык к обеим моим формам. Засыпает в объятиях кошки, словно котенок. Речь у него полностью восстановилась, и развитие теперь соответствует возрасту, что очень меня радует, но вот то, что Шепчущий лес все никак не кончается, начинает пугать. Это куда же мы попали?

Утро началось с веселого щебета птиц и легкого завтрака, состоящего из остатков вчерашнего пиршества. Пойманный мною зверек, очень похожий на нашего земного зайца, но только с короткими лопухими ушами, порадовал нас не только сочным нежным мясом, но и величиной своей тушки.

Сегодня я решила никуда не торопиться и уделить внимание весело скакавшему вокруг меня Ангелу. Его нетерпеливое и звонкое щебетание вполне могло соперничать с птичьим гомоном. Его радость — моя радость. Его счастье — мое счастье. Да, впереди нас ждет неизвестность, но именно в этот момент мы были счастливы. Слушая ребенка и отвечая ему, я внимательно следила за всем, что происходит вокруг, и потому сразу обратила внимание на то, что чуть в стороне деревья стали реже, а сквозь сумрак векового леса пробиваются лучи солнца. Это явление не могло не заинтересовать меня, и мы конечно же свернули в сторону.

Уже через несколько минут перед нами предстало чудо чудное, диво дивное. Лесные великаны, расступаясь, открыли перед нами

небольшое, круглое как блюдце озеро. Ближайший берег его был пологим, покрытым изумрудной травой, а противоположный — обрывистым, заросшим по краю воды высокой травой, похожей на осоку. Но и это не все. С правой стороны на стыке таких разных берегов из земли, словно острый клык огромного животного, торчал непонятно откуда взявшийся осколок скалы, а с него маленьким, но звонким водопадом в озеро стекала вода. Теплая вода! От нее в воздух поднимался еле заметный парок. Почему пар, а не брызги воды, например? А потому, что им же была покрыта примерно половина всей глади озера. И самое главное, речки не было и ручья не было. Источником воды, падавшей в озеро искрящимся на солнце водопадом, был мощный родник, бьющий из земли метров за десять до кромки чуть нависающего над гладью озера каменного клыка. Он, торопливо пробегая по каменному желобу, падал в озеро. А вот из озера дорогу вода так и не проложила. Куда она девается, стало понятно только тогда, когда я осмотрела озеро с высоты обрывистого берега. Почти незаметно закручивающаяся воронкой вода подсказала мне ответ. Очевидно, где-то на дне озера была трещина, куда она и уходила, пополняя подземные воды. Создавалось впечатление рукотворности этого чуда. Как будто кто-то очень сильно захотел и вывел воду из-под земли, а затем, наполнив чашу, вернул ее обратно в свое подземное русло.

Эта мысль, промелькнувшая в моей голове, заставила напряженно оглядеть все доступное моему взгляду пространство, но вокруг царил покой и безмятежность. Не было ни малейшего намека на присутствие людей, и это успокаивало. Последнее время я не понимала себя: пытаюсь выйти к людям, я в то же время не хотела с ними встречаться. Вот и сейчас именно отсутствие каких-либо следов их деятельности радовало и устраивало меня больше всего, потому что мы наконец-то могли искупаться, согреться и отдохнуть. Но сначала купаться!

Да! Она теплая! Глубина под водопадом небольшая, а ближе к берегу и вовсе очень мелко, и именно это радует моего Ангела больше всего. Столько восторга и радости на его лице! Теплая вода падает сверху, омывает, щекочет, искорками сверкает в детских ладошках — это ли не счастье? Шалили и купались мы долго, и даже не знаю, когда бы мы вышли на берег. Но все прекрасное когда-нибудь заканчивается, закончилось и наше беззаботное веселье.

— Хватит шуметь!

Резкий, отрывистый приказ, произнесенный сухим, скрипучим голосом потряс меня до глубины души, но не помешал начать действовать. Как я могла не заметить приближения чужака? Мгновение, всего лишь мгновение — и вот один из небольших метательных ножей уже крепко зажат в моей руке, а второй летит к цели. Рефлексы сработали раньше рассудка, который с опозданием понимает, что... Да-а! Именно сейчас я убью старуху, стоящую на берегу чуть в стороне от наших вещей. Маленькая, сухонькая, скрюченная фигура больше напоминает старую взъерошенную ворону, напугавшую нас своим неожиданным появлением, но вряд ли заслуживающую получить за это нож в живот.

Прислушиваясь к своей интуиции, я не рассталась с метательными ножами, даже отправляясь купаться, и во время игр с ребенком внимательно отслеживала их местоположение. Каменистое дно и прозрачная вода очень мне в этом способствовали. Именно поэтому на то, чтобы воспользоваться ими, мне потребовалось всего лишь мгновение. Почти сразу же я пожалела о своей горячности, но рефлексы сработали быстрее. Заслонить малыша, руку вдоль ноги к ножу, лежащему на гладких камешках возле моей стопы, резкий бросок — убрать угрозу... Это главное! Вот только бабка умирать не собиралась. Чем очень меня удивила. Нож мой она очень ловко поймала, прямо за лезвие и, выпучив глаза, начала орать еще громче:

— Что? Что ты делаешь? Убить? Меня убить?! Да я тебя червям на корм пушу! И звереныша твоего, что ты за собой прячешь, не пожалею. Пришли в мой лес. Испоганили мое озеро. Да еще и на мою жизнь покушаетесь! Не вздумай второй кинуть, тогда тебя точно уже ничто не спасет. Да знаешь ли ты, кто я такая? Что я могу с вами обоими сделать? Да мой лес самые сильные маги стороной обходят. А ты? Выходи из воды и пацаненка своего вытаскивай. Откуда вы только явились? Каким ветром вас сюда занесло? Жила я двести лет спокойно и еще бы двести прожила, а тут нате вам! Ты мне за свой ножичек еще не раз ответишь! Что стоишь? Одевайтесь! — скомандовала старуха, начиная успокаиваться.

Ее глаза следили за нами внимательно и настороженно, замечая не только любые наши движения, но и каждый сделанный вдох и выдох. Понимая, что мы основательно влипли, я тем не менее никак не могла

решиться еще на один бросок. От маленькой старой женщины тянуло такой угнетающей жутью, что мне приходилось бороться с собой не только за каждое движение, но и за каждый вздох. Она все поняла, и ее последующие слова отбили у меня охоту сопротивляться. Я встретила противника, превосходящего меня.

— Остынь, девка. Не вздумай дергаться. Здесь твое геройство никого не удивит и никому не поможет — ни тебе, ни твоему мальцу. Кто он тебе? Это ведь из-за него ты все еще пытаешься сопротивляться моей силе.

— Сын.

— Врешь. По крови вы не родные.

— Он мой.

— Да твой, твой. Зачем он мне нужен? Не собираюсь пока я его у тебя забирать, от своих еле-еле избавилась. А вот что с вами делать? Что опять придумала?! Остынь, зараза дерганая! Со мной ты не справишься. Ты сильная, и мальчик твой неслабым магом будет, но сейчас я сильнее, опытнее, да и лес этот мой. Сама земля мне поможет, хоть и смогла ты вызвать у этого места симпатию и уважение. Веток не ломала, огнем живое не жгла, зверей зазря не била. Умна, но молода еще, а потому не совладать тебе со мной. Смирись. — Она снова оглядела нас. — Что-то маловато у вас вещей. Как же вы до меня дошли и откуда взялись? Отвечай! От того, насколько правдиво ты ответишь, будет зависеть не только твоя судьба, но и сиротки твоего.

Пока она говорила, а мы одевались, я вспомнила сказки, рассказанные мне отцом, и решила рискнуть, развлечь старушку русским фольклором. Глубоко, до земли поклонившись, я, глядя в ее глаза, улыбнулась как можно добродушнее и, преодолев угнетающую меня силу, произнесла:

— Здравствуй, владычица этих мест! Пришли мы в твои владения из далекого далека. Путь наш был тяжелым и долгим, и, чтобы рассказать обо всем, что с нами приключилось, много времени потребуется. Ты вот нас не покормила, не напоила, отдохнуть не пригласила, а ответа требуешь. Как же так, хозяйюшка? Мы же не против рассказать все, что попросишь, а то и показать, только устали мы с дороги. Извинения просим за то, что побеспокоили. Не знали мы, что у этого прекрасного места хозяйка есть, а то бы обязательно разрешения попросили да гостинцы бы для тебя припасли. А за

причиненное беспокойство и оказанный приют я уж отслужу тебе, владычица, как прикажешь, так и отслужу.

Словно искорки зажглись в глазах у слушавшей меня женщины. Показалось мне даже, что крепко сжатые губы ее чуть дрогнули в мимолетной улыбке, прежде чем она ответила.

— Вот теперь по словам твоим я хорошо понимаю, что чужестранка ты. Дерзка. Умна. Хитра. Не говорят у нас так, как ты. Глянь-ка, извинилась, похвалила, польстила, превознесла, заинтриговала, еще и в гости напросилась. Умница. Развлекла. Обнадежила. А потому бери малыша, пожитки свои не забудь и пойдете в гости. Очень уж хочется мне историю вашу выслушать. Давно в мой лес такие интересные гости не забредали, а если и забредали, то до меня добраться не смогли.

Ничего не опасаясь, она повернулась ко мне спиной и двинулась вперед по еле заметной тропке, которой еще полчаса назад здесь точно не было. С каждым шагом спина ее выпрямлялась, а движения становились все легче. И вот уже впереди нас легкой поступью шагает совсем даже нестарая истинная владычица этих мест. Мне ничего не оставалось делать, как только, сжав в своей руке пальчики моего Ангела, двинуться вслед за ней. Я переживала, волновалась, беспокойно оглядывалась по сторонам, а вот мой малыш, напротив, солнечно улыбался и был доволен всем происходящим. Ему все нравилось. Он был спокоен и с явным нетерпением поглядывал вперед.

Да, поглядеть и впрямь было на что!

ГЛАВА 19

Неприметная тропка вывела нас к подножию небольшого холма, поросшего огромным количеством маленьких голубых цветов. Впервые в этом лесу мы увидели огромную поляну, залитую солнечным светом. Это был не просто холм, а холм-дом. Именно дом. Что-то похожее я видела в фильме «Властелин Колец», потому как дверь у подножия этого холма делала его похожим на домик хоббита. Всегда хотела побывать именно в таком доме, но встретить что-либо похожее здесь...

О, собачки? Нет, волки. Размером с крупного пони. Вон как хозяйка довольна. Улыбается. Ждет, видимо, когда мы от наступающих на нас зверей убежать начнем. А мы не начнем. Ангел мой прекрасно знает, что от зверей убежать нельзя. Нужно просто подождать, пока мама им головы поотрывает, и все. Стоит, умничка, улыбается. И хозяйка, та, которая бывшая бабка, а ныне женщина средних лет, тоже стоит, но уже не улыбается. Правда и трех своих питомцев не торопится останавливать. Твари! Напугают мне ребенка, головы точно пооткручиваю.

Но их трое. И подчиняются они наверняка этой ведьме. Вот на нее и буду нападать. Стоит она не очень далеко, для броска анаконды в самый раз. Она же наверняка не смогла пока почувствовать, что магия на меня не действует. Заодно и зверушек от моего мальчика отвлеку. А то ишь выискалась, владычица заморская!

Мгновение. Рывок. И вот тело огромной анаконды, никогда ранее не виданной в этом мире, крепко сжимает в своих кольцах заигравшуюся хозяйку этого леса. Лес замер. Причем замер в прямом смысле этого слова. Ни травинка, ни листочек, ни веточка не смеют колыхнуться. Оглушающая тишина стоит кругом, и только недовольное натужное сопение разозленной женщины в моих крепких объятиях нарушает ее. Звери, очень похожие на волков, в первое мгновение метнувшиеся на выручку своей хозяйки, застыли на месте. А звери ли они? Уж очень взгляд у них разумный. Вон как мгновенно сообразили, что любое их движение провоцирует меня на еще более крепкие объятия. А местная владычица молчит. Вырваться при

помощи магии у нее не получилось. Хотя она до сих пор что-то пытается сделать. Руки уже не двигаются, пальцы наверняка уже онемели, но просьбы о примирении я пока так и не слышу. А вот колдовать она пытается. Зараза древняя! Вот же упертая тетка попалась, и я в этом облике заговорить с ней не могу. Ну что ж... Чуть смещаю одно кольцо на горло. И понемногу начинаю придушивать дамочку. А теперь расслабить, пусть вздохнет поглубже. Так, голову повыше. Посмотрю в ее глазки, заодно свои покажу. Язык у меня в этой ипостаси далеко выстреливает. О, клыки мои ей особо понравились! Злоба из глаз ушла. Остался интерес и любопытство исследователя. Сейчас заговорит. Послушаем...

— Ладно! Переиграла ты меня, малявка. Впервые за триста лет меня переиграли. И-кто? Девка. Мелкая, юная. Глупая. Неумелая. Отпускай меня! Не трону я вас. Да и не собиралась я вас трогать. Пугнуть только, чтоб посговорчивее была. Двести лет в этом лесу одна живу. Забыла уж, как гостей встречать нужно. Обещаю, мстить и причинять вред тебе и твоему приемному сыну я не буду ни сейчас, ни в будущем. Магией своей клянусь.

Разноцветные искорки вспыхнули и погасли вокруг нас. Мир принял клятву этой не то магички, не то ведьмы. Отошли в сторону волки, а я скользнула к моему Ангелу и уже возле него поднялась в своем человеческом облике. На месте нашего противостояния поднималась с земли чуть помятая мною владычица Шепчущего леса.

— Ну что? Приглашаю вас в мой дом, гости дорогие, — с явной иронией проговорила она и, уже не оглядываясь на нас, прошла к овальной двери, расположенной у подножия холма. Она распахнула ее и исчезла где-то внутри.

Да! На норку это жилище походило меньше всего. Обстановка, в которую мы попали, скорее напоминала охотничий домик королей. Небольшое, но очень уютное помещение, по-видимому, совмещало в себе функции прихожей и гостиной. Все вокруг, от стен до мебели, было выполнено из разных сортов дерева. Различное по цвету и структуре убранство создавало удивительно теплое и приятное впечатление. Освещалось все это великолепие светильниками, которые были изготовлены в виде небольших прозрачных шаров, наполненных хаотично перемещающимися магическими огоньками. Они свисали с потолка на тонких кованых цепочках. Шесть легких изящных кресел

стояли полукругом у столика напротив настоящего камина. Вот только никаких труб или дымоходов я снаружи не видела. А еще двери! В этом помещении было шесть дверей. За одной, открытой, был хорошо виден уходящий вглубь коридор, за другой — гардеробная для верхней одежды, а еще четыре мне сразу же захотелось открыть. Природное, родное, неудержимое любопытство, уже не раз устраивающее мне неприятности, просто вопило от нетерпения. Но его пришлось сдерживать, остановившись у порога, ибо ступить ногами, обутыми в грубые башмаки, на великолепный травяной изумрудный ковер я просто не могла. Такую красоту топтать? Команда хозяйки вывела меня из ступора, связанного с любованием данным шедевром, и сподвигла к дальнейшим действиям.

— Хватит изображать ценителей красоты! Разувайтесь. Полы теплые. Проходите. Устраивайтесь в креслах. Угощать буду вас, гости дорогие. Уля! Накрывай на стол.

На крик владычицы никто не вышел, но на столе начали появляться тарелки, бокалы, столовые приборы, супница, хлеб, нарезанный аккуратными ломтиками, жаркое на большом плоском блюде и кувшин, наполненный фруктовым соком, аромат которого заставил меня сглотнуть. Очень уж захотелось попробовать именно его. Именно сейчас. Сразу.

Долго уговаривать нас конечно же не пришлось. Уселись мы за стол, не теряя ни минуты, но ни я, ни малыш не спешили брать хоть что-то со стола. Ухмылка наблюдающей за нами госпожи и ее приглашающий жест позволили нам наконец-то приступить к дегустации пищи богов. Никак иначе то, что мы ели, я бы не смогла назвать. Все было не просто вкусно, а очень вкусно, просто необычайно. За такое угощение я была готова рассказать этой мадам все, что ее интересует, и даже больше. Ну, почти все...

Хозяйка приступила к еде молча, неторопливо, с грацией истинной аристократки. Да, сидящая сейчас с нами за столом женщина уже ничем не напоминала ту древнюю желчную старуху, встреченную нами у озера. Напротив нас сидела женщина лет тридцати. Темно-каштановые волосы тяжелой волной лежали на ее плечах. Гладкая смуглая кожа, ухоженные руки, чуть удлиненное лицо, тонкий прямой нос и четко очерченные губы подтверждали ее принадлежность к одной из аристократических семей этого мира, но не выдавали ее

возраст. И только глаза... Темно-серые, словно стальные, они помогли принять на веру ее заявление о возрасте в триста лет.

Наши благодарности за обед она выслушивать, естественно, не стала, лишь потребовала:

— Ну, рассказывай. Да не забудь объяснить мне, что ты такое!

Рассказывать я начала, но не сразу. Мой ребенок устал, покушал и захотел спать, а потому я для начала как можно удобнее устроила его у себя на руках и только тогда, когда его головка уткнулась мне в плечо, взглянула в ее глаза и начала рассказ.

ГЛАВА 20

Я старалась рассказывать без подробностей и лишних объяснений, начав с незабываемой встречи жениха и его глупенькой невесты. Умолчала я лишь о своей душе, и все равно мое повествование заняло достаточно много времени. Ответив на возникшие у хозяйки вопросы, я наконец-то тоже смогла задать волнующие меня и узнала, куда и к кому мы попали.

Оказалось, мы действительно вернулись на тот же материк, с которого нас увезли, но вот только волны и ветер доставили нас к берегу не просто далеко от того места, с которого мы начали это незабываемое плавание, а очень далеко. В королевство Нурин.

Королевство Ауриндия, а вместе с ним и граф Двардский, оказались давними и непримиримыми врагами «великого королевства» Нурин. Три века назад два добрых соседа, два короля не поделили юную принцессу, дочь южных песков и палящего солнца, красавицу Амалию и вступили в войну, надеясь, что победитель получит руку прелестницы от ее отца, короля Рауфа, правящего пустынным народом, проживающим в королевстве Суали, но они просчитались. Узнав о своих воинственных поклонниках, девушка сбежала с молодым магом из своей охраны, и ее след затерялся в знойных песках, а два соседа так и не смогли помириться. С тех пор военные конфликты стали обычными для двух соседствующих королевств, и даже по прошествии веков, невзирая на смену правителей, ни о каком примирении и речи пока не идет.

Побережье, на котором мы высадились, часто посещают работорговцы и пираты, но они, наученные горьким опытом, не рискуют соваться в Шепчущий лес, ибо никто и никогда не возвращается из него обратно на берег моря. Из каменного мешка, в который попали бывшие пленники, как оказалось, есть выход. Сложный, тяжелый путь через горы, но есть. Вот только люди всегда принимают неверное решение и пытаются пройти через лес.

То, что прошли мы, можно назвать чудом. Леди Юлиана пришла в свое время в лес в поисках убежища, и он укрыл ее, а со временем принял как свою хранительницу. Именно с тех пор ходу в него

простым людям нет. Мои перекореженные самоуверенным магом магические потоки не позволили ей своевременно обнаружить наше присутствие, а затем и лес принял нас, и именно поэтому Юлиана, к своему собственному изумлению, почувствовала наше присутствие уже у самого своего порога. Взбешенная и негодующая, отправилась вершить суд и назначать наказание, но и из этого у нее ничего не получилось. Лес выказал нам свою симпатию, а она, уверовавшая в свое могущество, допустила ошибку, недооценив своих гостей. Отвечая на мои вопросы, хозяйка не сводила с меня сурового взгляда. Но я с удивлением заметила в ее глазах смешинки и поняла, что леди скучно и мы для нее лишь новое развлечение.

Сама леди — сильный маг-бытовик, наследие папы, а еще высшая (по силе) ведьма, наследие мамы. Отец у Юлианы был королем Нурина, а вот мама... Мама в свое время была его фавориткой, и дочку она родила, как и полагается, вдалеке от королевского двора, в родовом поместье. Да вот беда, незаконнорожденная дочь так и осталась единственным ребенком короля.

Спустя год после ее рождения одна из его жертв, молодая ведьма, за бешеный нрав, побои и надругательство, умирая, прокляла его. Да так, что ни маги, ни ведьмы снять проклятие не смогли. Отдала девушка последние крохи своей жизни, пожертвовала перерождением, но отомстила за себя. Вот тогда-то и вспомнил король о дочери, и именно тогда у десятилетней ведьмочки погибла мать, так и не сумевшая разлюбить бешеного короля, и появился отец, а в королевстве начались гонения ведьм с использованием опыта ненавистных соседей. Запылали на городских площадях костры. Выросли, как цветы после дождя, белые храмы святош. Сейчас в обоих королевствах ведьм нет. Ну как нет... Почти нет. Магичек, впрочем, тоже почти нет, а сильных, обученных так точно. Король очень радел за свою безопасность, да только опоздал ровно на десять лет, ибо его дочь уже была ведьмой, и не простой, а вполне обученной и умеющей учиться самостоятельно, используя для этого дневники и книги матери.

В восемнадцать лет единственная выпускница Магической академии женского пола стала дипломированным бытовым магом, а после скоропостижной, как было объявлено, смерти отца — королевой. Незабвенный батюшка умирал тяжело и долго, а «любящая

и скорбящая» дочь, не отходящая от его постели, не уставала напоминать ему обо всем, что он сделал не только с ней и ее матерью, но и со многими другими женщинами и девушками. Почему она оказалась в этом лесу, я в этот день так и не узнала, потому что расстроенная воспоминаниями женщина прервала наши посиделки у горевшего ярким огнем камина. Отконвоировав нас в небольшую комнатку, находящуюся как раз за одной из так заинтересовавших меня дверей, приказала отдыхать и не показываться ей на глаза до самого утра. Вот только интересно, как я узнаю о том, что наступило утро? Окошек-то в комнате нет.

А комната, конечно, заслуживает отдельного описания. Мягкий ковер, небольшой столик у огромного зеркала, пара стульев, кресло и, конечно, кровать. Большая, уютная, обещающая неземное блаженство усталому путнику. Впервые за последний месяц я могу уложить ребенка спать на мягкую постель, застеленную белоснежным бельем, посмотреться в зеркало и наконец-то взглянуть на себя, заняться собой, не опасаясь нападения.

Уже давно уснул растревоженный мною Ангел, а я все не могла оторвать глаз от той, что отражалась в зеркале. Это была не я. Нет. Сильное, натренированное тело было удивительно схоже с моим прежним, но вот рост... Раньше я была выше, намного выше. А еще грудь. Она была больше моей прежней, но это и к лучшему, при смене облика или простой маскировке это может существенно облегчить мне жизнь. Вполне сформировавшаяся девушка и худенький юноша, на взгляд простого обывателя, никогда не смогут сойти друг за друга и если на вас напал юноша, то встреченная через несколько мгновений девушка тут точно ни при чем. Но глаза... Глаза приметные. Форма моя, а вот цвет... Большие, чуть вытянутые к вискам, но не черные, а голубые. Такие, как у Ланьи. Волосы, теперь действительно густые, черные, но вот белоснежные, искрящиеся прядки в них это не мое и, как мне кажется, Ланья тоже не имеет к ним никакого отношения. Это Двардский. Это его молния. Его эксперименты. Их тоже придется скрывать. Овал лица тоже не мой и губы не мои. И все же я человек. Девушка. Пусть выгляжу моложе, не на девятнадцать, а на шестнадцать, а парнишкой еще моложе, но возраст дело наживное. Главное, остаться в живых. Ведь мне есть ради кого жить, ради кого бороться. Не знаю, как дальше сложится наша жизнь, но одно я знаю

мылом в горшочках и бальзамом для волос, что еще нужно женщине для счастья? Не очень-то и много...

И опять же, к счастью, хозяйка этого поистине замечательного дома была в хорошем настроении и за обедом, поданным нам все той же невидимой Улей, я смогла задать оставшиеся у меня вопросы и получить на них ответы.

ГЛАВА 21

Королева Юлиана правила своим королевством ровно сорок лет, до тех самых пор, пока двум ее сыновьям не надоело ждать. Ждать своей очереди. Слишком молодо выглядела мать. Слишком жестким было ее правление. Многие, очень многие готовы были платить золотом за возможные перемены. Высокородные семьи и ковен магов были недовольны ее правлением. Беспощадное и суровое наказание за утаивание налогов, за преступления, за грызню между высокородными родами, за преследования ведьм. Казни пойманных работоторговцев, ссылка в приграничные крепости неугодных и недовольных. И самое главное, жажда власти ее сыновьями.

Переворот произошел тихо и почти мирно. Вырезали под покровом ночи королевскую стражу. Любимый младший сын и не менее любимая невестка в уютной семейной обстановке поздравили мамочку с рождением внучки. И пока молодая бабушка любовалась младенцем, аккуратно, но очень качественно, простым ударом по голове отправили ее в небытие. Магические браслеты и специально оборудованная в подземелье комната dokonчили начатое. Народу сказали, что королева слегла от сильнейшего проклятия. Во дворец были приглашены лучшие маги, лекари, знахарки. Кого уж они лечили, леди Юлиана не знала, но спустя год на престол взошел старший сын, а еще через год в королевстве был объявлен траур по безвременно почившей королеве. Сама же она провела в заточении двадцать два года, и если в камеру она попала цветущей женщиной, выглядевшей в свои пятьдесят восемь не старше тридцати лет, то сбежала из нее в возрасте восьмидесяти, выглядевшей при этом глубокой дряхлой старухой. Последние пять лет в подземелье к ней, кроме глухого старика, уже никто не спускался, а потому, как она выглядела, никто, конечно, не помнил и не предполагал. Да и знали о том, что она жива, единицы.

И вот долгие годы спустя, обдирая в кровь иссохшие кисти рук, ей наконец-то удалось избавиться от истертых магических кандалов, а вот старика... Старика пришлось убить, стражникам, дежурившим на верхних уровнях, отвести глаза — ранняя паника была ей не нужна. А потом было и вовсе легко. Дальше уж она не торопилась. Кто обращает

внимание на старуху в помещениях для слуг? А если она еще и глаза им отводит? Да никто. Одежду подобрать, тайник свой с золотом и камнями драгоценными опустошить, сокровищницу с артефактами обобрать удалось и вовсе без труда. А вот отомстить... Так сами справились.

На троне к тому времени уже сидел младший сын. Старший погиб на охоте в горах вместе со своим сыном-наследником. И вот после его смерти королевство не раз и не два содрогнулось от ужаса. Что, королева была негодна? Пусть теперь радуются. Если смогут, уж очень младшенький стал похож на своего дедушку, а наследника у него не было. Жена была, четвертая. Дочери были — шесть, а вот сына не было.

Ушла Юлиана из дворца тихо и незаметно. Пожелала только от всей своей ведьминской души, чтобы больше ни одна женщина не смогла понести от короля, чтобы именно на нем закончилась династия Арвенских. А дочери? А что дочери, ни одна из них не сможет родить ребенка, а значит, некому будет наследовать трон. Уж об этом-то любимая бабушка позаботилась. Гнилое семя Арвенских должно исчезнуть с карты мира. Все случилось именно так, как захотела высшая ведьма Юлиана.

Через пять лет после ее ухода из дворца на престол взошла династия Дагув. Порядок в королевстве был восстановлен. Вот только ведьм преследовать не перестали. Сама она еще целых двадцать лет скиталась по стране, пытаясь найти такое место, где можно было бы жить, не привлекая к себе внимания, но больше чем на пару лет ей нигде не удавалось задержаться. Люди начинали подозревать в ней не просто знахарку, а именно ведьму и через какое-то время сообщали о своих подозрениях святошам. Приходилось бросать все и уходить. Здоровье свое она к тому времени немного подправила, но силу и молодость вернуть не могла до тех пор, пока не попала в Шепчущий лес.

В последний раз она дотянула до последнего. Очень уж ей не хотелось уходить из обжитого дома, от людей, принимающих ее заботу и заботившихся о ней, не хотелось бросать молоденькую сметливую ученицу. До последнего дня она верила и надеялась, но только знакомство с Улей спасло ей жизнь. Уля показалась Юлиане именно в этот последний, решающий день. Маленькая, худенькая, одетая в

какие-то невообразимые лохмотья, она, невзирая на сотрясавшую ее от испуга и отчаяния дрожь, попыталась убедить ведьму в том, что ее предали. Что любимая ученица решила остаться в селе единственной знахаркой. Что именно в этот момент к маленькому селу, затерянному среди болот и лесов, стремительно приближается отряд стражников во главе с магом и святошей.

Сама Уля принадлежала к малому магическому народцу величков, в простонародье — домовичков. Только вот к тому времени борьба с нечистью привела на грань вымирания не только ведьм, но и величков. Уля считала себя последней из своего народа. Она могла жить хорошо, только если бы у нее был дом, а у дома хозяйка, и обязательно ведьма. И она жила. С Юлианой. Перебираясь с места на место вместе с ней последние пять лет, боясь быть обнаруженной, довела себя почти до полного истощения. И только осознав, что в этот раз женщина, которую она считает хозяйкой, может погибнуть, ошибочно считая себя в безопасности, решила показаться.

На свое счастье, Юлиана ей сразу поверила и успела уйти из села, оставив после себя несколько неприятных сюрпризов для тех, кто решится посетить ее дом без приглашения. Безразмерная сумка всегда была собрана именно для таких случаев, а потому времени на сборы двум беглянкам тратить не пришлось. Утро они встретили на маленьком островке посреди Увальской топи, пройти через которую невозможно. Ну, по крайней мере так считали жители села, которые возле нее жили, так считали маги, так думала и сама леди. И все-таки треть пути они прошли. Ночью. И погони за собой не ощущали. А еще через пять дней их принял в свои объятия Шепчущий лес, и вот уже двести лет они живут именно здесь.

— Ты думаешь, почему я так с тобой откровенна, — обратилась она ко мне, прервав рассказ и улыбаясь. — А потому, что ты этого никогда никому не расскажешь. Нет выхода из Шепчущего леса. С двух сторон он окружен крутыми скалами, с третьей граничит с морем, где раз в несколько лет появляются корабли, которые пытаются укрыться от шторма, а с четвертой стороны к самым его границам примыкает трясина Увальской топи. Этот лес — мой друг, моя жизнь, моя сила, моя молодость, и здесь я счастлива. Видела бы ты, девочка, какие мы были, когда добрались до этого леса, — грязные, оборванные, уставшие. Он принял нас не сразу. Нет, хищники нас не

беспокоили, и магией мы пользовались вполне успешно, и все долгие два года мы добивались признания этого исполина. Перетерпели. Выстояли. И только тогда он принялся нам помогать, и мы с Улей познали мощь, о какой раньше даже подумать не могли. Теперь моя домовушка может в любое время навестить мое бывшее королевство и переместить в наш лес любой предмет, вот только неживой. Не дано это людям, а секрет порталов утерян в веках. Во всем мире это уже не дано никому. Спросишь, чем мы занимаемся здесь? Ну, Уле и по дому дел хватает. Любит она уют создавать и до сих пор, сколько лет прошло, благодарит богов за нашу встречу, удачный побег, за дом, за жизнь. А я? Я забочусь о том, чтобы в лесу был порядок, чтобы не нарушали его покой, работаю над старинными рукописями, продолжаю совершенствоваться в магии. Древние книги и дневники ведьм содержат много тайных знаний, вот только познание этих тайн дается мне нелегко. Хотя именно сейчас я уже никого не боюсь и могу легко пройти по болоту, погоду как поправить, так и испортить, а уж проклясть... Так за милую душу, кого угодно и как угодно. И самое главное, нет теперь в мире силы, способной мне противостоять. Вот только мне теперь мир не нужен и люди не нужны. Их суетность, злоба, жадность неинтересны. Находит мне моя помощница время от времени наследие древних ведьм, книги магов, артефакты, новые и старые, я и рада. Вы вот пришли, тоже развлекли старушку, хе-хе... Только вот что я тебе скажу, гостя моя, выхода у вас особого нет. Как бы благосклонно ни принял вас лес, решать, что с вами будет, дальше мне. Развлекать тебя историями я больше не собираюсь. Работы у меня для тебя тоже нет, Уля прекрасно справляется, а потому... Не нужна ты мне. Вот мальчишку оставлю. — Она перевела взгляд с меня на ребенка, сидевшего в данный момент возле камина прямо на ковре и увлеченно рассматривавшего огромную книгу с красочными иллюстрациями. — Он мне интересен. Вырастет не просто сильным магом, если развивать его дар, конечно, но и красавчиком. Меня-то он матерью точно считать не будет. Можешь не возражать. Это один раз ты меня врасплох застала, но теперь рядом со мной Уля, и мы сильнее. Будет так, как я скажу.

Мое сердце стремительно ухнуло куда-то вниз и буквально заледенело, стремительно удлинившиеся когти вспороли столешницу, как тонкую бумагу. Это осталось незамеченным леди Юлианой, ибо ее

внимание было всецело отдано моему Ангелу, возле которого в данный момент проявилась маленькая фигурка домовой. Сама же хозяйка, продолжая рассматривать мальчика, продолжала:

— Да, если попытаешься на меня напасть, ребенок умрет. И заметь, вред ему причиню не я. — Она оглянулась. Ее лицо светилось довольством и благодушием. — Любая мать с радостью отдала бы мне ребенка. Ты должна быть мне благодарна. Он будет счастлив, станет магом...

— И будет всю свою жизнь подчиняться твоим капризам и приказам. Не так ли, госпожа? — добавила я, убирая руки под стол.

— Он привыкнет к этому с детства, и это не будет доставлять ему неудобства.

— Но зачем вам именно мой мальчик? Там среди беженцев есть дети. Те дети, которых вы обрекаете на смерть. Вы могли бы взять кого-либо из них!

— Нет. Мне нравится этот ребенок.

— Но вы их не видели.

— Среди них наверняка нет магов.

— Но маг может попытаться выйти из-под вашей власти.

— Маги живут долго. Обучая его, я многое смогу проверить и многое изменить. Он будет глиной в моих руках, и я вылеплю из него совершенство.

— Вы уже вылепили — из своих сыновей! Не боитесь ошибиться вновь? — Я смогла вывести ее из состояния спокойного созерцания. Она взбесилась и выскочила из-за стола, и он больше не мешал мне. Да, я боялась потерять мальчика, жизни, ожидавшей его в этом доме, он не заслужил. Не хочу я для него такой жизни. Я спасала его от одного рабства не для того, чтобы он попал в другое.

Что хотела прокричать в мой адрес экс-королева? Каким проклятием воспользоваться? Услышать я не успела, а она проговорить не смогла. Теперь я душила ее своим змеиным телом, зная, что умру вслед за ней от рук Ули, но это уже не могло меня остановить. Домовушка, стоявшая до этого совершенно неподвижно возле моего мальчика, схватила его за волосы, вздернула вверх, поставив на ноги, и, глядя мне в глаза, приставила стилет к его горлу. Капли ярко-алой крови закапали на воротник его рубашки. Не знаю, чего она ожидала от меня, но явно не того, что произошло вслед за ее действиями. Я

усилила захват, мощные кольца пришли в движение и в полной тишине отчетливо раздался хруст костей и хрипы задыхающейся леди. Первой не выдержала именно Уля. Ее бесполезные заклинания соскальзывали с меня, как вода, а убить моего мальчика и обречь тем самым на смерть свою хозяйку она не смогла. Маленькие ручки разжались. Ангел упал на пол. Ни один звук не вырвался из его горла. Он просто встал и, взволнованно глядя на меня, подошел к столу для того, чтобы взять белоснежные салфетки, лежащие на нем. Прижав их к своей ране, он обошел комнату, стараясь встать как можно ближе ко мне. Не было слез, не было крика, не было паники. Я гордилась ребенком и собиралась убить эту зарвавшуюся тварь. Гнилые гены, гнилое семя, как говорила она сама. Мое последнее, решающее движение остановила маленькая величка.

— Не убивай! Я не убила мальчика! Не убивай госпожу. Лес не выпустит вас живыми, если она умрет. Мы дадим вам уйти. Вам обоим. Я клянусь. Лес проследит за исполнением моего обещания. Госпожа... она неплохая. Просто она ничего хорошего от людей не видела. На ее доброту и заботу они всегда отвечали злом, и она решила больше не интересоваться ничьими желаниями, кроме своих. Но она не плохая... Не плохая... — Малышка заплакала, размазывая слезы по лицу, всхлипывая и захлебываясь ими. Я не могла в этом облике заговорить, а отпускать боялась. Объятия ослабила, а вот отпустить совсем — боялась. К удивлению домовушки, но не моему, я ведь знала, как умен мой мальчик, заговорил Ангел:

— Ты обещаешь, а вдруг она с тобой потом не согласится?

Удивление явственно отразилось на лице Ули, но она поспешила ответить:

— Ей придется. Лес сейчас подтверждает мое обещание, и, если она и дальше хочет пользоваться его силой, его защитой, ей придется согласиться. Она поймет. Уже поняла. Не будет проклинать, не будет вредить. Пусти... Ей плохо!

Я поверила маленькой волшебнице и отпустила ее хозяйку.

Да, поломала я ее хорошо. Руки — обе. Ноги — тоже. Позвоночник и шея целы, но говорить она пока точно не сможет. Вон как глазами сверкает. Могла бы, загрызла! Но что не дано, то не дано.

Весь вечер и полночи мы с величкой занимались нашими пострадавшими. И если Ангелу пришлось уделить всего несколько

минут, то с «гостеприимной» хозяйкой провозились очень долго. И только к полуночи закончили складывать кости, косточки и осколки. У нас все получилось. Уля удивительное существо и очень хорошая целительница. Я многому у нее научилась, но к концу мы обе с трудом держались на ногах. Утро следующего дня наступило без меня.

ГЛАВА 22

Я сумела подняться с кровати ближе к вечеру следующего дня. Пока приводила себя в порядок, услышала заинтересовавший и успокоивший меня разговор. Разговаривали леди Юлиана и Ангел. Кошачий слух меня не подвел, слышала я все очень отчетливо.

— А почему мама до сих пор спит? Вы вот уже вылечились и встали.

— Я сильная ведьма, а мама твоя еще не умеет правильно силы свои использовать. И почему ты эту девочку мамой зовешь? Она же тебе не мать. Ты же знаешь?

— Знаю. Раньше она не была моей мамой, а потом стала. Теперь я ее самый родной сын. Она меня любит.

— Если ты останешься со мной, я тоже буду тебя очень любить.

— Не останусь. В нашей семье я мужчина, и мое главное дело — защищать маму.

— Но у меня тебе будет лучше. Я научу тебя магии. Разрешу играть с моими стражами. Подарю меч и коня. А твоя мать еще слишком юная. Она не сможет дать тебе всего этого. Будете жить в нищете. Вам придется голодать, носить плохую одежду, вокруг будет много плохих людей. Они будут вас обижать.

— Нет. Я умею выступать и смогу зарабатывать.

— Что ты умеешь?

— Выступать. Меня в балагане научили петь, танцевать и стоять не двигаясь, когда ножи кидают. Мы будем работать. Мы будем вместе.

— Но для того, чтобы уйти, вам придется пройти топи, а это верная смерть.

— Я пойду с мамой, и если мы умрем вместе, то боги разрешат нам родиться вновь опять вместе.

— Кто тебе такое сказал? Мама?

— Нет. Мне сказал отец. Давно сказал. Я еще совсем маленький был. Но я его помню. Он редко приезжал и говорил со мной очень мало, наверное, ему неинтересно было со мной сидеть, но это я запомнил: если умрешь вместе с тем, кого любишь, то благословение богов поможет встретиться вновь. Теперь перед сном я всегда прошу

богов о смерти вместе с мамочкой. Еще совсем недавно я очень боялся умереть. Я был один, но теперь мама меня нашла, и я уже не боюсь.

— Они отвечают тебе?

— Да. Мне обещали, что мама всегда будет со мной.

— Боги говорят не со всеми.

— Да. Но я долго просил. Мне ответили.

— А как же отец? О нем ты тоже просил богов?

— Нет. Мой отец сильный маг. Он справится сам. С мамой мне лучше. Она меня любит.

— Так значит, не останешься?

— Нет.

Чтобы помочь сыну прекратить явно начинающий тяготить его разговор, я нарочно уронила стул, и уже через мгновение маленький вихрь влетел в комнату и запрыгнул ко мне на руки. Я прижимала к себе самое преданное и любимое существо в этом мире и плакала от счастья, благодаря богов за то, что теперь не одна и у меня есть он.

Ужин прошел в напряженном молчании. Леди не желала со мной разговаривать. Навязывать ей свое общество и свое внимание я не стала. Не хочет говорить — что ж, не очень-то и хотелось. Зато есть время прогуляться.

Ангел повел меня знакомиться со стражами. Они оказались удивительно умными существами. Вполне разумными, любящими побегать и поиграть. Время в их компании пролетело незаметно. Спать мой сын укладывался уставшим, но очень довольным, а я ждала... Ждала разговора с хозяйкой. Ее решения. Дождалась. Стоило только Ангелу заснуть, как тут же возле меня появилась Уля и пригласила на вечерние посиделки у камина, предупредив о том, что госпожа приняла решение и готова его сообщить.

В камине уютно горел огонь, потрескивали поленья, взлетали искры, а вот кресло возле него было только одно и оно было занято. Юлиана собиралась не только объявить мне свою волю, но, судя по всему, указать мне то место, которое я, по ее мнению, достойна занимать. Теперь она действительно выглядела по-королевски. Платье, драгоценности и тиара на голове указывали на ее высокое происхождение, богатство, высоту занимаемого положения. В кресле передо мной действительно восседала королева. Ее высокомерный и

презрительный взгляд пытался пригнуть меня к полу, но она просчиталась. Ни богатство, ни титулы не могли заставить меня трепетать перед ней, а потому мое дальнейшее поведение наверняка разочаровало ее. Что я сделала? Ничего предосудительного. Просто придвинулась поближе к камину и, усевшись прямо на ковер, протянула руки к огню, пытаюсь почувствовать его энергетику, тепло и ласку. На какое-то время я и впрямь забыла о том, что она сидит чуть сбоку от меня и внимательно за мной наблюдает. Лепестки огненного цветка ласкали мои пальцы, и я чувствовала, как по моему телу пробегают искрящиеся волны. Это было настолько упоительно, что восторг, переполнявший меня, на короткое время отодвинул в сторону все накопившиеся беды и проблемы.

— Ты действительно ведьма, — проговорила Юлиана. Ее голос звучал очень тихо и был, к моему удивлению, абсолютно спокойным и вполне доброжелательным. — Но это ничего не изменит. Вы должны будете уйти, и я не стану тебя ничему учить, а потому топи пересечь тебе не удастся. Ты умрешь сама и погубишь ребенка. Я уверена, что твоя вторая форма очень нестабильна. Необученная магичка и еще более неумелая ведьма. Единственный шанс выжить — это вернуться к беженцам с корабля и вместе с ними попытаться найти дорогу через горы. Малыш не желает оставаться со мной, а я не могу применить магию, но ты, как любая любящая мать, должна позаботиться о его благополучии, а это значит понять и не тащить его за собой. Кем ты станешь, вернувшись к людям? Ни один маг не станет тебя обучать магии, а если прознают о том, что ты ведьма, то дорога на костер будет единственной твоей наградой в этой жизни. Что тогда станет с мальчиком? В самом лучшем случае тебе, с твоим смазливym личиком, удастся устроиться подавальщицей, обслуживающей посетителей трактира. Не имея денег, титула, связей, ты никто. Оставь ребенка, и я помогу тебе пересечь болото, дам денег, научу прятать свою сущность от ищеек-святош и от магов. Решайся! Я могу даже пообещать, что не буду убивать тех людей, которые сейчас обосновались на берегу океана, просто не пущу их в лес, и все. Ну?

Убрав руки от огня и повернувшись лицом к экс-королеве, я решила, что приютившая нас леди имеет право знать все о моих выводах и окончательное решение ей тоже наверняка будет интересно узнать.

— Леди Юлиана! Я со всем вниманием выслушала ваши доводы и предложения, а также приняла к сведению ваше видение моего будущего. И вот что я хочу вам сказать... Не будет по-вашему. Да, мы уйдем, но уйдем, как и пришли, вдвоем. Наша судьба — это наша судьба. Опираясь на обещание безопасности, данное нам, мы задержимся ровно настолько, сколько понадобится мне для того, чтобы изготовить теплую одежду для меня и для моего сына. За пределами Шепчущего леса зима уже наверняка вступила в свои права, и нам нужно подготовиться к нелегкому путешествию. Как только я посчитаю, что мы готовы уйти, мы уйдем. И поверьте, злоупотреблять вашим гостеприимством мы не будем.

— Глупая, вздорная, дрянная девчонка! Ты ничего не поняла! — Мадам бывшая королева не только взбесилась и повысила голос, она на меня заорала, как обыкновенная баба. — Я больше не буду тебе ничего предлагать и беседы вести с тобой не буду. Надеюсь, вы действительно уберетесь из моего дома достаточно быстро!

Резко поднявшись со своего места, она стремительно покинула мое общество. Наверняка боролась с огромным желанием вцепиться мне в волосы. Да, не умею я с высокородными разговаривать... Придется учиться, а то не сносить мне головы. Там, куда я собралась, их на каждом углу встретить можно. Не успею даже ничего натворить. Один раз рот открою и без своей глупой головы останусь. Ну что? Разбирать заготовленные во время перехода через лес шкуры будем завтра, а пока — спать. Вот только не забыть бы подобрать ключик к сердцу Улички. Ее помощь мне бы очень пригодилась.

ГЛАВА 23

Зря маг-ведьма считает меня полной тупицей и невежей! Не тупица я и магических заклинаний, по крайней мере бытовых, знаю достаточно много. Не зря ведь я в доме графа хвостом за его слугами ходила! Все, что они при помощи магии делали, не только видела, но и намертво заучила. Вот только воспользоваться в облике кошки я этими знаниями никак не могла, а потом, уже на корабле, откровенно боялась. Магов работоторговцы упаковывали, беспокоясь за свою безопасность, куда тщательнее. Вот в лесу... В лесу я не раз и не два пользовалась своими новыми возможностями. Да, я не могу сказать, что буквально все у меня получалось легко и с первого раза, но получалось же. Значит, надо работать над собой. Сделать все заклинания, что я помню, простыми в использовании, своими, уложенными на полочки моей памяти в строгом порядке на веки вечные. Что для этого нужно? Нужно работать над собой, изо дня в день, каждую свободную минуту. А это я делать умею. Больше пятнадцати лет моей прошлой жизни были подчинены строгому ритму тренировок, и теперь именно это должно мне помочь, как ничто другое. У меня все получится. Вот только ведьма из меня жутко проблемная получается. Как папочка говорил, «сила есть — ума не надо». А в моем случае дури много. Это же они меня на костер, а я им торнадо, и прощай, город! Боги, как же хорошо, что в прошлой жизни мой сэнсэй так настойчиво прививал мне терпение, умение думать, анализировать и вести бой, не поддаваясь эмоциям. Пришла пора вспомнить его уроки и начать пользоваться всем, что ему удалось вложить в мою голову. А деньги? Мадам крупно ошиблась, считая меня нищей. Да, графский титул я купить не смогу, но маленькое поместье в глуши вполне. Мой мальчик не будет попрошайничать на улицах. Я лучше киллером поработаю, но мой малыш забудет о том, что такое голод.

Десять дней у меня ушло на подготовку к дальнейшему пути. Госпожа Юлиана, как и обещала, делала вид, что нас нет, и старалась не сталкиваться с нами. А мы? Мы не грустили. Шили, гуляли, собирали травы, сушили их, составляли из них различные сборы на

все случаи жизни, упаковывали их во влагонепроницаемые контейнеры. Думаете, со всем этим мы с малышом справились сами? А вот и нет. Мадам, не желая встречаться с нами, оказала нам огромную услугу, посещая в эти дни дальние уголки своих владений, а вот Уля... Домовичка оказалась к нам более благосклонной. Это именно она показывала нам с Ангелом разные травы, она учила и наставляла. Помогла правильно скроить нужную нам теплую одежду и обувь, научила пропитывать ее растворами и магией, делая непромокаемой. Рассказывала о пути через топи и плакала, точно уверенная в том, что мы не сможем ее пересечь.

Безразмерной магической сумки у меня не было, а вещей и припасов набралось много. Как ни старалась я складывать все более компактно и не брать лишнего, все равно поклажа получилась внушительная и по объему и по весу. Уличка очень переживала. А я, в отличие от нее, знала, что мне нужно все это просто поднять, а потом сменить облик и эта моя проблема сразу исчезнет. Мне не придется тащить эти вещевые мешки в облике кошки или змеи, моей ношей станет только Ангел.

В последний день я наконец-то нашла решение мучившей меня все эти дни проблемы. Да, я сразу поняла, что именно облик анаконды поможет мне без проблем пересечь любое болото. Но со мной ребенок, а держаться за рассекающую топь змею очень трудно, удержаться долгое время еще труднее, даже если топь чуть подмерзла, это не решит вставшую передо мной проблему. И вот буквально в последний день я вспомнила, как можно выбраться из болота. Как мостят гать через трясину, как передвигаются по очень глубокому снегу, не утопая в нем и не проваливаясь. Мне нужно что-то вроде широких охотничьих лыж или санок. Я целый вечер при помощи Ули мастерил маленький плот с гладкой нижней поверхностью и с приподнятым, чуть загнутым кверху краем на одной стороне. Он должен держать вес Ангела, легко скользить по любой поверхности и конечно же не зарываться передним краем, замедляя и усложняя движение. У нас получилось. Ему будет удобно. Мы предусмотрели даже ремни, за которые он будет держаться. Вот только мне самой придется довольно трудно, ведь ошейник и помочи на змее не закрепил, но я решила, что попробовать все равно стоит. Ну, буду почаще останавливаться и крепить этот кожаный ремень вновь и вновь. К утру, забывшись в

тяжелом сне, я нашла решение. Во сне и нашла. Если облик змеи это именно то, что я себе представляла, кто мне мешает перед самым обращением придумать себе изменения? Пара шипов возле головы решит мою проблему. Вот только ремни крепления придется делать как можно длинней, ибо волнообразное движение змеиного тела не должно дергать и заставлять резко рыскать из стороны в сторону изобретенные мною «санки».

Не подозревавшая о том, что именно сегодня мы двинемся в путь, хранительница приютившего нас леса ушла из дома уже с утра. Я подозреваю, что симпатизирующая нам домовичка попросту не стала предупреждать хозяйку о наших планах, а потому двинулись мы в путь без долгих разговоров и прощаний. Путь до окраины леса при помощи стражей и Ули показался нам очень коротким, ибо уже к середине дня мы стояли у края Увальской топи.

Стоило только выйти из-под защиты деревьев, как стало понятно, что вот она, зима. Во всей своей красе. Холодный порывистый ветер, небольшой мороз и легкий туман над трясиной. Все это пугало и настораживало. Поверхность представшей перед нами трясины не выглядела однородной. Кипенно-белые участки сменялись грязно-серыми и совсем черными, и именно от черных поднимался вверх и расплзался в стороны так не понравившийся мне туман. Вопросы задавать не пришлось, Уличка начала объяснять все сама.

— Для того чтобы не заблудиться, двигайтесь точно на восход светила. Намечай впереди ориентир, двигайся на него и не будешь кружить. Останавливаться для отдыха и на ночлег можно в тех местах, где растет более пяти деревьев, пять низкорослых и корявых, но деревьев. Таких мест немного, но они есть. Старайтесь, чтобы туман, поднимающийся от теплых, незамерзающих пятен, не был слишком густым и насыщенным, риск не проснуться утром в таких местах возрастает в разы. Если ваш путь будет длиться больше пяти дней, это будет обозначать только одно: вы заблудились или идете слишком медленно. В таком случае ребенок умрет, отравится и никто не сможет его спасти. Пройдете быстро — за пару десятков дней на чистом воздухе все последствия пути по топи сойдут на нет. Самые страшные обитатели трясины — ядовитые змеи, но именно зимой они замирают, и только в теплых прогалинах вы можете столкнуться с ними. Есть еще мертвья, иногда поднимаются утопленники, но, чуя в тебе магичку,

они не посмеют приблизиться. Люди не будут ощущать твою силу, твой маг постарался, а вот магические существа будут чувствовать твое присутствие всегда и везде, но и силу будут чувствовать, а потому не полезут знакомиться. Не бойтесь. Выйдете к поселению, из которого мы с госпожой убегали, обойдите его стороной, иначе вам трудно будет объяснить, откуда вы, потому как никто не поверит, что вы прошли трясину, а значит, обязательно попробуют задержать и вызвать стражу и святош. Что сейчас происходит в этом селе, как они живут? Я не знаю, ни разу больше там не была, боялась ловушек. Теперь последнее. Подарок тебе, девочка, лично от меня. Вот в этом маленьком футляре, защищенном от воды и непогоды, находится дневник ведьмы, могущественной ведьмы древности. Такие, как она, обычно очень скрупулезно описывают свой опыт, возможности, наработки и зелья. Он попал мне в руки совсем недавно, и госпожа моя ничего о нем не знает и не узнает. У нее еще очень много неразобранных артефактов и рукописей, еще один дневник не сделает ее счастливее. Тем более она никогда не выйдет из Шепчущего леса, потому что не сможет отказаться от того могущества, которое он ей дает, а вам с малышом эти знания помогут выжить. Больше я ничего не могу сделать для тебя. Госпожа — моя семья, мой дом, моя жизнь. Я знаю, что нарушаю ее волю, отпуская вас, но я также знаю, что, если она настоит на своем, это повернет ее душу в сторону зла, на темную сторону, и мой долг уберечь ее от этого шага. Прощайте.

Ни поблагодарить ее, ни попрощаться мы Ангелом не успели. Домовичка просто растаяла в воздухе. Стражи, до этого спокойно стоящие возле нас, сразу же развернулись и со всей возможной для них скоростью рванули под сень могучего леса. А лес тихонько шелестел и шептал слова прощания.

Световой день короток. Нас ждал нелегкий путь. А пройти нужно так много.

ГЛАВА 24

Как же мне повезло, что мой змеиный облик не подвержен холоду и помогает мне легко двигаться как по суше, так и по воде!

Это оказалось совсем непросто — двигаться так, чтобы не дергать и не таскать свой такой важный и ценный груз из стороны в сторону, но я приноровилась, и у нас получилось. Да, огромная змея, ее мощь, ее скорость — это, конечно, очень хорошо. И что благодаря этому облику мы могли двигаться по прямой, не выискивая удобного пути, не боясь провалиться и нахлебаться темной, дурно пахнущей в некоторых местах воды, очень облегчало наш путь. А еще нам крупно повезло, потому как ближе к сумеркам мы все-таки нашли нужный нам островок, на котором и смогли остановиться для отдыха.

Малыш спал, закутанный в меховое одеяло. Сытый и уставший, он уснул за считанные минуты. За все время пути ребенок не замерз и ни разу не упал со своих таких странных санок. Именно этим я сейчас безумно гордилась. У меня получилось сшить ему действительно теплую одежду и обувь, получилось придумать и сделать очень удобное средство передвижения, а самое главное, мы сумели пережить этот день. Усталость навалилась на меня со всей силы. Двигаться полдня без отдыха и остановки оказалось очень тяжело, и сейчас мои мышцы заметно ныли, даже смена облика помогла мало, но тревога, неожиданно охватившая меня, не давала заснуть. Что-то там, на грани видимости для моего острого зрения, двигалось, дышало и постанывало. Беспокойство заставляло меня вновь и вновь вглядываться в даль и внимательно прислушиваться. Оно вздыхало так проникновенно и жалобно, что порой приходило настойчивое желание двинуться навстречу этому кому-то, и только ровное сонное сопение Ангела останавливало меня.

К рассвету я отдохнула, но не выспалась. Сытный завтрак и вопросы неугомонного малыша помогли мне окончательно проснуться, и мы продолжили путь. Экономя силы, я весь день продвигалась вперед неспешным и равномерным ходом. Кратковременная остановка в полдень не сильно задержала нас, и на ночевку мы остановились в этот день еще засветло. Уж очень удобный островок попался на нашем

пути. Развели огонь, сварили суп, заварили чай, и наконец-то мой Ангел сумел задать то нескончаемое количество вопросов, скопившихся у него в течение такого длинного дня. По-моему, мой мальчик больше всего уставал от вынужденного молчания, а не от самого пути. Он уже научился осторожно менять позу на более удобную, а потому не так сильно устал сегодня, а вот невозможность задать вопрос и получить на него ответ — это да... Это тяжело! Но горячая еда, удобное одеяло, возможность прижаться к моему боку и почувствовать мое дыхание помогли ему заснуть. Слала в эту ночь и я. Ничто так не способствует крепкому сну, как тяжелая дорога и усталость.

Утро встретило нас сильным снегопадом, и я поняла, что, если мы не хотим заблудиться, придется ждать его окончания. Используя тощие деревца, мне все-таки удалось соорудить небольшой навес, а вот сытный завтрак мы готовили вместе. Торопиться нам было некуда, и поэтому большую часть времени я потратила на то, чтобы научить Ангела этому на первый взгляд простому делу. Путешествуя по лесу, я начала учить его, но это, несомненно, стоило продолжить, да и занять ребенка делом нужно было обязательно, ведь побегать и порезвиться ему было негде. К нашему счастью, к полудню снегопад все же закончился, и мы смогли снова отправиться в путешествие, моля богов о том, чтобы в ближайшие дни было ясно.

Боги услышали нас.

Оно приходило опять, и опять жаловалось и стонало, мягко переступая с лапы на лапу где-то совсем недалеко от нас. На этот раз оно было ближе. Намного ближе. Очередной трудный день, очередная ночь, вот только уснуть я так и не смогла. Что-то неотвратимое, пугающее до дрожи в коленях, надвигалось из темноты. Ангел, напоенный мною чаем со сбором сонных травок, крепко спал, а я ждала. Ждала, когда из темноты покажется то — или те, что преследовало нас по ночам. Несколько часов прошло в напряженном ожидании и раздумьях. Домовичка уверенно говорила о том, что никакая нечисть не сможет потревожить нас, даже не приблизится. Но что тогда происходит?

Мороз крепчал, тихонько потрескивали угольки небольшого костра. Я сидела спиной к огню и потому заметила их практически

сразу. Застонала трясина. Легонько плеснулась вода в черных пятнах, густо расположенных вокруг островка, на котором мы остановились на ночь. Гнилостный, неприятный запах коснулся моего носа и заставил меня задержать дыхание. Они возникали напротив меня один за другим. Темные фигуры, маленькие и большие, но почти все вполне различимые мужчины, женщины и даже дети. Теперь я точно могла определить, кому понадобилась.

Давно, еще в прошлой жизни, я видела по телевизору документальный фильм о болотных людях, а если точнее, о болотных мумиях и потому помнила, что именно болото великолепно сохраняет человеческое тело, волосы, кожу. Да, тело усыхает, кожа деформируется, но тем не менее отличить мужчину от женщины и ребенка можно. Вот только в том фильме не говорилось о том, что эти самые «люди» могут преследовать кого-то на болоте. А еще на Земле наверняка никто не подозревал о том, что это болото будет держать не только тела, но и души. Глядя на них, застывших всего в двух шагах от края маленького островка, понимала, что да, я действительно ведьма. Ибо я видела. Видела магическое плетение на каждом из них, а еще маленькие и очень яркие огоньки их душ, которые держало это плетение. Одна из ниточек его уходила в темноту стоячей тухлой воды. Кто-то очень постарался, проклиная этот край и эти воды. Время шло. Я не понимала причины их присутствия рядом с собой, но, видя их неподвижность, начала успокаиваться, уверяя себя в безопасности. Еще целых полчаса прошло в полном безмолвии. Вот только фигур напротив меня становилось все больше, а еще через мгновение они напугали меня, шевельнувшись в едином порыве. Вскочив на ноги, поняла, что неверно истолковала их движение. Нападать на меня никто не собирался. Они все как один протянули в мою сторону руки, сложив ладони лодочкой.

Я не понимала! Не понимала... Но меня трясло от жалости и желания помочь. Моя сила просыпалась, огнем горя в моих венах, закручиваясь в тугий жгут в районе живота, но я не знала, что мне с ней сделать. И тогда я поступила так, как учил меня дедушка. Опустилась на колени напротив них, закрыла глаза и начала читать заученные наизусть молитвы моего мира. Молилась я, как и привыкла, на японском языке, это ругаюсь я на русском, а молюсь на японском, зато от всей души. Вкладывая в свои просьбы мольбу о прощении и

помощи. Сила нашла выход и выступила вовне, но я продолжала просить, не открывая глаз. Тяжелый груз, буквально вдавивший меня в землю, с первых слов молитвы вдруг неожиданно для меня полегчал, а через какое-то время исчез совсем, и я решилась открыть глаза. На востоке небо прочертила светлая полоска. Близился рассвет. Темные фигуры людей, стоявших напротив меня, тихо, без всплеска уходили в воду, и ни у одной из них в груди больше не горел огонек души. Весь этот рой огоньков кружил над моей головой, ярко поблескивая. Вот они будто бы решили что-то для себя и, выстроившись в узкую полоску тоненьким ручейком, потекли в мою сторону. Каждый из них касался моих ладоней, благодаря и прощаясь, а затем взмывал вверх, расцвечивая темное неприветливое небо. Они уходили, и боги принимали их. Слезы катились по моим щекам, принося мне облегчение, успокаивая и радуя. Не вытирая слез и не вставая с колен, я продолжала возносить молитвы богам. Только теперь я благодарила за помощь, за то, что услышали и отозвались на просьбы и мольбы невежественной ведьмочки.

Рассвет принес мне еще одну радость. Там, на горизонте, ясно обозначилась темная полоска. Там кончалась топь и начинался лес. Мы почти дошли. Я смогу. Госпожа высшая ведьма ошиблась. Она была не права, а это значит, я смогу все и у меня получится, надо только очень захотеть и постараться.

ГЛАВА 25

Спустя два часа после полудня мы закончили наш путь через топь, и даже последние десятки метров, покрытые черной, дурно пахнущей водой, не помешали нам. Но шумно радоваться мы не спешили. Торопились пересечь редкий, жиденский лесок и укрыться под сенью более привычного густого леса. Сменив облик змеи на облик кошки, я еще раз порадовалась наличию такого удобного вида транспорта, как наши сани. Легко и просто двигаясь по сугробам на кошачьих широких лапах, мне не приходилось беспокоиться о том, как по этому бездорожью перенести Ангела. Санки двигались по сугробам так же легко, как и по воде. Вот только обрадованный более безопасной дорогой мой уставший непоседа несколько раз кубарем скатывался в снег, поэтому его приходилось буквально откапывать, вытаскивая на поверхность. Но это несколько не расстраивало нас. Его веселое, разругавшееся личико доставляло мне неописуемую радость.

Следов жизнедеятельности людей мне на глаза не попадалось, жильем не пахло, хищниками тоже. Ничто не мешало нам быть счастливыми именно сейчас, именно в этот момент. И мы радовались, смеялись, шалили...

До настоящего густого леса с высокими прямыми стволами и пышной кроной нам пришлось идти чуть больше часа, но вот запаха дыма и людского жилья я почувствовать так и не смогла. Уля говорила, что село находится почти у самой трясины, но то ли мы вышли не туда, то ли она что-то перепутала, но чего не было возле нас, того не было.

В лесу сугробы заметно меньше, и мы смогли устроиться на ночлег под вывернутым бурей деревом. Его ветви послужили нам уютным маленьким домиком, который защищал нас от ветра и снегопада, начавшегося с наступлением темноты. Ужин в этот день показался удивительно вкусным, а чай душистым. Испарения болота больше не лезли в нос и не портили нам вкус и аппетит, а самое главное, мы наконец-то действительно выпались. Снег, укрывший наше убежище, и маленький костер сделали его теплым, уютным и безопасным, и мы засыпали, уверенные в том, что выбрались из

рабства, из леса, из болота. А лес? Обычный лес. Мы пройдем. Теперь мы это умеем. Ведьма я или где? Или кто?

Да! Сто метров не дошли. Деревня-то вот она. Только людей в ней нет. Дома стоят ровными рядами, целых три улицы, а вот жителями и не пахнет. И что интересно, давно не пахнет. От домов в основном одни развалины остались. Причем многие из них обгорели, а кое-где посреди изб и деревья вырасти успели. Это сколько же лет-то прошло после того, как люди это место покинули? И покинули ли?

Идти куда-то среди зимы не очень хотелось, а зимовать в шалаше хотелось еще меньше. Нужно было что-то решать.

И все-таки нам опять повезло. Небольшой, немного покосившийся, но еще довольно крепкий дом мы увидели на краю этого покинутого селения. Дверь крепко прилегала к косякам, окна были целые, крыша, судя по тому, что потеков на стенах после дождя не было, тоже была цела. Большая печь порадовала набором кухонных горшков и кастрюль, а глубокий навес — сухими дровами. А еще больше порадовала мысль, что я маг, и не просто маг, а бытовик, потому что я точно знаю, что печь и ее растопка — это не мое.

И вот заслонка на трубе отодвинута, огонь горит, вода для похлебки кипит, в доме тепло и уже чисто. Многого, конечно, не хватает, но я думаю, развалины домов нам во многом помогут. Но все это завтра. Все это подождет.

Следующие десять дней мы посвятили поискам, и все самое полезное и интересное нашел Ангел. Правда, обыскивали мы только те дома, где хотя бы частично сохранилась крыша, в других делать это было совершенно бесполезно. Глубокие сугробы очень мешали нам в поисках, и все-таки наше хозяйство пополнилось деревянными ложками и тарелками, небольшим топором, десятком ржавых ножей, полностью разряженной магической лампой, коробочкой, наполненной резными костяными пуговицами, и самое главное, игрушками. Ангел умудрился найти настоящий ларец сокровищ с набором деревянных воинов. Искусная резьба и точность выполнения амуниции говорили о том, что этот набор изготовил великолепный мастер и что жил он именно в этом селе, поскольку в резном деревянном ларце было аккуратно уложено и несколько неоконченных фигурок. Наверняка этот набор делался на заказ и стоил бы очень больших денег. Я

поражалась умению неизвестного мастера, а мой малыш был просто счастлив. Как был бы счастлив любой ребенок, получивший в свои руки такое чудо.

Время шло. Жизнь налаживалась. Со временем мы оказались счастливыми обладателями пары крепких деревянных бочек и вместительного ведра. Нашли целый ларь с солью и, как ни странно, с крупами, хранившимися в жестяных банках с плотно подогнанными крышками, по причине тщательной упаковки не доставшихся местным грызунам. Хвойные ветви, покрытые мехом, заменили нам матрас и подушки, менять их по мере высыхания не составляло труда. Кожаные веревки от санок пришлось приладить к барабану колодца, чтобы больше не мучиться, растапливая снег. И все-таки как хорошо, что я маг! Как много я могу сейчас и смогу научиться в будущем.

Больше всего в эти дни я радовалась тому, что в данный момент великолепно владею телом в облике рыси. Эта кошка в природе является непревзойденной охотницей, и глубокие сугробы ей не помеха. Затрудняя движение добычи, они нисколько не мешают ей самой, ибо нападает она в основном сверху. Передвигаться по веткам деревьев и устраивать засады в их кронах — что может быть проще, если при этом ты еще обладаешь и разумом человека.

Да, нам не хватало овощей и корнеплодов, но вдоволь было мяса и круп, а недостаток витаминов мы компенсировали настоями взятых с собою трав. Дни шли за днями. Наш быт упорядочился.

И вот наконец-то, закончив с основными, очень необходимыми делами, я решила повнимательнее изучить прощальный подарок домовушки, наследие древней ведьмы.

Ну, что сказать... Не так-то проста Улечка! Дневник она мне подарила действительно древний, вот только не предупредила, что футляр, в который он был тщательно упакован, не так-то просто открыть. Я открывала его целых три дня. Только сильно разозлившись на свою неловкость, не сдержав частичную трансформацию и серьезно поранив себе ладонь отросшими когтями, я его открыла. Ведь в этот момент я не только обильно полила упрямый футляр своей кровью, но в порыве гнева от души хлестнула по нему магической плетью. И вот спустя мгновение в моих совершенно чистых, без единого намека на раны руках лежит небольшая тоненькая книжица. Причем все мои чувства — брезгливость и омерзение — в этот момент просто вопят,

утверждая, что обложка сего творения сделана из человеческой кожи, а прошита опять же человеческими волосами.

Очень осторожно, не делая резких движений и стараясь погасить негативные чувства, я убрала эту книгу как можно выше, на самую дальнюю полку. Прежде чем начать знакомиться с этим увлекательным чтивом, я решила полностью успокоиться и примириться с информацией, полученной мною при соприкосновении с ним. Не знаю, где и когда, но я слышала о том, что книги, сделанные и написанные сильными ведьмами, имеют свой характер и свою душу. А потому могут почувствовать исходящий от меня негатив. Что тогда может прилететь в мою сторону? И думать не хочу.

И все-таки, если подумать, разве виновата сама книга в том, что для ее изготовления использовали такие, мягко говоря, нестандартные материалы? Разве она выбирала того, кто будет с ней работать и что он будет записывать? Вот об этом и буду думать до завтра, а завтра... Начнем знакомиться. Сегодня у меня вон бой на носу... Воины построены, заградительный вал из дров, веточек и щепок уже возведен, а я еще не готова к ведению боевых действий. Опять меня командир вражеского отряда разгромит в пух и прах, а мне его еще ужином кормить и спать укладывать.

Заняться ведьминской книжкой с самого утра у меня конечно же не получилось. Сынуля заявил, что теперь он точно знает, чему ему следует учиться. Оказывается, он долго думал и решил, что будет магом-воином, потому что ему нужно в будущем стать самым сильным защитником мамочки. И именно в тот момент я спохватилась. Меня начали обучать с очень раннего возраста. Почему я до сих пор не занималась с сыном время от времени? Где витали мои мысли? О чем я думала? Все, будем исправляться! Тем более ребенок проявил похвальное рвение и энтузиазм. И мы начали.

До дневника я добралась поздно вечером, справедливо решив, что, уложив спать своего непоседу, смогу сделать это более аккуратно и осторожно.

Я зря переживала. Дневник, а точнее, гримуар высшей госпожи Галии оказался обычной книгой. Да, он был защищен магически, и никто, кроме самой хозяйки или ведьмы, превосходящей ее по силе, не смог бы ее открыть. И наверняка умничке Ульке это было известно.

Вот только предупредить меня об этом она не соизволила. Была уверена в моих силах? Или, что вернее, в обратном? Но я открыла, и сил, как оказалось, у меня немерено, но вот откуда они взялись... Ланья, насколько я помню, была магинею, Двардский тоже маг. Откуда взялся ведьминский дар? С собой я его, что ли, притащила? Так мама и бабушка точно не ведьмы. Вот только если русская бабушка наследила. А что? Проклятия-то срабатывают, когда их на русском языке произносят.

А хозяйка этой книжицы, видимо, так была уверена в своих силах, что никакой дополнительной защитой не озаботилась, чему я, конечно, безумно рада, а еще тому, что с легкостью понимаю написанное. Сам гримуар выглядит как небольшая, тоненькая ученическая тетрадь, вот только последняя страница пронумерована как одна тысяча четыреста пятая и была заполнена больше чем наполовину. Секрет нумерации я узнала уже на другой день — новые страницы появлялись по мере прочтения предыдущих, причем толщина данного опуса не менялась. Удобно. И прятать, и хранить, и с собой в кармане носить можно, а самое главное, потерять нельзя. Стоит только подумать о нем — и раз! — уже в ладони лежит. Вот изучением этой изумительной книги я и занялась долгими зимними вечерами.

Да, несмотря на то что писавшая его ведьма по самоуверенности и бахвальству могла дать сто очков вперед гаду Двардскому, излагала она все последовательно, понятно, а самое главное, с картинками и пояснениями. И была действительно сильной ведьмой. Конечно, некоторые умения и заклинания мне не просто не нравились, а очень не нравились, прямо с души воротило, но я заучивала все, потому как никогда не знаешь, что может в будущем спасти жизнь мне или дорогому мне человеку. Теперь день наш был расписан буквально по минутам. С утра занятия во дворе. Одеты очень легко, мы занимались до изнеможения, я вспоминала уроки своего мастера, занимаясь с сыном, а также восстанавливала свои умения и оттачивала рефлексы. После обеда мы занимались уже за столом. Да, я не могла дать Ангелу полного магического образования, но основы и бытовую магию — вполне, а помочь раскатать и увеличить резерв, так и подавно. Уставший физически и совершенно пустой магически ребенок засыпал очень рано и очень крепко, и вот тогда я садилась за гримуар. Это было тяжело. Чем сложнее был ритуал, тем многочисленнее были

ингредиенты, используемые при его совершении. Нужно было учитывать многое: время суток, время года, количество и качество трав и другого неаппетитного дополнения в виде лапок, крылышек, волосков. Уже к концу десятой страницы я уверилась: ведьме нужен не просто свой дом, ей нужен дом с хорошей лабораторией, и самое главное, расположен он должен быть в глуши. Не зря, ой не зря многих из них тащили на костер! Пакости они делали с полным сознанием дела, как говорится, от души. Да, многие люди за злобу свою и зависть лютую, за поступки свои гадкие заслуживают и не такого, но ведь от ведьм часто страдали невинные. Приворожить, отвернуть от пути истинного, разбить сердца любящих, заговорить на смерть, продать яд — все это не делало ведьм популярными и любимыми у людей. Одно дело, когда ты травишь соседа, и совсем другое, когда он травит тебя, а виноват кто? Ведьма! И не поспоришь. И все-таки... Не все так просто, как кажется.

И если я ведьма, то лучше уж мне знать, с чем я могу столкнуться и как от него избавиться, а уж знать, как правильно управляться с ведьминскими силами, повелевающими природой и погодой, сами боги велели. Ветерок это одно, а ураган совсем другое и по силе, и по воздействию, а дозировать свои силы я не умею. И еще... Не верю я, что всех ведьм святые отцы извели. Пусть измельчали они, пусть погибли сильнейшие, но погубить всех... А значит что? Будем учиться и, самое главное, практиковаться. Благо людей в округе нет, ни одной деревушки поблизости. Куда все подевались? Непонятно. Вот снег по весне стает и, как мне кажется, ответ сразу найдется, а пока... Живем, учимся, готовимся к встрече с людьми, магами и, конечно, святошами.

ГЛАВА 26

Зима прошла. Мы выжили и прекрасно себя чувствуем. В отличие от меня Ангел заметно вытянулся, стал сильнее, выносливее. А вот я сильнее стала — это да, но не подросла ни на миллиметр, зато все мои умения и навыки боя теперь при мне. Одно огорчает — отсутствие нормального оружия. Все, что мы смогли найти в разоренном селе, просто ржавый хлам, приходится довольствоваться простым посохом, а как же хочется взять в руки нормальное оружие! Но чего нет, того нет.

Снег полностью растаял. Дороги просохли. Днем солнышко пригревает очень даже хорошо. Пора трогаться в путь. Да и крупы почти кончились, как я ни экономила, как ни берегла, но всему приходит конец. Пришел конец и нашей зимовке. Уходить из этого места мы будем с легким сердцем и благодарностью. В этом месте царит спокойствие. Мы набрались сил, многому научились, узнали, куда и почему ушли жители, и теперь отправимся им вслед. Основная масса уходила, основательно подчищая свои дома и подворья, а вот с десятков семей дотянули до последнего и уходили из села в большой спешке, бросая нажитое добро на произвол судьбы. Да и не только добро. Судя по всему, в селе началась эпидемия какой-то болезни, потому что два дома были сожжены вместе с хозяевами. Видимо, так люди пытались остановить поветрие, а потом бросили всех заразившихся, которые умерли без помощи и погребения. Их останки мы тоже нашли весной, но все эти события произошли очень давно. Скорее всего, сразу же после ухода ведьмы Юлианы через болота. Судя по всему, неплохой подарочек она оставила всем, кто посмел обидеть такую добрую и всепонимающую леди! Ох! Не все так просто и не так уж безобидна была ведьма, как она сама утверждает. И все-таки это дела давно минувших дней. Нам самое главное сейчас — дойти до людей и найти место, где мы сможем не просто выживать, а жить, и жить хорошо.

Целых четыре дня мы двигались вдоль заросшего тракта. Торопиться нам было некуда. Да и порядок передвижения сильно изменился. Теперь я уже не могла легко и непринужденно нести на

спине своего мальчика. Ребеночек-то подрос, и рысь в качестве ездового животного ему уже не подходила. Вот и шли пешком, ножками. Но регулярные усиленные тренировки не прошли даром, и Ангел, к моему полному удовлетворению, легко выдерживал заданный мною темп. Великого воина из него за это время, конечно, выйти не могло, но вот крепко и уверенно держать нож, правильно падать, уворачиваться, избегая захвата, а также долго бежать, равномерно распределяя силы, он научился. С магией дела тоже обстояли очень даже хорошо. Он явно сын своего отца. Магический резерв у ребенка увеличивался равномерно, и он уже вполне мог зажечь костер, свечи, почистить одежду, а это для его возраста просто великолепно. И самое главное, за эту зиму я научила его читать. С письмом дело обстояло намного хуже, если не сказать никак, но какие наши годы!

Я тоже имела право гордиться собой, поскольку наконец-то отработала все бытовые заклинания, какие знала ранее и которые нашла в книге ведьмы. Вот только книгу я не одолела и даже до середины не добралась, но зато обнаружила очень понятное оглавление и теперь могла выбирать нужное мне, не перелистывая страницы бесконечно долго. И чем дольше я с ней занималась, тем с большей ясностью понимала, какой бесценный подарок сделала мне Уля. Вряд ли я догадалась бы сама, каким страшным противником может быть бытовой маг, если у него, как у меня, силы немерено. И что сильный бытовик вполне может противостоять боевому магу, а уж кучке разбойников так и вовсе без проблем. Вряд ли кому-то может понравиться заклинание чистки серебра на своем лице. Да и много еще чего, зашить, например, можно не только прореху, а вскипятить не только воду в кастрюле.

А еще ведьминские штучки! Это вообще поле непаханое. Надо, конечно, точно знать множество пентаграмм, рун, зелий, но на память я никогда не жаловалась, а после вмешательства Двардского так и подавно. Вот сейчас на мне новый пояс с множеством кармашков, и я точно знаю, где у меня что, как это пахнет и для чего это нужно. А потому спим мы в лесу спокойно. Никто нас не потревожит, не увидит и не почувствует, даже если наш небольшой костер будет гореть всю ночь.

К обитаемому жилью мы вышли поздно вечером. Ну как вышли... Я почуяла запах дыма, домашней скотины, собак, чуть позже и людей. Вот только приближаться к нему, а также показываться кому-либо на глаза я не планировала. Узнать, что и где? Это — да, а вот без лишнего внимания хотелось бы обойтись.

Крутой берег небольшой реки очень удачно скрыл нас. Ужинали мы не торопясь, не разжигая костра. Сторожки, наложенные мною на нашу стоянку, будут держать в стороне всех любопытных, а потому я уверенно покинула стоянку со спящим ребенком — устав за день, спать он будет крепко.

Стояла глубокая ночь, но тем не менее село встретило меня шумом и гневными криками, а потому я решила наведаться туда в облике кошки. Высокий деревянный частокол не стал для меня преградой, тем более никого похожего на сторожа возле крепко запертых ворот не наблюдалось. Зато были собаки, но они, увидев и почуяв хищника, когда я спрыгнула на землю в виде большой кошки, кинулись врассыпную. Ну не тьякают, и ладно. Да, село это вам не город. Дома стоят далеко друг от друга, по крышам не попутешествуешь. Хорошо темно, хоть глаз выколи. Только вот народ не просто от дома к дому шастает, а еще и отношения выясняет. Пришлось двигаться вдоль хлипких заборов. Вот ведь в лесу живут, а изгороди дрянь. Даже когти не поточишь, того и гляди завалится. Ну, послушаем, что, где, когда...

В этом небольшом селе, дворов на тридцать, как оказалось, жили преимущественно охотники, но была у них кузня, лавка и, самое главное, трактир. Маленький, грязный, с прокисшим пойлом, но свой. Вот именно в этом трактире и проходили основные разборки. Бабы кучковались по домам, а мужики вынесли обсуждение животрепещущей проблемы на люди, а если проще — в трактир. Слушала я внимательно и спустя полчаса наконец-то поняла, в чем дело. Сам уважаемый трактирщик Евлан предъявлял претензии кузнецу и с пеной у рта доказывал, что именно сын кузнеца попортил его доченьку Маник и теперь должен на ней жениться. Крик стоял знатный, но до драки дело не доходило. Уж больно внушительные кулаки были у угрюмого кузнеца, который невозмутимо доказывал, что его сын был не первым и не последним, кто вкусил прелестей доченьки Евлана, а потому жениться его на ней никто не заставит. Не

знаю, сколько бы они еще ругались, если бы не вмешательство жены кузнеца. Высокая, крупная, под стать своему мужу женщина не стала слушать их перебранку. Стоя у дверей, гаркнула:

— Евлан! — И заткнулись все. — Хочешь свой залежалый порченный товар пристроить? Вези мага из Алехи! Покажет маг, что понесла твоя краля от моего сына, сама за вихры под венец притащу. Деньги у тебя есть, есть и возможность виноватого найти. Так что тебе и дело делать, и платить за него тоже тебе.

Вот так вот. Сказала как отрезала. Сама ушла и мужа увела. А остальные мужики, участвовавшие в разбирательстве, уселись за столы, потребовали выпивку и стали делать ставки, перебирая имена возможных виновников. Насупленный трактирщик занялся работой, покрикивая на жену, стоящую возле кипящего котла в маленькой кухне. Парнишка лет десяти забегал по залу, разнося кружки и закуски. Шум в маленьком лесном поселке начал стихать. Расходились по домам бабы, а я продолжала прислушиваться к их разговорам и наконец-то выяснила, что село называется Ушки. На расстоянии двух дней пути, но в разных сторонах, находятся еще три села, а вот до маленького городка Алехи, в котором есть стража, храм и даже маг, путь неблизкий. Главой же этого села является тот самый горластый трактирщик, и живет он на втором этаже своего трактира, гордо называя одну из комнат кабинетом. Именно в ней он ведет расчеты, дает в долг, принимает товар, оценивает меха, хранит в магическом шкафу документы и деньги.

Трактир был единственным в этом селе домом, который имел два этажа, и, если судить по изгородям, хорошо жилось только его хозяину да мастеровитому кузнецу. Не зря Евлан так возмущался и настаивал сегодня на немедленной женитьбе. Только у кузнеца дом был как игрушка, крепким, беленым, с большим подворьем.

Ну что, придется навестить трактирщика. Вся его семья занята, кухарит, разносит разбавленную выпивку, считает медяки, ноет. Кто ноет? Девка наверну, в маленькой комнатке, закрытой на засов. Так что мне мешает навестить кабинет этого горластого главы именно сейчас? Правильно, ничего.

Да, а мужик-то непростой. И охранка на его кабинете непростая. Вот не видела бы я магические линии и не видели бы они меня, тут бы

и конец мне пришел. Не знаю, кем трактирщик был раньше, но деньги он точно не в магическом шкафу держит, по крайней мере основные свои капиталы. И кабинет... Не может так выглядеть кабинет простого захолустного трактирщика. Крепкая и очень дорогая мебель, я бы даже сказала, стильная. Не сравнить, конечно, с графской, но тоже хороша. Бумага в столе дешевая и чернила тоже — те, что на виду. А вот в шкафу все другое: и бумага дорогая, и ручки с магическими накопителями, и кубки золотые, и вино дорогое. А сельчане в долгах как в шелках! Вон сколько долговых расписок... Дома в селе почти все в залоге. Дядька-то прямо как князек удельный. Так, три тайника. Первый — золото, много. Для этого захолустья много. Второй — камни. Вот это да! Третий — магические накопители. Приплыли... Хорошо хоть сам он точно не маг. Но уходить придется быстро и в ближайших селах светиться точно нельзя, да и городок придется стороной обойти. И все же, кто ты такой? Как здесь оказался?

Ну что, сколько бы я ни взяла, искать меня будут долго и усердно, а потому мелочиться не будем. Беру все золото и камни беру. Сотру вот только с них метки магические и возьму. А еще в столе была карта, это вообще подарок небес.

Уходила я уже на рассвете. Пришлось дожидаться, пока хозяйка отправится отдыхать. Очень уж мне нужно было наведаться на ее кухню. Приправы, крупы и пара дорожных фляжек — все было нам просто необходимо. Все это я тоже вежливо позаимствовала. Почему вежливо? А потому что тихо, мирно, аккуратно, бардак и шум не устраивала. Ушла тоже аккуратно, никого не потревожив, очень надеясь на то, что пропажи хватятся не скоро, а потому искать начнут не сразу. Вот только теперь придется не просто путать следы, а очень тщательно их уничтожать. Ведь я растрясла копилку очень непростого человека, в должниках у которого охотники, а они люди, умеющие охотиться, а значит, искать и находить.

К тому времени как солнечные лучи коснулись вершин деревьев, мы были уже далеко. Легкий магический ветерок следовал точно за нами, помогая стирать наши следы, а натертая специями обувь не даст возможность собакам взять наш след. Жалко их, дней на пять точно нюх им попорчу, но своя рубашка ближе к телу. И все же идти нам придется на пределе возможного.

Но я уверена, у нас получится.

ГЛАВА 27

Серое безликое здание, стоящее на одной из центральных улиц столицы королевства Нурин, не могло похвастаться ни красотой, ни оригинальностью. Оно было никаким, но все проходящие мимо него невольно ускоряли шаг, всадники подстегивали лошадей, спешили удалиться даже проезжающие в каретах. Небольшое по высоте и размерам, оно наводило ужас не только на жителей столицы. Сторонний наблюдатель, случайно заглянувший в него, не увидел бы ничего пугающего. Небольшой холл с множеством дверей. Уходящий вдаль коридор и с десятков кабинетов. Люди, находящиеся в здании, неторопливо перебирали бумаги, писали отчеты, о чем-то разговаривали, что-то доказывали... Обычная работа обычного королевского учреждения. Чуть в стороне от основных помещений было еще несколько. Связанные между собой, они служили местом работы и отдыха человека, которого в королевстве называли Серым герцогом. Именно приглашение посетить этот с виду такой неприметный дом пугало всех и каждого в отдельности. Необычным мог бы считаться зал для фехтования и несколько комнат с решетками на окнах и дополнительными решетками на дверях, а также стража в холле и у двери в подвальное помещение. А еще сам подвал. Вот его назвать обычным точно никто бы не смог. Сильнейшая магическая защита стояла уже при спуске в него. Несколько огромных и хорошо изолированных лабораторий не прекращали работу ни на минуту. Комнаты отдыха, помещение для магических тренировок персонала, комнаты для магического допроса и конечно же камеры для заключенных, готовые удержать в своих стенах сильнейшего мага и простого преступника.

В этом здании размещалась служба наблюдателей за безопасностью королевства и находился кабинет ее главы, герцога Натаниэля Эверли.

О-о-о!.. Наблюдали, надзирали и присматривали они очень внимательно и эффективно. Нет, они не руководили армией, внутренней стражей или отделом внешников, следящих за соседями, нет. Они приглядывали за ними всеми и имели неограниченные

полномочия, дающие им право не только начать расследование по любому заинтересовавшему их вопросу, но и произвести арест. Суета и нервозность работающих в этом учреждении людей объяснялась очень просто: несколько месяцев назад на покой был отправлен их прежний глава и появился Он — тот, который всего лишь за шесть месяцев получил в народе прозвище Серого герцога. Молодой, дерзкий, упрямый, а самое главное, умный, осторожный и очень хитрый. Он принял дела, и уже через месяц королевство залихорадило. Аресты и казни продолжаются до сих пор. Несколько высокородных семей, считавшихся опорой трона и возглавлявших ненавистный королю совет высокородных, были низвергнуты со своих пьедесталов. Они лишились не только имущества, казны и земель, но и имени. Изменения и неприятности как из рога изобилия посыпались на армию, но зато стража и солдаты получили не только новое оружие, но и новое обмундирование. Теперь никто не сомневался в том, кого поддержат армия и народ в случае возникновения смуты. Увидев людей в серой форме, вздрагивали все нечистые на руку. А сколько людей за эти полгода подписали договоры о сотрудничестве и полном повиновении, заключив перед этим еще и магический контракт! Королевская казна еще никогда не наполнялась так быстро и еще никогда не была так полна. А серая стража наблюдателей увеличивала свой штат, продолжая оправдывать свое существование и содержание, ибо получала более сотни донесений в день от караванщиков, ростовщиков, банковских работников, слуг высокородных и даже от самих дворян. Королевский дворец был проверен от подвала до чердака, стража приведена к магической присяге, а слуги опутаны клятвами. Сильнейший воин-маг и при этом самый молодой в этом звании, Серый герцог был верен старшему брату и крепко держал в своем кулаке безопасность страны, короны и короля.

Династия Дагув нерушимо стояла у власти в королевстве Нурин. Король Валиен, уже немолодой, но довольно крепкий мужчина, пришел к власти больше десяти лет назад. Его восшествие на престол было неожиданным для него самого, потому что его дядя, правивший в то время, и его сын вовсе не собирались умирать, чувствовали себя великолепно и племянника не жаловали. Но в один далеко не прекрасный день оба внезапно скончались. Вина за их смерть была

возложена на религиозных фанатиков, проникших во дворец, и вот уже «ничего не подозревающий и не ожидающий» Валиен становится королем. Совет высокородных, созданный прежним королем и привыкший к тому, что власть целиком и полностью принадлежит им, а король безропотно подписывает нужные бумаги, не сразу понял глубину и серьезность своей ошибки, ибо выбранный на роль нового короля наследник подчиняться не захотел. С огромным трудом совет привел его к подчинению, используя все свое влияние на его жену и детей. И все бы хорошо, да случилось непоправимое. Подросток где-то очень далеко младшенький брат правителя. Окончил в соседнем государстве магическую военную академию и появился в своем родном королевстве, как ясно солнышко. Да не один явился, а с командой только ему подчиняющихся воинов. Перевернулось в королевстве все вверх дном, и король оказался не таким послушным тугодумом, как о нем думали, и младшенький не таким ветреным и поверхностным, как ожидали. Года не прошло, а порядки и законы в стране сильно изменились и продолжают меняться. Да, еще много разбойников на дорогах, еще крепка власть святош, еще шалют банды, промышляющие торговлей людьми, но уже боятся чиновники открыто обирать народ, а высокородные исправно платят налоги и отдают долги, закладывая свое имущество короне. Тише и спокойнее стало на улицах городов, присмирели банды воров, и очень осторожно принимает заказы гильдия убийц. Жизнь в королевстве налаживается. Люди славят короля и готовятся к празднованию совершеннолетия наследного принца Дарвала.

Главный город королевства, его столица Нарния, готовится летом принять в своих стенах гостей из всех соседних государств, особенно тех, у кого подрастают в королевствах прекрасные высокородные невесты. На просторах королевства только самый последний пастух не обсуждает возможный выбор принца и предстоящую помолвку, а остальные не перестают гадать, почитывая в тавернах столичный «Новостной листок». Вот только непонятно, чей предстоящий брак или помолвку обсуждают чаще, принца или герцога Эверли, признанного красавца, богатого наследника и при этом самого могущественного человека в королевстве после короля.

Самому герцогу все эти слухи и разговоры неудобства не доставляли, его беспокоила организация безопасности будущих гостей. Угрозу своей женитьбы и помолвки он совсем недавно, со всем своим умением и блеском, от себя отвел. В ответ на список невест, положенный ему на стол братом, он вручил ему увлекательное чтение, описывающее житие кандидаток во всей их красе и со всеми их предпочтениями. Перечисление любовников некоторых из них занимало не одну страницу. Нельзя, конечно, сказать, что представленные для рассмотрения кандидатуры были порочны все поголовно, но у всех были найдены недостатки и черты характера, не устраивающие изысканный вкус герцога. После бурного выяснения отношений братья распили бутылку великолепного вина, посидели в ночной тишине у камина и пришли к обоюдному решению: герцог еще слишком молод для создания семьи. Разница в возрасте в двадцать лет никогда не мешала братьям договариваться и всегда и во всем принимать сторону друг друга. Они оба были похожи на своего отца, высокие, с подтянутой фигурой воина, русоволосые, синеглазые, с прямым, резко очерченным носом и тонкими губами. И только разница в возрасте не позволяла назвать их близнецами. Давно удалившиеся от двора их родители и сейчас не появлялись в столице. Возвышение детей не смогло подвигнуть их на такой подвиг. Удаленный замок с огромным поместьем, спокойная провинциальная жизнь были им милее. Несмотря на принудительный договорной брак, они неплохо ладили и не стремились вникать в интриги двора, собираясь прожить остаток отпущенной им жизни в окружении детей и внуков. Ведь помимо сыновей у супругов было две замужние дочери, живущие неподалеку.

Четыре внуки, рожденные дочерьми, скрашивали будни и вечера. С недавнего времени на членов королевской семьи была открыта настоящая охота. Брат короля, сын, дочь и четыре племянницы являлись драгоценным товаром на брачном рынке. Герцог Эверли и принц Дарвал получали невообразимое количество приглашений на балы и различные праздники, а также предложения о заключении взаимовыгодного брака. Юной принцессе Эльвире и ее не менее юным племянницам уже сейчас пытались навязать помолвки, подкрепленные магическими обязательствами. Спасал возраст и правила этикета, не

позволяющие посещать праздники и балы молодым леди до достижения пятнадцати лет.

Чем спокойнее и безопаснее становилось в королевстве, тем больше внимания получали особы королевской семьи. Вот только король был верен своей жене и любовнице, королева все чаще проводила время в молитвах и постах, мало интересуясь окружающей действительностью, принц обращал внимание только на вдов и замужних женщин, о герцоге никто ничего не знал. Слухи ходили разные, что молодой Эверли предпочитает мужчин, что в своих подвалах он содержит прекрасных пленниц и потому не обращает внимания на высокородных красавиц, что у него в городском особняке живут несколько иноземных рабынь. И, наконец, самые смелые утверждали, что он женат, и не просто женат, а на сумасшедшей, которую скрывает. Сам Натаниэль не собирался пресекать эти слухи. Они развлекали не только его, но и народ, а высокородное общество прекрасно отвлекали от него самого и от настоящего положения вещей.

Он до сих пор предпочитал ночевать в Сером доме, слишком много дел свалилось на его плечи. Да, у него была преданная, умелая команда, но все они сейчас работали на пределе сил. Спасало только то, что этих людей становилось все больше. Сейчас ему самому уже не приходилось заниматься проверкой донесений, теперь он выносил решения по уже готовым и проверенным данным. Шифр его персонального магического почтовика знало не больше сотни человек, и большинство из них не тревожили его очень давно.

Тем удивительнее было получить от них весточку. Глубокой ночью, собираясь наконец-то прилечь и насладиться отдыхом, он заметил ярко подмигивающий огонек личного почтовика, а еще через мгновение на его ладонь опустился маленький кристалл с сообщением. Тепло руки и магическая аура Натаниэля активировали его. Личность отправителя поразила Натаниэля. Перед глазами оживило воспоминание далекого прошлого. Собираясь выехать из страны для обучения магии в соседнем королевстве, молодой герцог был ограблен на одном из постоянных дворов. Разгневанный и упрямый юноша не тронулся в дальнейший путь, пока не нашел виновных. Ими оказалась невероятная парочка. Взрослый мужчина лет сорока и мелкая тощая девчонка, ровесница потерпевшего. В самом мужике не было ни капли магии, а вот девчонка буквально светилась ею. Отец и дочь, они были

похожи друг на друга и ни капли не раскаивались в содеянном. Взбешенный Натаниэль заставил их пожалеть о выборе очередного клиента и вернуть похищенное. Ни сильная, но так мало умеющая магичка, ни ее отец не смогли выстоять против него. Уже поутру они лишились бы головы на центральной площади маленького городка, но стали первыми из должников его светлости герцога Эверли.

Девчонку он забрал с собой в академию. А что, высокородному господину нужна служанка? Нужна. То, что именно эту так называемую служанку он все годы обучения прикрывал от магистров, скрывая ее дар и обучая вечерами, так кому это интересно. Никому, потому что никто не узнал об этом, как и о том, что одной из лабораторий в его ведомстве сейчас руководит женщина. Теперь вот именно от ее отца, знающего о том, как любит герцог все необычное и загадочное, но очень редко выходящего на связь с самим Натаниэлем и предпочитающего вести свои дела с дочерью, и было получено это сообщение.

Не являясь магом, он тем не менее успешно пользовался наработками своей дочери. Капелька его крови активировала все сделанные ею для него артефакты и магические кристаллы. Евлан, проживающий в данный момент почти на границе королевства и приглядывающий за всем происходящим возле Увальских топей, не торопясь записал и передал сообщение, в котором очень подробно и основательно рассказал о необычном происшествии, случившемся в его селении.

Опытный торговец, ростовщик и бывший вор предстал перед своим господином встревоженным и недоумевающим. Объяснить случившееся он не мог. Рассказал только, что мощнейшие охранные заклинания, сторожки, установленные в его кабинете дочерью, кто-то мастерски обошел. Не нарушил, не развеял, а именно обошел. Сигнальные маячки не среагировали, они до сих пор показывают, что нарушения не было, но... Два из трех тайников пусты. Кто-то невесомый, незримый, бесплотный забрал золото и драгоценные камни, а вот тайник с магическими накопителями оставил нетронутым, хоть и пошутил, положив в нише возле них медную монету, давая понять, что и этот тайник был им вскрыт. При этом деньги, хранившиеся в шкафу, как и документы, расписки, золотые украшения остались нетронутыми. Почему бесплотный? А потому, что

лучшие охотники, в течение пяти дней обшарившие окрестности, утверждают, что в поселок никто не входил и никто не выходил. Чужих следов в лесу и на дороге нет на всем протяжении до следующих поселков и даже дальше. Никого не было, а тайники пустые, маячки же, стоящие на кошелях с деньгами и камнями, неактивны. Все. Единственное, что, по мнению самого Евлана, может вывести на умельца, это изумительный и очень древний, но, к сожалению, неактивный артефакт, оказавшийся в одном из кошель с камнями и не замеченный вором, «Око богов». Голубой камешек в форме слезы, закрепленный в переплетении золотых нитей и подвешенный на изящной витой цепочке из этого же металла. Сам артефакт попал в руки Евлана конечно же «совершенно случайно» и очень давно. Это единственная улика, способная привести к разгадке данного происшествия.

Заинтригованный Натаниэль рано утром приказал доставить ему материалы об этом артефакте, а также оповестить всех, кого можно, о розыске пропавшей вещицы. Уже к вечеру обширная сеть Серых, раскиданная по королевству, и не только, приступила к розыску пропажи.

ГЛАВА 28

Первые десять дней мы двигались в хорошем темпе, аккуратно обходя стороной поселения. В этом нам очень помогал лес, раскинувшийся на многие версты вокруг. А вот дальше передвигаться пришлось по ночам, потому что лес кончился и перед нами предстала равнина во всей своей красе. Просторные луга, ухоженные поля чередовались с пастбищами и огородами. Несколько малых селений нам пришлось обойти стороной, всеми силами стараясь ни в коем случае не привлечь к себе внимания. К концу двадцатого дня перед нами предстал город Алехи. То, что мы подошли к его стенам поздно вечером, устраивало меня больше всего.

Высокие городские стены окружали пригороды. Слышались звуки работающей кузни. Ржание большого скопления лошадей говорило о наличии большой конюшни, а немзыкальные завывания местного барда — о местном трактире. И как бы мне ни хотелось переночевать и выспаться под крышей в обычной кровати, я не решилась войти в этот поселок.

Мы давно сняли свои меховые одежды и сейчас мало чем отличались от обычных путников, не имеющих денег на лошадей, и все же я решила, что не готова к встрече с людьми. Еще будучи в гостях у госпожи Юлианы, я задумывалась о своем внешнем виде и потому сейчас никто бы не заподозрил во мне девушку. Подкладные стеганые подплечники увеличивали ширину моих плеч. Пояс с множеством потайных кармашков, накрученный на талию под рубашкой, делал мою фигуру менее хрупкой, мешковатые штаны скрывали ноги, удлиненная куртка прикрывала тылы, туго заплетенные в косу волосы были убраны под одежду, глубокий капюшон прикрывал лицо. Но возраст... Его мне так и не удалось спрятать. Да, можно было загримироваться под старушку или сухонького старичка, но это не решило бы моих проблем. Нам нужно было искать спутника, который пожелал бы изобразить нашего старшего сопровождающего, а еще мне срочно нужно было раздобыть оружие, причем достаточно хорошее. Путешествовать дальше по местам, густо заселенным людьми, было очень опасно для нас с

Ангелом. Попасть в рабство или в бордель я точно не планировала, а потому решение оставить малыша ночью под охраной магии и наведаться в город показалось мне самым правильным.

Место, где я смогла бы его спрятать, мы нашли уже почти в полной темноте. Небольшой овражек, укрытый деревом, очень похожим на нашу земную иву, послужил моим планам как можно лучше, и уже через час я уходила в город, опять оставляя за спиной крепко спящего Ангела, зная, что за время моего отсутствия его никто не потревожит. Закрытые городские ворота и высокая стена не являлись для меня серьезной преградой, а городские крыши послужили отличной подмогой для наблюдения и передвижения как в трущобах, так и в торговых кварталах. Лавки, торговавшие оружием, сильно отличались от всех остальных по запаху, и потому именно их я навестила в первую очередь. Магические охранные заклинания не могли помешать мне проникнуть в них, но вот хранившееся в них оружие сильно разочаровало. Я пересмотрела огромное количество колюще-режущего оружия, но найти подходящее для меня так и не смогла. Тяжелое, сделанное явно под руку взрослых мужчин, слишком длинное или слишком короткое, оно вызывало в моей душе глухую ярость и разочарование. А металл? Металл, из которого оно было сделано?..

С какой тоской я вспоминала свой кодзука (военный нож), а вакидзаси — короткий меч, составляющий пару катане! Сейчас мой рост не подходил для пользования более длинной катаной, но сэнсэй готовил меня для работы двумя мечами. Владела я еще военным шестом самураев под названием бо, сюрикенами и чуть хуже — военным веером со стальными спицами — тэссэн, применяемым как для поражения противника, так и для обороны в качестве щита. Ничего похожего среди увиденного мною разнообразия оружия я так и не нашла. Да, у меня были при себе стилет и метательные ножи, но разве этим можно защититься от большого количества нападающих?

Нужно набраться терпения и заняться изготовлением бо самой, а еще придется изготовить под свою руку явару, предназначенную для скрытого ношения. Явара — японский кастет, предназначенный для нанесения тычковых ударов. Длина явары составляет от двенадцати до пятнадцати сантиметров. Изготавливается из твердых пород дерева или металла, может быть заточена как с одной, так и с двух сторон.

Явару обхватывают пальцами, а ее концы выступают по обе стороны кулака. Служит для утяжеления и усиления удара. Специальное оформление поверхности не дает пальцам, обхватывающим ее, соскользнуть. Вот ее-то я точно сумею сделать сама, а уж утяжелить тем более.

Собираясь покинуть так разочаровавший меня город, я вдруг вспомнила о высокородных. Ведь кто, как не они, любит собирать в своих коллекциях артефакты, старинное оружие и вообще все древнее и необычное. Думаю, богатенькие этого города с удовольствием поделятся со мной своими тайнами и накоплениями. Остается только точно узнать, где искать тех, кто в этом городе считается богатым и знаменитым.

За несколько предрассветных часов я сумела решить эту задачу и вернуться к сыну незамеченной.

В дальнейший путь мы смогли тронуться только через пять дней, но я нашла их! Изумительную пару, очень похожую на комплект самурая дайсё — длинный, короткий. Ковка и сам металл были выше всех похвал. Облегченный вес и более короткая, чем обычно, длина однозначно говорили о том, что эта пара мечей была изготовлена под руку подростка или же девушки. Хранение такого чуда было организовано из рук вон плохо, и потому оплетка рукоятей, как и ножны, требовали замены. Но самое главное, я их нашла! И они легли мне в руки как родные, как продолжение меня.

За эти пять дней я изготовила пару явару, подогнала одну из них, вес и размер, под свою руку, а вторую для Ангела. За пять ночей обыскала все места, в коих богатенькие этого города хранили оружие, даже главу воров навестила — и ничего. В последнюю ночь, полная обиды и разочарования, направляясь к выходу из города, я пересекала центральную площадь. Величественное здание, тянувшее тонкие шпили крыш к небу, выстроенное из белого камня, остановило меня. Заинтересовало.

Я еще никогда не была в храме местных богов, и вот именно в эту ночь я посетила это замечательное место. Сами боги, не иначе, привели меня в огромный зал, где стояли полукругом величественные статуи, изображающие пятерых богов. Магические огоньки освещали застывшие лица и большие чаши у их ног, предназначенные, видимо, для даров и подношений. Воспоминание о случае на болотах не

позволило мне пройти мимо тех, чью помощь я тогда приняла. Приняв облик человека, я вытащила стилет и, проколов палец, вывела кровью на дне каждой чаши руну благодарности и смирения. Преклонила колени и поблагодарила услышавших меня еще раз. Мои молитвы были приняты. Чаши подношений заблистали чистотой, а тихий скрежет по мраморным плитам за спиной изваяний подстегнул мое любопытство до небывалого уровня. Судя по тому, что вслед за скрежетом никто не появился, проследовать куда-то приглашали именно меня. Маленькая потайная дверь и короткий, темный узкий коридор привели меня в оружейную. Наверняка божьи служители веками хранили в этом помещении подношения, сделанные богу — покровителю воинов. Какого оружия здесь только не было! Нет, я не скажу, что его было невообразимо много и что хранилось оно в полном беспорядке. Но, судя по всему, после того как принесенное в дар попадало в эту сокровищницу и аккуратно укладывалось на полку, за ним никто не ухаживал, а потому состояние даров оставляло желать лучшего. Всего полчаса понадобилось мне на то, чтобы найти свое оружие. Еще пара мгновений, чтобы резануть им ладонь и щедро оросить чашу подарившего мне это чудо бога. В ответ на мое действие ярче вспыхнули магические огни, и внезапно появившийся ветерок скользнул мимолетным касанием по моей щеке. Этот мир принял меня окончательно, и я наконец-то отпустила от себя боль потери родителей и тоже приняла его. Отныне и навсегда я принадлежу миру Хар.

На следующую ночь мы продолжили наше путешествие, обходя город под названием Алехи стороной. Степь, редкие поселения, небольшие речки изредка перемежались редколесьем, и нам приходилось очень внимательно отслеживать пространство. Встретиться с разбойниками или стражей мне не хотелось. И все же спустя шесть дней лес, вставший на нашем пути, подарил нам встречу с лихими людишками. Вот только напали они не на нас.

Не успев толком порадоваться прохладе, которую даровали нам деревья, мы оказались свидетелями неравного боя, точнее, его конца. Силы изначально были неравны. Небольшой крестьянский обоз, состоящий из десятка груженных телег в сопровождении двадцати пяти человек, из которых лишь десять могли бы оказать грамотное сопротивление нападающим, подвергся нападению трех десятков

оборванцев. Неожиданность и напор сделали свое дело. Из крестьян в живых не осталось никого, а вот пятнадцать разбойников после нападения еще довольно крепко держались на ногах. Убраться отсюда как можно дальше, не привлекая внимания, было моим первым желанием, но действия нападающих вывели меня из себя. Эти твари не просто добивали раненых. Они издевались над ними, вспарывая животы еще живым, выкалывая глаза, отрубая руки и ноги, и все это под веселый, разудалый ржач и комментарии. Оставив ребенка в укрытии, я скользнула на дорогу и, используя отвод глаз, принялась прореживать ряды победителей. Строить из себя героя и нападать открыто? Да ну, не с этими... Я не судья, но собакам — собачья смерть. Они умерли, не успев до конца понять, что происходит.

Первый раз я убивала, и убивала хладнокровно и осознанно такое большое количество людей или нелюдей. Это как посмотреть... Могу сказать одно: совесть меня не мучила, а много чего повидавшего Ангела увиденное не испугало. Из всей добычи, попавшей в наши руки, мы забрали только деньги, немного припасов из крестьянских телег и двух небольших крепеньких лошадок, отпустив при этом на свободу остальных. Оставшись запряженными в телеги, они, скорее всего, оказались бы растерзанными дикими животными, а так у них будет возможность вернуться домой целыми и невредимыми. Вот только насчет путешествия верхом... Я очень сомневалась в безопасности такого передвижения, но малышу так нравилась его лошадка, что я не нашла в себе сил его огорчить. Придется удвоить осторожность, не хотелось бы выскочить на разбойников еще раз.

Не хотелось... Мало ли кому чего не хотелось? Они, наверное, специально все сбежались и построились именно у нас на пути! За десять дней путешествия по лесу я вступала в бой три раза, и все три раза у нас просто не получалось пройти мимо. Количество мертвецов, обязанных мне своим упокоением, значительно выросло. А самое обидное, что каждый раз мы опаздывали и мне приходилось добивать «победителей». Раз от разу мы, конечно, становились чуть богаче, но смотреть на безвинно пострадавших детей и женщин было больно. Мой Ангел плакал. Он спокойно относился к смерти взрослых людей, а вот увидев тела двух маленьких девочек, плакал навзрыд, и именно по его настоянию мы предали очищающему огню их тела, давая возможность богам принять их безвинные души в свои объятия.

Лес начинал редеть. Дорога вела нас к большому торговому городу, и я надеялась, что тут-то, почти под стенами Райдна, разбойников мы уже не встретим и сможем отдохнуть спокойно. Но нет, надежды мои оказались напрасными. Мы их не только встретили, но и задержались в пути после этой встречи на целых семь дней.

ГЛАВА 29

День клонился к вечеру. Еще совсем чуть-чуть — и в свои права вступят сумерки.

Отличный слух позволил мне заметить их приближение задолго до того, как они появились перед нашими глазами, а потому мы не торопясь свернули с дороги, по которой двигались, и укрылись в тени деревьев. Великолепная карета с позолоченными гербами на дверцах в сопровождении десятка стражей в полной амуниции, на грациозных скакунах на предельной скорости проследовала в сторону города, спеша, видимо, успеть до закрытия городских ворот. Вот только отъехали они от нас не очень далеко. Увидеть, что произошло, мы, конечно, не могли, а вот услышать — вполне. Но спешить на помощь в этот раз я не собиралась, уверенная в том, что настоящим воинам оборванная голытьба не соперники. Удерживая на месте лошадок, мы прислушивались к постепенно стихающему шуму боя, надеясь в скором времени продолжить путь. Вот только звуки, начавшие раздаваться сразу после его окончания, не нравились мне все больше и больше.

Хриплые выкрики и глумливые вопли разбойников становились все слышнее, а звон оружия все тише. Усомнившись в предполагаемом мною исходе боя, я решила посмотреть на победителей. Оставив Ангела вместе с лошадьми под охраной ведьминога сторожка, стремительно двинулась на звуки стихающего боя. Ох, как всегда, я успела вовремя! Все уже закончилось. Доблестных стражников добивали, высокородного вельможу, а вернее его тело, рьяно обыскивали, лишая не только драгоценностей, но и одежды, и только на козлах кареты сидел совершенно спокойный, не реагирующий ни на что, без единого ранения старик. Перейдя на магическое зрение, я поняла, что случилось. Среди нападавших был маг. Слабенький, полностью выложившийся в бою, но он был. Артефакты защиты на разбойниках были не очень сильными, угасающие артефакты на воинах были на порядок лучше, но разбойников было больше, значительно больше, и это решило исход боя. Высокородного убили единственной стрелой с магическим наконечником огромной мощи, и

именно ее сейчас старательно вырезал из тела погибшего маг. А старик? Старик был рабом. На его лбу ярким маячком светилось клеймо, настроенное, видимо, на погибшего хозяина.

Вступить в бой меня подвигала угроза этому старику. На вопрос одного из нападавших, обращенный к магу: «А с этим что?», прозвучал ответ, бросивший меня вперед: «Сруби ему голову. Он ни на что не годен. После гибели хозяина такие, как он, бесполезны. Ты хочешь всю жизнь водить его за руку и кормить с ложки? Так его еще рот открыть нужно заставить. Убей».

Я убивала их быстро. Очень быстро. Увидел меня только маг, но его мизерных сил не хватило ни на что серьезное. Тем более магия мне навредить не могла, а бою он обучен не был. И вот, убрав всех, кто стоял у меня на пути, я наконец озадачилась: а что я буду делать с этим стариком?

Тихонько потрескивали тонкие ветви, сгорая в ярком огне костра, разведенного на опушке леса. Закончилась яростная схватка. Собраны трофеи. Занялась своими делами лесная живность. Булькал бульон в маленьком котелке. Спокоен и расслаблен Ангел, запивающий чаем сладкую конфету. Вот только я, механически помешивая свое варево, до сих пор пребываю в недоумении, спрашивая себя: «А зачем я этого деда спасала?» Сидит вон напротив меня на бревнышке и смотрит в пустоту. Да я его сюда-то еле довела, а что делать дальше, просто не представляю. Подождать, что ли, пока Ангел мой уснет, да отправить его душу на встречу с богами. Черным пятном выделяется на его челе магическое клеймо. Держит оно в плену его сознание и его душу. Да, я хорошо вижу тонкие черные жгуты, охватывающие все его тело, очень похожие на то проклятие, что я видела раньше, но это опутывает еще и голову. И что делать с этим, даже не представляю. Кажется мне, что любое мое вмешательство заставит эту гадость разрушить организм старика окончательно.

Действия моего ребенка вывели меня из гнетущего созерцания и изрядно удивили. Результат же просто ошеломил. Этот мелкий проказник отставил в сторону кружку, затолкал в рот остатки конфеты, которую до этого так бережно и аккуратно обкусывал, встал, обошел костер, а затем, приблизившись к живому-неживому старику сбоку, размахнулся и со всей дури влупил ему ладонью по лбу. Дед улетел с

бревна, как будто его ветром сдуло, а малыш застыл на месте. Его испуганные глаза заблестели, сигналив мне о приближающихся слезах. Не понимая мотивов его поступка, я тем не менее метнулась к нему, обняла и тихонько спросила, стараясь не напугать и вместе с этим показать ему, что я вовсе не сержусь, а просто удивляюсь:

— Что-то случилось, хороший мой?

— Да, — ответил мне дрожащий голосок, — там у него гадость живая шевелилась.

— Какая гадость?

— Паук. Большой. Черный. Жирный.

— И ты...

— И я его убил. Я думал, почему дедушка не шевелится, а он его боялся.

— И у тебя получилось?

— Да, — заявил ребенок, заглядывая мне за спину. — Вон дед уже встает.

Мои глаза, наверное, никогда не были такими большими, а челюсть не падала так низко. Он гадость убил! Слов нет! Старик действительно пытался подняться, потирая лоб, но так и остался сидеть на земле, уставившись на свои руки. Его взгляд, вполне уже осмысленный, заскользил, не задерживаясь, по всему, что нас окружало. Никакой живой черноты в его теле уже не было.

Время шло. Спасенный нами раб продолжал сидеть на земле, разглядывая нас, лес, себя, лошадей. Тишина, царившая в нашем странном обществе, никого из присутствующих, по-видимому, не напрягала. Успокоенный мною Ангел, устав ждать от старика каких-либо действий, заснул, закутавшись в свое любимое меховое одеяло, я пыталась найти ответ, что и как случилось, а пожилой мужчина, сидевший напротив меня, наверняка пытался осознать себя и свое положение. Долго так продолжаться, естественно, не могло. Я тоже устала, а завтра с утра пораньше нужно в лес поглубже уйти. Очень уж мне не хотелось, чтобы нас рядом с местом нападения на высокородного обнаружили. Кинув на старика сигнальную нить, просто обязанную меня разбудить, если он решит подойти к нам, я, как человек с чистой совестью, крепко заснула.

Разбудил меня, как ни странно, тихий разговор. Мой умудренный жизнью сын разговаривал со стариком, жизнь которому он спас вчера.

— Ты не хочешь жить? А зачем мы тогда тебя спасали?

— Вот и я не знаю зачем. Незачем мне теперь жить. Вот ты называешь меня дедом, а я ведь не такой уж старик. Мне было тридцать, когда я попал в рабство, и еще тридцать лет прошли мимо меня стороной. Я точно помню, что именно тридцать и еще тридцать. Больше ничего... И некуда мне теперь возвращаться. Никто меня не ждет. Как работник я никому не нужен. Кто будет такому старому деньги платить? Вот вы освободили меня. Думаете, благое дело сделали? Был рабом, хозяин обо мне заботился, а теперь мне только и остается, что милостыню просить и умереть под забором. Я даже имя свое вернуть не смогу. Магам за это большие деньги платить надо, а за изготовление бумаг, подтверждающих титул, если он у меня был, еще больше. Взять мне их неоткуда, и до дома своего я добраться не смогу. Запомни, деточка: никогда не освобождай рабов. Родные люди вычеркивают их из своей жизни, а бывшие хозяева выкинут из своей, и обречете вы их на погибель. Да, если еще и прознает кто, что ты это можешь делать, то охотиться за тобой будут до тех пор, пока не убьют. А мне теперь недолго осталось. Не пойду я никуда. Умирать лучше вот в таком месте, как это. Тихо здесь, лес, ветерок, птицы поют. Красота.

Так, сейчас этот дедуля мозги моему Ангелу запудрит, и будет малыш всю жизнь себя виноватым считать. Ишь, сидит, жалеет себя... В лоб ему, как вчера, настучать или слов хватит?

Придется вмешаться. Да и вставать пора. Скоро городские ворота откроют. Пора бы убираться отсюда.

— Так, дед... Ты, гляжу, разговорился. Жить он не хочет, потому как идти ему некуда. Так нам вот тоже некуда. Может, все втроем ляжем тут, на полянке, и будем ждать, пока стража из города набежит? Найдут они карету с телом твоего господина, воинов его и бандитов зарубленных найдут, а потом и до нас доберутся. Вот и не придется нам милостыню просить. Вздернут на площади, и будет у людей праздник. А еще проще будет, если ты сам к ним выйдешь. Побьют они тебя хорошенько, ты сам признаешься, что зарубил с особой жестокостью не только своего господина, но и тридцать хороших людей, которые мимо проходили. Что головой трясешь? Ты же помирать собирался! Передумал? Тогда пока чего умного не придумаешь, рот не открывай, а то с признанием вины вперед стражников к виселице побежишь, а я ускорение тебе придам.

Поднимай свой костлявый зад, видишь, чай, каша разогрелась, поешь сейчас, жизнь лучше покажется.

— Матушка, — проговорил мой Ангел, и у сидящего напротив него деда чай мимо рта пролился из кружки, которую он взять уже успел и кусок хлеба из пальцев выпал. Я готова была поржать над его вытянувшейся физиономией, это только сынок ничего не заметил, а потому решила именно сейчас, немедленно выяснить все, что его волновало. — А этот дед приказал мне никогда больше таких, как он, не освобождать. Они что, правда все этого не хотят? А еще сказал, что меня убьют.

— Так мы и не собираемся никого освобождать. В королевстве теперь за новых рабов наказывать будут, а старым действительно деваться некуда. Король и его стража о них сами позаботятся и, когда решат, как с ними быть дальше, освободят. О том, что ты тоже умеешь их освобождать, мы никому не скажем и деду запретим, а всем, кто захочет тебя убить, я головы пооткручиваю. Кушай, мой хороший, уходить пора. Будем обходить город стороной.

— Нет, стойте! А как же я? — Гляди, старик ожил, еще и возмущается. — Какая мама? Куда двигаться? Почему мимо города?

— А почему я должна тебе все объяснять?

— Должна?

— Так, дед! Тебе что еще от нас нужно? Сироты мы. Нас, как и тебя, хотели рабами сделать. Родом мы из другого королевства. Идем куда глаза глядят. Собираемся где-нибудь в маленьком городке осесть. В город не пойдем, потому что не хотим опять на корабле работорговцев оказаться. В бордель не хотим, побираться на улицах не хотим и за гроши работать тоже не хотим. Ты жить не хочешь? Не хочешь. Вот возьмем с тебя клятву, чтобы молчал о нас, и уйдем. Нам со стражей сталкиваться не с руки. Зачем нам их внимание? Меньше знают — крепче спят и они, и мы. Как тебя хоть зовут, старче?

— Сегодня утром я вспомнил, что тридцать лет назад меня звали барон Нарн Шангри. Можно просто господин Нарн.

— Господин? — удивился Ангел. — Господин... Ну, пусть будет так. Только мы уходим, господин, а другие тебя так звать не будут.

— Не оставляйте меня здесь. Я буду вам помогать. Вам ведь нужен кто-то взрослый, чтобы в города и села заходить? Я могу представляться воспитателем или опекуном. Раньше я был неплохим

мечником и богатым вельможей. Я понимаю, что не смогу выжить без вашей помощи, но и ты, девонька, взрослой мамой никак не выглядишь, да и на девочку только лицом смахиваешь. Вон оружия сколько на себя нацепляла, а пользоваться-то им умеешь ли?

— Глянь, любопытный какой... Садись на лошадь, трогаемся. Нет, ребенка оставь. Он со мной. Всегда со мной.

ГЛАВА 30

В этот раз нас никто не искал, но город мы все-таки обошли стороной. Присутствие рядом с нами старика, который барон, меня несколько напрягало. Дело в том, что тридцать лет в роли раба прошли для него как страшный сон и потому баронство из него так и лезло. Его милость помнил и воспринимал себя как молодого, и потому его бросало из крайности в крайность. Тридцать лет в этом мире — это еще почти юность и начало становления характера. Многих молодых людей в таком возрасте после окончания учебных заведений продолжают обучать и жестко контролировать в специальных егерских подразделениях и отрядах. Отпрысками высокородных семей занимаются специальные наставники. Барон вспомнил, как учился в военной академии, как праздновал выпуск со своими уже бывшими однокурсниками. Затем спохватывался и, глядя на свои руки, надолго смолкал, пытаясь, видимо, примириться с действительностью. Потом вдруг начинал активно интересоваться оружием, висевшим у меня на поясе, доказывая, что таким маленьким девочкам, как я, не стоит хвататься за всякие железки, можно порезаться. Несколько раз кряду пытался объяснить, что мои клинки — это детские игрушки для ковыряния грядок на огороде, и приходил в ярость, понимая, что его мнение, мнение обученного воина, меня не только не интересует, но и не впечатляет. К концу третьего дня нашего совместного путешествия все эти поучения, видимо, надоели моему Ангелу. Его звонкий, возмущенный голос прервал нашего великого воина на полуслове:

— Замолчи! Надоел! Надоел! — С ладоней Ангела сорвался маленький яркий шарик и впечатался разговорчивому деду прямо в подбородок.

Лошадь, на которой тот сидел, рванула в одну сторону, старик свалился в другую. Вспыхнула жиденькая бороденка, а через мгновение и густая седая шапка волос на голове. Впрочем, с моей помощью все быстро погасло, вот только спекшееся нечто на голове страдальца уже мало напоминало волосы. Барон же успел только ахнуть и рефлекторно поднять руки. Ощупывая получившуюся красоту, он вытаращил глаза, но ни один звук не сорвался с его губ.

Видя такую реакцию на свои действия, мой ребенок с негодованием проговорил:

— Ты уже не воин и не барон! Ты старик. Никому не нужный старик. У тебя нет детей и не будет! Ты был плохим воином. Тебя пьяного утащили и сделали рабом. В вашей академии учат плохо. Моя мама лучший воин, чем ты! Ты ведь не один попал в рабство? Те, с кем ты пил, были с тобой там, на корабле, ведь так? Вас всех сделали рабами. Моя мама освободила меня, спасла. А ты... ты молчи! Ты даже сейчас не знаешь, что тебе делать. Зачем ты идешь с нами? Ты нам не нужен, уходи. Матушка, прогони его!

Я посмотрела в ошеломленное лицо господина Шангри. Он действительно был не настолько нам нужен, чтобы продолжать терпеть его выверты, и я решила:

— Барон, найдите лошадь и возьмите ее себе. Мы более не нуждаемся в вашем обществе. С этого момента наши дороги расходятся. Мой сын прав: прошлые испытания ничему вас не научили. Связываться с глупцом не в наших интересах. Прощайте.

Тронуться с места наша лошадка не успела. Дорогу ей заступил старик.

— Я виноват! На самом деле я благодарен вам за спасение и за то, что вы так долго слушали мои стенания. Очень трудно из тридцатилетнего парня сразу, в одно мгновение стать стариком, не по годам, а телом. Я допустил ошибку в молодости, я допустил ее сейчас. Если вы сочтете возможным простить меня, я сделаю для вас все, что могу. Мальчик прав. У меня уже никогда не будет детей. Магия подчинения выпила мою жизнь почти до дна. В моем возрасте люди только начинают подыскивать себе пару и начинают жить, а я вынужден задумываться о том, как прожить ее жалкие остатки. Но в любом магистрате я смогу подтвердить свою личность. Стоит только найти деньги для оплаты ритуала, и я могу принять вас в свой род. У вас будет имя. Как последний наследник древнего рода, я имею на это право. Да, мои земли наверняка обнищали. Все, что можно и нельзя, наверное, растащили добрые люди, но Долина цветов относится к майорату, ее продать нельзя, и, пока я жив, король не может передать ее кому-нибудь в качестве награды. Магия наверняка все эти годы показывала, что я жив. Я предлагаю вам свое имя и место, которое вы сможете назвать своим домом. Что там сейчас, не знаю, но больше у

меня действительно ничего нет. А я... А мы можем постараться стать настоящей семьей.

Честно признаться, он меня растрогал. Мне стало жалко этого человека, и потому, подзывая его лошадь, я ответила:

— Вам придется говорить всем, что все эти годы вы прожили, зарабатывая себе на жизнь тяжелым трудом, и что только недавно память вернулась. А семьей... Давайте попробуем стать. У нас еще есть время подумать об этом и есть время для того, чтобы лучше узнать друг друга. С моим одаренным сыном вы уже познакомились поближе. Осталось только голову хорошенько потереть, и ваш облик изменится. Так-так... Волосы вырастут, а ожогов у вас, к счастью, нет. Вот только поладить с Ангелом вам будет непросто. Обиделся он. Так-то!

Ну что я могу сказать... Мужчины есть мужчины, старые они или молодые. Захотят — поладят и тему для разговоров найдут. Да и мне очень интересно было послушать про академию и преподавателей, про Долину цветов и про королевский двор.

Барон оказался хорошим рассказчиком и заботливым попутчиком. Вот только по ночам долго, не отрываясь, смотрел на костер, спина его при этом сильно сутулилась, кулаки крепко сжимались, а губы превращались в бесцветную тонкую линию. Довольно высокий, с темно-серыми глазами, крупным правильным носом, он наверняка в свое время был баловнем девушек, потому что у него была просто изумительная улыбка. Стоило ему только улыбнуться, и она освещала его лицо, делала его просто неузнаваемым, а в молодости наверняка очаровательным. Вот только ранее черные волосы были теперь полностью седыми, а если точнее, сейчас полностью отсутствовали на его голове.

Я понимала его как никто. Потерять себя и найти совсем не таким, каким ты помнил и знал, это непросто. Совсем непросто. А еще к тому же понять и принять то, что жизнь прошла стороной и ты не был в ней даже наблюдателем, и вовсе не просто. Но он справлялся. Дни шли. Мы продвигались вперед, по-прежнему обходя стороной села, давая ему время освоиться и прийти в себя.

И вот он настал, этот день! Прямо у нас на пути лежал город под громким названием Валград, в который мы решили заглянуть по пути. Всю дорогу мы заставляли нашего спутника вспоминать себя и

принимать себя. Теперь он не сутулился, держал плечи расправленными, глядел открыто и спокойно. Травки, заваренные мною лично для него, помогли его волосам отрасти побыстрее, и не седыми, а черными. Перестали болеть суставы, и движения больше не доставляли ему боли. Морщины конечно же я убрать не смогла. Но они стали не такими глубокими, а тело не таким изможденным. С питанием и продуктами у нас все обстояло отлично, а самое главное, мяса было вдоволь. Вот только свои секреты мы не торопились ему открывать. Впереди город, а город — это еще одна проверка, еще один жизненный этап.

Он встретил нас шумом, вонью окраин, огромным количеством стражников, постоянных дворов и различных лавок. Для всех, кто мог бы заинтересоваться нами, мы выглядели семьей. Отец и два его сына привлекали не слишком много внимания. В первой же встреченной нами оружейной лавке мы приобрели для Шангри оружие и теперь уж точно ничем не отличались от обычных путешественников, спешащих по своим делам.

Впервые за долгое время мы с ребенком попали под крышу, и спать наконец-то будем в кровати. Оплатив комнату с двумя кроватями, старик, выглядевший уже не как замшелая древность, а как бодрый пожилой мужчина, отправился в общественные бани, собираясь не только помыться, но и узнать новости о том, что сейчас происходит в королевстве. Оставшись одни, мы с удовольствием искупались в огромной бочке, которую вкатили в наши апартаменты два дюжих молодца. Горячая вода, мыло, пушистое полотенце и сытный ужин — что еще нужно для счастья? Ждать возвращения барона мы не стали, справедливо решив, придет — постучит.

Не пришел. Приперся. Утром. Пьяный в хлам. Без денег и без оружия, но живой. Настроение у нас, конечно, из-за этого было препоганое, ибо прогуляться по городу без этого пьяницы мы не могли. Оставалось только заказывать еду в номер и ждать, пока пьянь проспится.

Не знаю, чем его поили, но проснулся он на следующее утро с жуткой головной болью. Вспомнил наш неуважаемый барон не все, а точнее, ничего не вспомнил, кроме подсевшей за его стол в трактире компании, но даже то, как они выглядели, помнил довольно смутно.

Как еще в трактир смог вернуться! Лечить его я не стала, пусть терпит. Это же он не только наши деньги пропил и потерял, а еще и оружие. В обеденный зал мы спустились все втроем, решив, что больше никуда нашего «родственника» не отпустим.

В магистратуру мы направились еще через день. Маги должны быть точно уверены, что барон в своем уме и при памяти, а значит, он должен быть трезв как стеклышко. Ждать, пока нас примут, пришлось долго, очень долго. На все вопросы личный помощник чиновника, сидевший в обширной приемной, отвечал ожидавшим: «Господин маг занят. Ждите». И только после полудня через приемную вальяжно прошествовал толстый, лысый (непонятно почему, ведь маг), но очень богато одетый господин, оказавшийся долгожданным магом.

За подтверждение личности барона мы заплатили десять золотых, за новые документы для него — еще пять. За магические копии документов, подтверждающие наличие недвижимости, принадлежащей барону Шангри, еще пятнадцать. При этом спорить с господином магом, который презрительно оглядывал нас, называя сквозь зубы все эти цифры, мне вовсе не хотелось, а вот дать ему в морду хотелось очень. За признание меня дочерью, а Ангела внуком упомянутого барона мы выложили вдвое больше, чем за все остальное вместе взятое. А переоформление?..

Во владении барона осталась Долина цветов и родовая усадьба, расположенная на этих землях, а также небольшой особняк в центре столицы. Уходили мы из магистрата беднее, чем вошли, на сто двадцать золотых, но в моих руках находились документы, в которых было написано, что баронесса Миира Шангри, дочь барона Нары Шангри, девятнадцатилетняя вдова, вернувшаяся в род отца, имеет сына пяти лет, именуемого, по роду матери, Ангел Шангри. Законы королевства позволяют вдове и ее детям, не получившим наследства от почившего мужа и отца, не только самой вернуться в род своего батюшки и именоваться именем его рода, но и вписать в этот род своих детей. В будущем они имеют право наследовать все имущество рода. Магический ритуал кровного родства мы провели накануне, а потому передачу прав на владение титулом и всем движимым и недвижимым имуществом от деда к внуку мы тоже провели сразу, и никаких затруднений ни с признанием, ни с оформлением имущества у нас не возникло. Нашему «деду», с его-то пристрастиями, доверять

имущество, а тем более деньги? В рабы он попал еще совсем молодым. Жизненного опыта у него нет, причем абсолютно. Он самостоятельно и не жил. Это как дети-инвалиды, у которых возраст тела и разума не совпадает. Вот и получается, что у меня, бедной молодой вдовы, не один сын, а два. Только один из них старый, капризный, высокомерный засранец, и воспитывать его придется более жестко и сурово, иначе накличет он беду на наши головы.

ГЛАВА 31

Все мои выводы и ожидания подтвердились вечером этого же дня. Наш дедуля рвался в город. Зачем? Ну как, в кабак. С людьми поговорить, себя показать, новым оружием похвастать и, возможно, подарить его тому, кто вежливо попросит. Выпить в компании и закусь тоже хотелось. Женщину вот тоже... Пришлось выдержать непростой разговор и самое главное, физически доказать некоторым родственникам, что отныне я и только я буду решать, когда и куда он пойдет и что будет делать. О нет... Я ему ничего не сломала, но для того чтобы он понял точно, что мое «нет» вовсе не подразумевает «да», его пришлось побить. Нехорошо, конечно, бить старого человека, но если представить на его месте глупого, упертого недоросля, то можно.

Подкрепляя свои физические доказательства словами, что жизнь и безопасность моего Ангела мне дороже, чем его, я все-таки добилась своего. Постановывая и тишком ругаясь, наш дедуля отправился спать, демонстративно отказавшись ужинать. Что он этим хотел мне доказать? Не знаю и знать не хочу. А вот обещание добавки в ответ на его стенания и пыхтение заставило его замолчать.

Рано утром, пока ребенок еще спал, я заставила Нарю проснуться. Стилет, приставленный мною к его горлу, и кровь, тонким ручейком текущая по его шее, надеюсь, раз и навсегда заставят его поверить моим словам.

— Шангри, из вчерашнего нашего разговора ты понял очень мало. Это плохо. Если бы ты полностью принял мои доводы, никакой обиды и недовольства мы бы не увидели. Ты по-прежнему принимаешь меня за молоденькую девушку, глупую и недалекую. Так вот, слушай меня внимательно. Это последний раз, когда я еще пытаюсь что-то объяснить и этим сохранить тебе жизнь. Запомни, ты пропил и проиграл свою жизнь. Ее остатки принадлежат мне, и, если я решу, что она больше мне не нужна, я убью тебя. На моих руках кровь более ста разумных, и твоя не слишком озаботит мою совесть. Мой сын и его безопасность для меня всегда будут на первом месте. У тебя ничего нет. Даже земля уже принадлежит не тебе, тем более земля, которую

нельзя продать и заложить, это еще один способ умереть, но только уже в долговой яме. У тебя самого нет даже медной монеты, тратишь мои, но у моего кошелька тоже есть дно. Ты, конечно, можешь попробовать еще раз сделать все по-своему, но это будет твой последний день, даже если ты просто понюхаешь выпивку. А теперь вставай, умывайся и вспомни наконец, чему тебя обучали в твоей академии. Ты же собирался стать главой воинского отряда! Хоть чему-то тебя там научили? Мы доверились тебе. Я рассчитывала на твою помощь. Приди в себя! Или ты хочешь окончить свою жизнь, валяясь под забором со стилетом под ребром?

Утро было недобрым. Потрясенный моей жестокостью, барон молчал как рыба. Я, недовольная его поведением, настороженно за ним наблюдала. День прошел тяжело. Ангел, уже давно привыкший подмечать все, творящееся вокруг, поглядывал на неожиданно обретенного деда из-под насупленных бровей и демонстративно общался только со мной. И мне кажется, именно это обижало и расстраивало барона больше всего. Несмотря на трения в нашем благородном семействе, мы вместе закупили припасы, нужную нам одежду, еще одну лошадь и на следующее утро отправились в путь. От Долины цветов отделяло еще четыре дневных перехода, а впереди нас ожидали горы.

Они были не такими, как я представляла. Были больше похожи на ряды острых зубов, тянущихся остриями к небу. Их бесконечные рваные ряды переплетались между собой, как клубок змей. Вот такое необычное нагромождение неприступных с виду скал пересекало это королевство и делало его завоевание почти безнадежным делом. Как оказалось, долина, принадлежащая теперь моему ребенку, лежит именно между этих скал, и не она одна, кстати. Узкий извилистый тракт, ведущий нас через этот скальный лабиринт, позволял хорошо зарабатывать людям, живущим в селениях, теснившихся к Зубастым горам с обеих сторон, ибо пройти через него можно было только пешком или на лошадях. Караванам купцов и путешественникам приходилось оставлять свои телеги, фургоны и кареты на одной стороне, перегружать поклажу на вьючных лошадей и только тогда пускаться в трехдневный путь через горы. Богатые семьи имели в этих селах собственные конюшни, в которых содержались сменные кареты и лошади, а все остальные пользовались наемным транспортом,

который можно было оставить с одной стороны и нанять с другой, естественно, вместе с возницами.

При чем тут долины и их количество? О-о-о! Долин, примыкающих к тракту, было около десятка. Именно их расположение и влияло на протяженность дневного перехода и на удобство ночного отдыха. Они были расположены между рядами скальных зубов, извивающихся, как петли. У каждой долины был свой хозяин, законный хозяин, и чем больше и обширнее была долина, чем плодороднее была ее земля, тем больше дохода имел ее владелец. Все долины в обязательном порядке входили в майорат, и высокородные семьи, владеющие ими, считались одними из древнейших родов, которые могли проследить свою родословную за несколько прошедших веков. Древние магические замки, стоящие у входа в ущелья, не пропускали чужаков до тех пор, пока был жив последний в роду. Именно хозяин разрешал кому-либо пройти на его землю или покинуть ее. Только в случае окончательной гибели рода древняя магия теряла силу и король мог подарить или продать право владения кому-то другому.

Вот только защита долины больше не была такой, как прежде. Нынешние поколения магов утратили многие знания, в том числе и знания о магических родовых замках. Те немногочисленные рода, имеющие в своей собственности эти долины, с древних времен считались богатейшими в королевстве. Даря гарантированно безопасный приют проходящим караванам, обеспечивая их водой, продовольствием, кормом для животных и комфортным ночлегом, они получали несоизмеримый ни с чем доход. Владельцам долин, не имеющим в своем распоряжении древней защиты, приходилось гораздо труднее. Не перевелись еще в королевстве отчаянные, лихие людишки, охотники получить все и сразу, а потому новым хозяевам приходилось тратить большие деньги для найма охраны, состоящей из воинов и магов.

Все это мы узнали из рассказа нашего разговорившегося наконец-то барона. Слушая его, я окончательно поняла, какое невероятное приобретение мы сделали и каким подарком одарили нас боги. Теперь я точно постараюсь продлить этому молодому старику жизнь. Дар за дар. Я тоже могу быть благодарной. Пусть мое благо и его не

совпадают с его точки зрения по стоимости, но я сделаю то, что считаю нужным и правильным.

Присоединяться к каравану, идущему впереди нас, мы не стали. Малое количество лошадей дало нам возможность двигаться по тракту вдвое быстрее, чем они. Барон же заверил нас, что великолепно ориентируется в этом лабиринте и найдет вход в свою долину с закрытыми глазами. Наезженная дорога указывала нам путь, а в остальном нам оставалось только положиться на его обещания.

Они были красивы, эти скалы. Сколы и обрывистые стены радовали глаз различными цветами и оттенками. Минералы, из которых состояли эти невероятные зубы, расчерчивали их невообразимыми по красоте узорами, а растительность, сумевшая кое-где закрепиться на скалах, только оттеняла эту красоту.

И вот густая растительность сплошной стеной встала перед нами, и барон вытащил меч, собираясь прорубить дорогу через них. Его действия привели меня в бешенство. Благородное оружие, которое он держал в руках, не заслуживало такого обращения, как и ни в чем не повинные растения.

— Стоять! — Мое злобное шипение заставило его замереть на месте. — Клинок! Убери в ножны клинок и отойди.

Не обращая внимания на его недовольство, я сняла со своего пояса флягу с водой, открыла, надрезала маленьким стилетом ладонь и сжала пальцы в кулак. Внимательно наблюдая, как капли моей крови растворяются в ключевой воде, я вспоминала ведьминский наговор, подробно описанный в магическом дневнике. Именно он должен был помочь нам сейчас. Еще несколько минут абсолютной тишины, произнесенный шепотом наговор, исчезающая прямо на глазах удивленного барона ранка и вода, аккуратно разбрызганная мною на растения, если, конечно, наш дедуля ничего не напутал. Как ни странно, он оказался абсолютно прав. Повинуясь взмаху моей руки, расступились ветви растений, и пред нами предстал узкий проход, ведущий вглубь ущелья. Яркий солнечный свет хорошо освещенного выхода, расположенного чуть дальше, напротив него, говорил о том, что мы на верном пути. Лошадь, на которой сидел барон, пришлось ощутимо подстегнуть, ибо ее хозяин в данный момент напоминал бледную трясущуюся статую. После моего краткого выступления он

смог выдать из себя только одно слово «ведьма» и застыл, вытаращив глаза. Хотя он видел, как я пользуюсь бытовыми заклинаниями, но, приняв к сведению мои магические способности, о других моих талантах даже не задумывался. И вот на тебе, прозрел! А ритуал родства он что, проспал?

При входе в ущелье я почувствовала осторожное касание магии. Нежное, как ласковые материнские ладони, оно огладило меня и пропустило без всяких возражений. Ангелу встреча с древним стражем тоже понравилась. Ребенок разулыбался, и от его рук по стенам небольшого ущелья побежали маленькие магические огоньки. Он одаривал своего нового друга, и его подарок был принят. Огоньки впитались в стены, образовав на них новый, будто вырезанный узор. Шангри молча тарашился на нас и молчал. Не будучи магом, он не понимал нашей радости. Ну пропустило заклинание и пропустило. Что такого-то?

Большая, просто огромная долина встретила нас пением птиц, ярким светом, цветущим разнотравьем и зеленью густо заросшего, судя по всему, сада, видневшегося вдали. Выложенная камнем дорога вела нас именно к нему. Мы с Ангелом не могли налюбоваться на эту красоту, а барон явно расстроился. Всю дорогу он описывал нам красоту своего дома, огромную усадьбу, конюшни, гостевой дом, домики для слуг, огороженные пастбища для скота, сад, огород. Но заросший вход, давно не кошенный луг, отсутствие каких либо ограждений и построек в ближайшей видимости наконец-то помогли ему до конца осознать: прошло тридцать лет и эти тридцать лет это место не имело хозяина. А самое главное, эти тридцать лет действительно прошли.

ГЛАВА 32

А дом? Дом был. Он стоял все на том же месте, где и говорил Шангри. Вот только величественным он не выглядел. Обшарпанные стены были покрыты плющом и постепенно напозающим на них мхом, каменные ступени раскрошились почти до основания, а покосившаяся шаткая веранда вызывала вполне оправданные опасения. Густые заросли неухоженных деревьев скрывали все остальные постройки, ну или то, что от них осталось.

Ошеломленные открывшимся нам видом, мы не сразу заметили хорошо утоптанную тропинку, ведущую вокруг особняка.

Людей живущих в покосившемся, но еще крепком и довольно ухоженном домике с примыкавшим к нему огородом и небольшим сараем, сколоченным косоруким мастером, первым обнаружил господин барон. Он поспешно соскользнул с лошади и устремился вперед по этой тропке, не позаботившись даже о том, чтобы подобрать поводья, которые он бросил прямо под ноги своей лошади. Выполнив эту несложную работу за него, мы с ребенком двинулись следом. Нет, вряд ли кто-либо находящийся там представлял для него серьезную угрозу, но подстраховаться все же стоило, ибо воинские навыки он еще не восстановил.

Как оказалось, не стоило. Волноваться было не о чем. Барона узнали. Встретила его во дворе этого домика пожилая супружеская пара крепких еще стариков. Низко поклонившись, они со слезами на глазах приветствовали так долго пропадавшего господина, собираясь, но-видимому, отдать ему то последнее, что сумели сохранить. Вот только разместить им нас было негде. Они пытались предложить барону и его детям свою кровать, и он поначалу было согласился с их предложением, но пинок в голень, полученный им от Ангела, заставил его передумать.

Достав свои припасы, мы присоединили их к скромному ужину Льясы и Ранка, устроив в честь нашего возвращения маленький пир. За ужином мы и узнали обо всем, что случилось в долине после исчезновения хозяина.

Тридцать лет назад, когда пришло известие о пропаже молодого барона, его дед, уже передавший все права на имущество и земли молодому, подающему надежды наследнику древнего рода, тяжело заболел и окончательно выздороветь так и не сумел. Он до самого конца ждал возвращения Нары, но с постели почти не вставал. Пользуясь его состоянием, основная масса работников покинула долину. И ушли они, естественно, не с пустыми руками. Получив разрешение от прикованного к постели старого господина, они забрали все, что могли погрузить на лошадей, зная о том, что назад вернуться уже не смогут. В долине с больным стариком осталось только десять человек. Идти им было некуда, да и желания не было. Через полгода после описываемых событий барон Анри Шангри умер, и вход, он же выход в долину закрылся окончательно. Оставшиеся выживали за счет своего хозяйства, но если с продуктами дело обстояло вполне сносно, то с одеждой... В последние годы штаны и куртки шили даже из дорогих господских штор, снятых с окон особняка. Отсутствие целителей тоже сделало свое дело, а потому встретили нас только двое.

Эту ночь мы, как и многие предыдущие, провели под открытым небом. Соваться в особняк в наступающих сумерках я не собиралась и дедулю нашего не пустила.

Утро принесло нам много проблем и волнений. Первым делом пришлось привести в порядок крыльцо, веранду и крышу на этом древнем сооружении, называемом бароном особняком. Мне совсем не хотелось, чтобы мой ребенок сломал себе ноги или получил удар по голове куском ветхой кровли. Внутри огромного дома все было еще страшнее. Куча почти пустых комнат, заросшая паутиной и копотью кухня, покрытые плесенью купальни и темный подвал с большими гулками помещениями. В самом конце нашей ознакомительной прогулки Ангел наткнулся на несколько комнат, полностью забитых мебелью. Целыми остались и хозяйские апартаменты, спальня и примыкающий к ней кабинет с библиотекой. Они были очень похожи на картинку из фильма ужасов — пыль, паутина, оборванные гобелены, огромные камины. Но мебель в них была целая, а ткани, бумага, светильники и все остальные мелочи хорошо поддавались бытовой магии восстановления.

Я маг, маг-бытовик, и силы у меня немерено, но к вечеру я ушаталась до полного нестояния. Двадцать дней я восстанавливала

все, что могла, и в итоге пришла к выводу, что моих сил и возможностей недостаточно. Мне нужны были люди, не много, нет, но нужны. Для себя я выбрала комнату, к которой примыкала точно такая же по величине и обстановке, со смежной дверью, что радовало Ангела, которого в ней поселили. Как-то вечером, сидя у восстановленного мною камина, я пришла к выводу, что искать людей для постоянного проживания в долине нужно в городе и закупать необходимое нужно там же. Нечего местным из близлежащих поселений знать, кто, куда и зачем. А это значит, что нужно опять собираться в путь. Расстраивало меня только одно — сына придется оставить здесь, а проблемного дедушку тащить с собой. Оставалось надеяться, что в этот раз пользы от него будет больше, потому как с каждым днем он становился все более и более рассудительным и спокойным. Исчезла порывистость и торопливость в решениях и суждениях, свойственная молодым. Разумными и уместными стали советы. Судя по всему, он наконец-то окончательно осознал и принял все происшедшие с ним перемены. А еще, к моему большому удивлению, у него начали просыпаться воспоминания о прошедшей в неволе жизни. Ночи его стали тревожными и беспокойными, но благодаря этому к нему возвращался опыт прожитых лет. Отношения в нашей новой семье становились более доверительными. Мы привыкали заботиться друг о друге, учились понимать и прощать.

Лето подходило к концу, и нам нужно было успеть привезти в долину все необходимое: одежду, ткани. Пригласить кузнеца для кузницы, обнаруженной мною в зарослях разросшегося кустарника, мастера на все руки и пару-тройку семей для работы на кухне, в доме, в саду и огороде. Восстанавливать посевные поля в полном объеме мы не собирались, огородить пастбища для лошадей, домашней птицы и коров — это да, огороды — тоже хорошо, а вот зерновые — только для собственных нужд. Климат в долине был ровный, дожди регулярные, зимы мягкие. Скалы защищали ее просто великолепно, и теперь я понимала настойчивое желание высокородных защитить свои долины или получить их от короля в подарок. Для обслуживания караванов нужно было нанимать большое количество людей, засеять поля, готовить сено, восстанавливать гостевой дом. Но я ведьма, и чужие люди мне здесь нежелательны, инструменты и ингредиенты для лаборатории, которую я собралась создавать в подвале особняка,

нужны, а лишние глаза и уши — нет. А потому обслуживать и принимать на постой караваны в своей долине я не собиралась. Пришлось, конечно, по этому поводу крупно поспорить и поссориться с бароном, но моя взяла. Я его убедила в своей правоте.

Если мы хотим жить мирно и спокойно, шляться во внешний мир и болтать наши люди не должны, а потому придется выбирать тех, кто согласится жить в долине без возможности куда-либо из нее отлучаться. Ну хотя бы поначалу. Нет, доверенные лица наверняка будут. Должен же кто-то поставлять нам все необходимое, но это будет не скоро и не сразу.

Перед самым отъездом произошло удивительное событие, порадовавшее мою душу-жадинку. В кабинете старого барона я нашла тайник. На нем не было магической защиты, это был обычный механический тайничок, и обнаружила я его, когда споткнулась о край ковра и со всего маху приложилась локтем об стенку огромного книжного шкафа. Я еще шипела, потирая локоть, а шкаф уже поворачивался вокруг оси, закрепленной на его противоположной стенке. Это был не просто тайник, это была целая тайная комната. Почему о ней ничего не знал наследник барона, неизвестно. Заходили мы с ним туда очень осторожно, опасаясь ловушек, но небольшое помещение встретило нас только затхлым воздухом, пылью и паутиной.

Комната была приспособлена для проживания одного человека, но зато для довольно длительного проживания, причем не знающий секрет двери не смог бы из нее выйти. Мы, например, зашли, и дверь закрылась — тихонько так, без скрипа и хлопка, но заметили мы это не сразу. Сначала мы осмотрелись. Кровать, кресло и закуток с удобствами не привлекли нашего внимания, а вот массивный стол и еще один книжный шкаф, это да... Осмотрев все более тщательно, мы нашли в столе секретные ящички. В одном из них лежали документы, поведавшие нам о том, что нашему Нарю принадлежат несколько именных счетов, воспользоваться которыми может только он, стоит только подтвердить свою личность. Другой ящик порадовал нас наличием золотых и серебряных монет, а вот третий заставил вернувшегося наследника загрустить. В нем находились драгоценности рода Шангри. Их всегда носила жена главы семьи. Последней их хозяйкой была его мать, погибшая вместе с его отцом,

когда самому Нарри не было и шести лет. Королевские дознаватели, расследовавшие их гибель, составили документ, согласно которому это было признано несчастным случаем. Его мы тоже нашли в стопке документов. Вот только, собираясь покинуть этот тайный приют, ручку, открывающую захлопнувшуюся дверь, мы не нашли, и замка не нашли, и рычага не нашли. Искали долго. Обшарили и прощупали, казалось бы, всю комнатку, сантиметр за сантиметром... и ничего. Спустя пару часов бесполезных поисков, решив успокоиться и подумать, перебирая найденные нами документы, мы нашли ответ, как выйти из этой комнаты-ловушки. Заботливый Анри оставил для своего внука объяснительную записку, которую мы умудрились не заметить, хотя этот покрытый пылью листочек лежал прямо на столе и его никто не собирался прятать. Пыль стряхни, прочитай и выходи!

Мы прочитали и наконец-то вышли. Резкий удар каблуком по маленькому порожку у двери — и вот она, свобода!

На следующий день, уверенные в том, что теперь нам хватит средств не только на все необходимое, но и на уплату налогов за тридцать прошедших лет, мы отправились в путь вдвоем — отец и «сын».

ГЛАВА 33

Через несколько часов после того, как мы покинули нашу долину, впереди на тракте показался хвост идущего впереди нас каравана. Мы обгоняли его, замечая внимательные и настороженные глаза охраны и любопытные взгляды возниц и пассажиров. Меня же больше всего интересовал порядок, в котором двигались верховые и груженные лошади, количество охраны, их вооружение. Караван был очень большим, и потому обгоняли мы его не просто долго, а очень долго, несколько часов. Мои надежды на более быстрое передвижение, возникшие тогда, когда мы наконец-то смогли прищипорить своих лошадей, были уничтожены на корню. Всего лишь через полчаса мы наткнулись на встречный караван. Идущий так же неторопливо, как и первый. Очень хотелось посмотреть, как они будут расходиться на дороге, но, судя по всему, это зрелище мне придется наблюдать еще не раз и вряд ли ради этого стоит задерживаться сейчас.

Как ни старались мы, как ни торопились, но пришлось дважды ночевать в гостеприимных долинах, прежде чем мы прошли этот горный лабиринт. Больше всего я почему-то боялась ночевать в окружении чужих людей. Боялась проснуться в колодках раба. Мой приемный отец уверенно и с полным знанием дела заверял меня, что каждый высокородный владелец в этих долинах, дорожа своей репутацией, прежде всего заботится о безопасности своих постояльцев. Говорил он и о том, что дорога через этот горный массив самая безопасная дорога в королевстве. Разбойникам, напади они на караван на марше, не удастся ударить по всему каравану одновременно, а самое главное, некуда будет уйти наверняка, ведь они рискуют столкнуться с теми, кто идет навстречу или догоняет сзади.

Мне бы его уверенность! Остановить такой караван и оставить его не только без защитников, но и без пассажиров, смогла бы и я одна. А уйти? Да запросто. Найти небольшую закрытую долину, и все. Осталось бы только останавливать караваны напротив нее и потом с помощью доверенных людей быстро и аккуратно убирать за собой все следы. Продолжать свой путь такой караван смог бы уже на другой день. Побольше осторожности, поменьше наглости, и все может

получиться. На мое счастье, никто пока не пробовал провернуть подобное, а потому проехали мы сквозь эти занимательные горы живые и невредимые и уже к полудню сумели снять для себя комнату на постоялом дворе, которых здесь было великое множество.

Оставшиеся полдня мы посвятили поиску лошадей. Очень уж нам хотелось поменять наших выносливых, но тихоходных лошадок на более быстрых скакунов. Несмотря на большое количество конюшен и лошадей, найти что-нибудь действительно стоящее нам удалось далеко не сразу. Уже в наступающих сумерках, возвращаясь в свои временные апартаменты, мы случайно набрали на небольшую конюшню. Наше внимание привлекли крики людей и громкое лошадиное ржание. Проскользнув через приоткрытые ворота, мы оказались свидетелями неприглядной сцены. Испуганная, дрожащая тонконогая черная кобыла пряталась за разъяренным жеребцом, прижимаясь к стене сарая. Оскаленные зубы, горящие злобой глаза и клочья пены, падающие с его тела, говорили о том, что все это безобразие продолжается уже довольно давно. На шкуре пепельного красавца, загораживающего свою подругу, видны были полосы от ударов, нанесенных длинным кнутом, которым размахивал здоровый детина, стоящий напротив. Ах! Если бы этот дурак был один или если бы жеребец не прикрывал собой кобылу от тех, кто хочет ее забрать, ему не удалось бы с такой легкостью орудовать им, а голова его уже бы наверняка повстречалась с крепким копытом. Но пока жеребец проигрывал.

Возмущенная до глубины души этим зрелищем, я не успела высказаться. Громким голосом, полным гнева и возмущения, заорал барон Шангри. Причем сделал он это так громко, что переорал всех на этом дворе — и конюхов, и кобылу, и даже жеребца.

— Что здесь творится? Вы что делаете, песьи дети? А ну, прекратить! Я вас сейчас лично запорю!

Все присутствующие на подворье мужики откатились подальше от испуганно всхрапывающих, нервно вздрагивающих лошадей. Барон же вытащил из ножен меч, и, прокрутив его в своей руке, добавил:

— Ну? Я жду! — Народ впечатлился его грозным видом и уверенностью в собственной правоте, а потому нашу сторону принял сам хозяин. Его объяснения мы слушали минут пять, но понять его действий так и не смогли.

— Не извольте гневаться, господин... — Хозяин сделал паузу, давая возможность моему теперь уже отцу представиться, что тот и сделал.

— Барон Шангри.

— Господин барон. Видите ли, в чем дело, — возобновил он свои пояснения. — Около десяти дней назад от руки разбойников погиб виконт Альмин, и его сын продал мне эту бесноватую парочку, не справившись с характером жеребца и не найдя желающих, готовых удерживать его в повиновении всю оставшуюся дорогу. Продавал он их только парой. Я же понадеялся на то, что смогу продать сразу хотя бы кобылу, а уж потом, как усмирю, и жеребца. Готов был, конечно, повозиться, но надежда на благополучную сделку у меня все же оставалась. Я просчитался. Не смог продать ни поодиночке, ни парой. Кобыла просто ложилась и отказывалась идти без этого бесноватого. Поднимать ее с помощью кнута нельзя, попортишь товар, покажешь, что непослушная — попробуй продай! Нянчились мы с этой парочкой, нянчились и вот решили их разделить. Надумал наш конюх спеленать ее и на телеге в другую конюшню перевести, к другому жеребцу поставить. Так этот зверь все перегородки разнес и отбил ее. Вот мужики советуют пристрелить его, плюнуть на убытки. Обманул меня молодой виконт. Продал демона.

— И большие убытки? — очнулся мой успокоившийся барон.

— Большие. Я за эту пару четыре золотых отдал. Надеялся, что хотя бы за нее одну полтора золотых себе верну.

— Не вернешь, — вмешалась я, изображая отпрыска высокородного рода. — И другой жеребец не поможет. Сдохнет она без него, а ты новому владельцу еще и вдвое заплатишь, чтобы он тебя не ославил.

— А что же делать, ваша милость? — растерялся мужик.

— А давай я их у тебя за два золотых заберу? — начала я торговлю.

— За три.

— Нет. Через два-три дня они у тебя сдохнут, а может, и у меня сдохнут. Не едят ведь, поди, ничего, а?

— Не едят. А если ваша милость не сможет их со двора вывести? Деньги мне вертать придется?

— Если за два золотых отдашь, не придется.

— По рукам. Забирайте! — Маленькие глазки на толстощеком лице хитро блеснули.

Сверкнули в воздухе два золотых, и мужики, словно невзначай перегораживающие нам дорогу к выходу, отошли в сторону. Они явно предвкушали бесплатное развлечение, где в главной роли будет выступать бешеный жеребец, а подыгрывать ему будут высокородные господа.

Я все еще раздумывала, как и что буду делать, а мой названный отец уже начал раздавать обещания и распоряжения:

— Первому же открывшему не вовремя рот и любому, издавшему хоть один громкий звук, чтобы напугать этого бешеного зверюгу, я лично горло вскрою. Мое имя барон Шангри, и я слов на ветер не бросаю. Если мой сын пострадает по вине одного из вас, я сумею сделать вашу жизнь невыносимой и недолгой.

Замолчали обсуждавшие выгодность сделки мужики. Притихли звонко перекликающиеся мальчишки, повисшие на высоком заборе, и только нервное всхрапывание переступающего с ноги на ногу жеребца напоминало о том, что происходило на этом подворье еще несколько минут назад.

Первой мыслью, мелькнувшей у меня в голове, было взять в руки что-нибудь вроде морковки или яблока, чтобы задобрить и отвлечь испуганное животное, но я очень быстро поняла, что в данном случае это будет совершенно бесполезным действием. Обиженное, испытывающее боль от полученных ран, это гордое, красивое и сильное животное не примет от меня угощение. Использовать же способности как ведьмы, так и мага я тоже не могла, потому что чувствовала присутствие магов в этом поселке. Что ж, придется работать по старинке, добрым словом, лаской, уговорами, убеждением.

Медленным, стелющимся шагом я двинулась к застывшей возле стены сарая парочке. Несколько раз резкое всхрапывание жеребца останавливало меня, и я застывала, давая ему время успокоиться. И вот он подпустил меня к себе. Близко. Очень близко. Но, как оказалось, только для того, чтобы отделаться от такого наглеца, как я, раз и навсегда. Да! Поднявшийся на дыбы жеребец, пытающийся разmozжить голову своему противнику ударом вовсе не маленького копыта, зрелище не для слаонервных. А уж когда в этом аттракционе

приходится участвовать лично, ощущения испытываешь просто феерические.

Раз за разом я уходила от его ударов, не причиняя вреда в ответ, и вот тогда в ход пошли зубы. Добрым словом и с огромной благодарностью в этот момент я вспомнила своего сэнсэя. Благодаря его урокам я все еще была цела и невредима к тому времени, когда этот обиженный красавчик наконец-то начал выдыхаться и понял, почувствовал, что я успеваю не только уворачиваться, но и оглаживать его. Мои прикосновения не несут ему боли. Тяжелое дыхание вырывалось из его груди мощными толчками, хлопья пены падали с боков, но он остановился, и не просто остановился, он начал прислушиваться к тому, что именно я ему говорю, как говорю, что делаю. А я гладила, подсушивала тоненькой магической ниточкой бытового заклинания разгоряченного коня и рассказывала ему, какой он красивый, сильный, умный, заботливый. Я точно была уверена в том, что слышит меня как он сам, так и его кобылка, и не только слышит, но и, судя по всему, понимает.

— Мой хороший, красивый мальчик! Успокойся, все кончилось. Уже кончилось. Больше никто тебя не тронет. Я не позволю. Заберу и тебя и подругу твою. Вон какая она у тебя красавица! Вам будет хорошо у меня. Я не обижу и никому не дам обидеть. Ухаживать за вами буду сама. Разве ты бешеный? Нет, ты просто упрямый, сильный и очень смелый. Ты большой умница. Все понял. Успокоился. Молодец! Я оботру?..

Скрутив несколько жгутов из рассыпанного под ногами сена, я старательно, но очень аккуратно обтирала своего красавца, стараясь ни в коем случае не задевать безобразные рубцы, оставшиеся на его шкуре от ударов кнута. Кобыла подошла ко мне сама. Тихонько ткнулась носом в плечо и, шумно обнюхав, потеревила губами за рукав, требуя ласки и внимания к своей персоне. Оставалось самое сложное — увести эту прекрасную парочку со двора. Сильно сомневаясь в том, что мне будет разрешено воспользоваться веревкой или уздой, я нашла другое решение. Десятиметровый, широкий, но очень тонкий и прочный пояс, накрученный мною в несколько слоев на талии, сослужил мне в этом деле отличную службу. Именно его я использовала для того, чтобы показать себя хозяином. Обвязав шею каждой лошади мягкой петлей, завязанной на его концах, я, удерживая

пояс за середину, двинулась к выходу из этого негостеприимного места. Лошади спокойно и неторопливо пошли за мной. Да, по их шкурам редкими волнами все еще пробегала дрожь, но они шли. Не просто вплотную ко мне, они шли, нависая надо мной, прикрывая со спины. Ошеломленные лица торговца и его людей были мне хорошо видны, барон же, пользуясь всеобщей растерянностью, как оказалось, уже договорился о покупке седел и сбруи, изготовленной именно для этой парочки, а также о доставке ее к нашему месту проживания.

Спать сегодня ночью мне не придется. За ночь я должна буду привести жеребца в полный порядок. Залечить его раны, окончательно успокоить, накормить, почистить обоих. Уходить из поселка придется ранним утром, иначе мы на весь завтрашний день станем диковинкой, на которую будут приходить посмотреть все кому не лень, и кого-то чересчур глазастого наверняка насторожит отсутствие ран на крупе жеребца. А оно нам надо?

ГЛАВА 34

Ранним утром молодой жеребец по кличке Ветер согласился принять меня как всадника, снисходительно позволив положить себе на спину седло. Его сердечная подруга, названная мною Звездочкой из-за маленького белого пятнышка на ее лбу, согласилась нести на своей спине барона Шангри. Наш путь лежал в портовый город под названием Влаил. Являясь одним из самых крупных торговых городов, имеющих свой порт, он подходил для наших целей больше всего. Порт и примыкающие к нему многочисленные склады наверняка смогут обеспечить нас всем необходимым, а магистратура и ее банковское отделение с удовольствием помогут с выплатой налогов и выяснением нашего финансового положения.

Стараясь попасть в город как можно быстрее, мы не стали присоединяться ни к одному из торговых караванов и просчитались. Нет, наши резвые скакуны летели вперед как птицы, но не всегда туда, куда хотели именно мы, и не всегда летели, иногда ползли, иногда лежали. Почему? Да нипочему! Они даже не вредничали, нет. Они играли. Теперь я понимаю, почему взрослые, умудренные опытом и убеленные сединами мужчины не могли справиться с этими бестиями. Все просто! Они были слишком молодыми. Не понимаю, какому придурку пришло в голову, что они готовы выполнять просьбы и приказы хозяина. Поиграть? Да! Работать? Да, но недолго. Вот мы и играли. Выбирали место попросторнее, подальше от тракта и посторонних людей, и играли. Больше всего Ветерку нравилось играть со мной. Он ловил, я убегала. Он становился на дыбы, я ускользала. И все-таки мой красавчик поначалу явно осторожничал, но уж когда понял, что не сможет причинить мне вреда, начал играть с полной самоотдачей.

Нари сначала жутко ругался, доказывая мне, что еще там, в поселке, чуть не поседел окончательно, но потом смирился и уже на второй день наших игр изменил их правила. Теперь мы учили нашего Ветерка не просто играть, а бить, и бить прицельно, защищая меня. Любопытная игривая Звездочка, конечно, присоединилась к нашему веселью. Не сразу, далеко не сразу у нас хоть что-то начало получаться,

и все же, в конце концов, мой умник понял, что именно от него хотят, и дела пошли веселее. Наш путь, рассчитанный на три дня, растянулся на все десять, но у нас получилось. Теперь наши лошадки представляли собой настоящую убойную силу, которую мы совершенно случайно смогли испытать в деле, напав на караван.

О-о-о! Караван был просто замечательный, точнее, то, что от него осталось. Двадцать чуть потрепанных телег и тридцать хорошо одетых мужиков, вот правда одеты они были очень необычно. Нет, одежда и оружие выглядели просто прекрасно, но почти у всех нижняя половина костюма не совпадала с верхней. А еще телеги! Товар на них был не сложен, а навален горой, и бедные лошади прикладывали невероятные усилия, чтобы сдвинуть их с места. А погонщики? Они были все как один излишне вооружены, и сопровождали их не просто воины, а лучники. И шел караван не по тракту, он поворачивал с него в лес на дорогу, которой вроде бы и нет. Да, среди них был маг-слабосилок. И занят он был очень нужным делом: скрывал следы уходящих. И как бы слаб он ни был, но умельцем был просто прекрасным.

Сделать так, чтобы лошади не только прошли по лесу, не встречая препятствий, но чтобы вздумавшие их искать не нашли их следов, дано не каждому, а если честно, то наверняка считаным единицам. Вот только не успели они. Ну или мы не успели. Убежать. Ах, если бы не лучники! Мы бы проскочили, а так пришлось покрутиться, благо в наших лошадок никто не стрелял. Итог столкновения порадовал. Двух одолел барон. Девятерых — наши четвероногие защитники, со спин которых мы соскользнули, поняв, что без боя нам не уйти. Десять пали смертью храбрых от усиленных по своему воздействию заклинаний, предназначенных для уборки пыли, их просто смело в лес и так об деревья приложило, что просто ух! На восьмерых я еще раз опробовала свое новое оружие. Пара «длинный, короткий» меня не подвела. Боя такими клинками здесь не знали и потому противопоставить ничего не могли. А вот мага пришлось убирать с дороги первым. Заклинание, предназначенное для чистки серебра, его впечатлило настолько, что умер он очень быстро.

Мы выстояли. Можно было бы порадоваться, а я злилась. Этот проклятый мир делал из меня циничного убийцу. Меня уже не воротило от пролитой крови, не рвало при виде срубленных голов, я не брезговала обыскивать трупы, пополняя свой кошелек найденными

монетами, но вот от того, в кого я постепенно превращалась, меня знатно тошнило. Этот мир, эти короли и их стража... Ну почему на дорогах так много всякой швали шляется? Почему человек вынужден, защищаясь, убивать? Я приняла этот мир, а он, зараза такая, продолжает меня перекраивать по своему желанию и разумению, но как же это порой больно и неприятно.

И вот теперь, уже собираясь вскочить в седло Ветерка, я будто споткнулась о пришедшие мне в голову мысли. А почему, собственно, мы бросаем все это добро? Да, появиться перед городскими воротами с награбленным товаром, сваленным в телеги, верх безумства. Но лошади? Нам же все равно придется покупать или арендовать лошадей. Оружие опять же. Упокоенная нами шайка хорошо поживилась и прибрала к рукам качественное оружие. Против нас играет только время. В любой момент на тракте может показаться другой караван, но кто не рискует, тот не выигрывает.

Да, мы рисковали, но удача была сегодня на нашей стороне. Целых два часа мы выпрягали лошадей, собирали и паковали в тюки оружие, дорогие специи, ткани и кружева, обнаруженные нами в одной телеге. Успокоить лошадей, навьючить их стоило нам огромных трудов, и больше всего в этот момент нам пригодилась моя бытовая магия. При помощи нее я не только крепила грузы на спины лошадей, но внимательно и аккуратно уничтожала любые метки и приметы, по которым бывшие хозяева могли бы их опознать. Я была просто уверена в том, что любой следующий за нами караван приберет к рукам все, что мы оставили после себя, и доказать нашу причастность к ограблению будет уже очень сложно, а после моей чистки — почти невозможно. Вот только в городе наши дела придется проворачивать не просто быстро, а очень быстро, и уходить из него так же стремительно.

И вот цепочка из двадцати лошадей, связанных между собой, двинулась в путь. Присутствие Ветерка очень помогло нам в наведении порядка среди этих испуганных животных. К воротам города мы подошли уже в сумерках, а потому нам пришлось дополнительно заплатить страже за задержку в закрытии ворот. Чувствующий себя все более уверенным барон тут же, у ворот, заключил со стражниками, сменяющимися с поста, договор о

краткосрочной охране и сопровождении нас по городу к складу, сдающемуся в аренду. Плата за услугу, взятая с нас благородными воинами, была, на мой взгляд, завышена раза так в три, но нас действительно проводили туда, куда мы хотели, помогли найти хозяина и устроили на постой в платной конюшне наших лошадей. Сами мы сняли комнату в ближайшем трактире и наконец-то смогли не только поужинать, но и отдохнуть. Но прежде обиходили Ветерка со Звездочкой, ибо наши вредины подпускать к себе, кроме нас, никого не собирались, да и обещания нужно было выполнять, даже если ты давал его жеребцу.

Утро наступило слишком быстро. Ведьминский эликсир помог снять боль в мышцах, прочистил от мути мозги, но спать мне хотелось все равно. Барон же вскочил с кровати, полный энтузиазма и надежд, коих я по понятным причинам не разделяла и, как оказалось, правильно делала.

Первое, что мы сделали после обильного, сытного и недурно приготовленного завтрака, это посетили магистрат, а точнее, его банковское отделение, где нас порадовали наличием действующих именных счетов Нари Шангри. А кроме того, предъявили к оплате счета за вовремя не оплаченные налоги и добавленные к ним в виде наказания проценты. При взаимном зачете средств наш долг составил тысячу золотых, а если точнее, то остаток нашего долга. Нам пришлось оставить в счет оплаты налогов все средства, что лежали на счетах барона, вместе с набежавшими процентами. И что самое поразительное, процентов за просрочку налогов за то же время накопало в десять раз больше. Поэтому вместо того, чтобы получить средства на развитие Долины цветов, нам пришлось еще и добавить к ним из тех денег, что мы привезли с собой.

Шангри был просто раздавлен этим визитом. На руках у нас, по сравнению с тем, что мы имели, остались сущие гроши. В свою комнату мы вернулись уже под вечер, но даже хороший ужин, оплаченный нами заранее, не улучшил наше настроение, но зато пара капель свежей настойки для крепкого сна в бокал приемного отца поспособствовала его крепкому сну и успокоению его расшатанных нервов. Самой же мне пришлось пить зелье совершенно противоположное по воздействию, потому что спать сегодня я не собиралась. Мне нужны были деньги, много денег, вот только не

разбойничать же на дорогах. Зачем? Здесь, в городе, можно было найти кошельки побогаче и поувесистее. Отвод глаз, наложенный на нашу дверь, гарантировал барону крепкий сон, а мне спокойствие за его безопасность. О своей безопасности я собиралась позаботиться отдельно. Кто-то скажет, что воровать — это плохо. Я соглашусь, но оставлю за собой право спросить: «А где и как может заработать, причем хорошо заработать, деньги девушка в средневековом мире?» Выйти замуж за богатого старика? Клад найти? Работу найти? Какую? Так что я считаю, что мне повезло. Я могу пойти и взять, а кто не спрятал и не спрятался, я не виновата!

Отправилась искать желающих поделиться со мной своими богатствами, не дожидаясь, пока наступит полночь, и даже не дожидаясь, пока угомонятся посетители нашего трактира, распивающие горячительные напитки в общем зале на первом этаже. Окно в нашей комнате послужило для этих целей просто великолепно.

Жизнь ночного города просто кипела. Тишина и спокойствие царили только в центральной его части. Домочадцы богачей этого города спали спокойно, а вот сами они развлекались в дорогих борделях, шикарных ресторациях, предоставляющих своим посетителям не только яства, дорогую выпивку, выступление паяцев, но и шикарные игорные залы. Эти несколько улиц, благоухающих различными ароматами цветов, охранялись очень хорошо. Часто проходящие по ним патрули были дополнены частной охраной каждого стоящего там особняка, магические охранные заклинания заставляли их ярко светиться в темноте. И пусть немногим было дано увидеть этот свет, но меня он впечатлил своей мощью.

Сильное, ловкое и очень прыгучее тело рыси помогло мне без труда обойти все эти препятствия, но вот дальше крыши шикарного особняка я так и не смогла продвинуться. Два часа! Целых два часа я просидела, терпеливо наблюдая за ночной жизнью прислуги. О-о-о! Они не работали, нет. Они доедали, допивали, подглядывали, развлекались и, самое главное, сновали туда-сюда просто без усталости. И я ждала, пока весь этот цирк не закончился наконец-то, и только тогда проникла на чердак, а уже оттуда, сменив облик, приступила к поиску того, за чем я сюда пришла.

Спальня высокородной хозяйки понравившегося мне особняка поразила меня обилием зеркал, занавесей, балдахин, рюшек, кружев

и салфеток и наличием всего лишь одного комплекта драгоценностей. Ни одной, даже медной монетки, в спальне не нашлось. Не было тайников, да и просто шкапулки с женскими драгоценностями тоже не было. Легкий запах дурманящего отвара, исходящий от изящной чашечки, стоящей на прикроватной тумбочке, объяснил мне причину ее крепкого и спокойного сна, но не отсутствие драгоценностей у высокородной госпожи. Так же крепко и беспробудно и по той же причине спали и две хозяйские дочки. Самого же хозяина, на мое счастье, не было дома, что позволило мне обыскать и его спальню и кабинет без помех.

Это было полное разочарование. Нет, тайник в этом доме был, и не один. Вот только денег там не было и драгоценностей тоже. Были закладные, были долговые обязательства, были расписки, а денег... Денег не было. В одном из тайников я нашла драгоценности. Много. Но они были искусной подделкой, замаскированной магией. Пришлось уйти из этого дома с пустыми руками. Теперь я знала, что красивый дом и высокородный хозяин это не синоним богатства.

Я успела вернуться в трактир на рассвете и, не привлекая внимания, пробраться в нашу комнату. Но прежде чем лечь спать, разбудила барона и настояла на том, чтобы сегодня он прошелся по городу без меня. Проверил наших лошадей, нашел продавцов нужного нам товара и договорился о его доставке в арендованный нами склад с оплатой по прибытии на следующий день. Пообещав ему решить к этому времени проблему финансов, со спокойной душой провалилась в сон.

К вечеру я не только была полна сил, но и уверена в том, что сегодня у меня все получится. Во сне я гуляла в шикарном платье с богатым кавалером, посещала ресторацию и наблюдала за азартными играми высокородных, а потому, проснувшись, твердо была уверена в том, что знаю теперь, где и у кого я могу взять то, что мне нужно. Приемный отец порадовал меня рассказом о заключенных договорах и усталым видом, ибо он гарантировал мне его крепкий сон, а это именно то, что нужно.

А еще нам по-прежнему нужны деньги, золото. И много... И потому этой ночью я очень внимательно наблюдаю за посетителями одной из самых роскошных рестораций этого города, используя при этом все свои облики. Они едят, смеются, оглаживают податливых

девиц, поощряют выкриками актеров, спускают за игорными столами свои состояния, а я все больше и больше убеждаюсь в том, что самые богатые люди в этом городе не носят на себе золотые украшения и не играют в азартные игры. Они подобострастно кланяются высокородным гордецам и с насмешкой смотрят им вслед. Они являются истинными хозяевами города.

Хозяин ресторации под названием «Благодатные берега», напоказ блистающий радушием и услужливостью толстяк, один из них. Определить, где именно находится кабинет этого господина, не составило труда, и попасть в него мне тоже удалось сравнительно легко, а вот то, что я наблюдаю теперь... Как же сильно меняется выражение его лица и глаз, когда он остается один в своем скромном кабинете! Как быстро услужливая улыбка превращается в звериный оскал! Куда там лицедеям, выступающим в его заведении! Он гениален. Меняется все: походка, жесты, мимика. А самое главное, глаза, которые должны, по идее, являться зеркалом души, но ими не являются. Заходя в свое логово, он превращается в злобного хищника, и глаза его не просто стекленеют, превращаясь в кусочки льда, они начинают сверкать неудержимой злобой и бешенством. Высокородные глупцы не понимают, в чьих руках находится власть, кто держит в своем кулаке их жизнь и их состояния. Холодная дрожь пробегает по моему телу, и я уже не уверена, что хочу запустить руку именно в его закрома, ограбить именно его тайники. Пусть в этом кабинете их больше пяти штук и неизвестно, сколько в примыкающей к нему тайной комнате. Я теперь точно знаю, что для этого господина спрятанное там золото всего лишь капля в море, но он пугает меня. Радует только одно: у змеи нет зубов, они не могут стучать от страха, их невозможно стиснуть до зубного скрежета, а значит, мне просто нужно успокоиться, взять себя в руки и сделать то, что я должна. У нас теперь есть дом, и там, дома, меня ждет мой Ангел. Но как же страшно... Именно в этот момент, спрятавшись за великолепными тяжелыми шторами и слушая распоряжения, отдаваемые этим человеком своим подчиненным, я поняла, как огромен и суров мир, который меня окружает. Буквально прочувствовала, что в этом мире я маленький хищный зверек, и никто не может сказать, суждено ли мне вырасти.

Целых два часа я терпеливо, осторожно и очень внимательно наблюдала за всем происходящим в кабинете ресторатора. За его четкими, уверенными распоряжениями, за тем, как безжалостно и жестко он решает чужие судьбы. На моих глазах одна из самых титулованных семей города лишилась своего особняка, большей части заложенных земель и, самое главное, людей. Вот их участь меня заинтересовала значительно больше, чем все остальное. Огромный особняк, который завтра должны будут освободить нерадивые господа, обслуживало несколько десятков людей. Были среди них семьи, прислуживающие им в течение нескольких поколений, и вот сейчас все эти люди оказались должниками. Закон позволял в счет долга лишить их не только личного имущества, но и свободы. Заключая с высокородной семьей магический кабальный договор служения, они теперь были вынуждены взять на себя часть их долга и отрабатывать его в течение оставшейся жизни, став фактически собственностью того, кто заплатит хозяину долговых обязательств назначенную сумму. Нет, формально они не были рабами, но и уйти от обязательств не могли. Каждому из них на руку ставилась долговая метка, и, пока она не исчезала, человек считался собственностью. Самое же противное было то, что заключали эти договора не они сами, а их малограмотные предки, не умеющие читать. И вот теперь господа, воспользовавшись старинными договорами, отдавшими им в полное подчинение их потомков, пытались погасить ими часть своего огромного долга. Да, сейчас заключение таких договоров считалось незаконным делом, но отменить старые не мог никто. Любой должник, отказавшийся выполнять обещание предков, умирал. Сами люди не были нужны хозяевам, но вот возможность быстро получить приписанные к каждому из них долги...

А вот хозяин долговых расписок и обязательств этому обстоятельству был вовсе и не рад, он был в ярости. Ему придется неизвестно сколько кормить и содержать этих людей, а вот найдется ли тот, кто их выкупит, оплатив возложенные на них долги, предсказать не мог никто. И как потом из неволи будут выкупаться эти временные рабы, никого не интересовало.

Скандал, разразившийся в одном из игорных залов, заставил хозяина кабинета оставить дела и спуститься на первый этаж. Его слова, сказанные охраннику, стоявшему на посту возле лестницы,

ведущей на первый этаж, позволили мне сделать вывод, что вернуться в кабинет в ближайшее время он не планирует, и я решила действовать.

Кабинет был не очень большим, и магические охранки, наложенные на окна, двери и тайники, были довольно слабые, а вот тайная комната... — Она была больше и магических накопителей, поддерживающих различные заклинания, было больше десятка. Но магия по-прежнему обтекала меня, как что-то несуществующее, и я смогла войти. Тайники, расположенные в кабинете, трогать не стала, боясь насторожить так сильно испугавшего меня человека слишком рано, а вот комната... Она манила меня как магнит, обещая открыть все свои тайны. Их было шесть. Шесть тайников, наполненных фактически под завязку. Наверняка эти тайники регулярно опустошались, и только я могла так удачно влипнуть! Пропажу такого куша мне не простят. Теперь в моем распоряжении два выхода. Первый — уйти, убирая за собой малейшие следы, и второй — взять все и записать себя в вечные враги местных хозяев жизни, ибо искать меня будут так, как никогда и никого не искали до этого.

Безразмерная сумка со средним по величине пространственным расширением, сделанная мною при помощи ведьминского дневника, помогла мне без проблем упаковать все находящееся в тайниках, а вот уберечь от глупости и раздутого самомнения она меня конечно же не смогла. Самый большой тайник порадовал меня не только золотом и драгоценностями, но и камушками. Определяла содержимое кошельков и мешочков я на ощупь, как всегда оставляя без внимания магические накопители и убирая магические метки со своей добычи. И вот последний, самый большой мешочек в глубине этого тайника принес мне огромный сюрприз, наказав за наглость и нетерпение.

Механическая ловушка, о которой я даже не подозревала, сработала сразу же, стоило мне только тронуть этот заманчивый приз. Согни маленьких металлических стрелок ударили в мою защиту, но не все из них артефакт, изготовленный мною, смог остановить. Восемь штук я героически поймала собственным телом. Плечи, грудь, щеку и правую ногу мгновенно охватила боль и наползающее следом за ней онемение. Если бы я не умела менять облик, здесь бы меня и нашли. Стремительная смена облика помогла мне избавиться от впившихся в тело железок, обмазанных парализующим ядом, а разбитый об пол

флакон с маскирующим зельем — от следов крови на них. Распахнутое окно и быстрое улепетывание по крышам в кошачьем облике укрыло от погони. Механическая ловушка, которую я активировала, судя по нарастающему шуму, служила еще и сигналом о проникновении чужого в тайную комнату, а потому свой удачный исход с места преступления я могу объяснить только помощью богов. Сегодня моя самонадеянность могла стоить мне жизни, и придется усвоить этот урок. И усвоить как можно быстрее и крепче.

Рассвет я встретила в храме богов. В этом мире двери храмовых залов были открыты в любое время, а потому благодарственную молитву я не стала оставлять на потом. Вот только лечь поспать после возвращения в трактир у меня не получилось.

ГЛАВА 35

Следующий день начался со смены места жительства. В этом трактире барон жил в одном номере с сыном, а вот на постоялый двор мы вселились уже в две разные комнаты как отец и дочь, находящаяся в глубоком трауре после гибели супруга. Моему преображению великолепно помогла местная модистка, забывшая потом после моего зелья, совершенно случайно разлитого в ее лавке, и обо мне, и о проделанной работе.

Черное глухое платье, небольшая шляпка с густой вуалью великолепно скрывали не только мою фигуру и возраст, но и мое лицо. А самое главное, как оказалось, именно вдовы, одетые в черное, являются в этом мире «невидимками».

С ними не заговаривают первыми, к ним не прикасаются, не шутят и не заигрывают. Одетую в черное вдову называют скорбящей и признают за ней право самой решать свою дальнейшую судьбу. Такая женщина должна принять решение об уходе в монастырь скорбящих вдов или, расставшись с черным цветом, верить свою судьбу в руки старшего родственника мужского пола. При этом, одеваясь в черное, раздумывать она может бесконечно долго, но, сняв черное платье, вернуться к нему она уже не сможет. Единственный, но существенный недостаток этого образа для меня заключался в невозможности открытого ношения оружия. А это значит, мне срочно нужны мастера, готовые выполнить мои необычные заказы. Ибо образ вдовы очень хотелось дополнить боевым веером тэссэном, парочкой боевых ножей кодзука, стилизованных под безобидное дамское украшение, и уруми — длинной полосой гибкой стали, которую можно носить под одеждой, обматывая вокруг тела.

Смена ролей позволила мне начать оказывать отцу более ощутимую помощь. За это утро мы вдвоем оплатили все заказанные товары, наняли охрану на арендуемый склад и охрану для формирующегося каравана. На постоялый двор мы не пришли, а притазились, но, несмотря на бессонную ночь и суматошный насыщенный день, я все-таки сумела уделить внимание Ветерку и его подруге. Мой красавец до сих пор не подпускал к себе никого, кроме

меня. Он ждал меня, радовался моему вниманию и даже умудрялся всем своим видом показать мне, бестолковой хозяйке, как надоело ему стойло и как ему хочется покинуть это место.

Если бы он только знал, как мне этого хочется! Я точно знаю, что Шангри не заметил ничего необычного в шумной суете города. Заметила я. Усиленные патрули стражников, удвоенное количество нищих, буквально обшаривающих всех прохожих внимательными цепкими взглядами, перешептывания работников постоялого двора и их настороженные взгляды в сторону неприметной троицы Серых, скромно сидящих за самым дальним столиком обеденного зала, а еще тщательный и аккуратный обыск нашей комнаты. Еще утром я сняла, уходя, все свои охранные сторожки, убрала все, что только может насторожить поисковиков, в сумки, которые, как обычно, спрятала, прикрепив к золотому ошейнику моей кошечки. При смене облика все, что смогло бы выдать меня, исчезало вместе с ним. Теперь любимая пословица моего родного отца «все мое ношу с собой» описывала меня как нельзя более полно.

Не могло похищение такого количества золота остаться без последствий. Оно и не осталось. Я знала, чего ожидать, а потому заметила все признаки тщательного и планомерного поиска, ведущегося в городе. Нас тоже проверили, и не раз, но барон, уверенный в своей родовитости и своем праве повелевать, не давал даже малейшего повода заподозрить нас в чем-либо, я же в виде черной вдовы была невидимкой даже для «серых» людей. Приемный отец очень помогал мне уже тем, что не задавал вопросов. Я конечно же замечала его стремление закончить с нашими делами как можно быстрее, его волнение и усталость, но к нему возвращалась память, умения, навыки, и мы все лучше и лучше работали парой, помогая друг другу и доверяя. Мы действительно становились настоящей семьей. Он наверняка обратил внимание на то, что, расплачиваясь за товары, мы истратили уже больше того, что у нас оставалось после уплаты налогов, но продолжал молчать, а я собиралась объяснить необъяснимое только после возвращения домой.

У нас получилось. Мы решили все свои дела в кратчайшие сроки и собирались покинуть город к полудню следующего дня. Караван сформирован, а больше нас ничего в этом городе не держит. Вот только нужных мне мастеров, желающих сменить место жительства, я

так и не нашла, но задерживаться нам нельзя. Поиски злоумышленников только начались, и нам нужно быть как можно дальше от их эпицентра.

На следующий день, ровно в полдень, наш караван под предводительством барона Шангри двинулся к выходу из города. Усиленный четырьмя магами патруль стражей возле ворот надолго задержал его, тщательно проверяя все, что можно и нельзя, и только потом мы получили разрешение покинуть город. Вот только отбытие нашего каравана мне пришлось наблюдать со стороны, потому как у меня совершенно внезапно появилось еще одно дело в этом городе, и я отложила свой отъезд на несколько часов. Одну меня, конечно, никто не оставил, только под охраной пары вооруженных мужчин из десятка бравых вояк, нанятых нами для сопровождения товаров. Что случилось? Все очень просто. Пока доблестная стража занималась проверкой нашего многочисленного багажа, я обратила внимание на большую группу людей, сидящих прямо на земле вдоль городской стены. Именно возле них разгорелся скандал, привлекающий внимание всех находящихся неподалеку. Узнав его причину, я и решила задержаться.

Сидевшие возле стены оказались теми, кем расплатились за свои долги высокородные, те, о судьбе которых рассуждал в своем кабинете один из хозяев города. Молодые и старые, семьи и их дети. Каждый желающий мог получить у распорядителя, присутствующего тут же, бумагу с перечнем имен, профессий и занимаемой ранее должности. На моих глазах двух симпатичных девчонок выкупил и увел слуга какого-то высокородного дома, если судить по его одежде. Чуть позже забрали и самых крепких молодых парней, но отдавали не всех, и именно это возмущало заинтересованных в необычном товаре. Особенно громко, с руганью и оскорблениями, скандалил богато одетый торговец. Он хотел получить в свое полное распоряжение детей. Его интересовали все мальчишки, от трех до шестнадцати лет, и не устраивало объяснение причины, из-за которой он не мог их получить. О-о-о! Нет! Хозяин этих должников не заботился о сохранении семей! Он заботился о своих деньгах, когда отдавал распоряжение о выкупе этих людей только семьями. Кому будут нужны пожилые люди или совсем маленькие дети? Кто и когда будет

отрабатывать возложенный на них долг? Пройдет день или два, и, возможно, условия выкупа изменятся, но купец собирался отплыть уже вечером и потому ругался с полной самоотдачей, побуждая распорядителя связаться с хозяином торгов.

Плакали матери, прижимая к себе детей, сжимали кулаки отцы, опуская голову в бессилии. Беда и отчаяние накрыли этих людей своими крыльями, и мне казалось, что я вижу их, эти черные крылья, чувствую затхлый запах. Надрывный крик молоденькой девушки, которую пытались вырвать из рук рыдающей матери, заставил меня переговорить с бароном и задержаться в этом городе.

Торгаш, желающий забрать девчонку, не успел расплатиться, а распорядитель не успел передать ему документ на право собственности. Высказанное мною пожелание заставило его остановиться.

— Если вы не будете разбивать семьи, я просмотрю их и заберу тех, кто мне нужен, целиком, но вы должны приостановить торги и дать мне время выбрать. — Услышав мое пожелание и, самое главное, обещание, распорядитель с поклоном вручил мне списки и повелел страже отвести всех семейных в сторону. Их было пять. Пять семей, спешно поднятых на ноги, теперь ждали моего решения.

Первая семья кузнеца: его мать, его жена и трое сыновей пяти, семи и десяти лет. Жена и мать — портнихи.

Вторая семья управляющего: его родители, жена, тринадцатилетняя дочь и двухлетний сын. Родители работали, мать поваром, отец дворецким.

Третья семья садовника: его отец, жена и две дочери, близнецы лет трех. Жена — камеристка высочеродной госпожи, отец тоже садовник.

Четвертая семья плотника: его и ее родители и трое сыновей, десяти, четырнадцати и шестнадцати лет. Женщины работали на кухне и выполняли обязанности горничных. Мальчишек учили ремеслу отца.

Пятая семья конюха: его жена и сын пятнадцати лет. Все работали с лошадьми.

Они все подходили для моих целей как нельзя лучше, и я не стала тянуть с решением.

— Заберу всех!

Не знаю, чему так удивился управляющий и почему его рот удивленно приоткрылся, а руки суетливо задержались, но тем не менее он очень быстро подсчитал итоговую сумму, которую я должна буду передать ему в руки, прежде чем заберу этих людей. Я согласилась с назначенной суммой, но тут торговец, стоящий у меня за спиной, попытался выкупить у меня всех, кто его интересовал. Мой отказ его изрядно разозлил, и я успела заметить, как злобно сверкнули его глаза. Но время шло, а сделать нужно было еще так много.

Расплачиваясь, я думала о том, что теперь мне почти наверняка нужно будет ждать со стороны обиженного торговца какой-нибудь подлости, но уже через мгновение эту проблему разрешил мой красавчик, Ветерок. Как оказалось, уходя, этот придурок не смог сдержать свою злобу и попытался, проходя мимо моего жеребца, подрезать сухожилия на его ноге. Ну что ж, одним дураком на свете стало меньше. Причем небольшая ранка на ноге моей «бедной лошадки» и нож в руке трупа помогли мне избежать ответственности за его проломленную копытом голову и заняться более неотложными делами.

Теперь у меня в подчинении было много людей, и их нужно было собрать в дорогу как можно быстрее. Нам еще предстояло догнать караван, а посему кузнец был отправлен покупать оружие для всех взрослых мужчин и ребят старше десяти лет, бывший управляющий и конюх — за лошадьми и двумя телегами, четыре старшие женщины в сопровождении садовника отправились закупать продовольствие. Через четыре часа, несмотря на наступающие сумерки, мы вышли из ворот города. Женщины, дети и пожилые люди были усажены на телеги, мужчин удалось посадить на лошадей. Пусть лошадки не шли ни в какое сравнение с моим Ветерком, но они были здоровы и хорошо выдерживали заданный темп. Перекусывало все мое воинство на ходу. Измученные дети сразу после этого засыпали, а вот все остальные настороженно поглядывали на меня. Мой жеребец вел себя спокойно, стараясь взвинтить темп нашего продвижения, ведь его кобылка ушла под седлом барона вперед и ее срочно, по его мнению, нужно было догнать.

Тихонько перешептываясь, мои попутчики недолго занимались бесполезным гаданием на пустом месте. Прошел час, другой... И вот наконец бывший управляющий взял на себя роль парламентаря и

решился обратиться ко мне с вопросом. Я, конечно, давно могла бы объяснить им все, но мне хотелось увидеть, как они общаются между собой. Чье главенство признают, что готовы вытерпеть, что принять.

— Госпожа, позвольте узнать, куда мы направляемся? И почему так торопимся? Уже почти стемнело.

— Я объясню вам все сразу же, как только мы догоним ушедший ранее караван и присоединимся к нему в месте его ночной стоянки.

— Мы будем продолжать двигаться ночью?

— Да. Мой жеребец великолепно видит ночью и поведет всех. Вам придется собраться с силами и продержаться еще два-три часа. Я надеюсь, что уже к полуночи мы сможем остановиться на отдых.

ГЛАВА 36

До стоянки каравана мы действительно добрались ближе к полуночи. Нас встретили, накормили и дали возможность отдохнуть. В дальнейший путь все мы выдвинулись часа на два позже обычного, но за эти два часа люди узнали, как круто в очередной раз повернулась их судьба. Теперь они не потеряют близких. Никто не разобьет их семьи, не заберет детей, и Долина цветов отныне станет им домом.

Я наблюдала со стороны за теми, кого так безоглядно выкупила на этих бесчеловечных торгах, и пришла к выводу, что поступила правильно. Они улыбались, переговариваясь между собой. Их лица были освещены надеждой. Не было никаких стонов, жалоб и беспричинных требований. Люди были готовы работать и служить новым господам, вверяя им свою жизнь и жизнь своих детей, а мы были готовы взять на себя за них ответственность.

В этот раз наш путь до Зубастых гор не был омрачен нападением разбойников. Кончились все, что ли? Задержались мы на целый день в примыкающем к ним поселке лишь для того, чтобы сменить нанятую нами ранее охрану и избавиться от телег. Посоветовавшись, мы с отцом решили, что вместо временных охранников нам нужны человек шесть постоянных, кто будет проживать в долине. И мы их нашли. Уже на следующий день они вместе с семьями отправились в путь вместе с нами. То, с какой легкостью мы их наняли, и то количество кандидатов, откликнувшихся на предложение и представших перед нами, рассказало мне о том, как мало я еще знаю о жизни людей. Мне почему-то казалось, что именно наемники с легкостью способны обеспечить своим семьям безбедное существование. Но то, с какой готовностью люди сорвались с места и какой благодарностью светились их глаза, говорит об обратном.

О том, как нам повезло с людьми, мы узнали очень скоро, а за управляющего Игната я готова была заплатить дополнительно, если бы вдруг это понадобилось. Этот суровый, порой жесткий человек, привыкший управлять огромным хозяйством, был для нас просто незаменим. Его умения и навыки помогли нам в кратчайшие сроки восстановить жильё и конюшни и начать заготовку кормов для

животных. Заработали кузница и плотницкая мастерская, никто не слонялся без дела. Были подсчитаны все наши припасы и покупки, докуплено необходимое. Упорный и очень настойчивый, Игнат нашел применение всем имеющим хоть каплю магии, а уж меня так вообще эксплуатировал нещадно.

Барон Нарн Шангри после ношения рабской печати, а скорее всего, после ее удаления потерял свои и так не слишком выдающиеся способности к магии. А вот силы Ангела только начинали прибывать, а потому даже его умудрялся использовать для пользы дела.

Нет, никем из нас он не помыкал, мы были высокородными господами и все наши люди с ним во главе были нашими слугами, но его настойчивые просьбы принимались к сведению и выполнению всеми жителями долины, и нами в том числе. Таким образом, зиму все мы встретили в теплых, крепких домах. Закрома и кладовые были полны кормами и продуктами, а наше подворье пополнилось коровами, козами и домашней птицей. Теперь Долина цветов могла даже осаду выдержать в течение пары лет. Тем более зимой мы никуда выходить за ее пределы не собирались. Помимо обучения профессиям все дети проходили обучение владению оружием, причем как мальчики, так и девочки. Вот только боевым обучением Ангела я, как и прежде, занималась сама. Принесшие же клятву верности роду Шангри воины не только с усердием тренировались, но и с удовольствием занимались хозяйством.

Господский дом стал настоящим особняком высокородной семьи, а наш барон, к моему удивлению, всерьез занялся обучением Ангела. Он оказался очень терпеливым учителем и радовался успехам ребенка больше, чем своим собственным. Наш дедушка оказался знатоком не только различного оружия и этикета, он прекрасно помнил математику, географию и военное дело. Найденная нами в господском доме библиотека оказалась как нельзя кстати. С помощью некоторых дивно расписанных древних фолиантов он умудрился привить моему ребенку любовь к генеалогии и геральдике. Они могли часами распутывать хитросплетения генеалогии высоких родов, а потом соревноваться за столом в изяществе владения столовыми приборами. А я?

А я получила в свое полное распоряжение подвал, лабораторию, ведьминский дневник и море свободного времени. А еще я наконец-то смогла привести в порядок тайную комнату, создать в ней несколько

дополнительных тайников и разобрать наши сокровища, ведь я так точно и не узнала в свое время, чем именно наполнены похищенные мною мешочки и кошельки. Нет, золото мы потратили почти все, мешочки с ним определялись сразу, а вот что было в остальных?

Никогда не была падкой на драгоценности. Никогда не стремилась ими обладать, но то, что попало в мои загребущие руки, не могло оставить равнодушным никого, дрогнуло и мое сердце. Такой красоты я не видела раньше никогда. Тот самый последний, наполненный под завязку мешочек оказался не только самой большой, но и самой бесценной добычей. Одиннадцать комплектов украшений были аккуратно упакованы и рассортированы. Великолепная работа с золотом и драгоценными камнями, и ни один не похож на другой. Ах, как же сложно было отвести взгляд и прекратить ласкать эту безупречную красоту осторожными прикосновениями пальцев! А самое главное, смотреть и понимать, что ни один из них никогда не украсит мою голову, руки, шею. Не одно десятилетие этой прелести придется провести в тайнике. Блеснуть этой красотой значит потерять голову не в переносном смысле, а в самом прямом, ибо хозяева этого клада могут найтись очень быстро. Стоит только блеснуть. Нет, можно, конечно, переплавить золото, вынуть камни или отдать на переделку современному мастеру, но любое из этих действий принесет гибель этому великолепию, и тем, кто решится на это, точно буду не я. Красота, созданная мастерами старой школы, должна жить.

Зато остальные мешочки-кошечки меня порадовали. Камушки крупные, камешки мелкие, украшения золотые, но однотипные, невыразительные, новодел, а значит, не запоминающиеся. Но продавать их большими партиями тоже нельзя. Наша долина никогда не славилась добычей камешков, а потому открыто я смогу продать несколько крупных камней лишь единожды, объяснив их появление наследством погибшего мужа, да и то нужно очень внимательно просмотреть всю партию, предназначенную для продажи. Вот же, камни есть, а продать их проблема из проблем, потому как ни единой, даже самой тонкой ниточки, способной помочь в нашем поиске, нельзя давать в руки тем людям, которых я так сильно оскорбила.

Еще на земле, читая книги и смотря фильмы, я всегда думала о том, почему преступники попадают. Почему их находят? И еще тогда сделала вывод. Торопятся! Ни у кого не хватает терпения забыть

о попавшем в их руки богатстве, не трогать, не тратить, не хвалиться. От меня зависит не только моя жизнь, но и жизнь моего сына, а потому я все смогу, у меня все получится. Мы и так уже наверняка привлекли к себе внимание. Словно ниоткуда появился барон Шангри с дочерью и внуком. Передал титул и землю ребенку, регентство дочери, заплатил налоги, выкупил людей, увел в долину караван с грузом, но так и не начал принимать на постой проходящие караваны. Все во мне буквально кричит о том, что нам всем обязательно нужно согласовать наше прошлое и настоящее.

Нет, чужих в долине нет и не будет, но вот самого барона вполне могут пригласить для беседы, ведь вместе с ним в тот злополучный день пропали еще четверо отпрысков высокородных домов, и их судьба наверняка до сих пор волнует родственников. Да и наши люди, отправляющиеся за нужными нам покупками, вполне могут быть подвергнуты аккуратным и не очень допросам. Значит, нужно сделать так, чтобы никто не мог рассказать лишнего как языком, так и в своих мыслях. Зачем чужакам знать, что молодая баронесса каждый день несколько часов тренируется с оружием в руках и обучает молодого господина. Что великолепные веера в ее руках, украшенные кружевами и вышивкой, — боевое оружие. Что конь госпожи тот еще демон, которого продолжают обучать защите и нападению. Что два из шести воинов, проживающих в долине постоянно, учатся не просто охранять госпожу, но и правильно взаимодействовать с ней при обороне и нападении, и самое главное — никто и никогда не должен узнать, что баронесса Миира Шангри — ведьма. Зачем кому-то знать, что все жители долины молятся на свою госпожу и готовы защищать ее и сына до последнего вздоха, потому что именно она лечит их, заботится об их нуждах и именно она предоставила им дом и защиту их детям.

Обучение и работа в лаборатории шли своим чередом. Не все заклинания и эликсиры получались у меня с первого раза, да и со второго тоже далеко не все. Но получались, и уже к весне я вплела в древний охранный периметр свои заклинания. Больше всего я боялась появления на нашей территории постороннего, чужого, кто своим приходом может нарушить мирное и счастливое течение нашей жизни. Теперь у нас всех был чудесный дом. Лично у меня появилось место, действительно ставшее мне в этом мире домом, и теперь, становясь все

более сильной ведьмой, я смогла сделать так, что любой человек, желающий принести беду в нашу долину, не мог выйти из нее.

Да, именно не войти, а выйти. Войти без разрешения господ не мог никто и так, но вот знать о том, с чем уходит человек, которому ты доверяешь... Теперь и это оказалось возможным для нас. Пара бессонных ночей и сложнейших ритуалов — и все получилось. Желаящий зла не покинет долину, а уж узнать или допытаться, почему именно этот человек не может выйти, это не проблема. Умельцы и желающие помочь мне в этом деле всегда найдутся.

Подтверждение своих опасений и правильности своих действий я получила уже к середине весны. Поставщик, которому мы доверяли и которому по настоянию приемного отца дали разрешение на проход в долину, уже во второе свое посещение не смог ее покинуть. Его недоумение, испуг, а затем и ненависть не помогли ему, а только подтвердили наши выводы и подозрения. Вначале он пытался доказать барону Шангри, что мы глубоко заблуждаемся, что именно он кристальной души человек, что большинство поставок в долины идут через него и никто ни разу не предъявлял ему претензий. Если бы я не стояла за спиной своего отца, не вмешиваясь в их разговор до определенного момента, он наверняка сумел бы убедить того в своей невинности, но меня он убедить не сумел. Легкое движение моей руки — и мои неизменные охранники Нор и Ари уже крепко держат возмущенного мужика в своих объятиях. Принудительный глоток одного из моих эликсиров и дальнейшее дознание не потребовали от нас каких-либо усилий. Дала я ему глотнуть обычный парализатор, единственное его отличие от применяемого магами было в том, что онемение организма после его приема шло постепенно, от ног к голове. Поставщику же мною было сказано, что ему дали яд, действие которого идет по нарастающей, и если он не заговорит, то умрет сразу же, как только у него отнимутся руки. О-о-о! Он заговорил! Еще как заговорил. С перепугу даже не обратил внимания на то, что руки у него уже давно онемели, а он все еще жив.

Все оказалось очень просто. Восставшим из небытия бароном и его наследниками заинтересовались соседи и Серое воинство, причем если о соседях поставщик говорил много и охотно, то о людях, которых он называл Серыми, мало и невнятно. Единственное, что я смогла понять: если соседей больше всего интересует состояние дел в

долине, возраст и здоровье наследника, то Серых — абсолютно все. В конце концов нам удалось добиться внятных ответов, и мы с удивлением узнали о новом кошмаре королевства Пурин. Как оказалось, с недавних пор в нашем королевстве люди больше всего боятся не разбойников, не грабителей, а интереса к своей персоне со стороны герцога Эверли. Люди всерьез утверждали, что герцог знает все, а что не знает сам, о том ему по первому требованию доложат, что если он только захочет, то найдет вину у невинного. Разбойный люд все еще сомневался во власти Серого герцога, а вот высокородные семьи, по словам знатоков, уже успели расстаться с иллюзиями. И вот теперь именно они, Серые, задавали вопросы, а значит, господин поставщик должен уйти из нашей долины целым и невредимым и рассказать всем интересующимся он должен только то, что я хочу. И мне кажется, я знаю, как это сделать.

Да! Дневник ведьмы мне в помощь!

ГЛАВА 37

Списки, опять списки, отчеты, донесения... И все это нужно просмотреть, и не просто просмотреть, а еще и вынести правильное и единственно верное решение. Уже совсем скоро в столицу начнут съезжаться приглашенные гости, а решение о приглашении некоторых из них так и не принято. Огромное количество людей будет стянуто в город на время празднества. Все они будут подчиняться Серому герцогу и все будут обеспечивать безопасность высокородных гостей.

Наследнику престола его высочеству принцу Дарвалу исполняется двадцать. Совершеннолетний наследник, не связанный ни с кем брачными обязательствами, является желанным призом для многих, мечтающих породниться с королевским домом. И вроде бы остается всего ничего — окончательно утвердить списки приглашенных и отправить приглашения. Магические почтовые пенальчики сделают рассылку мгновенной, своевременной и безопасной, но вот о размещении гостей голову ломал не один десяток человек. Выход из непростой ситуации подсказала молоденькая принцесса, фыркнувшая на преувеличенно горестные сетования дядюшки: «Фу! Нужно просто обязать всех наших высокородных господ, имеющих дома в столице и ее пригороде, принять к себе одного из прибывающих гостей с его сопровождающими. А во избежание склок и соперничества стоит оставить распределение этих гостей за собой. Определить самим и заранее, кто кого принимает, и все!»

Вот так! Одним шутивным замечанием ее высочество принцесса добавила работы всему Серому ведомству. Радовало в этом случае лишь одно: охранять прибывающих гостей станет в разы проще.

Яростный ветер бросал в стекло тяжелые дождевые капли. Весь день столицу буквально вычищало и выполаскивало холодным весенним ливнем. Темные, низко висящие тучи не скупилась, отдавая земле свою тяжесть. Завтра будет солнечный день, завтра словно ниоткуда возникнут новые проблемы и дела, а в этот поздний вечер в тишине своего кабинета герцог Эверли изучал пришедший с вечерней

почтой отчет по делу барона Шангри. Сначала этот высокородный заинтересовал его светлость только как собственник небольшого, но довольно вместительного дома на одной из центральных улиц столицы, но затем, после прочтения сопутствующих документов, еще и необычной историей своего воскрешения. Да, магия все эти годы утверждала, что наследник Долины цветов жив, а вот любой поиск блокировался и барон считался пропавшим без вести. На деле, заведенном сразу после его пропажи, в конце концов была наложена резолюция: «Возможно попадание в рабство». И вот он не только появляется в магистрате, а появляется не один, с дочерью и внуком. Причем сразу после восстановления в правах переводит все сохранившееся имущество на маленького ребенка, назначая его опекуном не себя, а свою дочь. Та в свою очередь является вдовой никому не известного наемника, погибшего при нападении разбойников на купеческий караван. Все свидетельства о проживании этой семьи уничтожены вместе со сгоревшей год назад деревенькой, жители которой давно уже разъехались по всему королевству.

Отчет и бумаги из магистрата и донесения людей, занимавшихся дорасследованием этого дела, и занимали сейчас все внимание герцога. Из всех собранных документов выходило, что барон, имеющий очень слабый магический дар, закончил военную академию и отправился в элитную ресторацию для того, чтобы отпраздновать это событие в кругу своих ближайших друзей из числа сокурсников. Пропал он тоже вместе с ними, в этот же вечер. Вот только вернулся живым спустя тридцать лет он один. В связи с этим обстоятельством были даже высказаны предположения о его виновности в пропаже остальных, но в отчетах утверждалось, что получивший тяжелую травму головы парень потерял память и буквально выживал все эти тридцать лет, путешествуя с различными наемными ватагами, охраняющими караваны. Молодая жена, коей он обзавелся в одном из таких походов, умерла в родах. Дочку воспитывала бабушка со стороны матери. Все его заработки уходили на их содержание, а чуть позже на содержание овдовевшей дочери и внука. Родственники зятя отказались принять на себя заботу о молодой вдове, муж которой погиб в одном из боевых столкновений. Сам же барон в том же столкновении получил несколько ран и еще один сильный удар по голове, который, видимо, и поспособствовал возвращению его памяти.

Вспомнив, кто он, Шангри забрал дочь и внука и вернулся в родные края. Магистрат сообщает о проведении магической проверки на родство по крови и подтверждает правомерность передачи титула и наследства. Еще через некоторое время барон и его дочь появились в магистрате повторно, обнулив личные счета барона для уплаты налогов, накопившихся за годы его вынужденной отлучки. Денег на счетах было недостаточно, и остаток был оплачен бароном из наличных средств. Люди, работавшие с поставщиком из поселка у подножия гор, докладывали с его слов, что усадьба Долина цветов в данный момент находится в плачевном состоянии, особняк разрушен и всего лишь несколько помещений пригодны для проживания, идут работы по восстановлению жилых помещений для людей и животных. Принимать караваны долина сможет не скоро. Самим людям, проживающим теперь в долине, голод не грозит, стало доподлинно известно о том, что различные припасы были закуплены бароном впрок. Сам он доволен возвращением в родной дом. Дочь носит траур по мужу и воспитывает сына, худенького, болезненного мальчика. Выкупленные на торгах в городе Влаил люди довольны своими нынешними хозяевами и прикладывают все силы, пытаясь восстановить разрушенное временем хозяйство.

Все полученные сведения укладывались в стройную картину, но что-то продолжало царапать. Что-то, что очень нужно было вспомнить! И герцог вспомнил... Вот!

Влаил. Именно в этом городе отметился тот, кто выпотрошил копилку папаши Евлана в малом селении, расположенном недалеко от Увальской топи. Так же, как и там, аккуратно были пройдены магические ловушки, так же качественно обобраны найденные тайники. Да, судя по донесениям, во второй раз сработали механические ловушки, но похититель опять остался неузнанным и не оставил никаких следов. Ничего не дал магический поиск, мгновенно перекрытый город и обыск всего и всех тоже оказался безрезультатным. Арвари, один из теневиков этого города, перевернул все — неправильно лежавшие камни на мостовой, карманы воришек и нищих, приезжающих и выезжающих, но нигде ничего так и не обнаружил. В течение полугода его люди отслеживали появление крупных сумм и проводили расследования по каждому подозрительному случаю, выясняя что, когда и откуда появилось, и

опять-таки ничего. Воришка и его огромный приз просто исчезли. Нигде не появились отборные приметные камни, не мелькнули похищенные старинные драгоценности, никто никому не похвастался огромным наследством, не начал жить, тратя легко полученные деньги. И поэтому одному из главных негласных хозяев города пришлось умереть.

Уже совсем другие люди продолжали бесполезные и, видимо, безрезультатные поиски. Пропажа сокровищ, лишь временно хранившихся у хозяина ресторации, так и не попавших по назначению, стоила ему жизни. Все это, как ничто другое, очень интересовало герцога Эверли. Его люди тоже искали, но не столько пропажу, сколько воришку. Талантливые люди привлекали Натаниэля. Они были ему интересны более, чем кто-либо еще. Кто-то коллекционировал картины, кто-то драгоценные камни, кто-то женщин. Герцог коллекционировал талантливых людей. Найдя заинтересовавшего его человека, он всеми правдами и неправдами забирал его к себе в ведомство, и спустя какое-то время среди его людей появлялся новый специалист.

И вот теперь его очень заинтересовал этот вор, найти и заполучить которого ему хотелось как можно быстрее. Впереди торжества по случаю совершеннолетия принца. Интуиция подсказывала его светлости, что талантливый преступник не сможет пройти мимо скопления высокородных и примет участие в праздновании, помогая господам облегчить их кошельки и тайники, а значит, и искать его в ближайшее время нужно будет именно в столице.

А еще неподдельный интерес Серого герцога вызывали происшествия на тракте, опять же от Увальских топей до порта Влаил. Небольшой, по всей видимости, отряд умельцев основательно проредил разгулявшихся разбойников. Благодарные караванщики даже добавили двадцать золотых к королевской награде, назначенной добровольному чистильщику, но за ней так никто и не явился. Любой служащий в магистрате маг, конечно, мог подтвердить или опровергнуть рассказ претендента на эту награду при помощи артефакта и выплатить обещанное, но, к удивлению магов, желающих так и не нашлось. Награда по-прежнему ожидала своих героев, а они не спешили явить себя. Именно с этими скромниками тоже очень хотел познакомиться Серый герцог. Специальные люди внимательно и

скрупулезно отбирали все сообщения, приходящие от Серых соглядатаев, наводнивших королевство, искали любое упоминание о нападении разбойников, сверяли полученные данные, искали и не находили совпадений. Люди, так качественно поработавшие на тракте близ Влаила, исчезли так же бесследно, как и виртуозный воришка. И чем больше проходило времени, тем сильнее Натаниэлю хотелось их найти, тем чаще он вспоминал о них. Возможно, именно поэтому он ждал приезда в столицу гостей со всевозрастающим нетерпением.

С недавнего времени в его ведомстве наблюдателей за безопасностью был организован совершенно новый отдел. Входящие в его состав люди и маги учились работать сообща, налаживая раскинутую по всей столице магическую сеть, в основу которой входили записывающие артефакты. Герцог не пожалел собственных средств на ее создание, потому что хотел не только знать о том, что и где происходит, но и видеть. Своевременный просмотр записей и замена использованных камней на новые, вот что обрабатывали люди под руководством и при помощи магов. Любая информация, полученная вовремя, это уже половина победы, считал их глава, и они были готовы оправдать его ожидания и надежды. Вот только гости и преступники вряд ли были рады тому, что их жизнь и поступки будут запечатлены на магические носители, но их мнение интересовало Серого герцога в последнюю очередь.

Он серьезно готовился к встрече с неуловимым воришкой. Барону же Шангри было послано приглашение, повелевавшее ему прибыть на празднование в столицу вместе с дочерью и внуком. Кроме того, принять в своем столичном доме на все праздничные дни прибывающую из соседнего королевства семью графа Урвалон, состоящую из его сиятельства, его жены, их дочери и сопровождения в виде десяти воинов и как минимум пяти слуг.

ГЛАВА 38

Несколько бессонных ночей, и вот я уже точно уверена, что и как будет рассказывать любопытный торгаш, покинувший нашу долину. Может, я не права, по-прежнему не желая принимать в своем доме посторонних людей, зарабатывая при этом очень хорошие деньги и привлекая к пашей долине дополнительное внимание? Я понимаю, что высокородные путешествуют через эти горы не каждый день и даже не каждый месяц, а всех остальных традиционно размещают в специальном бараке, но даже это по-прежнему не устраивает меня.

Мой дом должен быть моей крепостью. Хочу, чтобы Ангел был полностью свободен в своих передвижениях и не нуждался в дополнительной охране из-за постоянно появляющихся чужаков. Не хочу содержать в долине дополнительных стражников. Не люблю людской толчеи, скопления шумных баб, качающих права и вечно чем-то недовольных мужиков. А еще... Не хочу снимать свои заклинания у входа в долину, не хочу прятаться сама. Ведьма я. И никто чужой даже догадаться об этом не должен. Разве не помешают мне посторонние продолжать занятия с Ангелом? Разве не обратят внимания на обучение бою и других детей? Разве не путешествуют с караванами маги, сующие свой нос куда надо и не надо? А Серые? Как тогда уберечь все свои секреты от этих ищек? Кто им помешает пробежаться по долине и послушать, о чем говорят мои люди. Ответ на все эти вопросы может быть только один: «Мой дом — моя крепость». И ворота в эту крепость нам придется охранять как можно тщательнее, сберегая покой и жизнь наших близких и друзей. На то, чтобы убедить в своей правоте приемного отца, у меня ушел не один час, но мне удалось настоять на своем. И все бы хорошо, но гром грянул, откуда никто из нас его не ждал.

Сработал купленный нами, по настоянию одного из служащих магистрата, магический почтовый пенальчик. Нашу семью приглашали посетить торжества в столице, посвященные совершеннолетию его высочества принца. Приглашали не просто так. Барону Нари Шангри предоставлялось право оказать услугу королевскому дому, приняв в своем столичном жилище гостя, прибывающего со своей семьей из

соседнего королевства. О том, как и на какие средства будет восстановлен давно пустующий дом, а также о том, кто и на какие средства будет содержать гостей, в этом принудительном приглашении конечно же не говорилось. Зато отдельной строкой упоминалась дочь барона и его наследник, получивший право владения этим наследством до своего совершеннолетия. Именно их желали бы видеть в столице их величества.

Лично я сомневалась в том, что король вообще в курсе существования барона Шангри и его наследников. Оставалось надеяться, что все, что интересует написавшего приглашение именно нам, это товарищи Нари, пропавшие вместе с ним в один злополучный вечер. Но как же не вовремя пришло это приглашение! И самое главное, сделать вид, что мы его не получали, у нас никак не выйдет. Магия уже зафиксировала его получение. Придется собираться в дорогу. Огромное состояние в виде крупных драгоценных камней и старинных украшений мертвым грузом осело в моих тайниках. Никто из живущих в ближайшие сто лет не сможет ими воспользоваться. Я все же решила не рисковать и продать только камни, найденные нами в родовом особняке, и самые мелкие из взятых мною в тайнике трактирщика. Остатки же золота придется разделить пополам между нами и теми, кто останется в долине, а останутся почти все. Я решила, что в дорогу мы отправимся вчетвером: отец, я и два стражника, с которыми я училась работать совместно все это время. Ангел ввиду его «очень слабого здоровья» никуда не поедет. Барон Шангри очень боится потерять единственного наследника рода, а потому, я точно знаю, не рискнет брать его с собой в такое далекое и далеко не безопасное путешествие. Нанять же для охраны большой отряд наемников барону не позволит плачевное финансовое состояние, а уж обслуживание навязанных гостей и вовсе будет более чем скромным.

Ах, как же мало времени осталось у нас для решения всех навалившихся разом проблем! Первая — гардероб: мои платья, мои костюмы для ночных отлучек, костюмы для Нари и для охраны. Вторая — оружие: для отца и воинов оно давно готово, а вот мое — нет. Например, сюрикены и пояс для их ношения, и не один... Я собираюсь иметь их при себе всегда, как и веер с яварой. Вряд ли в этом мире кто-нибудь примет резную, больше похожую на украшение палочку за боевой кастет, а изящный веер — за боевое оружие или

щит. Мои вдовьи платья должны быть сшиты так, чтобы любое мое оружие казалось невзрачным и непритязательным украшением небогатой провинциальной вдовы.

Третья проблема самая острая на данный момент. Нам нужно проработать легенду нашей жизни так, чтобы никто не смог поймать нас на несоответствии или неточности. Как же хорошо, что отец сумел вспомнить, как и где он провел тридцать лет в рабстве, и как же нам повезло, что внешность его так сильно изменилась с тех пор. А самое главное, мы сами должны поверить в то, что будем рассказывать. Искренне поверить.

Четвертая проблема — Ветерок и его жеребая подруга. Кобылу придется оставить дома под присмотром конюхов, а моего упрямого красавца уговорить отправиться со мной.

Ну что, проблемы решены. Мы сумели восстановить в воспоминаниях барона не только место нашего якобы бывшего проживания, сгоревшую год назад маленькую деревушку, но и моего мужа, молодого наемника, действительно погибшего в стычке с разбойниками. Мы проговаривали вопросы и ответы, возможности потери памяти в отношении некоторых событий, варианты моего поведения и мои ответы. Чем дольше мы работали над нашим прошлым, тем яснее я понимала, что тяжелее всего придется именно мне. Всем остальным я помогу закрепить все, что мы придумали, а вот самой придется непросто, совсем непросто. Скрыть способности ведьмы и сильный магический дар я смогу, а вот скрыть характер и чувства... Выглядеть тихой, убитой горем и потерей мужа молодой женщиной, не поддаваться на провокации проверяющих нас людей, вот именно это, как я подозреваю, будет для меня самым сложным. Но я все сумею, все смогу, ведь меня дома будет ждать сын, Ангел.

В свое время в нашу долину перебрались семеро умелых воинов. Четверо из них были молоды и женаты, трое остальных жениться только собирались, хотя молодыми их назвать было сложно. Самый опытный из них, Амир, был назначен мною главой наших стражников. Именно он отвечал за дисциплину, тренировки, работу патрулей. Амир с особой неохотой отпускал нас в путь в сопровождении всего лишь двух охранников. И все же, по моему настоянию, в путь вместе с нами

отправлялись Нор и Ари. Они тренировались во взаимодействии со мной чаще всего, и только им я доверяла в бою безоглядно.

Вскоре этот день настал. Мы готовы тронуться в путь. Безразмерная магическая сумка собрана, а кроме верховых в дорогу мы берем еще четырех вьючных лошадей.

Позади слезы, прощание и дом, ставший родным. Впереди дорога, новые встречи и новые испытания.

ГЛАВА 39

Первые девять дней нашего путешествия мы проделали, как все благовоспитанные высокородные, а именно — присоединились к каравану, идущему в столицу. Мы даже миновали в его составе город-порт Влаил. На большее моего терпения не хватило, а все потому, что помимо нас в составе каравана путешествовали пять высокородных семей. Это, конечно, способствовало большей безопасности нашего отряда, так как у каждого высокородного семейства была своя дополнительная охрана, свои наемники и стража. Но именно их присутствие заставляло меня стискивать зубы от клокочущей в душе ярости. Мало того что караван был растянут на очень большое расстояние и двигался довольно медленно, хотя дневные переходы длились весь световой день и остановок в полдень никто не делал, так еще и куча манерных господ в придачу. Жаловались эти господа на все: на пыль, на невозможность искупаться, на грубую пищу, на душные кареты и даже на собственных слуг и лошадей. Все это сопровождалось огромным количеством требований.

Два спесивых барана, ну или барона, если точнее, умудрились даже дуэль устроить. А уж дамочки... Одна пуще другой, то служанок по лицу отхлещут, то мужчинам своим истерику устроят, то в волосы друг другу вцепятся. И все это — высокородные леди? А самое главное, вся эта свора с первого дня, как могла, показывала нам свое пренебрежение. Ну как же! Я, высокородная леди, — верхом, без кареты и без служанки в окружении мужчин! Фи! Стервозных баб не устраивало все: мое черное закрытое платье, сшитое, между тем, из очень дорогого материала и позволяющее мне путешествовать верхом, соблюдая все нормы приличия, густая вуаль, полностью закрывающая мое лицо. Отсутствие жалоб с моей стороны, нежелание знакомиться, мой великолепный жеребец, не подпускающий к себе никого из посторонних, а самое главное — стойкое нежелание сопровождающих меня мужчин присоединяться к кругу их обожателей и почитателей.

Огромное количество вооруженных людей спасало нас от разбойников, но растянувшийся караван ужасно замедлял наше передвижение. Нам, тем не менее, нужно было не просто прибыть в

столицу вовремя, а еще и успеть подготовить дом к приему гостей. Посовещавшись, мы решили рискнуть и отправиться в дорогу самостоятельно.

Ранним утром, когда караван еще только начинал выстраиваться для продолжения движения, все желающие смогли насладиться небывалым зрелищем. Четыре всадника и четыре вьючные лошади, ведомые в поводу, двинулись в путь, не дожидаясь попутчиков. Выносливые ладные лошадки под предводительством пепельного красавца-жеребца с видимым удовольствием уходили в отрыв, понукаемые своими хозяевами. Каждый, кто провожал нас взглядом, наверняка был уверен в том, что в ближайшее время где-то на обочине тракта ими будут обнаружены наши трупы. А вот мне впервые за эти дни удалось не только вздохнуть свободно, но и, откинув с лица вуаль, испытать удовольствие от стремительного бега моего Ветерка.

Скорость нашего путешествия увеличилась вдвое, а великолепная погода позволила нам избежать ночевки на постоялых дворах, и именно поэтому никаких разбойников мы не встретили. Они, видимо, просто не успевали узнать о нашем передвижении и появлении в том или ином месте. Мои магические силы позволяли нам оставаться незаметными во время ночевки у маленького костра, а потому за пятнадцать дней до начала праздника и за десять до приезда наших персональных гостей мы прибыли в столицу нашего королевства. Серьезность подготовки к наплыву гостей мы ощутили уже близ ворот города. Так тщательно нас еще нигде не осматривали и не обыскивали. Документы же, подтверждающие нашу личность, и пригласительную грамоту проверили трижды. А еще, не знаю как остальные, но я заметила, что желающих пройти в город выстраивали в три очереди: высокородные, торговцы и все остальные. Вот всех остальных проверяли чуть ли не до исподнего. Наемников пускали не всех, простой люд тоже, счастливики получали в руки пропуска с предписанием покинуть город в определенное время, всех же, хоть отдаленно похожих на нищих, разворачивали в обратную сторону. На улицах города гостей встречали усиленные патрули. Это, конечно, не помешало нам добраться до нашего дома, даже в какой-то мере помогло. По словам барона, улицы, по которым мы ехали, оказались почти безлюдными. Не видно было нищих, не сновали под копытами лошадей мальчишки, не шатались по улицам лоточники, дерущие

горло, расхваливая свой товар. Город будто замер в ожидании праздника, ну или почти замер.

Дом, принадлежащий барону Шангри, оказался маленьким особнячком, окруженным кованой оградой и десятком корявых деревьев. Широкая подъездная дорожка вела к потрескавшемуся крыльцу. Сам особняк казался потускневшим и обшарпанным памятником самому себе. Конюшня и покосившийся каретный сарай в глубине небольшого двора довершали картину запустения, представшую нашим глазам. Лично мне очень хотелось завить от безысходности. Все опять упиралось в деньги. Да, я сильный бытовик и очень многое могу, но, во-первых, все восстановить не удастся даже мне, а во-вторых, как мне воспользоваться своей силой и не привлечь к себе ненужного внимания, ведь считается, что в нашей группе нет магов!

Магический замок на воротах признал хозяина, и мы смогли попасть не только на территорию двора, но и в сам особняк. Дом, конечно, гостеприимно встретил нас, стоило только открыть входную дверь и сделать шаг вперед. Всколыхнулись легкие ажурные занавески и покрывала из паутины. Разбежались по углам и занялись неотложными делами мелкие грызуны. И с громким, без сомнения радостным грохотом рухнул к нашим ногам огромный портрет, висевший в холле. Величественный старик, изображенный на нем, наверняка в этот момент в гробу перевернулся. Нам пришлось сгрузить все привезенное с собой возле порога и приступить к обсуждению дел, выполнить которые мы могли сами, без привлечения наемных работников.

Всего лишь через полчаса наша развалюшка начала оживать. Для этого мне пришлось наполнить магические накопители, отвечающие за самовосстановление. Посоветовавшись, мы решили, что рассказ о привезенных с собой заранее купленных накопителях никого не удивит, а потому внутри дома и в дворовых постройках я вполне могу работать без оглядки. Мужчинам же пришлось срочно выйти в город. Нам нужны были продукты, постельное белье, две горничные, повар и поваренок ему в помощь, конюх, дворецкий. И, самое главное, нам нужен был маг. Маг из магистрата, где мы собирались не только отметить о своем прибытии, но и подать заявку на усиление охранного периметра вокруг нашего дома.

Нет, я, конечно, собиралась уже завтра начать искать богача, так сказать желающего разделить со мной свой капитал, но вот всем остальным, особенно любопытным чужакам, наше тяжелое финансовое положение должно быть понятно без объяснений. Именно поэтому постели застилались отнюдь не первосортным бельем, а купленные нами продукты и их ассортимент оставляли желать лучшего. Качественным были только восстановленные шторы, мебель и посуда на кухне, все остальное было невосвратно повреждено временем. Самое главное, не забыть очень доходчиво и наглядно сообщить об этом королевским наблюдателям, кои наверняка будут контролировать подготовку к приему гостей со стороны высородных. Думается, не у нас одних могут возникнуть такие затруднения, и способы решения этой проблемы казна короля должна будет изыскать самостоятельно. Нет? Так мы не против гостей! И не саботируем указы его королевского величества, но чего нет, того нет. Или нас хотят заставить влезть в долги к ростовщикам? Так обломаются! Я буду кормить гостей овсянкой на завтрак и супом на обед, а уж поужинать они смогут и во дворце на приеме. Ну или пусть покупают продукты, да и все остальное сами. Я лично не собираюсь содержать целый месяц два десятка человек за свой счет, и прислуга у нас тоже будет приходящая. Так что, гости дорогие, мы вас, конечно, ждем, но ухаживать за вами и выполнять ваши капризы будут только ваши люди, а никак не мои.

Это я, конечно, все хорошо придумала, вот только нанимать людей завтра придется самой. Всех более-менее приличных слуг наверняка уже наняли, потому что отправленные за ними мужчины так никого подобрать и не сумели. Да мне приличные не очень-то и нужны. Воровать в доме нечего, даже серебра нет, готовить разносолы не из чего, а кому косорукая прислуга не понравится, пусть сам нанимает. Значит, завтра с утра я иду на поиски людей, один охранник со мной, барон с другим охранником в магистрат, но вот поспать подольше я не откажусь и вряд ли буду теперь очень спешить. Нерешенным у нас остался самый сложный вопрос: что будем дарить имениннику?

ГЛАВА 40

Возничий нанятой мною кареты, к моему большому удовольствию, имел представление не только о том, как и где можно нанять проходящую прислугу, но и превосходно знал кто, за что и сколько. Созданные в столице так называемые работные дома по сути своей являлись конторами найма прислуги. Именно там регистрировали желающих получить работу, там же подыскивали прислугу высокородные или их управляющие. Владельцы этих домов несли ответственность за своих кандидатов, а потому слуги, нанятые в этих заведениях, оплачивались более щедро. Дешевую прислугу, а если точнее, тех, у кого не было рекомендаций, можно было нанять при помощи трактирщиков, управляющих постоялыми дворами, и, наконец, на рынке у столба объявлений. Любой нуждающийся в работе человек мог прийти туда и провести не один день в ожидании найма.

Мне очень не понравилась тетка, заправляющая делами в работном доме. Она разговаривала со мной приторным голоском, изгибалась в поклонах и реверансах, при этом ее нутро корежило от злости и ненависти. Эта угодливая леди делала все, чтобы заморочить мне голову. Ее речь обволакивала, успокаивала и притупляла внимание. Не была бы я ведьмой, впала бы в транс.

Эта мадам очень быстро подобрала нужных мне людей, вот только в договорах найма, которые она подсунула мне для подписи, стояли не те числа. Мне не нужны работники на весь оставшийся летний сезон и мне не нравится цена, которую я должна буду заплатить им за услуги. За такие деньги я этих работников себе в собственность приобрету. Вот интересно, а хозяева этого дома знают, что их управляющая ведьма? Пусть слабая, пусть необученная, но полная злобы и с чудовищно раздутым самомнением. Судя по мерцанию в ее глазах, она знает о своей силе и применяет ее, причем применяет, причиняя зло.

Прикосновение ее пальцев к моей руке хлестнуло, словно ожог. Моя задумчивость и нежелание ставить свою подпись на приготовленных ею бумагах подтолкнули ее к более решительным действиям, и она, видимо, решила на воздействие через прямой контакт. Вот только соприкосновение наших рук привело совсем не к

тому результату, которого она ожидала. Лично для меня время будто замерло, череда картин пронеслась перед моим взором. Из них я доподлинно узнала, чем именно занималась эта мразь в последние дни, а она занималась не только принуждением при заключении контрактов и подписании договоров, она пакостила и пакостила с удовольствием.

Молодую пару, нанимавшую при ее помощи няню, отметила меткой разлуки. Дородную, веселую, беременную хохотушку-купчиху, ищущую себе помощницу для ведения домашних дел, опоила зельем, и теперь той грозил выкидыш, а ребенок-то, по словам дамы, желанный и долгожданный. А еще парнишка! Стройный, кареглазый, с черными волнистыми локонами и ямочками на щеках, он пришел в этот дом вчера и оставил свои данные, пытаясь найти работу камердинера. Слабенький маг, но при этом отлично обученный бытовик, он был вправе рассчитывать на хорошее место. Вот только имел дерзость проигнорировать все усилия молодящейся ведьмы, не повелся на ее чары, не заметил усилия, прикладываемых к его соблазнению, и был проклят. Бесконечные болезни будут теперь преследовать его, уродуя лицо, забирая молодость...

Время возобновило свой бег. Отшатнулась в сторону ведьма, прикоснувшаяся ко мне. Ее-то, в отличие от меня, обожгло неслабо. Вон как рука покраснела и волдырями начала покрываться. О как вскочила, даже стул упал! Заметалась, зараза, по кабинету, но ни дверь, ни окна не открываются, потому как я не только ведьма, но сильный бытовик. Я неторопливо встаю, по-прежнему не откидывая вуали со своего лица, а она падает на колени, склоняя передо мной голову. Вот только не поможет ей это. Слова, идущие от души на чистом русском, я уже не могу, да и не хочу останавливать:

— Будь ты проклята! Пусть сгорит твой дар и ты вместе с ним! — И уже спокойное, невозмутимое объяснение для заинтересованной, так сказать, публики: — Ты играла со своими силами, принося горе невиновным, теперь они будут гореть внутри тебя, и ты вместе с ними, но умереть ты сможешь лишь тогда, когда исправишь содеянное тобой. Старая и дряхлая, будешь скитаться по свету в поисках потомков того, кто погиб по твоей вине, и будешь вымаливать прощение. Никому не расскажешь обо мне и не умрешь, пока не найдешь последнего. Отныне боль будет твоим постоянным спутником.

— Прости, высшая! — Эта гадина подползла к моим ногам и попыталась схватиться за край подола.

— Вон пошла! — Ведьму буквально снесло с моего пути, неслабо приложив об стену.

Через мгновение я уже покинула это место, стараясь успокоиться и прийти в себя. Теперь мой путь лежал на рынок. Связываться с работными домами мне больше не хотелось.

Рынок гудел, шумел, перекликался, и только возле столба объявлений было сравнительно тихо. Вокруг самого столба сидели, стояли или прохаживались около трех десятков человек разного пола и возраста. Сразу подходить к этим людям я не стала, а около получаса наблюдала за ними со стороны, сидя в карете. Все казалось одновременно простым и сложным. Как выяснилось, нужно было просто подойти и сказать, какими профессиональными навыками должен обладать человек, которого ты собираешься нанять, а затем выбрать из откликнувшихся того, кто подходит тебе. Сложности начинались сразу после этого. Не все откликнувшиеся на запрос действительно умели делать то, что обещали, а еще были среди жаждавших получить работу слишком активные и наглые особи. Разглядев особенности здешнего бомонда, я впервые порадовалась тому, что теперь всегда и везде таскаю за собой вооруженного охранника.

Горничных я выбрала очень быстро. Две скромно одетые и очень похожие друг на друга молодые женщины, назвавшиеся сестрами, Лией и Нией, согласились работать в моем доме тридцать дней за предложенную мною плату и последующие рекомендации. Пожилая женщина с внуком лет пятнадцати устроила меня как повариха и ее помощник, импозантный седой старик был нанят в качестве дворецкого, даже садовника нашла, и только конюха мне найти так и не удалось. На это место претендовали четыре человека, но ни один из них мне не понравился. Очень уж не хотелось мне подпускать к своим лошадам нерадивого или жестокого человека, а именно такими были эти претенденты. Но удача не оставила меня своим вниманием. Возница, катавший меня сегодня целый день по всему городу, открывая дверь кареты после остановки возле дома, сумел меня удивить. Дождавшись, пока я выйду, он стянул шапку с головы и, низко поклонившись, произнес:

— Госпожа баронесса! Меня Гур зовут. Не гневайтесь, выслушайте. Вы вот сегодня искали конюха и не нашли. Так, может, возьмете моего Ярика? Ему уже семнадцать весен. Он хорошо с лошадами управляет, и почистить может, и корма задаст, и все остальное, что скажете, сделает. Беда у нас, доченька давно болеет, много денег целители-то за лечение требуют. Ярика берут только мальчиком конюшенным, так это работа только за еду, а старшего, Владмира, граф с работы за порчу имущества прогнал. Графский сынок кобылу дорогую изуродовал, а сына моего наказали. Лежит теперь в горячке пятый день, а его господин еще и за порченную лошаду денег требует.

Вот это мужик выдал! Я уже и забыла, куда шла. Начала вопросы задавать.

— А еще дети у вас есть?

— Как не быть, есть. Еще одна доченька есть, Устя, только ей еще и годика нету. Жена у меня кружевницей знатной раньше была, а сейчас вот без работы осталась. За детьми ухаживать нужно. Нет, она, конечно, плетет кружева-то, по ночам уже почти не спит, да только их еще продать нужно.

— Старшему сыну сколько?

— Двадцать.

— Сколько граф за кобылу хочет?

— Пять золотых требует. Грозится дом в счет долга забрать и карету с лошадьми. У нас, кроме кареты, пары лошадок и маленького домика, больше и нет ничего. Заберет — по миру пойдем.

— Кобыла калечная где сейчас?

— Так на нашем подворье. Мы уже с Яриком с ног сбились, все помочь ей пытаемся, да только без толку. Раны плохо зарастают. Шрамы грубые останутся, да и на переднюю правую она так и не наступает.

— К старшему целителя приглашали?

— Нет, госпожа. Сами ухаживаем.

— Та-а-ак! Завтра с утра пусть младший приходит. Посмотрю, как он лошадок обиходит, и если мне понравится, как он работает, возьму конюхом, нет — другую работу найду. И пусть кружева, что мать сплела, с собой принесет. Я куплю.

— Все приносить?

— Все. И еще... Покатай-ка меня еще по городу и мимо своего дома не забудь проехать. Хочу знать, где ты живешь. Будет время, гляну, чем вас судьба наградила.

Конечно, заинтересовала меня не только кобыла, но все остальные болезные, но посещать эту семью открыто я не хотела, потому что еще утром заметила парочку наблюдателей, присматривающих за нашим домом. Один из них потом весь день как привязанный следовал за мной, а вот второй наверняка таскался следом за бароном. Кому-то мы очень интересны, а зачем людей еще больше беспокоить? Вот и я думаю, что незачем... Пусть хоть ночью отдохнут. Как там мой родной папка говорил: «Меньше знаешь — крепче спишь». Вот и наблюдатели, они тоже люди и тоже спать хотят.

Главное, чтобы Гур не остановился возле своего дома, а просто в стенку кареты стукнул.

ГЛАВА 41

Досыта накатавшись в карете, я наконец-то вернулась домой и, конечно, не могла не обратить внимания на солидного пожилого господина, размахивающего руками возле наших ворот. Благоговение, написанное на лице стоящего рядом с ним барона Шангри, и осмотр магической сети вблизи помогли мне понять, что происходит. Возле нашего дома работал маг. Судя по всему, уже сегодня ночью наш охранный контур будет работать как положено, что, конечно, не помешает мне покинуть дом, не привлекая ничьего, даже самого настырного внимания.

Ночь опустилась на город, успокаивая торопливых, давая возможность отдохнуть уставшим. Сонная тишина окутала и наш особняк. Дремали в стойлах накормленные и обихоженные лошади, спали уставшие за день мужчины, полностью доверившись магической охране, и только у меня были еще дела. Переодевшись в мужскую одежду, сшитую специально для ночных вылазок и очень напоминающую костюм воина-ниндзя, я совсем уже было собралась выскользнуть из дома. Но тут мысль, мелькнувшая в моей голове, словно неуловимая тень, заставила меня остановиться. Куда я иду? Собираюсь навестить семейство Гура. И в каком виде я перед ними предстану? Да-а... Пришлось срочно переодеваться в платье, брать с собой сумочку с лекарственными настоями и эликсирами и только тогда, пользуясь обликом рыси, пускаться в путь. Покидая дом, я старалась двигаться поначалу как можно ближе к стенам дома, затем к ораде, а в городе выбирать более темные участки пути.

Моя интуиция буквально надрывалась, вопя об опасности, поджидающей меня, а я злилась, потому что не могла определить, откуда она исходит. Чего мне стоит опасаться? И только пройдя почти половину пути, я поняла, в чем дело. На одной улице мой путь пересекся с неторопливым движением стражников, патрулирующих улицы, и мне пришлось на какое-то время затаиться в кроне раскидистого дерева. Мне совершенно не хотелось привлечь их внимание к своей персоне, и я терпеливо дожидалась, когда они удалятся как можно дальше. Задержка в пути и случайный переход на

магическое зрение именно в этот момент помогли мне найти причину моей тревоги.

Этой ночью я заметила то, на что не обратила внимания днем. Весь город был накрыт магической сетью, и в каждом переплетении нитей сверкала магическая капелька. Одна из них находилась в непосредственной близости от меня. Напрягая все свои возможности, я попыталась понять их назначение. Время шло. Разгадка не приходила, а ведь я чувствовала, что нельзя двигаться дальше, не поняв назначения магической паутины, опутавшей город. Наверняка еще очень долго я ломала бы голову над этим явлением, если бы не вспомнила родной мир и опутывающие его провода, а вместе с ними и камеры наблюдения. Магические записывающие кристаллы, вот чем были эти сверкающие капельки. Хороший ход, позволяющий хозяину этой паутины увидеть в записи любое происшествие и помочь в опознании и поиске нужных людей. Лично меня эта сеть заставит быть вдвойне осторожной. То, что картинка, полученные с этих камней, попадут в руки знающего человека спустя как минимум сутки, будет играть в мою пользу.

Продолжая свой путь, я внимательно отслеживала расположение этих кристаллов, стараясь сливаться с темнотой и следя за тем, чтобы даже моя тень ни в коем случае не мелькала в свете уличных фонарей.

К дому Гура я попала ближе к полуночи. Ни одного магического кристалла вблизи его дома не было, и уже одно это порадовало меня, ибо ничего хорошего от посещения его семьи я не ждала. Маленький крепкий дом, примыкавшая к нему конюшня с каретным сараем и маленький палисадник перед крыльцом — вот и все имущество, принадлежавшее этой семье. И всего три окошка, два из которых освещены тусклыми огоньками. Мой тихий стук в доме услышали сразу. Дверь тихонько скрипнула, и вот уже передо мной стоит сам Гур с вытянутым удивленным лицом, уставшими глазами, ссутуленными плечами и дрожащими руками.

— Госпожа, вы? Так поздно? — Низкий поклон.

— Я. Не думал же ты, что я приду навестить тебя при свете дня? Мне не нужны разговоры вокруг моей персоны.

— Вы хотите глянуть на кобылу?

— Я хочу глянуть на твоих детей. Ну и на кобылку погляжу. Жена спит?

— Нет. Сидит возле детей, работает.

— Плохо. Не хотела я, чтобы она меня видела. Ну да ладно, веди. Как дети? Старший в себя не приходил?

— Проходите сюда, госпожа. Мари совсем плоха, да и сын... — Он махнул рукой.

Входная дверь, куда меня пригласили войти, открывалась в помещение, совместившее в себе кухню, прихожую и спальню, потому как с одной стороны были закреплены вешалки для одежды, у другой ютилась маленькая печь, стол и пара навесных шкафчиков для посуды, у третьей стояли широкие лавки. Сейчас они были сдвинуты и служили кроватью для больного парня. Тяжелый запах болезни говорил о том, что уложили на эту своеобразную постель Владимира. Две узкие двери напротив его ложа вели, по всей видимости, в спальни. Гадать о том, что там находится за ними на самом деле, я не стала, как не стала ждать приглашения от растерявшегося и до сих пор так и не пришедшего в себя от моего визита Гура. Посмотрела сама. Все было еще хуже, чем я себе представляла. Эти помещения были больше похожи на каморки, а не на спальни, хотя в одной из них стояла супружеская кровать и кроватка для маленького ребенка, а во второй помещалась только двухъярусная кровать, стул и небольшая тумбочка, на которой горел огонек магического светильника. На стуле сидела женщина, поднявшая голову на скрип двери. Ее руки были заняты рукоделием, и на нее было больно глядеть. Столько горя и безысходности было в ее глазах и поникшей фигуре. На верхнем ярусе полатей спал взрослый парнишка, а вот внизу... Внизу лежала девочка лет восьми, и я, даже не входя в комнату, услышала тяжелое, хриплое дыхание, с огромным трудом вырывающееся из ее горла.

— Варя, нас навестила госпожа баронесса, я рассказывал тебе про нее сегодня. Она обещала взять на работу нашего Ярика.

С явным недоумением, очень ясно отразившимся на ее лице, женщина поднялась со своего места и, низко поклонившись, тихонько проговорила:

— Мы бесконечно благодарны вам за помощь, госпожа.

— Не за что еще благодарить, — ответила я ей и приказала: — Выйдите из комнаты и принесите еще одну лампу! Мне нужен свет.

Люди, возрастом старше меня, кинулись выполнять мой приказ. Я поймала себя на том, что привыкла уже к своему статусу, к тому, что

имею право приказывать и принимаю как должное их подчинение. Долго раздумывать над этим мне не пришлось. От второго светильника в комнате стало намного светлее, и я, откинув с лица вуаль, склонилась над ребенком. Да, почти полное истощение организма, и дело не в высокой температуре и вообще не в болезни. Однажды я уже видела такое безобразие, и, как в тот раз, дело было в магическом паразите, живущем за счет ребенка, но было и отличие. Этот паразит не погибнет вместе с этим ребенком, он переползет на другого, и, если его не убрать, семья обречена. Вот только убирать эту дрянь на глазах у этой пары, а также проснувшегося, но старательно делавшего вид, что спит, Ярика мне нельзя. Представляю, как напуган сейчас парнишка. Просыпается, а над его сестренкой склонилась богатая госпожа, вся в черном, бледная, с седыми прядями в волосах, еще и бормочет себе под нос что-то. Ну, не будем время тянуть. Ночь она не резиновая.

— Ярик, спускайся вниз! Я слышу, ты проснулся. Варя, несите кружку горячей воды и ложку. Гур, большую чашку с теплой водой и полотенца. Ярик, ищи чистую нательную рубашку для девочки. Дверь закройте и, пока не позову, не входите.

Парень соскользнул со своего тюфяка и умчался выполнять распоряжение. Следом за ним ушли и родители девочки, прикрыв за собой дверь. А я занялась тем, что теперь умела делать. Это тогда, когда я столкнулась с этим в первый раз, сильно нервничала и боялась навредить, так как не знала ничего, делала все на ощупь, опираясь лишь на интуицию и огромное желание помочь. Теперь я точно знала, что и как.

Магическая гадость упорно сопротивлялась, буквально опутав ребенка, и я не стала ее выдирать, полагаясь на свою силу. Мне нужно было не просто уничтожить ее, нужно было сохранить при этом жизнь девочки. Магический манок был просто идеален для этого дела. Еще до болезни у девочки, видимо, был самый сильный в семье магический резерв, и поэтому именно ее паразит выбрал первой жертвой, опустошая и обессиливая. Забирая у нее не только магические силы, но и жизнь. Яркий магический огонек большого объема не мог не заинтересовать эту гадость, и, почувствовав рядом с телом умирающего ребенка сильный источник, она забеспокоилась, начала стремительно скручиваться в тугий черный комок и уже через десять

минут была готова к новому пиршеству. Мгновенный рывок — и вот уже в руках у меня крепко закупоренный флакон, в котором заперт магический огонек и обвивающая его чернильная клякса. Уничтожить эту дрянь я смогу и позже. Сейчас девочка... А малышка задышала — глубоко, свободно. Значит, будет жить. Я успела вовремя.

— Заходите! Варя, идите сюда. Давайте воду. Смотрите: вот этот флакончик я оставлю вам. Вы будете добавлять по три капли на кружку травяного отвара и поить вашу красавицу три раза в день, пока он не закончится. Первый раз напоите прямо сейчас. Очень осторожно, с ложки. Она пока еще без сознания, но ей уже лучше и глотать она может. Завтра утром ребенок придет в себя, но ее организм разучился принимать пищу, поэтому первые три дня давайте бульоны, потом супчики и каши. И поднимайте ее сначала посидеть, потом помогайте ходить и с каждым днем все больше и больше. Напоите ее, оботрите мокрыми теплыми полотенцами, затем оденьте в сухое, как вспотеет, все повторите еще раз. Будете делать, как я сказала, поправится ваша малышка. Про меня никому, ни соседям, ни родственникам ничего не говорите. Будут спрашивать, кто лечил, — рассказывайте о последнем целителе, который к вам приходил. Ярик, тебе понятно? Не болтай. Появление священнослужителей и Серых соглядатаев вашей семье ни к чему. Теперь Владимир. Гур, иди со мной. Ярик, матери помощи.

Молодой и сильный тренированный организм изо всех сил сопротивлялся, стараясь побороть болезнь, но его силы подходили к концу. Причину беспамятства парня я поняла, еще стоя на пороге их дома. Рассеченная ударами кнута спина парня после правильного ухода даже не гноилась, но и заживать не спешила. Еле заметный для людей и буквально бьющий мне в нос запах рассказал мне об отравлении. Парня не просто выпороли, его выпороли кнутом, вымоченным в растворе ядовитой травы. Вот только количества яда, попавшего в его кровь, было недостаточно для немедленной смерти. Да, кто-то из окружения графа, если не он сам, очень любит поиграть со смертью. Но пока еще то, что случилось с Владимиром, поправимо.

— Гур, неси еще воды теплой и чистые тряпки. Смотри, вот из этого флакона десять капель на бокал воды капаешь и поишь его утром и вечером. Сейчас я из этого же флакона разведу в чаше раствор и компресс наложу на спину. Уберешь через два часа. Отравили парня.

Компресс выведет яд из ран, питье — из организма. С утра будете обрабатывать спину, как и раньше делали. Понятно? Не забывайте поить из флакона, что я дала. Пару дней поите, и ему полегчает. Тогда можно будет прекратить. Организм у него молодой, справится. Пусть как можно больше пьет. Вот такие дела, Гур. Пошли теперь кобылку глянем.

Ах, какую прекрасную золотистую красавицу увидела я в простой тесной конюшне! Вот только большие карие глаза этого чуда были подернуты дымкой боли, а спина и круп исполосованы не желающими заживать ранами. Лечение пришлось повторить. Израненная красотка не только с охотой выпила предложенное ей питье, но и как хорошая, воспитанная девочка позволила мне осмотреть ее спину и ногу, на которую она не наступала. С ногой все оказалось в полном порядке. Небольшая припухлость, вызванная, скорее всего, сильным ударом, после компрессов уже почти прошла и хитрая просто берегла ножку, не желая, видимо, никуда идти.

— Гур, с ногой у нашей красотки все хорошо, похрамает немножко, и все. Она больше хитрит и бережет ногу, нежели та у нее действительно болит, а вот спина... Тут в раны, как и у твоего сына, яд попал, но лошадь крупнее человека, и ей легче, чем твоему сыну. Компресс сегодня сам сделай, а завтра утром накроешь ей спину чистым полотном и, пока улицы пустые, приведете ее с Яриком ко мне во двор. Если меня не будет, скажите охраннику, что лошадь я купила и сына твоего на работу взяла, вас пропустят. Долечивать эту барышню я сама буду, а ты возьмешь вот эти шесть золотых и пойдешь завтра к графу. Тебе нужно обязательно встретить его во дворе, в окружении как можно большего числа народу. Упади графу в ноги и проси о снисхождении. Заставь его прилюдно назвать сумму твоего долга, а потом, низко кланяясь и заливаясь слезами, вручи ему названную сумму, признавшись при этом, что деньги взяты в долг под залог вашего имущества. Он должен признать при всех, что долг оплачен, и понять, что взять с вас больше нечего. Ты понял, Гур?

— Госпожа, а как же я вам смогу долг-то отдать?

— Какой долг? Я у тебя покупаю эту кобылу. Граф если спросит, скажешь, за сотню серебряных в счет долга записали и забрали, а то он

и деньги заберет и лошадь, если узнает, что ее вылечить можно. Так что уже с утра она должна стоять в моей конюшне.

Слезы потекли из глаз мужчины, и он как подкошенный рухнул передо мной на колени.

— Госпожа! Я до конца жизни буду молить богов за вас! Наша семья в неоплатном долгу пред вами. Если будет нужно, я жизнь за вас отдам... — Что уж он там еще хотел сказать, я не стала слушать.

— Я буду помнить твои обещания, Гур, — перебила его излияния. — Пусть отныне боги благоволят твоей семье. На семье вашей проклятие тяжелое было, и первой жертвой стала твоя дочь. Теперь его нет, но тот, кто его наложил, наверняка еще жив. Смотрите вокруг себя повнимательнее. Живите не напоказ, а еще лучше смените окружение, по возможности, конечно.

Совершенно неожиданно для меня Гур, видимо, сообразил, о ком идет речь и кто виноват.

— Два года назад к нам на постоянное жительство переехала мать моей Вари. Да не сладилось у нас ней. Не по нраву я ей пришелся и дети мои тоже, сыновья-то у меня от первой жены. Хотела она Варю с дочками с собой забрать, да вот только отказалась она с матерью в село возвращаться. Уезжая, сказала она нам, что ноги ее не будет на нашем дворе больше, да и проживет она всяко дольше нашего.

— Да-а... Таких родственников привечать не стоит, а что не собирается к вам возвращаться, так это к лучшему. Вы, самое главное, никаких весточек ей не посылайте, вам же спокойнее будет. Все! Прекрати поклоны бить и подол мой отпусти, пыльный он и грязный, нечего его лобзать. Пошла я. Ночь-то уже к концу подходит, а я еще и не ложились. До встречи, Гур.

— Я провожу!

— Ты лучше за лошадью присмотри и сыну компрессними да отваром его напои. Иди, иди, не оглядывайся. А я как пришла, так и уйду. Не нужны мне провожатые.

Домой? Нет, не домой. В храм. Рассвет я встретила стоя на коленях в главном храме столицы, от души благодаря богов за помощь.

Безропотно выполнивший распоряжение баронессы, Гур спохватился, когда дверь за ней уже закрылась. Выскочил на крыльцо, а затем и на улицу, но встретила его только тишина и тихое поскрипывание покосившейся калитки. Рано утром в семье был общий

переполох. Пришли в себя и практически одновременно попросили пить лежащие раньше без памяти дети. Так темной ночью вместе с черной вдовой в их дом вошла надежда, и впервые за последние два года они с радостью встретили новый день.

ГЛАВА 42

Я наняла карету возле храма и оказалась дома очень быстро, но это не спасло меня от заслуженной взбучки. Взбешенные моим отсутствием мужчины не стеснялись в выражениях. Нет, они не сомневались в моем умении постоять за себя, но я женщина, и, как оказалось, именно моя принадлежность к слабому полу не дает мне никакого права на самостоятельность. Мне долго и настойчиво перечисляли все совершенные мною прегрешения, как то: ушла, никого не предупредив, никому не сказала, куда направляюсь, не взяла с собой охранника, купила полудохлую лошадь за огромные деньги, наняла конюхом мальчишку и прочее и прочее...

Дала разгневанным мужчинам выговориться и только тогда, когда они начали повторяться, прервала их излишние, пообещав исправиться, напомнив при этом, что это не я подчиняюсь им, а они мне. После этого настал их черед извиняться, поскольку не пристало таким сильным и уверенным в своих силах мужчинам кричать на маленькую девушку. Я ведь и обидеться могу.

Из возмущенных реплик встретивших меня я поняла, что золотая кобылка уже стоит в конюшне, а Ярик приступил к исполнению своих обязанностей. Вот их-то я и поспешила проведать в первую очередь. Картина, увиденная мной в конюшне, несказанно обрадовала. Изящная и, несмотря на раны, по-прежнему прекрасная Урия уже не выказывала обиды и не демонстрировала больную ногу. Стояла вполне устойчиво, благосклонно приняла от меня в качестве угощения большое зеленое яблоко и доверчиво позволила потрепать ее за холку. Словно солнышко засветился Ярик и, пока мы с ним обрабатывали раны лошади, успел подробно поведать о том, какой переполох случился в их доме рано утром, как счастлива мама, какие блестящие глазки у Мари, а жара у Владимира нет совсем. Парнишка буквально летал по конюшне, одаривая любовью и лаской тянущихся к нему лошадей, и даже мой привереда Ветерок снизошел до него, позволил огладить себя и вычистить. Поведал мне парнишка и о том, какую сцену устроил мой жеребец, стоило ему только увидеть новенькую. Бил копытами в

перегородку и бесновался до тех пор, пока глупые люди не догадались поставить больную девочку рядом с ним, в соседнее стойло.

Новости — и все хорошие, — рассказанные искрящимся от радости Яриком, подняли мне настроение и дали надежду, что нам удастся покинуть столицу после окончания праздников без потерь и огорчений. Вот только мое огромное желание лечь спать оказалось невыполнимым. Пришли нанятые мною работники, и мне пришлось составлять договоры найма, показывать дом, распределять обязанности, отдавать распоряжения. И поэтому отправиться отдохнуть я смогла только после простого, но очень вкусного и сытного обеда.

Следующие три дня я покидала дом только по ночам, удивляя всех долгим утренним сном, длившимся зачастую до самого полудня. Что я делала ночью? Знакомилась с городом и его жителями. И как же мешала этому накинутая на город магическая сеть, а ведь времени у меня оставалось все меньше и меньше. Мы ждали появления гостей уже через пару дней. У меня оставалось всего две ночи, относительно безопасные ночи, ведь потом я не смогу совершать свои ночные вылазки так безоглядно. Скоро в доме появятся посторонние люди, и среди них высокородная семейка, привыкшая вести ночной образ жизни, возвращаясь с балов и приемов после полуночи или даже под утро.

Я должна успеть. Тем более я наконец-то научилась ускользать от внимания записывающих кристаллов. В этом мне очень помог облик анаконды. Вот кого уж точно очень трудно заметить, так это змею, скользящую в полной темноте вдоль стен домов. За несколько ночей я узнала город не только лучше его коренных горожан, но и лучше тех, кто успешно прятался в сخرонах от ищеек Серого герцога. Пять целей, пять тайников, обнаруженных мною, притягивали меня словно магнит, они, будто яркие маячки, мерцали в магическом поле города, и я собиралась проверить их содержимое.

Два из них, как я выяснила, принадлежали людям, пытающимся удержать теневую власть в столице и постепенно проигрывающим Серому герцогу, а вот остальные три... Они принадлежали богатеям этого города. Нет, я не собиралась наведываться в казну его величества, хотя она светилась ничуть не менее ярко, но вот казну его казначея мне хотелось пересчитать. Тряхнуть толстый кошелек высокородной куртизанки, активно и качественно подчищающей

закрома своих любовников и в данный момент являющейся фавориткой герцога Эверли, мне прямо боги велят. Ну или демоны. Третьим в этой очереди, но не последним по количеству ожидаемой прибыли, я поставила монастырь. Да-да, именно монастырь Белых братьев. О, это чудесное место! Удивительно мощный, огромный замок, выстроенный из белого камня, с высокими неприступными стенами. Он высится на берегу узкой, но глубокой реки, пересекающей столицу с севера на юг. Нет, он не занимает центр столицы, но именно его я сначала приняла за королевский дворец. Обитель братьев принимает на воспитание в свои стены отпрысков высоких родов, в основном незаконнорожденных, и становится для них домом — последним домом, ибо больше они оттуда не выходят. Любящие родители платят огромные деньги за приличное содержание этих мальчишек. Вот только холодные кельи не могут похвастаться богатым убранством, а пища — обилием и разнообразием. И что я так и не смогла понять, так это зачем высокородные платят такие огромные деньги в ущерб своему состоянию и остальным членам семьи, обрекая ненужного ребенка или на медленную смерть в каменном мешке, или на бесправное служение высшим братьям. Неужели возможность содержания неугодного отпрыска в этой обители придает им какой-то статус и выставляет в выгодном свете такую «заботу»?

Единственное, что мне понравилось в этом монастыре, так это отсутствие артефактов для записи происходящего, и это хорошо, вот только навещать братьев придется в ночь перед отъездом из столицы. Разворошив их гнездо, уходить придется не просто быстро, а очень быстро и по возможности не привлекая к себе внимания. Но я хочу туда попасть еще раз. Почему-то очень хочу!

Мы не зря приехали в столицу. Богатый город. Богатые люди. А что касается неудобств от визита гостей и обязательных мероприятий... Так неудобства и потерпеть можно. Вот, например, две последние, удивительно плодотворные ночи меня несказанно порадовали. Если остальные мои задумки будут выполнены так же успешно, я наконец-то смогу со спокойной душой заняться тем, что мне интересно, — своей лабораторией.

Я навестила две цели из пяти... Подчищая тайники людей, считающих себя теневыми хозяевами города, но в последнее время

уже не являющихся таковыми, я была более чем осторожна и потому сумела обойти как магические охранные заклинания, так и механические ловушки. Магия меня не видит и не чувствует, а вот все остальные препятствия отняли у меня очень много времени, и в этом мне, как ни странно, помогла магическая сеть, брошенная на город. Привыкнув постоянно контролировать местонахождение ее кристаллов магическим зрением, я, направляясь в подземный город, по уже устоявшейся привычке продолжала пользоваться им. И внезапно поняла, что вижу не только магические плетения и активные артефакты, но и места, к которым прикасались люди, проходящие передо мной.

Подземный город. Что это? Это маленькое королевство, растущее и развивающееся под ногами благонадежных жителей столицы: подземные склады, убежища, помещения для проживания людей и великолепные апартаменты главарей. Я очень сомневаюсь в том, что хозяева особняков, трактиров и простых домов знают о наличии у своих домов подвалов и связанных с ними подземных ходов и вряд ли догадываются о постоянном использовании их предприимчивыми преступниками. Нет, обычными подвалами пользовались все, а вот о том, что у каждого строения в этом городе есть скрытые от владельцев помещения, знали единицы. Кто изначально стоял за созданием этого грандиозного подземного комплекса? Кто в свое время контролировал и тщательно соблюдал секретность его создания? Для чего он был создан? Грандиозная задумка. Великолепное исполнение.

Узнала я о подземном городе совершенно случайно. Просто проследила за курьером, собирающим дань с трактирщиков. Не была бы в облике рыси, потерялась бы. Только великолепное обоняние и умение двигаться совершенно бесшумно спасли меня в тот раз. Я увидела и узнала слишком много, потому что смогла не только пройти до конца цепочки, но и выйти незамеченной обратно, используя оба своих животных облика. И все же углубляться в хитросплетения подземных ходов я побоялась. Туда и люди Серого герцога наверняка не рискуют соваться, куда уж мне! Для выполнения задуманного мне хватило знания всего лишь нескольких тропок.

В тот день я подчистила тайники двух людей: одного большого босса и одного маленького, причем тайник человека, изображавшего промежуточное звено в цепочке, ведущей к главарю, порадовал меня

намного больше. В отличие от своего большого хозяина он предпочитал хранить в загашнике золото и больше полагался на магию. А вот большой босс был любителем камешков и меня разочаровал. В этот раз я смогла выполнить данное себе обещание и не притронулась ни к украшениям, ни к драгоценным камням. Беспольный и совершенно непригодный для реализации товар был мне без надобности. Золото и только золото интересовало меня сейчас, и потому именно его я выгребла все до последней монетки.

Вернулась я в тот день домой с первыми лучами солнца, на пределе своих возможностей. Так сильно я еще никогда не уставала. Неимоверное напряжение магических и физических сил буквально подкосило меня. Найти нужное было легче, чем взять нужное и уйти, не оставляя за собой следов и картинок на записывающих артефактах. И все-таки собственноручно приготовленное зелье, долгий отдых и, конечно, убранные в тайники золото помогли мне встретить следующие утро с улыбкой на лице. Вот только утро, так поразившее меня сначала, закончилось скандалом.

Сначала меня порадовал сытный завтрак и расторопные горничные, потом великолепные кружева Вари и рассказ Ярика о том, что его отцу удалось в точности выполнить задуманное мною и теперь его семья не имеет долгов. Его рассказ о сестренке и выздоравливающем брате принес мне дополнительное удовлетворение, а вот появление на моем пороге долгожданных гостей — все остальное, не столь радостное.

ГЛАВА 43

Натужно пыхтящий и зло поджимающий губы граф Андри Урвалон протиснулся в дверь кареты и застыл, оглядывая в первую очередь наш дом и только после этого нас с отцом, стоящих у подножия мраморного крыльца. Маленький тучный человек в ярко-красном камзоле, украшенном кружевами и золотой вышивкой, стоял перед нами и гневно тряс своими налитыми щечками, притопывая при этом блестящими туфлями. Судя по всему, он никак не мог разродиться гневной речью, просто переполнявшей его. При этом он еще и умудрился встать настолько плотно к дверце кареты, что попросту перекрыл выход из нее своей жене и дочери, выглядывающим из-за его плеча. Стражники же, сопровождающие две кареты, вкатившиеся к нам во двор десять минут назад, уже всю обшаривали наши владения в поисках несуществующих угроз и опасностей. Из второй же кареты в этот момент, как горох из стручка, уже посыпались люди, а возле первой все еще топтался граф.

Не дождавшись появления леди, мой отец решил все-таки приветствовать гостей.

— Разрешите представиться. Я барон Нарн Шангри. Рядом со мной моя дочь, баронесса Миира Шангри. Мы рады приветствовать гостей и просим оказать нам честь и принять наше гостеприимство, поселившись в нашем доме на время визита в столицу нашего королевства.

Вот тут нашего очень дорогого гостя наконец-то прорвало:

— Что это? Что это, я спрашиваю? Почему я должен жить тут? Вы не смеете принимать мою семью в этой лачуге! Я буду жаловаться! Вашик, не разгружайте наши вещи! Мы проведем в этом так называемом доме лишь одну ночь. Уже завтра нам предоставят нормальные апартаменты во дворце.

Он наконец-то сдвинулся с места, и две прекрасные пассажирки сумели покинуть карету, опираясь на руку, по всей видимости, Вашика, которого призвал пред свои очи хозяин. Жена и дочь были на голову выше графа. Нежные, воздушные создания могли бы претендовать на звание несравненного чуда, если бы надменные

перекошенные лица не портили картину. Голубоглазые блондинки с искусно уложенными прическами, алыми губами, в шикарных платьях, подчеркивающих их хрупкую красоту, они всем своим видом поддерживали гнев графа, не удостоив нас даже простым наклоном головы в качестве приветствия. Мой же поклон был принят ими как должное. И вот тогда я со злорадством подумала: «Это вы еще в дом не заходили и комнаты свои не видели».

Наши охранники делили небольшую комнату на двоих, а вот всем тем, кого эта семейка привезла с собой, мы смогли выделить лишь четыре комнаты, две из них хозяевам и две — слугам. Восемь двухъярусных кроватей, сделанных по моему настоянию, — это все, что мы смогли предложить слугам и охране. А что? Пусть спят по очереди. Я не собираюсь уступать им свою комнату. Две комнаты высокородной семейке — это роскошь, по-моему. В ближайшие дни столица будет буквально переполнена желающими найти жилье, и если бы не приказ о принятии гостей, мы могли бы хорошо заработать. А так одни убытки. Одну комнату — графу, одну — дочери, а мама пусть присоединяется к кому-то из них. Надеюсь, они привезли с собой предметы, необходимые им для комфортной жизни. Все, что мы смогли предоставить гостям, это кое-что из мебели, лишь самое необходимое, и никаких тебе покрывал, балдахин, ковров, полотенец, салфеток, серебряных приборов и фарфора.

Ну что? Вдох, выдох и...

— Прошу вас, проходите. Разрешите показать комнаты, которые мы приготовили для вас.

День был долгим и шумным. От нашего обеда гости отказались, а ужинать ездили в дорогую ресторацию. Как оказалось, мы буквально унизили гостей короля скудной обстановкой, простотой предложенных блюд, безобразной посудой и столовыми приборами, а также непониманием оказанной нам чести, ибо возможность принять на своей территории таких гостей, как они, выпадает не часто. Все это нам подробно растолковали, разжевали и попытались заставить проглотить и переварить. Не получилось. Мой разгневанный не менее, чем гости, отец сумел сдержать свой гнев и не начал орать в ответ на оскорбления, но зато вполне достоверно сумел изобразить недалекого провинциала, очень расстроенного и желающего угодить, но по

причине скудости ума не представляющего, как он может это сделать без гроша в кармане. Причем отсутствие нужных для удовлетворения всех возникающих у гостей желаний средств подчеркивалось нами обоими с навязчивым постоянством.

Следующее утро мы все без исключения встретили в отвратительном настроении. После несостоявшегося завтрака сквернословивший как портовый грузчик граф отбыл искать ответственных за безобразное положение, в котором оказалась его семья. Графиня истерила, требуя свежавыжатый сок. Утонченная невинная красавица-девица била по щекам свою камеристку за неподобающее обращение с ее великолепными волосами. Мы же с бароном и нашими двумя охранниками уехали из дома, занявшись наконец-то поиском достойного подарка для его высочества принца. Прислуга, оставшаяся дома на хозяйстве, получила приказ о выборочном выполнении желаний гостей. Для чего-то затратного и трудоемкого у скандальной семейки имелись свои работники.

ГЛАВА 44

Герцог Эверли не спал уже вторые сутки. Гости начали прибывать в столицу раньше, чем планировалось. Проблемы росли как снежный ком, а ведь самые именитые были еще в пути, но уже сейчас устанавливались дружеские связи, заключались договоры и помолвки.

И все же признанные красавицы и их семьи стремились как можно раньше попасть во дворец. Знакомство с королевской семьей, а еще лучше с самим виновником торжества, являлось главной целью для всех. Вот только попасть в королевский дворец ни у кого из них не получалось. Великолепные королевские сады, парк скульптур и даже радужные фонтаны, все это было открыто для посещения высокородных, но во внутренние, личные сады и покои правящей семьи попасть можно было только с разрешения Серого герцога или по приглашению короля. Жесточайший контроль за каждым имеющим это разрешение был установлен Натаниэлем несколько дней назад, ибо подтвердились данные о готовящемся покушении на его величество короля Валиена.

Тревожное сообщение было получено от рядового сотрудника, работающего под личиной среди святых братьев. Пожилой, но хорошо тренированный и опытный, он выходил на связь в очень редких случаях. И это встревожившее всех сообщение было последним в его жизни. Он сумел передать его за несколько минут до своей смерти. Естественной смерти? Святоши похоронили его с почестями и молитвами. Эверли оставалось только гадать о настоящей причине его гибели. Потребовать от святой братии отчета о его смерти или выдачи его тела он не мог. И не только потому, что не хотел признать за своим ведомством внедрение в их ряды своих людей, а потому что до сих пор не имел права этого требовать.

Священники по-прежнему оставались одной из главенствующих сил в королевстве и до сих пор изо всех сил сопротивлялись происходящим переменам. Невзирая ни на что, продолжали поиски и уничтожение ведьм, собирали в своих сокровищницах огромное количество золота и распоряжались им по своему усмотрению. А еще совсем недавно на всей территории королевства монастыри, святые

источники, храмы принялись возводить новые стены и укреплять старые. Теперь вот еще и это. Дополнительное расследование, начатое сразу же, позволило брату короля утвердиться в своих подозрениях. Святоши готовились к открытому противостоянию, и началом ему должно было послужить убийство короля или его наследника. Заговор зрел давно, и во главе его стояли очень умные и осторожные люди, а потому Натаниэль только сейчас смог ухватиться за его краешек и потянуть за ниточку клубка.

Все ниточки, попадающие в его руки ранее, обрывались, не успев окрепнуть. Заговор был, но вроде его и не было. И вот все сдвинулось, завертелось, с бешеной скоростью и силой понеслось по проложенной кем-то дороге. Сможет ли он остановить жаждущих получить власть и спасти свою семью?

В столицу прибывали гости из соседних стран. Члены правящего рода просто обязаны будут присутствовать на объявленных ранее празднествах.

И все же Натаниэлю удалось удалить из дворца королеву и принцессу. Их место заняли обученные люди, двойники, а вот короля и принца заменить не удастся. Королевские артефакты — корона, перстни, защитное ожерелье — не примут чужаков. Подделка будет обнаружена в первые же мгновения. Слишком много магов соберется вокруг, и скрыть подмену от них не удастся. В связи с этим огромной проблемой становится ритуал принятия наследия, проводимый наивысшим жрецом и его сопровождающими. Ритуал может провести любой служитель богов, но по древней традиции королевства именно высшие из них сопровождают короля и его семью во время празднований. А времени остается все меньше и меньше. Проверены сотни человек, попавшие под подозрение, арестованы единицы. Все это проделано аккуратно и не должно вызвать ни тревоги, ни подозрений, но под удар попали рядовые участники заговора, а вот верхушка его все еще не определена. Подозреваемые есть, доказательств нет.

Все имеющиеся людские резервы подняты на ноги. Люди не спят сутками, а ведь помимо безопасности семьи герцог обязан позаботиться о безопасности высокородных гостей из соседних королевств. Гибель хоть одной из двух прибывающих принцесс приведет к началу кровопролитной войны, а война — к гибели не

только королевского рода, но и к возможному падению самого королевства.

Сумерки вступали в свои права, но глава Серых по-прежнему оставался в своем кабинете. Работы и проблем не становилось меньше, они возникали словно из ниоткуда. Через час соберется группа, работающая над предотвращением угрозы королю, а голова герцога, судя по всему, собиралась лопнуть. Его личный помощник, так долго ожидаемый измученным начальством, наконец-то появился в кабинете с таким знакомым зеленым флаконом, наполненным болеутоляющим средством.

— Ваша светлость, — заговорил он, протягивая герцогу то, что тот ждал с таким нетерпением. — В нашей приемной с самого утра сидит граф Урвалон. Его семью принял и разместил в своем доме барон Шанги. Господин граф имеет жалобы и претензии. Вы в свое время интересовались бароном, и я взял на себя смелость доложить вам о возникших недоразумениях. Высокородный господин желает говорить только с вами.

— Зови...

Усталый и с трудом сдерживающий раздражение Эверли откинулся на спинку кресла и приготовился уделить гостю не более десяти минут. Вот только граф, больше похожий на шар и потому буквально вкатившийся в его кабинет на толстых коротких ножках, об усталости и раздражении герцога не ведал. Просидев весь день в приемной, где ему кроме воды за весь день так ничего и не предложили, он буквально пылал негодованием и начал высказывать претензии, забыв приветствовать того, к кому так настойчиво пытался попасть на прием.

— Ваша светлость! Вы должны наказать своих работников. Меня, графа Урвалон, продержали в приемной, как какого-то простолюдина. Оставили без обеда. Не объяснили ничего. Заставили ждать. Моя семья получила приглашение, и я вправе ожидать уважительного обращения. Моя дочь вполне может стать нареченной принца. Ее красота и невинность воспеты в балладах и стихах. Она считается одной из самых красивых девушек нашего королевства. Мы долго ехали, терпели неудобства и лишения, а как нас встретили? Куда поселили? Это неприемлемо... Если бы вы только видели этот дом! В нем же совершенно нет места для нормального проживания. Нам

предоставили четыре комнаты. Четыре! Да у меня стражников пятнадцать человек и прислуги шесть! А комнаты! Они же совершенно голые, на кроватях даже постельного белья нет. И чем дальше, тем хуже! Кушанья, предложенные нашему вниманию, невозможно есть. К такому скудному меню даже мои слуги не привыкли. А самое главное, все мои претензии разбиваются о непроходимую тупость хозяина, заявляющего о недостаточности средств для исправления этого безобразия. А его дочь? Черная вдова! Я считаю, если женщина надела черное, место ей в монастыре вдов. Она своим видом просто оскорбляет мою семью! Это нечто... Она посмела перечить моей жене и отказалась поселить в своих покоях наших служанок, а ее помещения ничуть не меньше тех комнат, в которых поселили нас. Я требую — слышите! — я требую, чтобы нам выделили покои во дворце! Моя дочь достойна лучшего!

Граф перевел дух и впервые за все время своего пламенного выступления внимательно посмотрел на молодого герцога. Но ледяной взгляд и сурово поджатые губы последнего заставили его не только покрыться холодным потом, но и очень быстро пожалеть о своем приходе в это ведомство. Слова же герцога осадили его еще более основательно.

— Вам действительно было отправлено приглашение, но король не может взять на полный пансион всех прибывающих. Тем более что ваша дочь не принцесса. Барон Шангри оказал нам любезность и предоставил в ваше распоряжение все, что смог. Никто, конечно, не заставит вас дольше оставаться в его доме. Я согласен, ваши дамы, вне всякого сомнения, достойны лучшего, а потому вам стоит, наверное, снять самые лучшие комнаты в другом месте, а еще лучше особняк. Я не сомневаюсь в том, что, если поторопитесь, то успеете это сделать. Лучшие рестораны нашего города решат любую проблему с питанием, а все недостающее можно приобрести у замечательных столичных торговцев. Во дворце же будут проживать высокородные семьи королевской крови. Вы состоите в родстве с вашим королем? Нет? Как жаль! А еще мне жаль, что мы не сумели угодить вам своим гостеприимством. Вот только имейте в виду, граф, барон Шангри и его дочь являются хозяевами в своем доме и в любой момент могут отказать вам в гостеприимстве. Я же могу гарантировать вам лишь одно: через три дня в столице невозможно будет найти комнату, чтобы

найти приют хотя бы на одну ночь. И еще... Мои люди не обязаны кормить всех, кто желает попасть ко мне на прием. Никто не мешал вам отправиться в ближайший трактир и вкусно отобедать. И еще одно... Невесту принцу будет выбирать их величество, и поверьте мне, красота в этом выборе будет играть одну из самых последних ролей.

Не смею больше вас задерживать. Влас! Проводи его сиятельство. И вели принести мне ужин, у меня осталось не так много свободного времени, а если точнее, у меня его совсем нет.

ГЛАВА 45

Широкий, массивный, украшенный драгоценными камнями золотой браслет, упакованный в резную шкатулку, самую являющуюся произведением искусства, был приобретен нами в подарок его высочеству. Подарок стоил нам не только приличного количества золота, но и времени, а потому с возвращением домой мы изрядно припозднились. День уж давно перевалил за полдень, когда карета, которой, как обычно, правил Гур, доставила нас к воротам нашего особняка. Картина, представшая перед нашими глазами, заставила мое сердце сначала замереть, а потом забиться с удвоенной силой. Голова еще только начинала делать выводы, а ноги уже несли меня к конюшне. И платье не помешало!

Я успела! Успела при помощи тэссэн, боевого веера, изменить траекторию полета четырех арбалетных болтов. Все они были предназначены моему Ветерку. Именно он, злой словно демон, стоял над распростертым на земле Яриком, прикрывая его собой. Четыре трупа с характерными ранами, лежащие рядом, и исполосованная до крови спина парня яснее ясного рассказывали о происшествии.

Прежде чем бежавшая следом за мной к месту событий с отцом наша охрана сказала хоть слово, старший из четырех еще стоявших на ногах графских охранников рявкнул:

— Пошла вон! — И тут же, без паузы скомандовал двум уже перезарядившим арбалеты: — Выстрел!

Я не могла закрыть своей маленькой фигуркой массивного жеребца, а вот отбить летящие в меня болты получилось без труда.

Да! Разговора не получилось. Во дворе нашего дома разгорелся бой. Трое против четверых. Непорядок! Неуловимое движение, недолгий стремительный полет двух сюрикенов — и вот уже количество трупов, лежащих на земле, увеличилось ровно на два. Больше всего в это момент я боялась, что злющий жеребец, стоящий за моей спиной, попытается вмешаться в этот бой, но мой умник только раздувал ноздри и всхрапывал, не двигаясь с места. Между его ног по-

прежнему лежал Ярик, и Ветерок, продолжая его прикрывать, стоял как вкопанный.

Графские воины сопротивлялись недолго. Потеряв преимущество, они очень быстро вместе с ним потеряли желание драться и потому к моменту появления во дворе городской стражи бросили оружие. Я же, помня о том, что наш двор великолепно просматривается с улицы, а потому ожидая появления стражников с минуты на минуту, успела извлечь из поверженных мои сюрикены и нанести им стилетом раны, имитирующие удары мечом. Бравые воины, ворвавшиеся в наш двор, застали возле жеребца испуганную девушку, дрожавшую как осенний лист. Ветерок встретил прибывшую стражу с невозмутимым спокойствием.

Разбирательство нападения затянулось. Незваные гости убралась восвояси уже ближе к полуночи. Они деловито и основательно делали все это время свое дело. Крик, ор и возмущение лились потоком из уст прибывшего ближе к сумеркам графа. Он требовал нашего ареста, виру за убитых, каторги для нашего конюха, посмеявшего не выполнить распоряжение его дочери и убийства бешеного животного. Закончилось все вполне обычно. Нам велели ожидать вызова в Серый особняк. Решение по нашему делу будет приниматься именно там. Там же нам зададут дополнительные вопросы о случившемся. Визит стражи закончился, не закончились наши разборки с семейством графа. Взбешенный предъявленными нам претензиями, барон Шангри потребовал от гостей покинуть наш дом сей момент.

Утро наступило не скоро, но оно все-таки наступило. Семейство графа на рассвете все же покинуло наш дом и отправилось искать более гостеприимных хозяев, пообещав нам на прощанье всевозможные кары. Ярик к утру сумел подняться на ноги и объяснил нам произошедшее более подробно. Его раны были болезненными, но благодаря своевременной защите Ветерка не критичными.

Как оказалось, сразу после обеда молодой графине захотелось прокатиться верхом на лошади по улицам столицы. Выбор госпожи пал на моего жеребца. Именно его и приказано было нашему конюху оседлать. Его слова о том, что хозяева не давали ему разрешения седлать их коней, взбесили красотку. Уверения парня в том, что привередливый Ветерок не согласится нести на своей спине никого, кроме своей хозяйки, остались не услышанными. А вот ставшего

поперек дороги Ярика запомнили хорошо. Присутствующая тут же старшая мадам приказала проучить не только конюха, не умеющего разговаривать с высокородными господами, как положено, но и его дурную лошадь и, забрав дочь, удалилась, пообещав ей прогулку на выбранном коне ближе к вечеру.

Стражники графской семьи не стали дожидаться хозяев дома и приступили к «обучению» немедленно. Крики парня и запах его крови заставили нашего ручного зверя взбеситься, выбить двери стойла и вступить в противоборство. Он не просто отогнал чужих воинов от Ярика, валяющегося на земле с окровавленной головой и исхлестанной спиной, он попытался держать их на расстоянии. Дальнейшее мы выяснили из рассказа выживших воинов. Не справившись с разгневанным животным вчетвером, они позвали подмогу и вот уже ввосьмером... Кнут в руках одного из них не понравился Ветерку, а потому четверо из нападавших на него смельчаков смертельно устали после ударов его копыт, а вот в дальнейшее их противостояние вмешались уже мы.

После полудня следующего дня мы получили приглашение посетить герцога Эверли. Он изъявил желание познакомиться с нашей семьей.

День герцога Эверли не задался с самого утра. Состоявшееся накануне ночное совещание закончилось далеко за полночь фактически ничем. В расследовании дела о подготовке покушения на правящую семью появились новые подозреваемые, новые факты, открылись новые обстоятельства, но подходов к верхушке заговорщиков так и не было найдено. Люди нервничали, беспокоились, но не могли предложить ничего более действенного.

Почувствовав общую усталость и разочарование в собственных силах, Натаниэль отдал приказ отдыхать. Двенадцать часов отдыха всем занимающимся этим делом людям показались просто подарком богов. Самому же Натаниэлю удалось поспать не более пяти часов. Его утро началось с экстренного вызова в подземелье. Именно там его помощи дождалась команда, занимающаяся поимкой безумной ведьмы. Несколько дней назад его ведомство получило сведения о появлении в городе невменяемой женщины, врывающейся в дома благонадежных граждан столицы. Нестарая еще дама в разорванном

платье с расцарапанными руками и лицом кидалась в ноги людям, каялась в грехах и требовала прощения и отпущения грехов. Она кричала от боли, каталась по полу, но в конце концов поднималась и начинала искать следующую жертву. Стражникам, посланным на ее поиски после поступления жалоб, даже напрягаться не пришлось. Ведьма кинулась к ним сама и, хватая их за руки, начала умолять помочь ей найти всех, на кого она наложила проклятие. Она хрипела, корчилась от боли, но продолжала просить. Десять... Ей очень нужно было найти еще десять человек. Она не знала, где они сейчас, но для того, чтобы умереть, ей нужно выпросить прощение еще и у них.

Целую ночь целители, артефакторы и зельевары пытались хотя бы частично облегчить ее боль, чтобы понять не только кого они должны искать, но и почему. Заклинания скатывались с нее, как вода с крыши, а зелья не давали никаких видимых эффектов. Перебрав все возможные способы, но так и не сумев разобраться со всем происходящим, глава группы принял решение вызвать на дознание герцога.

Двадцать минут потребовалось Натаниэлю для того, чтобы понять: в этом случае его магия бессильна. А способности к эмпатии, о которых никто не знал и которыми он умел довольно эффективно пользоваться, в этом случае не срабатывали. Огонь, терзающий внутренности ведьмы, по ее словам, на самом деле горит у нее в голове, и избавить ее от мук даже на короткий срок он не в силах. Они смогли понять из рваных объяснений женщины немного. Она признала, что да, она ведьма, ищет всех невиновных, кому причинила зло, ей суждено ходить по миру и искать их, пока не найдет, и что наказала ее верховная. Кто именно наказал? Когда? Где? Герцогу, как и его людям, не удалось добиться от женщины ничего сверх того, что они узнали раньше. Один из отчаявшихся следователей предложил пригласить специалистов, святош, мастеров развязывать языки у таких клиентов. Сначала к его идее все окружающие отнеслись отрицательно, но новый шквал завываний и просьб бесноватой ведьмы заставил герцога отправить своего посланца в храм. Худощавый мужчина в белоснежном жреческом балахоне объявился в подземелье Серого особняка очень быстро. Крики и стоны ведьмы не произвели на него никакого впечатления. Решение он, по всей видимости, принял еще до того, как спустился вниз.

— Я не смогу ей помочь в одиночку. Только в храме, во время всеобщей молитвы может быть получен хоть какой-то результат. Ваши люди, герцог, должны доставить несчастную в храм. Мы займемся ею, ее долгами, а также поиском верховной, появившейся в нашем королевстве, — заявил он.

Отдать ведьму храму Натаниэль согласился только после того, как святоша подписал соглашение о том, что окончательное решение по этому делу будет совместным.

Обедал в этот день Серый герцог, слушая доклад секретаря о происшествии с участием барона Шангри. обстоятельное расследование происшествия группой стражников не давало ответов на все возникшие у него по этому делу вопросы, и потому он пригласил стороны, участвовавшие в конфликте, почтить его ведомство своим визитом в конце дня. Граф Урвалон был приглашенным гостем, и поэтому отмахнуться от этого неприятного случая было нельзя. Виновные должны быть наказаны. Осталось только их найти и назначить наказание. Больше всего Натаниэля заинтересовало участие в этой заварушке женщин, и теперь ему очень хотелось не только познакомиться с ними, но и выяснить долю вины каждой из них в этом происшествии.

О прибытии графской семейки он узнал и без доклада секретаря, крики его возмущенного сиятельства недвусмысленно заявляли об этом. Но приглашать всех участников конфликта в свой кабинет герцог был не намерен. И потому невозмутимый Влас получил распоряжение проводить прибывшие конфликтующие стороны в зал для совещаний. Рассаживались и успокаивались гости довольно долго. При этом никто из них не мог знать, что наблюдение за ними уже установлено и именно в этот момент Эверли очень внимательно следит за ними, оценивает, делает выводы. Одна из стен его кабинета была одновременно и стеной зала совещания, и именно это открывало перед ним безграничные возможности.

Время шло. Явившиеся по его приглашению люди успокаивались и, подчиняясь его секретарю, занимали указанные им места. Группа людей под предводительством пожилого, но тем не менее стройного, с военной выправкой человека, одетого в дорогую одежду темных тонов с боевым, а не декоративным оружием, пристегнутым к поясу, была

немногочисленной. Его сопровождала молодая женщина неопределенных лет, одетая во все черное. Ее тело, лицо и руки были скрыты от возможного нескромного внимания глухим, под самое горло платьем, маленькой шляпкой с густой вуалью и перчатками. При всем этом ее платье было украшено дорогим черным кружевом, к поясу были пристегнуты два стилета, разрешенных в королевстве для ношения женщинами, руки сжимали опять же черный веер изысканной работы. Седые пряди, отчетливо виднеющиеся в ее волосах, подчеркивали принятый ею статус черной вдовы. Двое вооруженных людей рядом с ними явно были воинами, а молодой парнишка, боящийся поднять глаза, наверняка конюхом, посмевающим возражать графиням.

Они не спорили, не предъявляли обвинения и демонстрировали спокойствие и невозмутимость. Без возражений заняли предложенные им места. Замешкавшегося парня баронесса усадила на стул позади себя, всего лишь хлопнув веером по коленям. За все время, которое герцог уделил наблюдению именно за этой группой, никто из них не произнес ни одного слова. Догадаться о том, что он видит именно барона Шангри, его дочь и их людей, герцогу не составило труда.

Молчание одних с лихвой восполнили другие. Граф явился на прием при полном параде. Он сам, его жена и дочь были с ног до головы увешаны драгоценностями. Ожерелья, браслеты, кольца, заколки, гребни и даже пряжки на туфлях — все было не просто золотым, все буквально обсыпано драгоценными камнями. Яркая одежда, дорогие ткани и кружева, вычурное оружие — все кричало о родовитости и богатстве. Леди, сопровождающие возмущенного вельможу, были прекрасны. Высокие стройные блондинки с утонченными, аристократическими лицами, голубыми глазами и алыми губами притягивали взгляды. Ими хотелось любоваться. Ну, по крайней мере, младшей из них, потому как стоило только старшей открыть рот, впечатление, произведенное ее красотой, оказывалось неизгладимо испорчено. Она больше уже не казалась старшей сестрой сидевшей рядом с ней юной красавицы. Ее голос, визгливый и истеричный, неприятно резал слух и заставлял окружающих морщиться.

Шесть отлично вооруженных воинов, окружающих эту семью, всем своим видом показывающих намерение защищать и оберегать,

непроизвольно вздрагивали, когда госпожа графиня взвизгивала слишком громко. Младшая же госпожа, привыкшая, видимо, при посторонних изображать добродетель и невинность, молчала, скромно сложив руки на коленях. Шум и гам создавали ее родители. Замолчали эти двое только после того, как секретарь вполголоса сообщил, что герцог появится в совещательной комнате только после того, как приглашенные гости соизволят успокоиться. Гости успокоились, но ненадолго.

ГЛАВА 46

Герцог неторопливо вошел в комнату для совещаний и еще раз отметил для себя разницу в поведении присутствующих. Группа людей, возглавляемая бароном Шангри, слаженно поднялась со своих мест и поклонилась, приветствуя его, а вот те, кто сидел за спиной графа... Вскочили со своих мест и поклонились воины. Граф же с ходу начал возмущенную речь, а его дамы растерялись. Только молчание герцога и поведение барона и его людей подвигло графа на поклон и извинения. Его жена с дочерью присели в изящном поклоне вслед за ним. Ответное приветствие со стороны герцога заставило графа поперхнуться в начале своего очередного спича.

— Приветствую всех собравшихся. Для полной ясности представлюсь сам и попрошу следом глав родов представиться самим и представить своих спутников. Итак, я герцог Натаниэль Эверли. Являюсь главой ведомства, отвечающего за безопасность королевства и его жителей, а посему именно я буду разбирать возникшее между вами недоразумение. Мое решение будет окончательным и обжалованию подлежать не будет. Приготовьтесь отвечать на мои вопросы по ходу вашего рассказа. Вызванный мною глава отряда стражников, оказавшийся свидетелем окончания вашей ссоры, прибудет и присоединится к нам для дачи показаний чуть позже. Начнем с вас, граф.

Тучный граф помедлил, собираясь с духом. Вытащил из кармана шелковый платок и вытер пот, обильно проступивший на его лбу. Несколько раз вздохнул и начал с представления своих спутников:

— Я — граф Андри Урвалон. Рядом со мной находится моя супруга Алиена и дочь Лаура, а также воины охраны...

Постепенно его голос набирал силу, и к середине своего повествования он уже срывался на крик. Рассказ графа ничем не отличался от доклада, прослушанного герцогом за обедом. Он не был свидетелем происшествия, а потому возникшие у Эверли вопросы были заданы не ему.

— Госпожа Лаура, объясните мне, пожалуйста, почему для прогулки по городу вам понадобился именно этот жеребец? Молодые

леди, насколько я знаю, предпочитают обычно спокойных кобылок.

— Ваша светлость, — защебетало неземное создание, преданно заглядывая герцогу в глаза. — Мы прибыли в ваше королевство в карете. Верховые лошади были только у наших воинов, но они никак не подходили для моего выезда. Осмотрев всех лошадей, находящихся в конюшне, я пришла к выводу, что достойных меня только две, но великолепная кобыла, так понравившаяся мне, оказалась покалеченной, пришлось выбрать для своей поездки жеребца. Он показался мне спокойным и хорошо выезженным. Конюху, находящемуся в конюшне, было приказано оседлать его. Мой приказ не был выполнен. Мне пришлось выслушать отказ, основанный якобы на категоричном запрете баронессы в отношении этого коня. Наглая ложь простолюдина возмутила меня. Не могла высокородная леди, принимающая в своем доме гостей, запретить им пользоваться лошадьми из своей конюшни! Я велела сопровождавшим меня стражникам скрутить наглеца и оседлать понравившуюся лошадь. Конюх посмел оказать сопротивление и получил по заслугам. Двое же моих людей, попытавшихся выполнить мой приказ и оседлать жеребца, подверглись нападению. Маменька приказала нашим людям утихомирить наглеца-конюха и бешеное животное. Она же увела меня в дом. То, что происходило дальше, я знаю только со слов оставшихся в живых воинов. Барон Шангри, как и рассказывал папенька, появился в этот момент и затеял безобразную драку. Впоследствии он нанес нам еще одно оскорбление, отказав в гостеприимстве. Мы были вынуждены покинуть его дом на рассвете и только к обеду нашли себе приют в вашем городе.

— Данил Крауш, вы являетесь главным в отряде воинов, охраняющих графа и его семью. Расскажите мне: как погибли ваши люди?

— Ваша светлость! Четверо из них погибли под копытами жеребца. Никто из нас не ожидал, что эта тварь, вырвавшись из денника, начнет убивать. Поверьте мне! Он не просто противился, не желая быть оседланным, он бил на поражение. Трое моих людей были заняты наказанием мальчишки, а мы не успели вмешаться. Жеребец с такой скоростью кинулся к лежащему на земле конюху, что мы просто уверены были, что он взбесился, почуяв запах крови, и несется к нему, чтобы добить.

— Добил? — спросил герцог.

— Нет. Он встал над ним как вкопанный, бешено всхрипывая и вращая глазами. Мы, опасаясь нападения и еще не зная о том, что наши товарищи мертвы, пытались оградить их от повторных ударов: взяли на изготовку арбалеты и приготовились к стрельбе.

— Что же произошло дальше? Почему вы замолчали? Говорите, но говорите правду. На моем столе закреплен артефакт, он помогает мне распознать ложь. Ложь, сказанная вами, не пойдет на пользу никому из присутствующих.

— За мгновение до выстрела мимо меня промелькнуло черное платье баронессы. Она внезапно оказалась стоящей вплотную к жеребцу, загоразивая его собой. Я не успел остановить выстрел.

— А вы разве пытались его остановить? Вспомните произнесенные вами слова и повторите их.

— Под первый залп она подставилась сама. Я ничего бы не успел.

— Вы стреляли дважды?

— Второй раз стреляли двое, успевших перезарядить оружие.

— Вы в том числе?

— Да. Я был вне себя от ярости, — признался он.

— И все же повторите свои слова.

— «Вон пошла! Выстрел!»

— То есть вы оскорбили баронессу и приказали выстрелить в нее?

— Нет, конечно же нет. Все стреляли в жеребца.

— Вы в этом уверены?

— Нет.

— Куда попали арбалетные болты?

— Никуда.

— Ваши люди такие плохие стрелки? — иронично вздернул бровь Натаниэль.

— Нет. Мои люди отличные стрелки. Болты летели точно в цель, но упали у ее ног. Это позволило сделать мне вывод о том, что она ведьма. Ни один артефакт не отразит четыре болта, летящих одновременно.

— То есть стреляли они все-таки именно в нее?

— Нет... Не знаю.

— Куда стреляли вы?

Нервы у мужика не выдержали, и в ответ на этот вопрос он буквально проорал:

— В нее! Я стрелял в нее!

— Что произошло дальше? Как вы сумели потерять еще двоих?

— Следом за этой бабой прибежал барон и двое его охранников. Они напали на нас. Как погибли еще двое, я не видел. К моменту появления стражников нас уже успели связать.

— Я правильно понимаю: вас было четверо против троих и вы проиграли?

— Да.

— Вы можете садиться. Барон, прошу вас. Теперь мне хотелось бы услышать о том, что произошло, от вас.

— Я барон Шангри. Рядом со мной находится моя дочь, Миира Шангри, два наших охранника и парень, которого мы наняли в столице в качестве конюха. Вчера сразу после завтрака мы с дочерью под охраной наших людей отправились в город в поисках подарка, достойного его высочества принца. Все нанятой нами прислуге было дано указание помогать гостям в случае необходимости. Конюху такого указания дано не было. Моя дочь очень трепетно относится к лошадям, и нанятый нами человек прекрасно знал о том, что седлать жеребца не позволено никому. Ветерок очень умный и строгий конь. Хозяйкой и наездником он признает только Мииру. Даже я не смогу покрасоваться на его спине. Ярик прекрасно знал об этом, знал он и о том, что молодого жеребца обучают защите своей хозяйки. На дорогах сейчас очень беспокойно, ваша светлость, и дополнительная защита — это шанс для любой леди добраться домой в целости и сохранности. Конюх попытался объяснить высокородной госпоже причину своего отказа, но его никто не стал слушать. Запах крови и попытка чужих людей заставить его подчиниться разозлили Ветерка. Все мы знаем: хороший враг — мертвый враг. Если человек нападает — он враг, и никак иначе. Жеребец делал то, чему его учили, — убивал защищая. Стражник графа признал здесь, что, прикрыв истекающего кровью парня, он остановился и больше не пытался нападать. Мы подъехали к воротам особняка в тот момент, когда brave воины начали заряжать арбалеты. Моя дочка кинулась защищать своего любимца. Мы поспешили за ней. К месту трагедии мы подоспели как раз в тот момент, когда глава стражников произнес: «Пошла вон! Выстрел!» Мы

напали, но выстрел остановить не смогли. Моя девочка справилась сама. Признав во мне хозяина дома, охрана господина графа и не подумала опустить оружие. Завязался бой, и еще двое были убиты. Всего в этот день погибли шесть воинов, состоявших ранее в охране графа Урвалона. На этом все и закончилось. Весь оставшийся вечер и полночи мы отвечали на вопросы городской стражи, а после их ухода я попросил гостей покинуть наш дом, отказав им в гостеприимстве. Если бы Крауш принадлежал к высокому роду, я вызвал бы его на дуэль, но так как он простолюдин, я требую сослать его на каторгу.

— Крауш обвинил вашу дочь в колдовстве, назвав ее ведьмой. Что вы можете сказать по этому поводу? — задал вопрос герцог, пытаясь за густой вуалью разглядеть лицо обсуждаемой дамы. Его изрядно напрягало ее спокойствие и абсолютная неподвижность. А еще именно этот вопрос интересовал его с самого начала больше других. Он приготовился слушать, не отрывая взгляда от артефакта, который до сих пор не мигнул ни разу во время рассказа ее отца.

— Моя Миира воспитывалась как дочь воина. Будучи молодым, я очень хотел иметь сына, но у меня дочь, и потому она может защитить себя и своего ребенка.

— Каким оружием вы владеете, Миира?

— Стилетами, веером, боевым посохом.

Тихий и совершенно бесстрастный голос молодой женщины не понравился герцогу. Обвинение в колдовстве давно уже считалось одним из самых тяжких. Она должна волноваться, переживать, просить его о заступничестве... После того как он услышал бесцветный голос черной вдовы, ему больше всего захотелось вывести ее из равновесия, заставить нервничать.

— Веером?

— Да.

— Разве веер это не дамская безделушка?

— Не только.

— Вы готовы признать обвинения в колдовстве?

— Нет.

— А объяснить нам всем, как вы сумели остановить направленные вам в грудь арбалетные болты?

— Вы не поверите объяснениям. Я могу показать.

— Что вам для этого нужно? — подался вперед герцог, заинтересованный ее заявлением.

— Мне нужен тот, кто будет стрелять.

— И все?

— Все.

— Что ж, прошу вас, баронесса, пройти со мной в тренировочный зал. Влас, арбалет мне! Граф, барон, вы можете проследовать вместе с нами. Остальных я попрошу остаться и подождать нашего возвращения.

Раздражение все сильнее и сильнее охватывало герцога, а закутанная с ног до головы в черное вдова оставалась по-прежнему спокойной и невозмутимой, как внешне, так и внутренне. Ее пальцы не стискивали веер, руки не дрожали, шаги были ровными, фигура просто излучала уверенность в своих силах.

Тренировочный зал встретил их звоном оружия и звуками тяжелых ударов по дереву. Появление герцога в сопровождении необычных гостей немедленно привлекло внимание тех, кто в нем находился, а вбежавший вслед за ними Влас с арбалетом в руках заставил всех отхлынуть в стороны.

— Как далеко от вас стояли стреляющие? — В наступившей тишине голос Эверли прозвучал очень громко, заставив многих находящихся там вздрогнуть.

— В полдлины вашего тренировочного зала, — ответила баронесса.

— Если вы готовы подтвердить свое умение, а следовательно, невиновность, становитесь в центр зала. — Теперь все окружающие могли поклясться в том, что Натаниэль злится — непонятно на кого, на себя или на баронессу, но злится. — Арбалет! — прозвучал его приказ, и в его руку легло готовое к выстрелу оружие. — Я еще раз спрашиваю вас, баронесса Миира Шангри, вы сознаете свои действия и опасность, которой подвергаетесь, или вы, возможно, готовы признаться в колдовстве?

— Вы можете стрелять, ваша светлость.

Эти слова, сказанные все тем же бесцветным голосом, окончательно взбесили герцога. Он прекрасно понимал, что больше всего злится на самого себя, потому что очень боится убить эту настырную вдову всего лишь двадцати лет от роду. А еще понимал,

что, если здесь и сейчас эта несносная женщина не докажет свое умение, граф добьется ее передачи в руки жрецов, и вот тогда смерть ее будет долгой и мучительной.

И герцог выстрелил. Звонко хлопнула тетива. Неуловимое движение веером — и арбалетный болт падает у ног стоящей напротив него женщины в черном. Общий вздох звучит громче недоверчивого восклицания графа Урвалона.

— Не может быть! Этого не может быть! Даже воины не могут сделать такого! — воскликнул один из воинов, стоящих вдоль стен зала. — Ни одному воину не приходило в голову ходить в платье с веером в руках. Только великий и очень умный воин мог научить вас, госпожа, этому трюку. Мы постараемся превзойти вас в этом умении, сколько бы времени это у нас ни заняло.

— Ловлю вас на слове, — откликнулся пришедший в себя к тому времени герцог. — А вам, граф, советую больше не бросаться обвинениями. Тем более я принял решение по вашему делу, и нам стоит вернуться для его оглашения туда, откуда мы пришли в этот зал.

Всю дорогу от тренировочного зала до совещательной комнаты в голове Натаниэля крутилась лишь одна мысль: «Она сделала это!» Именно эти слова он и произнес первыми, опустившись в свое кресло.

— Она сделала это. Все надуманные графом обвинения в адрес баронессы снимаются. Теперь что касается остальных его требований. Вам, граф, отказано в иске о возмещении вреда. Ваша дочь не имела права требовать от чужих слуг как подчинения, так и выполнения своих приказов. В отношении жеребца... Каждый хозяин вправе решать, чему и как он будет обучать своих питомцев. Ваши люди превысили свои полномочия и поплатились за это. Барон был в своем праве, отказывая вашей семье в гостеприимстве, так как в конфликте пострадали обе стороны, то и от уплаты виры освобождаются тоже обе стороны. На этом я считаю исчерпанными любые обиды и претензии. За приказ о нападении на высокородную госпожу Данил Крауш приговаривается к двум годам каторги. Стража! Арестовать! Разрешите откланяться, господа. Надеюсь, в следующий раз мы увидимся по более веселому поводу.

Серый герцог вынес приговор. Ошеломленные его решением люди еще только пытались его осознать, а его светлость уже покидал

их общество. На все свои вопросы он получил ответы, и потому больше они его не интересовали. Его ожидали более важные дела.

ГЛАВА 47

Мы напились, нет, мы нажрались. Как только вернулись домой, отпустили прислугу, сели за стол ужинать и... Осознание всего пережитого в Сером особняке накрыло нас, но трясло меня больше всех. Какой ужин? Какая еда? Организм требовал выпить.

Какой же он страшный, этот герцог! Его холодное любопытство режет словно нож. От его уверенности в том, что все будет так, как он хочет, от его ледяного спокойствия и яркого, словно огонь, раздражения хочется спрятаться подальше и поглубже. Но самое страшное — это его злость, его ярость. Его магия. Она в такие моменты вырывается из него яркими всполохами, окутывает его тело со всех сторон и начинает жить своей жизнью, показывая тем провинившимся, кто может ее видеть, свою мощь и силу. Тем же, кто не видит, приходится пережить самые неприятные минуты в своей жизни, ибо не видеть, но чувствовать, как сжимается в невидимых тисках твоя душа, намного страшнее.

Следующее утро для меня наступило в полдень. Ужас воспоминания о красавчике Эверли отступил под натиском крепкого сна, а головная боль — под натиском моего зелья. Жизнь удалась! Мы избавились от гостей. Ветерок не пострадал. Раны Ярика оказались не слишком тяжелыми и благополучно затягивались. Пара золотых, полученных им за проявленную смелость, примирила его со всем произошедшим, а мне позволила избавиться от чувства вины. Подарок имениннику куплен. Все готово к началу празднований. Теперь бы без проблем дотянуть до приема во дворце и суметь покинуть столицу, не привлекая к себе лишнего внимания. Вот не верю я, что граф не попытается отомстить зарвавшемуся барону! Но он, во-первых, в чужой стране, а во-вторых, все нужные ему для мести «специалисты» сидят у герцога, как мыши под веником, и не отсвечивают. Если поторопимся, успеем уйти в родные горы целыми и невредимыми, а там нас попробуй достань!

Скука и любопытство сгубили не одну кошку, да и люди — мрут, заразы, как мухи по той же причине не реже. Сегодня мы продали приготовленные для реализации мелкие драгоценные камни, якобы

доставшиеся нам в наследство. Отец доволен. Я — нет. Сумма, выреченная нами, поможет нам пережить одну зиму, а дальше? Золота, «найденного» мною чуть раньше, надолго не хватит. Пара-тройка необходимых закупок, а потом что? Обслуживать караваны? Не хочу! Хочу тишины, покоя и в лабораторию хочу. Зачем богатеньким этого города золото? Хватит с них и камней! Вот заботились бы короли о безопасности дорог, приструнили бы работорговцев, обезопасили простых горожан и купцов и спали бы спокойно, а так... Всяк крутится, как может.

Ночь накрыла город прохладой и тишиной, относительной тишиной. Нетерпение, азарт и необходимость позаботиться о тех, кто мне доверился, заставили меня начать претворять в жизнь составленный ранее план. Я точно знаю, что именно сегодня ночью смогу уделить внимание королевскому казначею, а если точнее, то его дому и казне. Не торопясь, меняя облики и тщательно избегая внимания записывающих артефактов, я двигалась по городу к королевскому дворцу, ибо нужный мне особняк и окружающая его территория соприкасались со стенами, ограждающими его. На этот раз перед уходом мне пришлось поговорить с бароном. Я могла задержаться на более долгое время, чем обычно, или не вернуться совсем, а потому я решила предупредить его о моей отлучке. Барон не узнал от меня, как ни старался, куда и зачем я направлюсь, но это не помешало ему сделать все, чтобы воспрепятствовать моим планам. Ни убеждения, ни крики, ни его попытка закрыть меня в комнате ни к чему не привели. Я его переупрямила, заставила выпить успокоительное зелье, надеюсь, его эффект продержится дня два, и, как любая уважающая себя кошка, отправилась гулять сама по себе.

Нет, я, конечно, вняла пожеланиям отца и, прежде чем уйти, помолилась богам. Сразу после того как гости покинули нас, в нашем доме появилась комнатка, предназначенная именно для этого. Купленные в храме фигурки богов, расположенные полукругом вокруг жертвенной чаши, вазы для ароматических курительных палочек, вышитые золотом покровы, молитвенные коврики — все это помогало отрешиться от быта и молиться искренне, от души, а еще напоминало мне о прошлой жизни. Не преднамеренно, а скорее подсознательно я обустроила молитвенную комнату так, как это принято делать в

Японии, но моих домочадцев устроил полученный результат, и все осталось так, как я захотела.

Путь до особняка казначея, графа Алвира, занял у меня очень много времени. От моего дома до его жилья двадцать минут пешком. Это если идти не торопясь по улицам, не скрываясь от артефактов и наблюдателей, а так... Было уже за полночь, когда сей дом принял меня в свои объятия. Огромное количество магических артефактов, охранных заклинаний и тайников просто поразило меня. Такого изобилия золотых вещиц, драгоценностей, открыто лежащих в шкапулках и просто на столиках в будуаре хозяев, я даже представить себе не могла. От обилия золота рябило в глазах. И это все при тусклом ночном освещении. А днем? А при ярком вечернем праздничном освещении? Куда смотрит грозный герцог? Неужели такое богатство может быть приобретено честным путем или быть полученным в наследство? Сколько же получает казначей его величества короля за свою работу? Интересно, а казначей богаче короля? Тут даже тайники искать не надо, гребни в мешки золотые статуэтки, блюда, кубки и ложки и драпай! Далеко ли получится убежать с нахапанным, это уже другой вопрос. Куда смотрят работники ножа и топора?

А народу-то в доме сколько! Чем они все здесь занимаются? Почти все жители королевства хоть слабо, но магически одарены и каждый раз в день могут использовать одно-два заклинания. Почему они по ночам по дому ходят? Та-а-ак! На кухне чистят, парят, варят, пекут. Ясно. Камеристки хозяйки, в данный момент в середине ночи отсутствующей дома, шьют, гладят и зачем-то платя с места на место перевешивают. Камердинеры графа пьют вино, закусывают деликатесами и вытирают пальцы о парадный сюртук хозяина. Наши люди! Вон у хозяев какое количество одежды, гардеробные размером больше, чем сами комнаты. Одной парчовой тряпкой больше, одной меньше... Интересно, у личных слуг, имеющих дело с нарядами господ, карты-путеводители есть? Как часто камеристки теряются среди платьев госпожи? Если устроить аукцион-распродажу единожды надетых, а то и ни разу не надеванных платьев графини Алвир, то на вырученные средства можно будет армию целый год содержать.

У самой графини в покоях я обнаружила всего лишь пять тайников, и все они были со старинными драгоценностями. Была

среди них даже маленькая корона, сделанная для женской головки, украшенная жемчугом и единственным, но довольно крупным алмазом. Который являлся в придачу еще и совершенно пустым в данный момент накопителем магии, а сама корона — неработающим артефактом. Узнать ее назначение и свойства вот так, с лету, не представлялось возможным, но очень хотелось. Все тайники были небольшие, но зато заполненные, что называется, под завязку, и только пятый хранил ее — корону.

Обычные же, но мнению хозяйки, драгоценности никто не прятал. Они были упакованы в шкатулки, коробочки, футляры и, выложенные стройными рядами, занимали ни много ни мало пару ящиков вместительного комода. И все-таки корона... Она поразила мое воображение и разбудила мою внутреннюю жадину. Каждая девочка в детстве мечтает стать принцессой и надеть на голову корону. Мечтала об этом и я. И вот она, моя корона! Разве могла я оставить ее в этом доме? Конечно же нет! Пряча ее в свою безразмерную сумку, я почти мурлыкала, а через мгновение тихонько посмеивалась, вспоминая Голлума из книги «Властелин Колец» и его фразу «моя прелесть!». Надеюсь, у меня таких проблем, как у него, не будет. А то кто знает эти древние артефакты!

Вон подарила Ангелу магическую капельку, закрепленную в сеточке из золотых нитей, и, слава богам, ничего плохого не происходит. Накапливает капелька заряд, работает как щит, улавливающий и поглощающий направленные на мальчика заклинания, и все! Надеюсь, и с этой прелестью проблем у меня тоже не будет. Вот только на балу в такой красоте показаться не получится, а как же хочется...

Появление хозяйки заставило встрепенуться спавших крепким сном камеристок. Спали они конечно же не без моей помощи. Пришлось затаиться. Рассвет застал меня в покоях госпожи графини. Огромный гардероб, буквально набитый всевозможными платьями, амазонками и шубами, послужил отличным укрытием для огромной анаконды, решившей дожидаться следующей ночи на сваленных в кучу дорогих мехах. Я совершенно точно была уверена, что ничто из того, на чем я так уютно устроилась, не понадобится хозяйке в середине лета, и оказалась права. День прошел тихо и почти спокойно, если, конечно, не принимать во внимание визга графини, проснувшейся

около полудня и не обнаружившей на своем столе чая и сладостей. Последующие оплеухи, раздаваемые прислуге, как и приказы, не слишком беспокоили меня. Да и слышала я их только благодаря более острому, чем у людей, слуху.

А вот проснувшиеся уже после полудня граф и его великовозрастный наследник заставили содрогаться весь дом, потому как именно в это время прислугой овладела жажда деятельности и желание выслужиться. Мне повезло, выслужиться хотелось не всем. Парочка любовников, одним из которых был молодой господский камердинер, устроили себе свидание в глубинах хозяйского гардероба, тонкая стена, разделяющая мое и их убежище, позволила мне стать невольным свидетелем их лобзаний, любований, обещаний и обсуждения сплетен. Вот так я, дожидаясь ночи и вместе с ней занимательного путешествия по графским покоям, узнала о существовании сокровищницы рода.

ГЛАВА 48

Боги! Как же так можно! Этот особняк с полным правом можно назвать сборищем непуганых идиотов. Набитый золотом, он охраняется только магией. Пара стражников у ворот, их можно даже во внимание не принимать, толпа празднующихся бездельников, нанятых ради престижа, занимающихся в основном пересказыванием сплетен и перемывающих кости хозяевам. И никто, никто из них не смотрит под ноги, не заглядывает за занавеси, балдахины, не обращает внимания на звуки, запахи и возникающие на пути странности. А сокровищница? Зачем? Зачем держать сокровища рода в столичном особняке? Почему около тайников нет механических ловушек? Почему в этом доме абсурда все настолько уверены в магической защите? Да по этому дому можно разгуливать, не скрываясь ни от кого. Взял в руки поднос с чашечкой чая и гуляй. Никто ни о чем не спросит. Они здесь друг друга в лицо-то не все знают.

Сокровищница... Нужна она мне или нет? Завтра вечером начинаются празднования. На городской площади будет давать представление королевский театр, бесплатное представление, которое мне очень хотелось посмотреть. Решено! Если обычные хозяйские тайники смогут меня порадовать, то трясти основную кошину казначея я в этот раз не буду, а вот если нет, тогда поглядим, подумаем.

Эх, если бы хозяин всего этого дурдома, как все приличные люди, с утра на работу уходил... Можно было бы у него в покоях и кабинете днем пошарить. Продрых до обеда, горничную в койку затащил, пообедал, выпил, а потом приступил к водным процедурам. Ну, все это могу понять. Но три часа, потраченные на всевозможные косметические процедуры, плюс еще час на выбор одежды и само одевание, это уже ни в какие рамки не укладывается!

Во дворец этот индивид отправился ночью, наверное, днем пересчитывать королевскую казну ему не совсем сподручно. И все же интересно мне, когда он успевает свою работу выполнять? Или у казначея, как и у всего королевства, уже праздники наступили? Не всем же, как мне, работать в праздники, люди и отдохнуть должны. Вон камердинеры уже отдыхают. Выпроводили своего любимого

господина и занялись дегустацией хозяйского вина. Вот только скорость поглощения дорогущего напитка мне не нравится. Это когда они еще до полного нестояния дойдут?

Отвод глаз — ведьма я или погулять вышла? — пара крупинок в бокал каждого, и финита ля комедия! Теперь крепкий сон до самого утра парням обеспечен. Дверь прикрыла за собой своей магией. Ну, начнем...

В комнатах два тайника. В одном золото, в другом камни и драгоценности, мужские. Сокровищница в доме, а тайник забит под завязку золотыми монетами. Это у графа что, заначка на повседневные нужды? Так, золото берем, цацки не берем. О-о-о! Гардеробная. Ничуть не меньше, чем у хозяйюшки. Красота! Все блестит, блестит, блестит! И тайник еще один есть. Тьфу ты, напасть какая! Вместо золота склад макулатуры: расписки, письма, закладные, опять письма. Бумага старая, зачем хранят? Глупый вопрос. Ответ на него нашелся, стоило мне только прочитать несколько прикрепленных к каждому такому документу пояснительных записок. Все оказалось просто: компромат. Ах, как много тайн спрятано здесь! Владея этими документами, можно приобрести друзей, врагов и огромные деньги. Но больше врагов. Оно мне надо? Нет. Пусть высокородные господа сами разбираются между собой. Просматриваю только имена. Компромат на свой род не нахожу и вздыхаю с облегчением. Все, остальные меня не волнуют.

Хотя... Вот эта пухлая стопка документов, упакованная отдельно и скрытая дополнительно магией, меня просто притягивает. Я ее даже не сразу заметила. Раз прячут, значит, оно мне надо. Беру. Смотреть дома буду. Остался кабинет. А время уже далеко за полночь. Стоит, видимо, поторопиться. Ах, как сладко спят умаявшиеся на непосильной работе слуги! Слюни вон пускают и пузыри. Если бы не срочная работа, прилегла бы рядом, вздремнула. Так и представляю себе: просыпаются они в объятиях анаконды и радуются. До дрожи! До заикания!

Пофантазировала, расслабилась, и хватит. Вон тайники в стенах как маячки светятся. Накрутили на них заклинаний, они и светятся. Мне даже напрягаться не надо, а были бы укрыты без применения магии, да еще и с механическими охранками — и все, не стала бы я с ними связываться. А может, и вовсе бы не нашла. Нет, нашла бы. Запах

бы подсказал, но вот открывать или нет, подумала бы точно. Три тайника. Вот как начинаю без затей и трудностей вскрывать их, так сразу же вспоминаю добрым словом своего жениха. Спасибо ему за подарочек! Кем бы я была сейчас без его подарочков-то? Рабыней? А с другой стороны, где была бы сейчас Ланьюшка? Дома, с мамой и папой. Пирожки бы трескала. Нет, не все в мире белое или черное.

Да что ж это такое? Опять драгоценности. Радует лишь одно — новодел. Можно будет продать оптом купцам, покидающим порт. Беру. Второй... Золото. Находка радует. Ну, третий, не подведи! Эх, бумаги! И зачем тебе дома бумаг-то столько, а? О, а бумаги-то какие странные. Бред шизофреника, не иначе. Проекты законов, списки должностных лиц, распоряжения, перечень неотложных задач. Я бы, может, на них и внимания не обратила, списки и списки. Может, казначей ведет учет должностных лиц для того, чтобы точно знать, где и сколько брать. Если бы не одно: главой Серых в этом списке значится сынок богатенького казначея, а не герцог Эверли.

Более внимательное изучение повергло меня в шок. Боги, куда я опять вляпалась! Заговор против короны, а тут я нарисовалась — не сотрешь. Не могла я сама в это влипнуть, ну не могла! Боги! Я теперь точно знаю, что вы есть в этом мире. Кто, кроме вас, мог надоумить меня залезть именно в этот особняк? Могла бы — завыла. Нет, какое безобразие и самоуверенность! Этот, с позволения сказать, придурок собрался стать королем! И не просто планы составил, но и записал все. Подробненько. Кто, где, когда и что сделает. Кто сколько вложил и что за это должен получить. И себя... Себя не забыл! Вот только, судя по всему, не всех он в эти списки внес. Проскальзывает все время упоминание о ком-то, кому они все будут обязаны. Нет, я понимаю, не мог он распланировать все тонкости и учесть все нюансы. Он вон в собственном кабинете убойный компромат на себя держит, по балам бегают, баб охаживает. Записал все подробно, не иначе как для памяти. Есть кто-то более умный, более хитрый, тот, кто это все придумал и организовал. Нужно забирать бумаги и тащить их к герцогу уже сегодня. Если их пропажу обнаружат раньше, чем они окажутся у главного Серого на столе, многие успеют уйти от наказания. Ох, до рассвета всего два часа осталось! Нет, меньше уже.

Боги! Помогите мне! Хоть немножко!

Так, особняк позади. Ворота на прилегающую к нему территорию позади. Теперь вперед! Почти не скрываясь. Облик змеи мне в помощь. Плевать на записывающие кристаллы! Мне нужно успеть. Неприметная маленькая безразмерная сумочка вместила в себя все найденные мною бумаги. В пасти змеи она будет смотреться, как трупик грызуна. Вот порадуетя Эверли, просматривая записи! Змейка поймала в особняке казначея мышку и ему принесла в подарок. Ага!

ГЛАВА 49

Война! Война... Не нужна нам война. Мы только жить начинаем! В королевстве порядки новые, законы, налоги. Смена королевской династии не-может пройти без кровопролития. А новый король? Сможет ли он удержать власть, если на трон действительно претендует господин казначей? Лично я уверена в обратном. Какая же гадость эта политика! Высокородные власть делят, а все остальные должны вслед за ними головы на плахе сложить.

Так, все посторонние мысли из головы долой. Смелость, глупость и безрассудство города берут! А мне? Мне всего-то и надо, что Серый особняк штурмом взять. Не думать! Не останавливаться! Боги! Я маленькая, глупенькая, беззащитная... За что?

Вот он. Светится в магическом зрении, как новогодняя елка! И мне... туда? Нельзя думать! Нельзя! Начну думать, и все, попадусь в лапы красавчика Натаниэля. Умру от страха молодой и красивой. Что я, елок не видела, что ли? А красавчиков так вообще без счету.

Легкий удар в дверь заставил дежурного мага отправиться встречать ночного посетителя. Ничего особенного во внеурочном посещении он не увидел, основная масса курьеров, доставляющих срочные сообщения, привыкла не обращать внимания на такие мелочи, как время суток. Ночь значит ночь. Откроют. Примут. Зарегистрируют, кто, от кого, во сколько.

Вот только на этот раз за дверью вроде бы никого не оказалось, но тесные тиски объятий, погасившие сознание мага через пару мгновений, опровергли после его заключение самым неудобным для его должности образом.

Прибывшие на сигнал артефакта двое магов сразу разобраться в ситуации не смогли. Индивидуальный артефакт, настроенный, как и положено, только на своего хозяина, подал сигнал в дежурную комнату о причинении вреда здоровью. Вот только никакого вреда прибежавшие на вызов не обнаружили. Их товарищ, совершенно невредимый, лежал лицом вниз у порога открытой входной двери. Магическая диагностика показывала потерю сознания от

кратковременного удушья. Следов магического воздействия не было, а физическое воздействие исключалось наличием у каждого из них десятка различных защитных амулетов. Маг, пришедший в себя после применения к нему малого лечебного плетения, не мог сказать ничего определенного. «Открыл дверь. Попал в тесные объятия какой-то твари. Все. Темнота». Дополнительные магические охранные плетения особняка так и не активировались. Расследование зашло в тупик. Посоветовавшись, маги решили оставить решение этой загадки до утра, надеясь, что замена записывающих кристаллов и их просмотр прольют свет на это происшествие.

Утро наступило раньше, чем обычно.

Нет, но какая же дура! Кто дура? Я дура! Ну как я могла не подумать об этом! Как, как... Сама себе запретила думать, вот и не подумала. Кабинет по запаху нашла, дверь, не маленьким своим весом навалившись, открыла, магию, как всегда, проигнорировала. А дальше?

Он спал! В своем кабинете, на шикарном диване. У него рефлекс — у меня инстинкт. Еще и отвод глаз слетел!

Теперь вот он, опять на своем диванчике, почти голенький, в моих горячих объятиях. Ну, не совсем голый, конечно, в бриджах. И не совсем в горячих, анаконда вам не дракон, но холодными мои объятия тоже не были. Хорошо хоть сумочку с документами не проглотила с перепугу. Держу во рту, как крысудохлую, а шнурок-завязка, как хвост, вниз свисает. Глаза в глаза друг другу смотрим и молчим. Я молчу, потому что рот занят, да и разговаривать я в этом облике не умею, а вот почему герцог молчит и на помощь никого не зовет, непонятно.

А, нет... Молчит и сопротивляется. Вон руки пытается освободить. Пальцами шевелит. Не-э-эт, Эверли! С магией ты пролетел, а физически я с тобой в этом облике справлюсь. Боги, все внутренности дрожат, как желе на блюде! Как же я его боюсь! Вот сейчас обниму покрепче, чтобы руки-ноги у тебя занемели, и буду решать, что мне дальше делать.

Девятый день подряд герцог Натаниэль Эверли, глава ведомства безопасности и брат короля, ночевал на диване в своем кабинете.

Никакие зелья и эликсиры не помогали ему заснуть крепким сном. Тревога и безумное напряжение не позволяли отключиться и в полной мере отдохнуть. Погружение в чуткую полудрему — вот и все, что было доступно ему в последние дни. Ни на минуту, ни на мгновение даже в таком состоянии он не прекращал попытки найти решение вставшей перед ним проблемы.

Еле ощутимое движение воздуха и чуть слышный шорох заставили его тело среагировать, выстраивая защиту. Уставший от поиска решения почти неразрешимой задачи мозг заработал на доли мгновения позже, чем нужно, рефлексы оказались быстрее, и вот уже вместо того, чтобы затаиться и подпустить незваного гостя ближе, он нападает на него. Ну или пытается напасть. Или уже даже не пытается... Спеленатый в объятиях огромной змеи, как младенец в пеленках строгой нянькой, он рухнул обратно на свой диван и в первые же мгновения понял, что никакая магия ему сейчас не поможет. Не выручит и сильнейший амулет от физического вреда, созданный им самим. Физически сильный молодой мужчина, он впервые чувствовал себя настолько беззащитным. Малейшее движение или даже более глубокий вздох заставляли огромную тварь беспокоиться и стискивать его все сильнее и сильнее. Руки и ноги онемели, мышцы звенели от напряжения, кости хрустели. И это заставило его начать думать.

Тихое поверхностное дыхание и полная неподвижность жертвы заставили хладнокровную гадину немного расслабиться. И у герцога впервые за эти самые длинные в его жизни десять минут появилась слабая надежда на благополучный исход этой встречи. Еще несколько минут прошли в томительном ожидании, и вот Натаниэль, приглядевшись повнимательней, понял, что смущало его с самого начала этой странной встречи. Змея, удерживающая в своей пасти добычу, нападает вновь? Бред! И теперь, судя по всему, именно добычу ему и предлагалось рассмотреть. Присмотрелся. Обозвал себя недоумком и взгляделся вновь. Мешочек, завязанный магическим шнурком. Легкий, как выдох, вопрос:

— Мне?

Незамедлительный ответ в виде падающей на грудь посылки. Осторожное прикосновение головы огромной змеи к ключицам, шее, скулам, виску... Если бы была кошкой, решил бы, что ласкается. Легкое прикосновение языка. Опять к шее... Темнота.

Вот же блин! Какая кожа, как бархат. А запах? Так бы и гладила! И почему я не султан? И почему в королевстве не матриархат? Устроить им переворот, что ли? Хочу себе такого в гарем! Ну ладно, мечтать не вредно. Мужик вон поплыл наконец-то. Сильный какой! Маг возле двери быстрее сознание потерял, а этот, гляди, как долго сопротивлялся.

Да! Отвод глаз мне двери не поможет открыть. Опять, что ли, постучать? А чем? Камни в холле не валяются, а маги тут, все трое. Двери наружу открываются. Придется вернуться побыстрее и что-нибудь у Эверли в кабинете уронить. Опа! Лампа настольная, магическая. Упала. Разбилась. Какая досада! Хорошо-о-о! Все трое прибежали. Можно уходить. Теперь открою дверь... Свидетели главного своего в чувство приводят. Холл пуст. Все получится!

Первыми словами пришедшего в себя герцога были:

— Где посылка? Что со мной?

Ответы он получил незамедлительно.

— Мешок с магическим расширением лежит рядом с вами, ваша светлость. С вами все в порядке. Кратковременная потеря сознания никакого серьезного вреда не нанесла.

— Что случилось? Почему вы здесь?

— Дверь в ваш кабинет оказалась открытой, что позволило нам услышать звук падения настольной лампы с вашего стола. Прибежав в поисках источника шума, мы обнаружили вас.

— Когда вошли, видели кого-нибудь?

— Никого.

— Поменяйте записывающие кристаллы и доставьте мне, начиная от входа и заканчивая теми, что стоят в моем кабинете. Быстро.

Через двадцать минут все службы ведомства были подняты по тревоге. Одни занимались поиском огромной змеи, другие просмотром записывающих кристаллов, а третьи изучали доставленные герцогу документы.

Маг, узнавший под утро, кто так крепко обнимал его у входа в особняк, пил успокоительное, поминутно оглядываясь и вздрагивая до самого вечера. Герцог же успокоительное не пил, но зато записи, запечатлевшие все произошедшее, смотрел неоднократно. Сила,

величина и разумность посланного к нему с сообщением фамильяра потрясла его воображение. Еще недавно он был уверен в невозможности подчинения существа такого размера, а о существовании змеи такого вида даже не подозревал. Вот только разгадывать загаданную ему неизвестным магом загадку было некогда.

ГЛАВА 50

Я дома. Как же хорошо! Какой театр, какое выступление? Провались все к демонам! Никуда не хочу, ни идти, ни ехать. Сначала в молельную комнату, моя благодарность богам безгранична. Потом кушать и спать. Кушать вкусно, спать долго. Все остальное подождет.

Проснувшись утром следующего дня, я выслушала восторженный рассказ отца о представлении, данном королевскими актерами на центральной площади столицы, о фейерверке и раздаче сладостей детям. Сожалела ли я о том, что благополучно проспала все это? Нет. Некогда мне. Мне еще сегодня красавицу-графиню навестить надо. Надеюсь, ее любовничку, герцогу, именно сейчас жутко некогда. Не может же мне повезти так еще раз! Или может? Нет, точно не может. Сегодня там же, на площади, начнется турнир бардов. Десятки их съехались в столицу, желая не просто поучаствовать, но и выиграть. Денежные призы для шестерки лучших, маленькое поместье для того, кто сумеет завоевать любовь народа и признание высокородных. Это ли не стимул для творческих самолюбивых личностей, считающих себя непревзойденными мастерами? Четыре дня будет идти этот турнир. Четыре дня в городе лучше всего будут продаваться гнилые овощи и тухлые яйца.

В последний, заключительный день турнир обещал почтить своим присутствием виновник торжества, проходящего в столице, его высочество принц. На этой же площади чуть позже пройдут выступления шутов и бродячих артистов. Параллельно с уличными представлениями будут проходить приемы и балы в особняках высокородных. Мы тоже приглашены не только во дворец. Не без помощи возмущенного нашим «гостеприимством» графа местное высокородное общество узнало о чудесном воскрешении барона Шангри. И теперь многие, в первую очередь родственники пропавших вместе с ним молодых людей, желали с нами познакомиться и поговорить.

Ну, это не ко мне. Пусть барон сам отдувается. Он в этом обществе вырос, ему это в радость. Повторим все, что он может рассказать, и пусть развлекается. Обновлю свои установки и буду

вдвойне за него спокойна. Кто их знает, этих магов, опоят чем-нибудь или намагичат, и выйдет нам посещение столицы боком. Нет, береженого боги берегут. Эх, дотянуть бы до главного празднования во дворце без происшествий и убраться из столицы быстро, тихо, незаметно...

И все-таки, как бы мне хотелось посмотреть на выражение лица Серого герцога, когда он понял, что за документы ему доставили!

Натаниэль метался по кабинету, стискивая кулаки. Магия бушевала, угрожая разрушением и болью всему, что ее окружает. В бешенство господина герцога приводила сложившаяся тягостная ситуация и невозможность ее устранения одним ударом. Нет, теперь он не злился на мага, устроившего ему незабываемое зрелище при встрече с его фамильяром. Его люди сумели при помощи артефактов проследить путь змеи, который начался от особняка казначея, дошел до его кабинета, а потом закончился у ворот ближайшего особняка. Вот только откуда взялась эта змея и куда потом исчезла, так и не поняли. Не нашли они, впрочем, и хозяина этой удивительной зверушки. Злило другое, то есть другие...

Второй день люди герцога работали как проклятые. Незаметно и очень осторожно изымая участников заговора, проводя допросы, магическое дознание, определяя степень вины, выявляя неблагонадежных. Короля, принца, да и самого герцога изображали на приемах и балах в эти дни специально обученные двойники. Беда, вплотную подошедшая к королевской семье, сплотила их, как ничто другое, и работали они сейчас, тесно взаимодействуя друг с другом. Ведь какими бы полномочиями ни обладал Натаниэль, окончательное определение судьбы высокородных подданных должен был вынести король.

Дополнительные сложности для решения этого дела создавали не прибывающие в столицу гости из соседних королевств и не огромное количество простых людей, наводнивших город. Дело было в том, что на вершине заговора, его главой, вдохновителем и главным финансистом был верховный жрец королевства. Он мог одним своим призывом, брошенным в толпу на площади, спровоцировать массовые волнения и резню. В его подчинении находились специально обученные люди. Ему верили обыватели. Радовало, что только

казначей знал, кто является организатором и главой подготовленного переворота, и его нельзя было испугнуть. Сиятельный должен быть по-прежнему уверен в своих силах, а им предстояло еще узнать самое главное — стоит ли за этим святошей весь орден или только отдельные лица, входящие в его верховное руководство. А потому меры, на которые им пришлось пойти, будь они известны в королевстве раньше времени, могли бы привести на плаху даже короля.

Каторга и конфискация имущества у всего рода, вплоть до седьмого колена, ожидали многих виновных, а пока... Пока они получали магическую печать, превращавшую их в марионеток, в рабов. Вот только ставилась она не на лоб, а сзади, на линии роста волос, и привязывались они к Натаниэлю. В случае неудачного противостояния заговорщикам основная тяжесть обвинения в нарушениях закона ляжет именно на него.

Время шло; люди, признанные виновными, возвращались к своей обычной жизни, выполняя приказ вести себя как обычно и только во время покушения на короля и его наследника стать для них живым щитом. День совершеннолетия принца стремительно приближался. Герцог был просто уверен в том, что никакое другое дело не сможет теперь привлечь его внимание. Он просчитался. Его любовнице, которую он не посещал уже дней двадцать, это удалось. Всегда выдержанная, показательно спокойная леди Ниэла скандалила в его приемной с такой настойчивостью и самоотдачей, что Эверли пришлось отложить в сторону дела и пригласить ее в свой кабинет.

Увидев ее заплаканное лицо, он поверил в то, что ее отчаяние неподдельное, а выслушав, осознал истину. Неуловимый вор, прибытия которого они так ждали и к которому так тщательно готовились до того, как узнали о заговоре против короны, не только прибыл и спокойно работает в городе, но каким-то немислимым образом умудряется не попадать на записывающие кристаллы.

Кто уже пострадал? Сколько их? Почему до сих пор нет списка обратившихся за помощью? Вскрытые тайники казначея не его ли рук дело? Незаметное для магии проникновение и вскрытие тайников... Похоже. Очень похоже. Теперь вот Ниэла... Из ее дома забрали все, ну или почти все. На то, что осталось, семья среднего достатка из десяти человек может прожить лет пятьдесят. Она же вполне искренне считает, что уже завтра ей нечего будет есть. Хотя... Если бы она

начала торговать своими платьями, например, то выручки с этого хватило бы лет на пять. Красавица-вдова, за благосклонность которой готовы сражаться мужчины любого сословия и семейного положения, непритворно потрясена случившимся с ней горем. Преступник вынес из ее дома золото, драгоценности и все находящиеся в нем магические накопители, а самое главное, старательно обошел весь дом и аккуратно вынул из креплений и забрал с собой все записывающие кристаллы, оставив при этом нетронутым один-единственный тайник, в котором хранились старинные украшения. Не нашел? Не смог открыть? Или не захотел связываться с драгоценностями, продать которые, не оставив следа, будет очень сложно?

Вызвав в кабинет своего личного помощника, герцог приказал сформировать небольшую группу для расследования данного дела и с большим трудом сумел наконец-то избавиться от леди Ниэлы. Ей непременно очень-очень было нужно, чтобы именно он, Натаниэль, поехал к ней в дом и именно он выступил в качестве главного утешителя. У него же желания посещать и утешать данную особу не возникло, и он очень сомневался в том, что оно возникнет в будущем. До которого, впрочем, еще нужно было дожить.

ГЛАВА 51

Вчера, проникнув в дом любовницы герцога, я стала свидетелем пылкой встречи хозяйки дома с одним из ее поклонников. Нет, все было весьма пристойно, но это был высший пилотаж. Этой красотке уж точно не нужны никакие приворотные зелья. И как бы ни злобствовали ее соперницы, они никогда не смогут поставить ей в вину их применение, а тем более доказать эти подозрения. В ее лице театр потерял гениальную актрису. Идеально построенные мизансцены, изумительно сыгранные, а самое главное, умелое использование внешности, данной богами. Глядя, как искусно она убалтывает очередного претендента на ее тело, желающего уже сейчас отдать ей все, и даже больше, я не могла не восхищаться не только ее умениями, но и ее умом.

Она не требовала ничего в открытую, не соглашалась принимать от него домик в подарок и тем более не давала своего позволения ни на что более серьезное, чем поцелуй дрожащих от волнения пальчиков. Нет, высокородная леди тихонечко, ниточка за ниточкой, слово за словом, крепко-накрепко привязывала за уже проклюнувшиеся рожки очередного козла. Действительно, зачем ей домик в деревне в пожизненное пользование без права продажи? Сидеть в глуши у окошка и ждать, пока лысый красавчик решит ее навестить? Ну и что, что домик размером с особняк! Ну и что, что в нем тридцать комнат и несколько десятков слуг! Зачем ей в глуши платья и драгоценности? Зачем красавице, вдове графа, пусть разорившегося и промотавшего перед своей смертью ее наследство, очередной мот и разгильдяй вместе со своей деревней? Нет, она хочет блистать здесь и сейчас, при дворе короля. Ее дом полон золотых безделушек, гардероб занимает не одну и не две комнаты, а умелая травница помогает ей выглядеть молодой и прекрасной.

За один вечер она поужинала трижды, меняя кавалеров так же легко, как прислуга меняла посуду на столе. Не-э-эт, самой ей некогда было кушать, она окучивала огород, приманивая доверчивых травоядных, а они и рады были обманываться. Четвертый появился в ее спальне глубокой ночью. Я уже думала, что мне придется просто

поселиться в ее гардеробе, но ближе к утру дом наконец-то полностью затих.

Работать пришлось в предрассветные часы и, как ни странно это звучит, утром. Спали все, от хозяйки до поваренка. Опустошая богатые, полные золота тайники, я вспоминала все, что увидела, и приходила к выводу, что, если бы мне сказали, что главой заговора против короны является именно она, я бы не удивилась. Уму и изворотливости этой молодой женщины можно только позавидовать. Уверена, она переживет мое вмешательство в ее жизнь, сделает выводы и уже после этого ни один вор не сможет взять из ее дома ни одной, даже медной монетки. Уже сейчас ее дом в плане безопасности выгодно отличался от особняка казначея. Количество механических запоров, записывающих артефактов и места расположения тайников сильно затрудняли мою работу, но я справилась и ушла из-под наблюдения среди бела дня, добравшись в безопасное место в образе змеи. Сменив облик, влилась в поток людей, спешивших на представление бардов, но дошла только до ворот храма. Благодарственная молитва и жертва богам, как и путь домой, не заняли у меня много времени, и все же порог нашего особняка я переступила уже после полудня.

Мне, конечно, пришлось выслушать брюзжание приемного отца, искренне переживающего за меня, но зато я выполнила почти все, что задумала, и готова была покинуть столицу в любой момент. Мужчины, по-прежнему не задавая вопросов, приступили к сборам. До приема во дворце осталось два дня.

Сегодня с утра у нас был гость. Одетый во все серое господин в сопровождении двух стражников навестил наш небольшой особняк сразу после завтрака. Невысокий, коренастый, легко и будто невесомодвигающийся, он обладал совершенно заурядной внешностью, блеклой и незапоминающейся. Предъявив магический жетон и удостоверив этим свои полномочия, он вежливо попросил нас ответить на вопросы, возникшие у его ведомства к барону Шангри и его дочери.

Дотошности и въедливости блеклого служаки могли бы позавидовать многие и в нашем мире. Не раз и не два возвращался он к вопросам, на которые не получил внятного ответа, но благодаря нашим неоднократным тренировкам запутать нас или подловить на

неточностях у него так и не получилось. Шангри уверенно придерживался выработанной нами легенды, и серому господину пришлось удовлетвориться нашим рассказом. А вот причиной, по которой отсутствует наследник барона, Ангел Шангри, он так и не поинтересовался, подтвердив тем самым наши догадки о том, кто побудил нашего поставщика проявить к нам такой настойчивый интерес. К обеду в этот день мы приступили на два часа позже обычного. Гость от угощения отказался, а мы, проводив его, наконец-то вздохнули с облегчением, надеясь, что в ближайшее время это ведомство нами интересоваться не будет.

Все люди по-разному сбрасывают напряжение. Я вот, например, сразу после ухода гостя и легкого перекуса отправилась в одну из пустующих комнат, прихватив с собой оружие. Физическая усталость лучше всего остального помогает мне отвлечься от забот и тревог, а последующее омовение и крепкий сон возвращают уверенность в себе. Вот только выспалась я к тому времени, когда нормальные люди ко сну только начинают готовиться, и потому, переполненная энергией, энтузиазмом и неумным любопытством, отправилась искать приключения на свою... И ведь почти уже договорилась сама с собой, пообещала не нарываться больше на неприятности, не гулять по ночам, а самое главное, не лезть в чужой монастырь. Так нет же...

Интуиция заорала, оглушая меня, бедную, слишком поздно. В этот момент ночь уже вступила в свои права, а я сидела, притаившись в ветвях дерева, растущего на берегу реки, глядя на величественную картину у меня перед глазами. Хрупкий изящный мост, построенный над темными водами быстрой реки, и освещенный магическими огоньками монастырь Белых братьев. Он ослеплял, пугая видом неприступных на первый взгляд стен. Галереи, расположенные по верху этих стен, я уже исследовала ранее, а вот в монастырский двор не спускалась. Послушала я вопли интуиции, послушала и полезла наверх, прекрасно понимая, что если не сделаю этого сегодня, приду завтра. Сама ведь себе свой маленький хвост откушу, если не узнаю, что они там прячут!

И почему люди не летают? А рыси и змеи почему? Почему я не метаморф? Я могу использовать только три облика — человека, змеи и рыси. Сколько ни пробовала, сколько ни старалась, никакой облик больше так и не отозвался. А как было бы хорошо! Захотела — стала

птицей. Захотела — рыбкой. Хочешь — сама себе лошадка быстроногая. Да-а, хотеть не вредно. Мечты — дело хорошее, но не тогда, когда по стене монастырской карабкаешься.

Как же отлично все получилось. Раз, два, полчаса — и я на месте. Магическая сеть с артефактами раскинута над всем городом, но монастырь и здесь выделился. Нет над ним такой диковинки. Герцог своими наработками не поделился или святоши просто не торопятся применять у себя его новинки? Магические плетения оплетают все стены словно кокон. Трудно найти место, свободное от магических линий, а записывающих артефактов нет. Ну точно нет! Густая тень, отбрасываемая одной из сторожевых башен, укрыла меня от внимательных взоров Белых братьев, патрулирующих территорию. Сохраняя полную неподвижность, я старалась как можно точнее просчитать время между появлениями этих стражей. Мне почему-то очень захотелось вернуться домой живой и невредимой.

Есть! Десять минут! У меня есть всего десять минут для того, чтобы добраться до интересующей меня двери, воспользовавшись немногочисленными неосвещенными участками двора. Именно эта дверь время от времени не только открывается, выпуская на улицу братьев, но и периодически остается распахнутой.

В этом мире есть боги! Который раз убеждаюсь: они точно есть! Несколько минут назад, провожая взглядом очередную патрулирующую двор пару, проходящую мимо меня, я уже готова была сорваться с места и рискнуть, но какой-то легкий, еле слышный даже для моих ушей звук, раздавшийся справа, заставил меня замереть на месте. Как хорошо, что кошки не потеют, была бы в облике человека, вымокла бы в мгновение ока. В стене рядом со мной, руку протяни — достанешь, открылась потайная дверь. Десять человек, одетых в белые одежды, бесшумно проскользнули мимо меня. Если бы не чувствовала их запах, решила бы, что призраки. Глухие капюшоны, бесформенные балахоны, закрывающие ноги и руки до самых кончиков пальцев, и доведенное до совершенства умение не только бесшумно двигаться, но и дышать.

Еще в городе, встречая на своем пути такие закутанные в белое фигуры, я обратила внимание на небольшое различие в их облике. Дело в золотых полосках на рукавах, у кого-то их не было совсем, у других они были, но отличались по ширине. Пришедшие имели на

рукавах очень тонкие полоски, а вот человек, встретивший их на середине двора, — широкие. Они блестели в свете магических огоньков, говоря о его статусе и могуществе. Низкий поклон младших, чуть заметное приветствие старшего — и не совсем понятный поначалу разговор, ужаснувший меня под конец.

— Нашли?

— Нет. Никаких слухов, разговоров, никаких зацепок.

— Не может такого быть. Слышите! Не может! Сильнейшая верховная ведьма в городе! Она не может остаться незамеченной. Вы плохо ищите!

— Мы нашли восемь слабых ведьм. Две из них изображали простых травниц, остальные пакостили по мелочам. Все говорит о том, что сейчас высшей в городе нет.

— Она в городе! И настолько сильна, что мы так и не смогли пробить поставленный на провинившуюся блок. Мы не узнали ничего, ни возраст, ни описание облика, не сумели снять слепок силы в рабочем доме, который она посетила. Ведьма все же сдохла, но так ничего и не сказала. Вы разочаровали меня! Сегодня, вместо ужина и сна, вы будете молиться и принимать наказание. Завтра вашу группу усилят. Вас будет на девять человек больше, чем сегодня. Старшим с вами пойдет Арамар. Вы отвечаете за его безопасность, и пусть боги помогут вам.

— Сильнейшие над нами! — Поклон и тихий, четкий, хором произнесенный ответ. Вот чем закончилась эта встреча.

Как же хорошо, что у змеи нет ног! Сменил облик, и вот дрожат от ужаса только внутренности, а лапы уже не дрожат. Они меня ищут! Мама моя! Спаси и сохрани мою глупую голову. Как же хорошо, что змеи только шипят, заорать от страха у меня при всем желании не получится. Вот старший ушел патрули проверять. Младшие за наказанием отправились. Всю ночь на коленях простоят теперь, что ли?

Дура! На коленях... Боги!

Я сумела незаметно проследовать за поисковой группой, и теперь сердце мое обливало кровью. Да, знаю, если я попаду к ним в руки, меня никто не пожалеет и не пощадит, но... Им же всем нет еще и восемнадцати. Они же почти все возрастом чуть старше Ярика! Как же так можно с ними? За что?!

Они молились. Молились, разбившись на пары. Молились те, кто взял в руки хлысты и начал наносить удары по оголенным спинам своих товарищей. Молились те, кто эти удары получал. Молились, когда менялись местами. Молились... Молились... Молились... Кровь заливала их спины, а они ложились на пол ничком и продолжали молиться вслух. Ни стоны. Ни крика. Ни слез.

Не сумев сдержать оборот, стала человеком и, сжавшись в комок в самом темном углу почти не освещенного огромного зала, я плакала за всех них, захлебываясь слезами. Да, мои родители погибли. Одиночество подкосило меня. Я обижалась на них за то, что они оставили меня одну. Но мои близкие никогда не предавали меня! А этих ни в чем не повинных детей отдали в монастырь, и не просто отдали, а еще и заплатили огромные деньги... За что?!

Мне не понять, а потому произнесла вслух, негромко, но от души, на чистом русском языке:

— Пусть будут прокляты живущие в этом монастыре, кто запачкал свои души чернотой, пусть покроются язвами не умеющие прощать, не смогут досыта наесться жадные, не смогут никогда поднять руку садисты, испытывающие удовольствие от причинения боли другим. И пусть идейный вдохновитель всего этого безобразия испытает все те незаслуженные муки, когда-либо принимаемые его подопечными. Боги! Белый цвет, цвет чистоты и целомудрия! Воздайте чернотой заслужившим!

Молитва братьев, произносимая четко, громко от души, не позволила им услышать меня, но помогла мне прийти в себя. Поколебавшись, я все-таки решила продолжить свой путь и изучить жилище святош получше.

ГЛАВА 52

Ночь — не повод для отдыха. Наверняка именно этим девизом чаще всего пользовалось руководство этого монастыря. И если ночную работу кухни, расположенной в отдельном крыле, я еще могу объяснить, то наличие двух десятков молоденьких парнишек, сидящих за длинными столами, установленными в библиотеке, и усердно переписывающих древние рукописи, — нет. Это что, днем сделать нельзя? И ведь никого из старших рядом нет, а тишину только скрип перьев по пергаментам нарушает.

Тренировочный зал... Он тоже используется по назначению. Вот только тренировка здесь и сейчас проходит у младших. Учителям, муштрующим своих подопечных, конечно, ох как далеко до моего сэнсэя, но для этого мира работают ребята на вполне приличном уровне. Возникает только вопрос: спят они когда? Хорошо хоть магию экономят. Коридоры почти не освещаются, что и позволяет мне не только оставаться до сих пор не замеченной, но вполне свободно передвигаться.

И вот опять же кельи... Узкие каменные мешки с окнами, похожими на бойницы, двумя деревянными кроватями, без дверей. Тонкие матрасы, тонкие одеяла, никаких подушек и тумбочек. Удобства на грани фантастики. А самое главное, большая половина этих кроватей в данный момент пустует. Что же здесь на самом деле творится? Ведь детей с улицы братья не подбирают, все они здесь высокородные. Тогда за что их наказывают? За беспутное поведение отцов и матерей?

Старшие братья. Наставники. Их комнаты больше похожи на обычное жилье, пусть не роскошное, но все же удобное. А вот у жрецов... Да, герцог, с его служебными апартаментами и рядом не стоял. Отдельное крыло, отдельные гостиные, спальни, купальни и пыточные. Нет, ошиблась! Не пыточные. Комнаты для удовлетворения фантазий сексуальных маньяков, не иначе.

Все! Я не смогу уйти из этого «божьего дома» спокойно! Не знаю, кому молятся все эти братья и кому они заставляют молиться своих

воспитанников, но к настоящим богам этот монастырь не имеет никакого отношения.

До сих пор я убивала, только защищаясь, но теперь я готова была убивать, защищая. Десятки поколений моих предков обеих национальностей требовали от меня решительных действий. Воспитание сэнсэ взяло верх. Верхний слой гуманной рассудительности, ставший в последнее время очень тонким, смыло тяжелой волной гнева воина ниндзя. Облик сменился в одно мгновение. Оружие, словно живое, скользнуло в мою руку.

И пусть боги в очередной раз помогут мне!

Первой моей жертвой стал сухощавый старик с плешивой головой. Шикарные апартаменты и белый балахон с широкими золотыми полосами на рукавах говорили о его высоком положении в ордене братьев. А большие шкатулки, наполненные золотом, с напоказ открытыми крышками, — об уверенности в своем положении и безнаказанности. Он умер, так и не заметив моего появления у себя за спиной. Занят был. Очень. Доказывал молитвой и делом мальчишке лет шести всю глубину его вины. На грешнике уже и места живого не было, а добрый брат все продолжал усердствовать в своих молитвах. Старик был магом, и не просто магом, а сильным, но воином он не был, за что и поплатился.

Я была готова к тому, что голова старого маньяка легко и просто покинет свое место с моей помощью, но к тому, что мальчишка, которого я сняла со стены, придет в себя и вместо того, чтобы испугаться и заорать, вцепится в меня обеими руками, как клещ, не была.

— Ты демон? Настоящий? Забери меня с собой! Забери! Я буду служить тебе! Только забери! — Глухой, надтреснутый шепот из потрескавшихся детских губ заставил мою душу содрогнуться от боли. Я не могла его оставить, не могла, но способа забрать с собой тоже не знала. Ответ на мой невысказанный вопрос дал прижавшийся ко мне ребенок: — Мы сумеем уйти. Каждое утро мы, младшие, под присмотром старшего идем в народ, просить подаяния. Мы просто выйдем за ворота с первыми лучами солнца. Никто не будет проверять, никогда не проверяют. Нужно только тебе балахон белый найти, с полосками. Ты взрослый, тебя примут за старшего.

Боги! За содержание этих детей их родители платят бешеные деньги, а их попрошайничать заставляют! Но выход, предложенный мальчишкой, стоит попробовать осуществить.

— У вас в кельях есть мазь для ран?

— Да.

— Значит, так, сейчас пробираешься в купальню, смываешь кровь, как можно лучше обрабатываешь раны и идешь в молельный зал. Ждешь там моего прихода. Возможно, к тебе присоединится еще кто-нибудь. Вам разрешают молиться в любое время?

— Да. Никто не удивится.

— Тогда иди... Иди, малыш.

— И если ты придешь раньше меня? Ты дождешься?

— Дождусь.

Я убила троих. Остальные комнаты были пусты. Их хозяевам повезло, именно в эту ночь они отсутствовали. Хотя о том, кому повезло больше — тем, кто умер или тем, кто остался в живых, можно поспорить. Уверена, что с наступлением нового дня обитель Белых братьев ждут великие перемены. Да, я помню, что первоначально собиралась посетить эти стены только для того, чтобы обчистить закрома святош, но теперь... Теперь я просто не могу прикоснуться к этому золоту. Осталось только уйти так же тихо, как вошла, а еще увести троих, пожелавших уйти с «демоном». Ну а за кого еще могли принять мальчишки вооруженную до зубов и закутанную во все черное фигуру? Только за демона.

Молельный зал встретил меня сумраком и тишиной. Братья, преклонившие колени перед статуями богов, возносили молитвы, не произнося вслух ни единого слова. Мой взгляд обежал зал в поисках трех малышек, но, не найдя никого похожего, вернулся к фигурам, застывшим на коленях. Сомнения в правильности сделанных мною выводов закрались в мысли. Нет, в группе были малыши, и их было трое, но рядом с ними стояли еще трое. И вот они малышами не были.

Тень от самой высокой статуи, стоявшей посередине зала, великолепно скрывала меня, но времени на принятие решения у меня уже почти не осталось. Придется показаться.

И все же малыши были моими, теми, кого я пообещала дождаться, а потому... Шаг вперед и чуть слышный вопрос:

— Желающие уйти...

— Здесь, — прошелестело в ответ, и навстречу мне поднялись шестеро. Три моих малька и трое подростков лет десяти-двенадцати. Вопросы задавать не пришлось. Один из новеньких произнес, опережая их: — Мы готовы принести клятву вечного служения за возможность уйти из этих стен навсегда.

Они не оставили мне выбора. Тугой сверток, еще мгновение назад лежавший позади меня, развернулся в моих руках, и белый балахон с широкими золотыми полосами скрыл мою фигуру и голову. Дети повторили мое действие, скрывая свои лица. Из зала мы выходили не торопясь. Я, как и положено, чуть впереди и шесть человек парами сразу за моей спиной. Уверенность братьев в своей безопасности и безнаказанности сыграла мне на руку. Никто из встречных не обратил на нас никакого внимания, а стражники, прежде чем открыть ворота, просто пересчитали. Стоя в воротах и пропуская мимо себя детей, я обратила внимание на последнего, по виду самого старшего паренька и на мгновение усомнилась в своем зрении. Что он горбатенький, я заметила сразу, а вот то, что его горб шевелится, мне, наверное, показалось.

Не показалось! Вот опять! Мост мы прошли, как и двор, спокойно и неторопливо. Вот только теперь нужно не только уйти от будущего тщательного розыска святош, но и от внимания записывающих артефактов. И чувствую я, это будет непросто. Очень непросто.

ГЛАВА 53

Белые балахоны делали нас невидимками. Просыпающийся город и его жители нас не видели и не слышали. Здесь привыкли к безликим фигурам братьев и не обращали на них никакого внимания, но чем дальше мы шли, тем тяжелее были шаги детей, светлее становилось на улицах. Да и записывающие кристаллы никуда не делись, продолжая четко и скрупулезно фиксировать наш путь.

Я вела детей по лабиринтам улиц к дому мадам Нарги. Этот очень интересный и по-своему знаменитый дом стоял на стыке границ квартала торговцев и центрального квартала высокородных. Мадам содержала дом для обездоленных девушек-сирот. Вывеска на воротах ее особняка сообщала всем о том, что любой желающий может сделать добровольный взнос для помощи этим молодым девушкам. На самом же деле под этой элегантной вывеской скрывался обычный бордель, и всех желающих сделать пожертвование здесь ожидали с распростертыми объятиями в любое время с полудня до рассвета. В этом доме спать ложились именно на рассвете. Двери закрывались только на магический замок. Никто не шатался по коридорам, никто не гремел кастрюлями на кухне. Спали все, от дворецкого до хозяйки и ее лошадей. Именно это обстоятельство сделано этот дом таким привлекательным для меня, а еще то, что его подвалы сообщались с общей системой подземных ходов нижнего города.

Ни одного вопроса, ни одного звука не сорвалось с губ мальчишек, когда они поняли, куда я их веду. Они просто следовали за мной, не рассуждая и не сомневаясь. Магическое охранное заклинание, как и магический замок, как всегда, не стали для меня препятствием. Наши бесшумные шаги никого не потревожили. Словно бестелесные тени мы пересекли пустой холл и проскользнули в неприметную маленькую дверь, скрытую под широкой лестницей.

Подвал этого особняка встретил нас холодом, затхлым запахом нечистот и тихими стонами. Я знала, что за крепкими дверями, в небольших комнатках мадам держит провинившихся девушек, но помочь им я ничем не могла. Да и сами девушки вряд ли

поблагодарили бы меня за вмешательство в их жизнь, а потому мы тихонько проследовали мимо их камерок.

Об имеющемся в этом подвале выходе в общую систему ходов хозяйка не знала, и именно это позволяло мне надеяться на благополучный исход любого расследования и поиска. Огромный подвал был поделен на две части, и если в первой были камеры, то во второй кладовые. Вот в самой дальней кладовой, за двумя старыми подгнившими бочками находился частично заваленный вход-выход. Именно через него я и попала первый раз в этот особняк. Сейчас же я собиралась уйти через него. Толстых среди нас не было, проскользнуть через завал без проблем смогли все.

Вот только дальнейший наш путь сильно замедлился. Прежде всего мне пришлось поспособствовать окончательному обрушению этого хода. Никто не должен догадаться, что мы здесь прошли. Надеюсь, завал длиной больше пятидесяти метров сможет убедить в этом кого угодно. А еще... Пришло время для разговора. Прежде чем я двинусь к своему дому, мне просто необходимо узнать все о тех, кого я туда веду.

Белые балахоны защитили детей от пыли, образовавшейся при обрушении стен и сводов. Сейчас, обратив внимание на мою неподвижность, они присели на пол и, откинув укрывающие их головы капюшоны, дружно уставились на меня. Магические огоньки, освещающие нам путь все это время, повинувшись моей воле, вспыхнули ярче и помогли мне увидеть полные боли, тревоги и надежды детские глаза. Мое же лицо и фигуру скрывал от них черный мужской костюм воина-ниндзя, да еще и белый балахон сверху. И все же, как ни болела моя душа при взгляде на них, а поговорить нам просто необходимо.

— Ну что ж, мальчики... Прежде чем двинемся дальше, нам нужно многое прояснить. Начнем с вас. Младшие просили меня забрать их и получили мое согласие. Старшие?.. Я ничего не знаю о вас, но очень хочу узнать.

Заговорил, к моему удивлению, один из малышей.

— Это мы виноваты! У каждого высшего жреца по два личных воспитанника. Мы и жили в одной комнате. — Дальше малыш выговаривал уже сквозь слезы: — Нам, младшим, еще не так сильно доставалось. Нас жрецы редко в кровать брали, а наших старших и били сильнее, и все остальное тоже... сильнее. Они хорошие... Если

бы не они, мы бы не выжили! Вот у кого из жрецов старшие воспитанники младшим не помогают, у тех младшие часто меняются, а наши они хорошие. Не прогоняйте их, господин!

— Жрецы говорили: придет демон, заберет нечестивых, скормит своим демонским тварям. А старшие послушники потихоньку говорят, что и у демонов можно жить получше, чем в нашем монастыре, — подхватил его рассказ сидящий рядом парнишка постарше. — Если вам некуда нас взять... Вы убейте нас! Не бросайте просто так. Они найдут нас, и тогда умирать мы будем долго. Мы уже решили, что сами младших от всего этого избавим... А тут вы пришли!

Слушать этих пацанов спокойно я не могла.

— Так, все ясно. Давайте знакомиться. — Я сбросила с себя балахон и полностью открыла лицо. — Во-первых, никакой я не демон и вообще не он, а она. Зовут меня баронесса Миира Шангри. Во-вторых — ведьма я, высшая. А потому после моего посещения весело сейчас у вас там, в монастыре. В-третьих, заберу я вас всех. Вот только свои имена вам придется забыть, а к новым привыкнуть. В-четвертых, что там у тебя, белоголовый, за горб такой интересный? Шевелится иногда вроде бы.

Парнишка, названный мною белоголовым, поднялся и начал снимать с себя балахон. Но тут его руки затряслись, а из глаз закапали слезы. Принялись всхлипывать и остальные, немало напугав меня этим. В конце концов, снимать с него этот балахон пришлось мне самой. Не знаю, что я ожидала там увидеть, но точно не пару испуганных глаз и судорожно вцепившиеся в серое рубище ручонки.

Мать твою! Кого же мне начинать благодарить за этот подарок!

— Он маленький, — загалдели наперебой дети. — Мало кушает! Мы ему на еду всегда заработаем! Его даже метить не стали. Таких маленьких в монастырь не берут. Его даже за деньги брать не стали. Тогда мать его оставила в кабинете высшего жреца, а тот приказал избавиться от уродца. А он не урод! Он просто маленький и разговаривать совсем не может. Его когда в кучу для отходов выбросили, он сначала плакал и выползти пытался, а его опять туда бросали. Он тогда замерз и уже на второй день совсем плакать перестал. Мы его только на третий день смогли спрятать. Так он теперь не разговаривает и никогда не плачет. Лежит тихонечко под кроватью. Мы его долго прятали. Он умный, молчит. Если кто в

комнату заходил, так он не шевелился даже. Не выкидывайте его! Мы знаем, такие, как мы, высокородным леди не нужны, а маленькие уроды тем более, но мы отработаем и за нас, и за него.

Под напором детских просьб и причитаний я просто растерялась, а они, видимо, приняв мою растерянность за колебание, все разом опустились на колени. Рухнула на колени и я. Если бы не боязнь испугать этих мальчишек, я бы криком сейчас кричала, но мое горло сжало словно тисками, и из него вырывались только тихие хрипы. Я готова была вернуться и вырезать обитателей монастыря подчистую, обращая внимание только на цвет одежды, ибо я верила, что с этого утра любая одежда останется белой только у тех, чья душа была до сих пор незапятнанной.

Несколько минут у меня ушло на то, чтобы восстановить дыхание и самообладание, а затем суметь заговорить.

— Никто никого не собираются выкидывать. Все встаем. Снимаем балахоны, на них магические маячки. Собирайте их в одну кучу, сейчас уничтожу. Мелкого давайте сюда, а то ты, парень, уже с ног валишься, того гляди упадешь. Двоих вас я не дотащу. Теперь становитесь в ряд. Руки вперед! У вас и на запястьях метки стоят. Святоши мне на пороге моего дома не нужны!

Трансформировав ногти на правой руке в маленькие коготки, я аккуратно подцепляла и уничтожала ими магическое плетение в виде монастырской печати, служащей маячком. Много времени это не заняло, впрочем, как и заклинание, обратившее в пепел белые балахоны.

Дорога до ставшего уже родным особняка заняла довольно много времени. Отвод глаз, наложенный мной на всех нас, очень помог, но народ в подземельях шастал, как муравьи в растревоженном муравейнике, и потому нам часто приходилось замирать без движения, пропуская мимо себя особо торопливых. И все же мы сумели пройти весь путь под землей.

Отвод глаз я сняла с нашей компании только в холле нашего особняка, напугав этим действием своего приемного отца до икоты. Следующие три часа мне пришлось изображать целителя. Лечить нужно было всех подряд — мальчишек от ран, отца от заикания, охранников от бешенства. Дело было в том, что никто из моих домашних не знал о найденном мною в нашем подвале очень искусно

спрятанном ходе в подземный город, и, наверное, именно поэтому моя пропажа, а потом и эффектное появление произвели на всех такое неизгладимое впечатление. И только присутствие рядом с нами детей спасло меня на этот раз от скандала и упреков.

Сами же спасенные, вымытые, накормленные, напоенные по самую маковку эликсирами со снотворным эффектом, были отправлены спать. Нам же пришлось в быстром темпе готовиться к посещению дворца. Опаздывать было нельзя. Привлекать к себе внимание теперь мы просто не имели права и рассчитывали покинуть столицу уже на следующий день после празднования дня рождения его высочества. Барон, на мое счастье, не дожидаясь моего возвращения, рассчитал всех нанятых мною слуг, и только Ярик оставался пока еще возле наших лошадей. Мальчишек придется оставить в доме без присмотра, но зато их никто не увидит. Дисциплина и послушание были буквально вбиты в этих детей. Самостоятельными они стали уже давно, и я понимала это, как никто другой. Беспокоился отец. Да, отец... Мне кажется, именно сегодня я поняла, полюбила и окончательно приняла барона Шангри как отца. Он волновался за меня, переживал. Не раздумывая, принял в своем доме чужих детей. Заботился о них вместе со мной. Сразу стал планировать, как забрать их из города, как спрятать, как накормить. Он очень изменился за время, прошедшее с нашей первой встречи. Стал близким, родным. Теперь мы действительно семья, и у нас все получится.

Нам бы день простоять и ночь продержаться, а потом еще суметь убраться из этого гостеприимного города как можно дальше. Зачем всемогущему королю и его брату-герцогу интересоваться каким-то бароном? Незачем. Вот и я считаю, с глаз долой — и мы домой.

ГЛАВА 54

Натаниэль Эверли, самый молодой герцог королевства, брат короля, глава ведомства безопасности и завидный жених, стоял возле трона его величества и вместе с ним внимательно наблюдал за вереницей высокородных гостей, приносивших свои дары и поздравления сидевшему чуть ниже наследнику. Огромное количество приглашенных он проредил совершенно неожиданно для себя в первой половине сегодняшнего дня. Еще вчера они с братом пытались найти решение, как они смогут противостоять высшему жрецу королевства и его планам. А уже сегодня утром боги нашептали ему план. Один из Белых братьев, работающий на его ведомство последние полгода, но до этого момента еще не имевший возможности отлучаться из монастыря, принес ему удивительные вести. Необъяснимая болезнь совершенно неожиданно поразила высшее руководство ордена. Сильнейшие боли, гниющие на теле язвы, не поддающиеся лечению, и любая одежда, становящаяся черной при надевании, все это ошеломило святош. Обезглавленные же тела трех уважаемых жрецов увеличили панику и неразбериху.

Полученные известия позволили герцогу начать аресты и конфискацию имущества провинившихся. Целые семьи, от стариков до детей, спешно покидали столицу. Покидали тихо, без недовольства и скандалов. Никто из праздно шатающихся на улицах обывателей не обращал внимания на плохо одетых людей, смотрящих в никуда, вывозимых на телегах под конвоем стражников. Никто не узнавал в них блистающих еще вчера в обществе высокородных.

Всего лишь за полдня королевство было очищено от светских заговорщиков. Заговорщиков же, прячущих свои лица за одеждой божьих служителей, судя по всему, покарали сами боги. С улиц города в течение всего утра приходили вести о чернеющей одежде святош и, что самое интересное, не у всех братьев одежда меняла цвет. Обычные горожане не замечали, как исчезают с улиц темные и остаются светлые. Замечали люди герцога, и потому знал об этом и король.

Веселые лица, искренние и не очень поздравления звучали в зале в адрес именинника. Музыка, яркие краски цветов, нарядов и лиц,

улыбки красивых женщин — все это вместе, а еще утренние события, о которых еще не знали пришедшие на праздник гости, давало надежду королевской семье, надежду на жизнь. Герцог был уверен в том, что теперь покушение вряд ли состоится. Да, люди, готовые прикрыть своего короля и принца от любой опасности, по-прежнему внимательно следили за происходящим, но напряжение, сковывающее всех еще сутки назад, уходило, уверенность в своих силах возрастала.

Праздник становился все более шумным. Его высочество спустился в зал. Он и его молодые друзья уделили внимание прибывшим на бал гостям. Натаниэль наблюдал за тем, как его племянник, неукоснительно соблюдая протокол, приглашает на первый танец принцессу соседнего королевства, и от души радовался тому, что может не просто стоять за плечом у брата, но и с полным правом игнорировать обязанности герцога. Прекрасные девушки пытались привлечь его внимание, и он, как любой мужчина, любовался каждой из них, вот только спускаться в зал ему по-прежнему не хотелось. Его мысли перескакивали с одного на другое, а глаза четко фиксировали все происходящее вокруг. В какой-то момент он обратил внимание на то, как умело и изящно обращаются с веерами женщины, и вспомнил об удивительном умении баронессы Шангри защищаться с его помощью.

Успевший заскучать король был только рад отвлечься и выслушать занимательный рассказ Натаниэля о ней. Ему же в голову пришла идея о том, как можно использовать женщин, обученных таким образом. Разве будет принимать во внимание убийца слабую женщину, стоящую возле принца и играющую веером? Мысль, выказанная королем, показалась интересной обоим братьям. Баронессу было решено найти.

Женщин, одетых в черное, в зале было значительно больше десяти, но вот плотная вуаль закрывала лицо только одной из них. Именно на нее герцог Эверли обратил внимание брата и именно ее велел пригласить для более близкого знакомства с его величеством.

Предвкушая интересное знакомство, они внимательно наблюдали за тем, как движется по залу посланный ими человек. Прежде чем заметить неладное, герцог даже успел рассказать королю, что высокий седоватый мужчина, стоящий рядом с баронессой, ее отец, барон Шангри.

Совсем немного оставалось пройти посланнику королевской семьи, когда случилось невероятное. Пара, за которой они наблюдали, повернулась и направилась к ближайшему выходу, решив, по-видимому, покинуть торжество. И они покидали его! Двигаясь плавно, не торопясь, ни с кем не сталкиваясь, они тем не менее удалялись быстрее, чем в их сторону продвигался сквозь толпу посланный за ними слуга. Уверенные в том, что в пустом коридоре баронессу непременно догонят, братья искренне расхохотались, с удовольствием наблюдая за тем, какие трудности приходится преодолевать посланнику, отставшему от дамы и ее спутника. И вот слуга наконец-то сумел покинуть зал.

Принц, пожелавший узнать причину их смеха и покинувший под этим предлогом щебечущих прелестниц, отвлек их внимание на себя на довольно продолжительное время. По окончании разговора появления вдовы они ожидали уже втроем, внимательно оглядывая зал. Вот только никого, похожего на маленькую стройную фигурку, одетую во все черное, с черными как смоль волосами и серебристыми прядями, направляющуюся в их сторону, не было. Несколько томительных минут понадобилось герцогу для того, чтобы понять, что посланный за гостьей слуга возвратился один. Он так и не смог догнать и остановить указанную ему даму и ее спутника, хотя вышел в коридор следом за ними.

Исчезновение вдовы не рассердило ожидавших ее мужчин, напротив, она заинтересовала их еще больше. Посоветовавшись, они решили пригласить барона и его дочь на семейный завтрак королевской семьи, который устраивался раз в десять дней. На него приглашали тех, кого хотели приблизить, поощрить, кто мог быть полезен, заинтересовал. А баронесса заинтересовала очень.

Бал. Праздник. Феерия красок. Яркие, как райские птички, девушки. Блистательные леди. Самовлюбленные и самоуверенные царедворцы. Преисполненная важности прислуга. И все это вместе взятое — королевский дворец.

Сам дворец просто великолепен! Те, кто занимался его постройкой, украшением и обстановкой, просто гениальны. Ничего лишнего, ничего вульгарного. Богато? Да. Но как же все гармонично. Ходить и любоваться по коридорам, залам, галереям можно часами. Но

жить в такой роскоши я бы, например, не смогла. Такие огромные пространства и гулкая пустота меня пугают, а вот чтобы посмотреть, я бы пришла сюда еще не раз.

Мы не опоздали! Прибыли вовремя. Поздравили именинника и влились в толпу гостей. Мои опасения не оправдались, никому здесь мы были не интересны. И если у отца все же нашлись знакомые, возобновившие с ним отношения, члены семей пропавших с ним вместе, то меня рядом никто не замечал. Замечательное общество! На таких, как я, одетых в черное, никто не обращал внимания. Вынужденные присутствовать на официальном мероприятии и, видимо, только поэтому получившие приглашения, мы были настоящими невидимками, прямо как Белые братья на улицах. Никто не сторонился нас, никто не обсуждал, словно женщина, одетая в черное, пустое место. Или, как минимум, умерла, и умерла уже давно.

Музыка, смех, пары, кружившиеся в танце, галантные кавалеры и не очень. Общее внимание всего общества, естественно, привлекал принц. Его великолепие наследник в танце с еще большим великолепием, имеющим титул принцессы, производил благоприятное впечатление. Высокий блондин с голубыми глазами был почти точной копией своего венценосного отца, сидевшего на троне со скучающим видом, но только более молодой копией. Окруженный своими друзьями, он улыбался весело, открыто, не забывая осыпать танцующую с ним девушку комплиментами. Не знаю, как другие, но я заметила, как грамотно и умело работают окружающие его молодые люди, прикрывая его высочество от возможного нападения.

А еще я заметила герцога. Да... Как его можно было не заметить? Большая половина всех находящихся в зале дам не сводила глаз с потрясающей парочки, находящейся на единственном в зале возвышении. Ну и что, что один из них сидит на троне, а второй стоит возле него? Разве от этого они становятся менее привлекательными? Привлечь внимание хоть одного из них, у всех на виду — о чем еще можно мечтать, ведь герцог не женат! А король? Стать его фавориткой — цель многих присутствующих дам.

Вот только ни один из них не обращал внимания на вьющихся вокруг возвышения красавиц. Поздравления, пожелания, приветствия позади. Неторопливый разговор словно щитом огораживает их от окружающих. И не только он — сильнейший магический щит,

непринужденно поддерживаемый герцогом, выполняет ту же функцию. Их неторопливый разговор и внимательное, но спокойное поведение якобы слуг, наводнивших зал, ясно говорило мне о том, что брат короля успел остановить заговорщиков. Нападения не будет. И все же больше всего меня радовало и вселяло надежду на лучшее отсутствие возле трона высшего жреца королевства. Это означало, что теперь у нас есть шанс. Мы можем попытаться выскользнуть из крепкой хватки святош.

Планы, размышления, надежды, заполонившие мои мысли, не смогли все же отвлечь меня от *него*. Я, как и половина присутствующих в зале женщин, не могла не смотреть на брата его величества. Тем более, в отличие от них, я прекрасно знала, как он выглядит без этой расшитой золотом одежды. Как? Великолепно!

Да, первая половина присутствующих девушек охотилась за принцем, вторая за герцогом, а вот замужние имели перед собой другой заманчивый объект для охоты, вокруг которого они и водили свои хороводы, и это был вовсе не король. Этим необычайно привлекательным объектом оказался глава группы лиц, сопровождающих принцессу из королевства Ауриндия, граф Двардский. Признанный сильнейшим магом у себя дома, он не мог не оказаться на этом приеме.

Разве мог король доверить безопасность своей дочери кому-нибудь другому? Все такой же безупречный, блистательный и высокомерный, как и прежде. Заострившиеся, ставшие более резкими скулы, суровый взгляд синих глаз и крепко сжатые губы рассказали мне о том, как непросто ему живется, но это только мне. Остальные же наверняка видели перед собой невозмутимого, жестокого сноба, спокойствия которого не может поколебать даже престарелая, молодящаяся дама, компаньонка королевской дочери, вцепившаяся в рукав его камзола словно клещ. К изумлению и возмущению всего женского общества, оказавшаяся его женой!

Сердце на миг замерло, а потом пустилось в бешеную пляску, стоило мне только услышать имя графа и увидеть его. Мое прошлое в его лице приветствовало меня уж очень неожиданно, но минута проходила за минутой, и я все четче понимала, что отпустила прошлое. Оно не властно надо мной. Этот человек сыграл в моей жизни большую роль, но возвращение к прошлому невозможно. Он женат.

Его жена сумела выжить и быть рядом с ним. Как уж ей это удалось, мне неинтересно. Он получил такую жену, какую заслужил. Маги живут долго, очень долго. Вот только сына я ему не отдам! Еще себе родит! У него будет время, чтобы все исправить, а у меня есть кем дорожить, о ком заботиться и помечтать теперь есть о ком. Вон стоит красавец, улыбается... Эй, не поняла, почему мне так неуютно? Словно скребком по телу кто водит... А, вот этого мне не надо! Зачем мне такие знакомые? Не хочу! Гад белобрысый! Не смотрела бы в его сторону и не поняла бы сразу, кто это мной так заинтересовался. У-у-у! Этот слуга точно по мою душу! Кланяемся. Улыбаемся... и уходим. Ты погляди, они еще и смеются! Над кем? Надеюсь, не надо мной. Коридор. Отвод глаз. Быстрее. Все.

А времени-то все меньше и меньше! Если нас захочет остановить герцог, и остановить быстро, вряд ли нам удастся уйти без потерь. Но женщины... Они ведь такие слабые и болезненные существа. Может баронесса заболеть? Решено. Болею. Ближайшие года два так точно.

ГЛАВА 55

Ночь выдалась беспокойная, но к утру мы успели закончить все наши дела. На рассвете редкие прохожие могли увидеть, как от особняка барона Шангри отправилась карета, запряженная четверкой лошадей. Сам барон и один из охранников ехали верхом. Запасные верховые, вороной жеребец в паре с золотистой кобылой, были привязаны к задку кареты.

На наше счастье, на выезде из города нас почти не досматривали. Никого не интересовала приболевшая баронесса, затолкавшая в карету кучу вещей. Вынимать и заново укладывать все это созданное нами нагромождение мы принялись на ближайшей поляне. Наша безопасность зависела от скорости передвижения, а потому карету решено было бросить. Еще ночью мы выяснили, что старшие мальчишки великолепно держатся верхом и вполне смогут удержать с собой в седле младших. Навьючить же мы могли только одну из наших лошадей. Остальным придется нести на себе всадников. Необходимую нам поклажу мне пришлось убирать вместе с обликом рыси.

О-о-о! Как ни предупреждала, как ни объясняла всем, что им предстоит увидеть и почему, не поверили сначала. А вот потом... Потом взрослые шарахнулись в сторону, а дети затискали большую ласковую кошку. Больше всех радовался самый маленький. Еле-еле всем скопом уговорили его отпустить кису.

Мужской костюм, впрочем, как и оружие, я надела на себя с огромным облегчением. Малыша пристроила на груди отца с огромным удовольствием. Этим я удивила их обоих и ошарашила своим решением всех остальных. Ну а что? Сначала я хотела взять его с собой, но здравый смысл на этот раз, по крайней мере, восторжествовал. В случае столкновения с разбойниками главной убойной силой буду я, а это прежде всего свобода маневра. Так что нашему дедушке придется осваивать ремесло няньки, тем более что ребеночек ему достался спокойный, молчаливый и очень цепкий.

К проверкам на дорогах мы готовились более чем основательно, и потому все наши мальчишки теперь совершенно не напоминали монастырских воспитанников. Крепкая дорогая одежда, верховые

лошади, оружие у пояса, измененные стрижки, отсутствие каких-либо меток и, самое главное, новые имена и новая семейная история.

Самому старшему, белобрысому блондину с голубыми глазами, левую щеку которого украшала глубокая ямочка, а правую бровь небольшой шрам, было двенадцать лет, и отныне он откликался на имя Марк. Имя Акио, по-японски — красавчик, получил черноволосый, сероглазый симпатичный парнишка с глубокой ямочкой на подбородке, одиннадцати лет от роду. Еще один черноволосый, но голубоглазый мальчишка десяти лет, с пухлыми губами и очаровательной улыбкой, принял имя Дэйки — большая ценность по-японски.

Мелкий мальчишка семи лет, повстречавшийся на моем пути первым, получил имя моего родного деда, Кент, что значит здоровый, сильный. Его серые глаза смотрели на меня с немым обожанием и безграничным доверием, а черные кудряшки задорно подпрыгивали от любого движения. Еще двое, шести лет, похожие словно близнецы, приняли имена Влад и Воланд. И наконец, самое мелкое наше приобретение получило имя Кин, что в переводе с японского — золото. Его пушистые, волнистые локоны были поистине золотыми, а вот глазки... Глазки были карими, почти черными. Может, именно из-за его необычной для этих мест внешности его дура-родительница и назвала его уродом. Он не был уродом. Он был золотым, он был теперь Кином.

По возрасту я не могла быть матерью трем старшим, и потому отныне они будут моими племянниками. Детьми сестры моего покойного мужа, погибшей в огне во время пожара в нашей деревне. А вот остальные четверо... Они помладше моего Ангела и вполне могут быть моими, и рожала я их, судя по всему, одного за другим. С младшим, правда, припозднилась... И от мужа ли я его родила? Старшенькие все черноволосые и глазки у всех светлые, а вот младший... Да ладно, кому какое дело? Дорога домой обещает быть интересной, но помощников у меня теперь, как и защитников, много. Прорвемся.

К удивлению сопровождающих нас воинов, не очень одобрительно смотревших на меня в тот момент, когда я пересаживала на лошадей наших мальчишек, у нас все получалось. Стремительный бег наших лошадей помог нам избежать нападений, а покладистость и

послушание детей — возможных проблем. Порт Влаил встретил нас шумом, суетой и криками неугомонных торговцев. Именно в этом городе, как уже повелось, дети стали нашими на законном основании. Задержку в оформлении документов мы объяснили в магистрате долгими поисками детей, увезенных на другой конец королевства дальними родственниками.

Проведенный мною ночью в лесу магический обряд обретения родства помог нам подтвердить законность наших притязаний. Магия признала мальчишек моими, хотя они теперь даже с виду мои. Что-то я перемудрила тогда, в лесу, удивив наутро результатом всех присутствующих. Младшие проснулись и вышли к завтраку с моим необычным разрезом глаз. Вот теперь кто как хочет, так пусть и объясняет себе их различный цвет! Ведь теперь, независимо от цвета волос, и брови у всех были темными, резко очерченными, а густые длинные черные ресницы создавали эффект темной подводки вокруг глаз. Самое главное, у нас все получилось и документы мы оформили. Четверо мои, трое тоже мои, но под опекой, магия признала младших и старших родственниками, кузенами.

Двух дней, проведенных в городе, нам хватило для завершения всех дел. Необходимое закупили. Драгоценности любовницы герцога продали купцу, отбывающему из порта в тот же день. Внимания воров и других любопытных желающих поживиться за чужой счет удалось избежать. Утро третьего дня встретили у ворот города. Мы покидали Влаил богатыми и свободными.

Чем дальше мы удалялись от столицы, тем более живыми становились мои дети, и только маленький Кин до сих пор оставался словно замороженным.

Добраться до поселка, расположенного у подножия гор, без происшествий нам не удалось. На нас все-таки напали и, судя по всему, совершенно случайно. Ну или мы на них напали и тоже, судя по всему, совершенно случайно. Выскочили наши резвые лошадки под предводительством Ветерка на берег узенькой мелкой речушки, а тут на тебе... Пара телег, десяток полутрупов разной одетости-раздетости и человек восемь развлекающихся заросших индивидов. Пятеро из них пинали ногами огромного, хорошо одетого мужика, находившегося,

судя по всему, без сознания, а еще трое тискали, перекидывая из рук в руки, молодую беременную женщину. Меняхватило на всех!

Для того чтобы соскользнуть со спины Ветерка, скачущего впереди всех, много времени мне не понадобилось. Катана и вакидзаси привычно скользнули в мои ладони, и пять вонючих футболистов умерли, не успев понять, что произошло. Зато хорошо сориентировались разбойники, оставшиеся в живых. Но к этому времени отец уже увел лошадей с детьми в сторону, а сопровождавшие нас воины присоединились ко мне. Весельчаки-ухажеры, совершенно неожиданно оказавшиеся в окружении вооруженных воинов, ржать и радоваться конечно же перестали. Схватились за оружие, но ненадолго. Двое бросили его почти сразу. Опустились на колени, подняли руки и скрестили их за головой. А вот третий... Он схватил за волосы женщину и, поставив ее перед собой, как щит, потребовал оседланную лошадь. Его угроза — вспороть на наших глазах брюхо этой беременной — заставила воинов растеряться и окончательно разозлила меня. Бросок сюрикена оборвал жизнь орущего идиота. Испуганная женщина, к моей огромной радости, рожать немедленно не собралась, а даже наоборот, оказалась особой с крепкими нервами. Проявив невиданную твердость духа, она бросилась к своему раненому мужу. Бой закончился, проблемы нет.

Работа нашлась всем, даже нашим старшим мальчишкам. Два часа мы оказывали помощь раненым и хоронили убитых. Окончательно упокоенных оказалось не так уж и много: разбойники да двое из маленького каравана. Нидий, тот самый огромный мужик, которого пытались убить последним, оказался рудознатцем. Он и его беременная жена, Анисья, были вынуждены искать нового нанимателя и новое место жительства. Она-то и рассказала нам о том, что барон Гnard, владетель одной из долин, расположенных в Зубастых горах, неожиданно отказался от услуг ее мужа, и им пришлось отправиться к дальним родственникам. Все их имущество барон удержал в счет долга. Нидий за год работы так и не нашел богатых залежей руды или драгоценных камней на его земле, и барон посчитал себя обобраным. По его мнению, нанятый им мастер не отработал вложенных в него денег, зря получал плату и проедал продукты, а потому выкинули их обоих, как ненужных щенков, почти без вещей и совсем без денег.

Припрятанное Анисьей ожерелье, доставшееся ей в наследство от матери, спасло их, они сумели его продать, выручили немного денег и тронулись в путь. Вот только путь оказался коротким. Сильно избитый, с огромной шишкой на голове Нидий никак не приходил в себя, как, впрочем, и двое его попутчиков. Остальные пятеро раненых, получив помощь, сумели подняться и чувствовали себя все лучше и лучше, но трогаться в путь все же решено было завтра. Благодарные за свое спасение мужики старались нас отблагодарить, одарить подарками мальчишек и очень удивлялись, когда те не только не соглашались ничего брать, но и старались даже близко не подпускать к себе никого из чужаков. Все они крутились возле меня, а стоило мне только присесть у вечернего костра, примащивались рядышком. Маленький Кин впервые, совершенно самостоятельно, забрался ко мне на руки. Еще полчаса назад он упорно отказывался идти к Анисье, демонстративно закрывая глаза и пряча за спину руки, а ко мне пришел. Сам. Весь день приглядывающаяся к детям женщина присела напротив нашей группы и спросила:

— Они все ваши братья? Вы похожи.

— Нет, Анисья, старшие мальчики мои племянники: Марк, Акио и Дэйки. — «Племянники» при этих словах заулыбались. — А младшие — мои сыночки: Кент, двойняшки Влад и Воланд и конечно же малыш Кин.

Перечисленные по именам сыночки засветились радостью, как магические светлячки, подставляя свои вихрастые головы под мои поочередно оглаживающие их руки.

— У тебя четверо детей?

— Нет, пятеро. Старшего, Ангела, с нами нет. Он ждет нас дома.

— Ну, наверное, у них разные матери?

— Нет. Я у них одна. Мое имя баронесса Миира Шангри. — Анисья поперхнулась чаем, который в это время пила, долго кашляла, а потом забормотала:

— Простите, простите меня! Я приняла вас за молодого парня. Простите меня за мое непозволительное поведение, за оскорбление высокородной. Ваш муж, он теперь может наказать меня. Я только прошу вас не трогать моего Нидия. Я сама... Сама отвечу за свои слова.

— Тот, кого ты называешь моим мужем, им не является. Это мой отец, барон Нари Шангри. Я вдова. А наказывать тебя никто не будет. За что? Ты же не знала, кто мы. Кушай спокойно, ничего тебе и твоему ненаглядному Нидию не угрожает. Поваляется два-три дня без сознания, придет в себя и дальше поедете.

— Теперь уж не скоро мы сумеем отсюда выбраться. Завтра нам всем придется возвращаться в поселок. Последние деньги уйдут в руки знахарки. Заработать денег на вторую попытку выбраться отсюда у нас в ближайшее время не получится. Выжить бы. Впереди осень, зима... Нужно будет найти и снять домик или комнатку. Мне рожать в конце осени — в начале зимы. Одна надежда на то, что муж сумеет восстановиться после нападения, найдет хоть какую-то работу. Я умею работать с золотом и драгоценными камнями, мой дед был хорошим золотых дел мастером. Многому меня научил, но кто доверит свои заказы женщине? Кто поверит? Я умею! У меня многое получается даже лучше, чем у признанных столичных мастеров. Вот только заказывать работу именно мне желающих нет. Да и полную цену платить никто не будет, а делать сложнейшую работу за гроши... Обидно!

Ее голос, звучавший все тише и тише, затих совсем. Блестевшие от слез глаза смотрели, не отрываясь, на огонь. Руки крепко сжимали кружку. Я же думала о богах и своем везении, ибо, вляпываясь каждый раз в какое-нибудь происшествие, я всегда оставалась с прибылью. Вот и на этот раз: бой, смерть, задержка в пути... и она, моя удача! Куча драгоценностей, которые можно переделать и продать. Продать дорого. Это выполнит мастер, которому я помогу сделать имя, которого никто не будет знать и видеть вживую, но при этом на порядок поднять цены на его работы — это ли не ответ на мои думы и молитвы! А Нидий? Его мне точно сами боги послали! А это значит что? Это значит, надо брать! Ведь если на моих землях он найдет хоть что-то ценное, если мы сможем наладить добычу руды, то заморачиваться с караванами и грабежами «добровольных жертвователей» мне больше не придется.

Так... Нужно с ней поговорить, пока она там себе чего не напридумывала. Тем более что парнишки мои спят уже. Мужики настелили им шкур вокруг меня, они, как гусеницы, закуклились в них парочками, большой-маленький, большой-маленький и только Кин по-прежнему спал у меня на руках. Закутываю и его в расстеленную возле

моих ног шкуру. Вот чует моя пятая точка: спать мне отныне опять каждую ночь в объятиях мужчины! Только-только Ангел прибегать по ночам перестал. А я разве против? Ничуть! Лишь бы только маленький мой ожил и стал настоящим, озорным парнишкой.

Так, что-то я отвлеклась... Вон Анисья уходит собралась. Непорядок.

— Анисья! — Боги, что ж ты так вздрагиваешь-то? Чего боишься? — Анисья, подожди, не уходи. Присядь. У меня есть для тебя предложение. Я хочу нанять тебя и твоего мужа. У нас с отцом есть для вас работа, и потому я предлагаю вам отправиться вместе с нами в Долину цветов. Твой муж, как выздоровеет, займется работой, которую так хорошо умеет делать. Ты же сможешь попробовать свои силы в работе с драгоценностями. Многие мои украшения давно пора обновить. Думаю, я смогу доверить работу над ними именно тебе. Если результат меня устроит, я помогу тебе заработать репутацию, имя, именное клеймо. Нет, только не реви. Не реви, говорю! Во время нападения не родила, сейчас хочешь? Вот и молодец! Не отвечай сразу. Никуда мы без вас завтра не уедем. Иди к мужу. Спать ложись. Завтра ответ дашь. Иди. Иди.

Как же мало нужно людям для того, чтобы почувствовать себя счастливыми.

ГЛАВА 56

Мои эликсиры и зелья сделали свое дело: до Верхали, поселка, расположенного в предгорье, все раненые добрались живыми, а некоторые даже почти здоровыми. Муж Анисьи пришел в себя и, узнав о том, что его жена не только осталась жива и сохранила ребенка, но еще и успела принять мое предложение о работе, расцвел, словно сакура весной в Японии. Красавец-мужчина будет опять. Вот только синие очки, синяки от удара в переносицу, с лица сойдут — и будет красавчик. Красавчик, да не мой. А мой... Где его носит, моего-то? Непонятно. Да и кто он? Дети есть? Есть. Дом есть. Деньги есть. Мужика рядом — такого, чтобы сердце пело — нет. Может, я не так, не туда и не на тех смотрю?

Вру! Сама себе вру. Есть он. Есть уже. Вот только не настолько высоко я стою в ранге высокородных, чтобы хотя бы на мгновение стать рядом с ним. Нет, я могу попытаться. Поехать в столицу, потратить время на себя любимую. Попасться ему на глаза и даже заинтересовать наверняка смогу. Но замуж он меня не позовет. Не того полета я птица. А фавориткой стать я не смогу, характер не тот. Обижусь, разгневаюсь, и начнется в столице необъяснимый падеж красавиц. Падать будут больно и ушибаться аж до смерти. Нет, не мое это. Даже пробовать не стоит. И вообще, меня дома Ангел ждет. У меня Кин бегать и разговаривать не умеет. Кент с Владом и Воландом по ночам плачут. Некогда мне. Некогда...

Мы дома! Гулкий звук, похожий на удар большого колокола, разнесся над долиной, извещая ее обитателей о пересечении магической защиты. Нашего появления так рано никто не ждал, а потому встретили нас только воины, причем с обнаженным оружием. Взметнувшееся при виде нас вверх оружие и громкий крик радости, усиленный горным эхом, быстрее любого гонца оповестил жителей долины о нашем возвращении. Поднялась всеобщая суматоха. Отовсюду бежали дети. За ними спешили взрослые. Добраться до крыльца особняка мы так и не успели, нас встретили чуть раньше. Со всех сторон сыпались приветствия, поклоны и просто восторженные

крики. Я же с особым нетерпением высматривала среди встречающих своего Ангела и не могла найти. Тревога огнем взметнулась в груди. Мой мальчик! Частичка моей души! Где он может быть? Заметив мой беспокойный ищущий взгляд и правильно его поняв, Амир, глава наших стражей, поспешил меня успокоить:

— С ним все хорошо, госпожа. Он отправился с двумя воинами патрулировать долину. Сейчас они, скорее всего, тоже спешат сюда.

Ответить ему я не успела. Радостный гомон толпы перекрыл звонкий мальчишеский голос, дрожащий от страха и негодования:

— Нет! Не трогай его! Уйди!

Все собравшиеся вокруг наших лошадей сразу смолкли и расступились, позволяя мне увидеть Марка, прижимающего к себе судорожно вцепившегося в него Кента. Они стояли возле нашего кузнеца, ошеломленного такой бурной реакцией на желание помочь спешиться. Разрешил ситуацию отец. Понукаемая им лошадь, на которой он сидел, сделала шаг вперед, отвлекая внимание всех собравшихся на себя, а барон громко и выразительно заговорил:

— Мы благодарны жителям долины за теплый прием и хотим представить вам тех, кто с нами прибыл. Юноши являются нашими ближайшими родственниками. Трое старших мальчиков — племянники моей дочери. Четверо младших ее сыновья. Прошу любить и жаловать. Мы с огромным трудом сумели разыскать наших мальчиков и забрать домой. Их жизнь не была усыпана цветами, а потому нам всем еще придется заслужить их доверие. Но я уверен, что в нашей долине живут самые добрые и великодушные люди, а это значит, что бояться им здесь у нас некого. Сегодня мы будем заниматься детьми, а завтра все вместе устроим праздник. Будем отмечать наше благополучное возвращение. А пока вы все можете познакомиться с Нидием и Анисьей, с этого дня они будут жить и работать в нашей долине. Я прошу вас позаботиться о них. Боги были милостивы к нам, и мы просто обязаны отблагодарить их молитвой и дарами!

Ликующий крик, вырвавшийся из десятков глоток, рванулся ввысь. Толпа расступилась, и мы наконец-то смогли добраться до крыльца и спешиться. Молодые парни уводили в конюшню наших лошадей, немногочисленную поклажу вносили в особняк, а то, что было прицеплено к облику кошки, я собиралась извлечь без

свидетелей. Люди расходились, живо обсуждая наше прибытие, собираясь вернуться к прерванной нашим появлением работе. Я, отец и дети успели войти в холл. Старшие держали за руки младших. Кин все еще был на руках своего нового деда.

Ничего больше никто из нас сделать не успел. Маленький ураган влетел в дом вслед за нами, и меня чуть не впечатало в стену от резкого толчка. Прибыл мой теперь уже старшенький сыночек. Удушающие объятия и слезы радости, которые могли затянуться на долгое время, прервало тихое покашливание отца. Нет, я понимаю, он хотел привлечь внимание Ангела ко всем присутствующим в холле, но в результате был атакован сам. Раздался радостный вопль — деда! — и вот обнимают уже его. Растроганный барон приседает, чтобы обнять наше чудо покрепче, и вот тут неугомонный ураган стихает, словно по волшебству. А между тем растревоженный всем происходящим маленький Кин шустро выскользывает из рук барона и бежит ко мне, впервые бежит. Маленькие ручки требовательно тянутся вверх, вынуждая меня опуститься на колени и прижать его к груди.

— Ма-а-ам... — вопросительно тянет Ангел. Он тоже подходит ко мне и, прижимаясь с другого бока, вопросительно заглядывает в глаза. Тишина оглушает, но длится она недолго. Не нужна она в нашем доме.

— Сынок, помнишь, ты мечтал о братике? Тебе очень хотелось, чтобы у тебя, как у других детей, был брат или сестра. Помнишь? Так вот, я подумала... Подумала и решила, что ты прав. Они тебе просто необходимы. Теперь они у тебя есть. Три старших кузена: Марк, Акио и Дэйки и четыре младших брата: Кент, Влад, Воланд и малыш Кин.

Несколько томительных секунд мы смотрели на Ангела и ждали его реакции. Мальчишки были явно сильно встревожены. А вот я совсем не волновалась и была просто уверена в том, что доброе сердечко моего Ангела обогреет всех. И не ошиблась.

— Теперь они все мои?! — восторженно поблескивая синими глазами, спросил он. Сделал глубокий взволнованный вздох. — Настоящие? Родные? Я могу их забрать себе навсегда?

Старшие мальчишки весело, задорно рассмеялись, а младшие, вздохнув с видимым облегчением, заулыбались и нерешительно приблизились к нам. Ангел мой был постарше, покрепче, повыше ростом, а потому его радостные объятия прочувствовали все мальки.

Они заговорили все разом, перебивая друг друга, и мне пришлось призвать всех к порядку:

— Мальчики! Все свои секреты вы еще успеете обсудить. Вечером обязательно расскажете друг другу, как жили раньше, что с нами со всеми произошло, и будете хранить этот самый главный секрет от всех остальных. Теперь мы навсегда вместе. Мы семья. А сейчас нам в первую очередь нужно суметь всех разместить. Ангел, веди ребят комнаты выбирать, купаться, кушать, показывай дом.

Я думала, в ответ на мое предложение он побежит вперед, показывая всем остальным куда идти, а он первым делом протянул руки, чтобы взять у меня малыша. Заметив мое удивление, зашептал:

— Но он же мой? Мой?

Еще больше меня удивило поведение самого Кина. Он, не раздумывая долго, протянул ручки в ответ, и мне ничего не оставалось, как отдать одного ребенка другому.

— Я присмотрю, — шепнул Марк, устремляясь следом за радостно галдящими мальчишками.

Они все решили без меня и умудрились разместиться в двух больших комнатах, расположенных рядом с комнатой Ангела. В первую слуги под руководством старших мальчиков поставили еще две кровати, превратив большую просторную комнату в уютную мальчишескую спальню для троих младших. Во вторую заселились старшие, не забыв, конечно, притащить для себя кровати. На мое растерянное замечание, что спален хватит всем, мне заявили, что так пока будет спокойнее для всех, а мелкому своя кровать и вовсе не нужна. Он все равно один спать теперь не будет. Обязательно к кому-нибудь рядышком пристроится.

К вечеру наш дом наконец-то перестало лихорадить. Комнаты окончательно привели в порядок, вещи разложили в гардеробах, всех искупали и накормили. На вечерние посиделки, не сговариваясь, собрались в комнате Ангела. Его огромная кровать, бывшая ранее супружеской, вместила нас всех. Вместо сказки на ночь хозяин комнаты начал рассказывать своим обретенным братьям о себе и о том, как и когда я стала его мамой. Чем дольше он говорил, тем спокойнее и доброжелательнее слушали его мальчишки, начиная, видимо, понимать, что не так уж он отличается от них самих. Уставший

рассказчик заснул, впрочем, как и его младшие братья, на самом, по мнению старших, интересном моменте, дойдя в своем повествовании до болота. Но требовать от меня продолжения никто из старших слушателей, чуть разочарованных этим обстоятельством, не стал. Растаскивать малышню по кроватям мы не стали. И не только потому, что на этом королевском ложе места для них всех было более чем достаточно, но и потому, что уж больно плотно они умудрились переплестись руками и ногами, спрятав в самой середине клубка маленького Кина.

Племянников я, конечно, проводила в их комнату. Подоткнула каждому из них одеяло, поцеловала и пожелала красивых снов. Старшие... Какие они старшие? Дети они и еще долго будут оставаться детьми. Мне только нужно помочь им об этом вспомнить.

Ночь для меня выдалась беспокойной. Как ни странно, плохо спалось и старшим мальчишкам. Младшие, может, потому, что с ними спал Ангел, лишь изредка постанывали, а вот во второй спальне вскрикивали, стонали и даже вскакивали с кровати. И с этим обязательно нужно что-то делать. Ведьма я или погулять вышла? Нет, я не хочу, чтобы они забыли все, что с ними произошло. Я хочу сделать так, чтобы эти воспоминания ушли вглубь души, чтобы они не причиняли боли, не пугали. И я сделаю это. Пусть не сразу, но у меня обязательно получится. Хоть и чувствую я, что долго еще мы с отцом будем спать по очереди!

ГЛАВА 57

Все оказалось не так плохо, как я думала. Дней шесть мы примеривались, присматривались, договаривались, выясняли, кто и что умеет. Чему хочет научиться. Чему не хочет, но нужно. Составляли расписание занятий. И теперь каждое утро в нашей большой семье начинается с тренировки под моим руководством. Затем завтрак, занятия с бабушкой, обед, обучение младших верховой езде... И опять занятия с дедом, только теперь не науками, а этикетом, дуэльным кодексом и танцами. К началу зимы перемены в детях стали заметны всем.

Мои эликсиры, хорошее питание, наша с отцом забота и доброжелательное отношение дали отличные результаты. Наши приемыши оттаивали прямо на глазах. Прекратили вздрагивать от любого резкого звука, перестали сторониться взрослых мужчин, окончательно приняли в свою стаю Ангела, старательно учились, младшие всюду подражали старшим. А самое главное — и, считаю, это самый основной показатель душевного здоровья, они начали проказничать, как самые настоящие дети, которые к тому же еще и маги. Ангел, конечно, оставался самым магически сильным среди них, но это никого из мальчишек не смущало. Теперь у нас периодически что-то взрывалось, вспыхивало, сгорало и ломалось. Пришлось обвешать всех и каждого целой кучей защитных амулетов и набраться терпения на все ближайшие годы. А еще внимательно следить за исправлением и починкой всего, что было испорчено руками юных экспериментаторов. Это, конечно, снижало детский энтузиазм, но ненадолго.

Конец осени и начало зимы принесли нам немало радостей.

Во-первых, дружно ожеребился гарем нашего Ветерка. Родились шесть жеребят, все большеголовые, с крепкой шеей, сильными ногами, маленькими острыми ушками и выразительными глазами. И все они поголовно были пепельные, с шелковистыми гривами и хвостами. Одним словом, папины дети.

Во-вторых, наш рудознавец, поселившийся в небольшом домике вместе со своей женой, нашел в нашей долине горючий камень (уголь),

и теперь тепло в домах поддерживать стало намного легче. Его жена родила «королевскую двойню», мальчика и девочку.

В-третьих, за день до того как долину укрыл глубокий снег, Марк, Акио и Дэйки нашли проход в другую долину. Точнее, они нашли нечто — двенадцать небольших долин, собранных, словно бусины, в одну цепочку. Пройти из одной в другую можно было только из нашей долины. А самое главное, на территории последней из них было большое озеро с водопадом. Теперь все мы от мала до велика сидели в заваленных снегом домах и мечтали о том весеннем дне, когда и мы тоже сможем увидеть то, о чем рассказали нам удравшие в поход в последние осенние дни мальчишки.

Мы мечтали, а они были наказаны за самовольство. Никто не стал на них орать или, упаси боги, бить. Накормили вкусным ужином, искупали, обогрели, за потрясающую находку подарили настоящее оружие воинов. Но за самовольную отлучку любимый дедушка все же применил к ним самое суровое наказание, какое смог придумать. Мальчишек посадили вышивать! И заниматься этим они будут по два часа каждый вечер до тех пор, пока каждый из них не украсит безупречной золотой вышивкой свой парадный пояс. Надеюсь, к весне они с этим сумеют справиться. Зато как малышня моя присмирела! Прямо отдых для души.

Все же зима — это отдых, это праздник.

Немножко, самую малость, всех огорчал наш Хвостик, наше солнышко по имени Киш Он до сих пор не плакал, не смеялся громко, не разговаривал, а только робко улыбался. Тише и незаметнее ребенка, чем наш малыш, во всей долине было просто не сыскать. Он словно тень повсюду следовал за мной или Ангелом. Тихонько сидел рядом с мальчиками на занятиях и на тренировках. С удовольствием гулял с ними в долине и катался на лошади. Уже не сторонился чужих людей, но по-прежнему соблюдал режим тишины: ни звука, ни шороха, ни шума шагов. Ни-че-го... Не ребенок, а секретный агент! Вот только во сне сопит, и то тихонечко так. Спят мои неугомонные любознательные мальчишки теперь каждый в своей кровати, конечно, кроме Кина. Этот постреленок прописался в кровати Ангела и чувствует там себя просто прекрасно. Никогда на огромной кровати не теряется. Всегда под боком у старшего брата сопит, а тот зачастую его еще и руками к себе прижимает. Смотрю на них иногда по ночам и сама в своей памяти

сомневаюсь... Неужели все было так, как я помню? Неужели есть на свете женщина, бросившая свою кровиночку на погибель? Чего не хватает людям? Что умерло в их душах?

И вот спят мои мальчишки, а я, глядя на них, думаю о тех, кто остался там, в монастыре. Изменилась ли их жизнь? Стала ли хоть немножко лучше? Я не устаю благодарить богов за моих сыновей. Этот мир и его боги подарили мне самое дорогое, что только можно подарить женщине, — детей. Пусть я еще слишком молода по меркам моего старого мира, но зато по меркам нового уже старая дева. Возможно, у меня никогда не будет мужа, но зато у меня есть семья. Я люблю их, любима в ответ. Да ради них я это королевство вверх ногами переверну, если потребуется, и никакой король, тем более герцог, мне не помешает. А то посмотрите на них... Не успели мы в долину тогда с праздника вернуться, как на пенальчик почтовый нам приглашение на парадный королевский завтрак пришло. Пришлось отписываться. Сожалею. Глубоко опечалены невозможностью побывать. Слаба здоровьем, неожиданно занемогла, убыла, отбыла.

И правда! Занемогла я. Шутка ли, семерых взрослых детей родить и до дома дотащить! Понятно все так объяснили, жалостливо. Так нет, зимой о нас опять вспомнили! Незамедлительно требуют от барона и баронессы прибыть во дворец для прояснения вопроса, касающегося налогов. Пришлось опять жалобными писульками отписываться и вместо себя представителя магистрата вместе со всеми бумагами в дорогу отправлять. Наем такого представителя обошелся нам, конечно, в кругленькую сумму, но тащиться в столицу для того, чтобы показать новому королевскому казначею пару бумажек, или для того, чтобы предстать пред светлые очи Серого герцога... Больно надо!

Нам вон с осени раз в три дня «Новостной листок», печатающийся в столице, приходит начал. Получаешь писульку, вытаскиваешь, отправляешь медную монетку в ответ — и все. Все обо всех знаешь. Вот, например, совсем недавно восторженные поклонницы герцога узнали, вместе со всем королевством, конечно, о его помолвке с дочерью нового казначея. Свадьба назначена на весну этого года. Поздравления печатаются в новостном брехунчике уже десятый раз подряд. Мой отец объяснил это всего лишь одной фразой: «Королевская семья решила повязать нового казначея родством, сделав

его дочь заложницей его лояльности». Я поняла его. Что тут может быть непонятного?

ГЛАВА 58

Нанятый нами в магистрате поверенный посетил столицу и отчитался о проделанной работе через почтовый пенальчик. Все оказалось очень просто. Нет за нами долгов! Мы переплатили сто золотых. Виновные наказаны, а мы должны были явиться в столичный магистрат для получения денег и извинений, ждал нас для беседы и Серый герцог. Вот только деньги по согласованию с нами поверенный внес в счет уплаты следующего годового налога, а официального приглашения в Серый особняк, ввиду нашего отсутствия и плохого здоровья, так и не последовало. О нас забыли. Состоявшаяся помолвка принца и предстоящая помолвка герцога, а еще, может быть, мое «слабое» здоровье сделали нас неинтересными для монарших особ. И слава богам!

Весна. Природа просыпалась, обновлялась и тянулась к солнышку и теплу, а вместе с ней и мы. Вокруг кипела работа. Люди готовили к посевам поля, вычищали пастбища, обрабатывали сад. И с огромным энтузиазмом принялись обследовать долины-бусинки. На наше счастье, доморощенные следопыты там не встретили никаких хищников, зато в трех из них Нидий нашел месторождения драгоценных камней. Богатыми, как короли, они нас не сделают, но от чужих караванов избавят окончательно. Да и мне искать меценатов, готовых поделиться своим добром, больше не нужно. Зарегистрируем месторождение и смело можем торговать уже имеющимися у меня камешками. Золотых дел мастер у нас есть. Оборудуем ей мастерскую, и будут наши драгоценные камни продаваться в десятки раз дороже. Влаил — портовый город, ценители и просто желающие перепродать товар купцы там всегда найдутся, а это значит, что все, кто доверился мне, и самое главное, мои дети никогда не останутся голодными. Да и род Шангри теперь силен как никогда. Отец занимается с мальчишками с большой охотой и постоянно повторяет, что пять внуков Шангри — это гораздо лучше, чем один. Уж они-то, в отличие от дочери, теперь навсегда останутся Шангри.

У всех дела, заботы, все рады солнцу, теплу. А я? И я рада, почти. Живые и непосредственные мальчишки держат меня в постоянной

готовности. Мои недомаги не дают мне скучать. Мне просто жизненно необходимо продолжать их учить и учиться самой. Занятия с ними утром и лаборатория вечером отнимают у меня очень много времени, и все же... «Новостной листок» — брехунчик, как говорит отец, я всегда читаю первая. Почти в каждом из них рассказывается о подготовке к свадьбе герцога Эверли, о красоте и богатом приданом его невесты, о Внирийском замке, который король подарит молодоженам. И, конечно, о безутешном горе высокородных невест, потерявших надежду выйти замуж за брата короля.

Ну вот почему... Видела же я его всего три раза. Тогда почему мне так больно? Почему так стынет сердце? Никогда не верила в любовь с первого взгляда. Всегда считала, что такого не бывает. Ну увидел ты человека. Ну понравилась тебе его внешность, его глаза, что там еще может понравиться... Разве может тут же откуда ни возьмись появиться любовь? Разве могут сердце и душа одновременно дрогнуть — мой! А как же различие характеров? Как же познакомиться, подружиться? Узнать друг друга? Как?

Как жить теперь? Всего тридцать дней пройдет, и он навсегда станет мужем другой. В этом мире разводов нет. Ждать, пока станет вдовцом? Так его снова на подходящей невесте женят. Нет будущего у моей любви. Любовь есть, а будущего нет. Съездить, что ли, в столицу на торжества, поздравить молодых. Увести у новобрачной молодого мужа разок-другой. Ведьма я или нет? Захочу, мой будет! Все можно. Вот только это будет уже не он. А тогда зачем?

Может, придет известие о свадьбе и я смогу окончательно успокоиться, отпустить? Ведь осталось совсем чуть-чуть потерпеть.

«Новостной листок» сообщает о нападении на восточную границу королевства кочевых племен мурдов. Не признавая над собой ничьей власти, кроме власти своих шаманов, они доставляют беспокойство и проблемы не только нашему королевству. Еще он сообщает об эпидемии желтой варшанки, начавшейся там же, на востоке после нападения, о королевской охоте, о болезни королевы, о бале графини М., о скандале в семействе барона К. и ничего о свадьбе герцога. Прошло даже не тридцать дней, прошло больше. Что случилось? И с кем? Тревога, словно кислота, разъедает душу. Почему нет известий о счастливых молодоженах, принимающих поздравления, почему не

печатают о подготовке к свадьбе принца? Дни идут, и вот наконец сплетни достигают и нас. «Новостной листок» сообщает о болезни герцога и об отложенной свадьбе, людская молва в предгорном поселке утверждает, что Эверли умер или пропал. Никто не видел его тела и его похорон, никто не видел его больным или раненым, но слухи и догадки множатся как снежный ком. Королевская семья продолжает утверждать, что свадьба отложена по причине болезни герцога. Серое ведомство наблюдателей за безопасностью временно возглавил его высочество принц Дарвал.

«Я смогу помочь. Точно смогу», — эта мысль была первой.

«Мне нужно туда. Нужно найти его», — второй.

Помешал или помог мне понять ошибочность и глупость моих порывов отец.

— Ты думаешь, я не вижу, что с тобой творится с тех пор, как ты узнала о его женитьбе? Да от тебя одни глаза остались! Дети вон уже волнуются. Ходят за тобой по пятам, а ты не замечаешь. Мальчишки проказничать перестали. Жмутся к тебе по вечерам. Кин так и вовсе готов с рук не слезать, улыбаться перестал. Люди в долине переживают, вопросы задают. Помощь предлагают. Прекрати так себя вести! Ты нам нужна. Если он пропал, его уже ищут, и не сотни, а тысячи людей. А если заболел, то лечат лучшие маги и целители. Да король для своего брата даже ведьм из другого королевства притащит, никаких святош не побоится. Он выживет. Он мужчина. Его семья ему поможет, он им нужен, а ты себя сведешь в могилу. Взяла ответственность за детей на себя, так вспомни о них. Оглянись! Им плохо! Ты с нами, и в то же время тебя нет. Вернись к нам. Боги всегда были благосклонны к тебе. Пришло время довериться им! Мы можем помочь ему молитвой. Чтобы помочь тебе, мы все вместе будем просить богов за него. Проведем общий молебен. Наберись терпения, девочка моя. Не оставляй нас. Без твоего тепла, без твоей улыбки и ласковых рук нам холодно. Пойдем к детям, сегодня у Влада с Воландом день рождения. Марта испекла для них большой торт, а мы с тобой собирались подарить им по жеребенку. Все уже собрались. Ждут только нас.

Праздник получился веселым, звонким, радостным. Наши «двойняшки» сияли счастливыми мордашками, испачканными тортом. Музыка, смех и даже танцы с девочками, все было таким правильным

и уместным. И пусть исполнение мелодий было далеко не безупречным, а танцевали так, как умели, но всем было весело, а это главное.

К утру я все обдумала и решила, что отец прав. Мое дело семья. А его я просто буду ждать. Не все наши желания исполняются. Некоторые из них не исполняются никогда.

Может быть, когда-нибудь... Я встречу того, кто заставит меня забыть герцога и мою мечту о нем.

ГЛАВА 59

Я сумела вернуться к детям, к семье, к делам, к нашим людям, и время опять стремительно рванулось вперед. Очередную зиму мы встретили с радостью. Корма животным мы сумели заготовить сами. Все, что планировали вырастить для себя, вырастили. Горючий камень заготовили в избытке, закупили ткани, нитки, кружева, рассортировали добытые драгоценные камни, оборудовали мастерскую для Анисьи. Теперь все наши люди могли позволить себе очень многое: хорошую и красивую одежду, крепкую и изящную мебель, тонкое постельное белье, дорогую посуду. Мастера и мастерицы с наступлением холодов приступили к изготовлению игрушек для детей. Мои не очень умелые рисунки помогали нашим умельцам сделать действительно уникальные вещицы. Иметь их у себя захотели не только дети.

Отец, видя восторг уже получивших такой подарок, сделал выводы и посадил за работу дополнительных людей. Теперь в нашей долине будут делать игрушки на продажу. За мной идеи, за мастерами остальное, а мастера у нас отличные. Резать по дереву, как оказалось, могли многие. Даже мои старшие мальчишки, сидя по вечерам у камина, теперь не только выполняли уроки мастеров и вырезали куклам лица, но и шили им платья и даже вышивали на них узоры. С младшими мы шили мягкие игрушки.

Ах, как радовался моему первому, кривому и такому страшному медведю мой маленький Кин! Этот криволапый зверь стал его любимцем. С ним он спал, с ним ходил на занятия, с ним первое время даже за стол садился. Мои мальчишки старались. Ах, сколько было слез, когда не получалось! И все же радости было больше. Теперь я очень тщательно следила за собой, за своим поведением, за своими словами и действиями, мне не хотелось никого огорчать. Только по ночам я разрешала себе вспомнить о нем.

К концу осени «Новостной листок» прекратил упоминать о герцоге, а в середине зимы маленькая заметка как бы невзначай сообщила, что дочь казначея вышла замуж за верного сторонника короля, графа Андрианела. Уже ближе к весне народ очень живо и заинтересованно следил за изменениями, происходящими в среде

божьих служителей. Люди повсеместно требовали от них предьявления белых одеяний и отречения от сана служителей в случае их отсутствия. Те, чей покров чернел, вынуждены были покидать храмы. Особо упрямых и непонятливых забивали камнями. Король был вынужден вмешаться. Теперь каждого почерневшего, попавшего в руки королевской стражи, вели на допрос. В результате работников в королевских каменоломнях прибавилось. Высшие жрецы, на которых любая одежда становилась черной, поспешно покидали королевство под покровом ночи. С наступлением лета народ кинулся в другую крайность: начал активно помогать стражам в поисках почерневших святош.

Не занимаясь больше самосудом, люди просто пришивали на любую черную одежду яркую белую полосу. Ее наличие теперь являлось отличительным знаком и спасало от назойливого внимания кого бы то ни было. «Новостной листок» упомянул о том, что даже черные вдовы вынуждены пришивать к своему платью белые полосы ткани или кружева, хотя женщины в королевстве никогда не являлись служителями богов.

События, слухи, факты и домыслы, все было в этом листке. Вот только про герцога Эверли никто больше не вспоминал. Словно его и не было никогда. Именно отсутствие слухов и сплетен беспокоило меня больше всего. Все больше усилий мне приходилось прикладывать для того, чтобы удержать себя на месте. Отошли на задний план лаборатория, опыты, зелья, срочные дела и даже дети. Все, что мне хотелось, это сорваться с места и спешить, бежать в столицу. Останавливало одно. Кто я такая? Разве позволено мне будет не просто явиться во дворец, но еще и вопросы задавать? Да, я могу потратить уйму времени и пробраться в королевскую спальню или кабинет принца, но где гарантии того, что мне ответят, и ответят правду. А ведь после этого нужно будет еще и уйти, не оставляя за собой следов. Если бы не дети... Если бы не они! Я бы рискнула, но они есть. Их жизнь и безопасность превыше всего. Нет, никогда... Никогда я не пожалею о том, что они появились в моей жизни! И все же душа, словно птица в клетке, бьется о прутья, ломая крылья. Если бы я могла отпустить ее... Если бы она могла не просто полететь, а еще и найти...

Мне нужно побыть одной. Нужно взять себя в руки, чтобы продолжать жить и ждать. И я решилась. Оставила все дела на отца с Марком и вот теперь, прилагая все имеющиеся силы, бегу прочь из Долины цветов. Мой облик крупной пятнистой кошки хорошо знаком всем ее обитателям и давно уже никого не пугает, а это значит, что пользоваться им я с некоторых пор могу совершенно спокойно. Именно кошачьи лапы уносят меня сейчас в сторону найденных нами маленьких долин. Шикарный золотой ошейник, еще недавно украшавший мою кошечку, с которым так любил играть мой Ангел, остался дома.

Отягощать припасами пришлось мою человеческую составляющую. Пояс платья, стягивающий стан черной вдовы, претерпел с недавних пор существенные изменения. На виду остались явара (кастет), тэссэн (боевой веер) и кайкэн (боевой женский кинжал), а вот не на виду... Несколько потайных карманов обнаружить теперь не смог бы даже самый умелый маг. Древние ведьмы были теми еще выдумщицами, умелицами и перестраховщицами, а уж расширением подпространства владели, как никто не владеет в этом мире сейчас. Овладела этим умением и я. Хранила я в них теперь не только сюрикены и дайсё (длинный, короткий), но и несколько шелковых, очень прочных веревок, комплект мужской одежды. А еще походный набор одиночки: котелок, кружку, ложку и большое меховое одеяло, служащее также палаткой. Уходя в одиночный поход, я собиралась провести все дни в облике кошки. О чем я думала во время сборов? Точно не о том, что надо брать, а что мне вроде бы и не нужно. О том, что я взяла с собой и зачем, я думала уже на бегу, удивляясь себе. Ну ладно, одежда запасная, веревки. Даже котелок объяснить могу. И зелья. А вот почему платье дома не сняла? Зачем в карман золото положила и драгоценности? Сама себе так и не смогла объяснить.

Ну ничего... Ничто из перечисленного бежать не мешает, а значит, пусть будет.

На каждую небольшую долину я тратила по два дня.

Осмотреться. Пройти по периметру. Подняться на склоны гор настолько, насколько возможно, и еще раз осмотреться. Неожиданные гости, появившиеся непонятно откуда, в нашей долине не нужны.

Первые несколько дней я падала от усталости еще засветло, пренебрегая ужином, удобствами и даже безопасностью. Как оказалось, предыдущие каждодневные тренировки не давали моему организму достаточной нагрузки. День за днем, не жалея себя, я восполняла утраченное и к концу десятого дня наконец-то встретила сумерки сытая, довольная, готовая повторить дневной путь еще раз прямо сейчас. А потому шестую долину-бусинку я планировала обследовать за один день. Именно она была уже основательно обжита. Пятеро мужчин, занимающихся добычей драгоценных камней, жили там в маленьком домике, стоящем у звонкого родника, по тридцать дней, меняясь поочередно с другой пятеркой на следующие тридцать дней.

Затихало пение дневных птиц. Просыпались и пробовали свои голоса ночные. Дневная охота была удачной. Ночная не планировалась. Хищников мне до сих пор обнаружить так и не удалось. Людей тоже поблизости не было. Человеческий облик в этом небольшом путешествии мне так и не понадобился. Даже в ведьминских сторожках надобности не было. А потому ничто не могло помешать мне и в этот раз насладиться изумительным зрелищем. Закат в наших горах, что может быть более прекрасным? Изрезанные верхушки гор и лучи заходящего солнца, оглаживающие их, пробивающиеся сквозь трещины и сколы, вспыхивающие ответным отражением слюдяных камешков склоны напротив... Завораживающее кратковременное волшебство. Последний луч. Последние подмигивания камешков-светлячков и их окончательное затухание.

Вот только на этот раз огоньки погасли не все. Один не погас. Словно насмехаясь надо мной, он выделялся на темном склоне горы, как вызов, как маяк, как заблудившийся луч солнца. Его нельзя было спутать со звездой. Их время еще не пришло. Его нельзя было спутать с отсветом костра, ибо он светил ярко, не мигая.

Он не испугал меня, нет. Там, на высоте, не могло быть людей. Эти горы не любили людей. Почти отвесные склоны, большие, абсолютно гладкие участки и внезапные порывы ветра отпугивали от их покорения даже отчаянных смельчаков. Что это? Большой кусок слюды? Но он перестал бы блестеть сразу же после захода солнца. Я знаю, что днем это место просто не найду. Подниматься в горы ночью, не наметив путь, по меньшей мере глупо. Решено, остаюсь в этой

долине еще на один день и на одну ночь! И днем все же попробую подняться наверх. Не найду, буду ждать ночи. Двухзубая приметная вершина послужит мне хоть и не точным, но ориентиром. Да, женское любопытство неистребимо. Пищит, но лезет — это про женщин. Не знаю, про всех ли, но про меня точно.

Охота пуще неволи, а потому вот уже четыре часа я поднимаюсь к вершинам. Ну как поднимаюсь? Ползу. Прямым мой путь не назвал бы даже полный идиот. Зигзаги, которые мне приходится выписывать, ужасно злят. За то время, которое я трачу на поиск более удобного пути, эту небольшую долину по-пластунски пересечь можно. Но есть одно «но»: большая часть все же пройдена, и пройдена в облике кошки. Почему? А потому что такой самонадеянной идиотки свет еще точно не видел! Мне так не терпелось увидеть и разгадать тайну ночного светлячка, что я начала восхождение на рассвете, не позаботившись о том, чтобы переодеть свою человеческую половину в более подходящий для лазанья по горам костюм. Да! Я согласилась с этим, когда чуть не сорвалась, убедившись, что платье для покорения горных вершин не подходит совершенно.

И вот теперь когти-то целы, а подушечки лап стертые в кровь, но вершина уже почти рядом. Вот только мне она больше не нужна. Я, кажется, нашла то, что искала. Небольшой уступ, крошечная площадка и никакой надежды на полноценный отдых. Только сидя, только плотно поджав под себя лапы, и сомнительная опора на ровном, скользком сколе скалы. Ровный, вертикальный, гладкий, словно зеркало, он больше всего напоминает неправильной формы мутный овал. Сейчас днем он не блестит и даже прямые солнечные лучи не отражаются в нем, а словно впитываются в мутную гладь. Трогаю лапой. На непонятной, чуть липкой поверхности остается кровавый отпечаток моей лапы, который через пару минут тоже словно впитывается. Осторожно тянусь к этому непонятному овалу магией. Впитывает. Никаких вспышек, никакого света, ничего...

Разочарование и злость на себя любимую накатывают волнами. От усталости начинают подрагивать лапы. Из вороха мыслей остается одна: «А ведь еще назад надо как-то спуститься! Как же плохо, что люди не летают!» И желание: на землю хочу. Вниз! Стараясь устроиться поудобнее, опираюсь спиной на мутное зеркало. Успеваю чуть-чуть расслабиться и лишь на одно мгновение почувствовать

твердую гладкую поверхность, а в следующее мгновение уже падаю. Пытаюсь зацепиться когтями за... Да хоть за что-нибудь! Не получается. Темнота, холод и все увеличивающаяся скорость падения в неизвестность. Кошачье зрение не помогает. Магическое — пугает. Жуткое, нереальное количество линий, переплетенных вокруг меня в узор безумного мастера. И последняя мысль идиотки в моем лице о детях.

ГЛАВА 60

Больно! Как же больно! Последний раз мне было так больно, когда нас с Ланьей люди били ногами и камнями, когда на теле маленькой кошечки не осталось живого места. Глаза открыть не могу, но определить, что я все еще в облике кошки и что жива, могу. И что-то подсказывает мне, что со сменой облика и тем самым избавлением от боли спешить не стоит.

Проваливаюсь в спасительную темноту, а когда снова возвращаюсь к жизни, понимаю, что болит уже не все тело и не так уж сильно. Вполне терпимо. Опять спасибо Двардскому, регенерация на уровне. Еще чуть-чуть, еще немного... Вот только ни глаза открыть, ни пошевелиться до сих пор не могу. Лапы связаны. Крепко связаны! А морда тряпкой вонючей обвязана. Была бы настоящей кошкой, наверное, уже задыхалась бы от вони, а так... Отключила обоняние, как лампочку, и жду. А что мне еще остается? Нет, я, конечно, могу принять облик змеи и освободиться, но стоит ли? А если из помещения, где я так неаккуратно валяюсь, так просто не выйдешь? А если совсем не вовремя толпа народу набежит? Рысь, как, впрочем, и змея, против толпы не боец, а «человек неразумный» у меня сейчас в юбке!

Опять же, прежде чем бежать и головы сшибать, нужно узнать, куда, кому и зачем. О-о-о! Дверь скрипнула. Воня прибавилось. Четверо шепелявых слова пережевывают. Языки им подрезали, что ли? Или они, как наши земные недоумки, на полоски их нашинковали? Как же они друг друга понимают? Язык вроде тот же и слова те же. Боги... Тащат! Меня! Вчетвером! Вздыхают. Пыхтят. Дети? Подростки? Да нет же... Голоса грубые, у поясов оружие позвякивает. Так, что это я, тупею на глазах, что ли? Ведьма я или где? Вот ведь, каждый раз приходится себе напоминать. Чуть-чуть магии, немножко ведьминского наговора, щепотку удачи и... О как! Была бы на земле, сказала бы — китайцы! Желтолицые коротышки с узкими глазами и серыми, словно пыль, волосами. Тащат маленькую меня, надрываются. Лишь бы на землю со всего размаху не бросили, недоумки! И все же

самое главное, я их начинаю понимать, а это значит, мир все тот же и у меня есть шанс вернуться домой, к детям.

А ведь тащат меня, с перерывами на отдых, уже минут тридцать. Не одну дверь прошли, а если точнее, два уровня вниз, пять коридоров, шесть деревянных дверей, окованных железом, и семь решетчатых. Магии вокруг нет. Если не считать слабенькие огоньки, да и те какие-то непонятные. Двери вот опять же закрывают на засовы и замки навесные. Прямо средневековые какое-то глубокое. На стенах факелы чадят, а на тощих шеях ожерелья из медных монет побрякивают.

О, дотащили! В зверинец. Судя по шуму и запаху, держат здесь только хищников.

Меня сейчас съедят?! Мамочка моя милая, за что? Та-а-ак... Судя по звуку, выдвигают большой железный лист или лоток. Укладывают меня на него, как жертву маньяка, разрезают ремни на лапах и резко задвигают обратно. Кушать подано! Садитесь жрать!

Довыдывалась! Долюбопытничала. Самоуверенная идиотка. Боги, не оставьте!

Раскатистый рык заставляет мое сердце сжаться от накатившего ужаса, а ответный помогает сбежать от реальности. Я — воин, я — маг, я — ведьма, я в позорном обмороке.

Ах ты ж мамочка моя!

Мальчики! Обоняние... Включить... Быстрее... Точно, мальчики! Не ешьте меня, я несъедобная! Мальчики девочек не едят, я точно знаю! Вы такие красивые, такие сильные, такие большие... Откуда знаю? Оттуда. Три огромных кошака, очень похожие на наших львов, только черные и без гривы, стянули с моей морды тряпку, что позволило мне открыть глаза, и сейчас неторопливо обнюхивали меня, легонько трогая лапами. А мои лапы словно иголками покалывает, но встать точно пока не смогу. Лишь бы на вкус пробовать не стали! Вон у них какие фигуры стройные, поджарые... Не кормят их тут, что ли?

Так, это что? Вылизывают? В три морды сразу! Уже пробуют или только примериваются? Ду-у-ура! Мне помогают кровь разгонять, мышцы массируют... О-о-о, слов нет... Ребята, чудо вы мое! Я вас уже люблю! Кошечка моя в виду своего магического происхождения ни разу не гуляла, а потому воспринимается котами как котенок, и это лучшее, что могло произойти. Боги не оставили меня! Осталось только

понять, зачем меня сюда отправили, и не просто отправили, а прямо послали, пинком под зад.

Бли-и-ин... Да дайте же встать, морды кошачьи! Кошки... Кошки, коты... Легкий толчок головой в шею ближайшего и конечно же облизать каждую усатую морду с огромной благодарностью за теплый прием.

День прошел просто великолепно. Всю меня вылизали и вычистили мои пушистики просто до идеального состояния. Напоили. Спать уложили и даже едой поделились. Остаться с ними, что ли? В облике кошки. Вон какие парни красивые, ласковые, обходительные. Спать улеглись, меня в середку своего клубка пристроили. Прелесть какая.

Вот только клетка дрянь. Решетка настолько тесная, что возникают подозрения в разумности хозяев этого зверинца. Зачем держать кошек в такой клетке? Они в ней раньше тараканов держали, что ли? Вот даже выдвигающийся поддон не просто плотно подогнан, но еще снаружи засовами задвигается. А дверь? И она на засов снаружи запирается. Котам самим точно не выбраться, впрочем, обычному человеку тоже. Сквозь такую решетку руку не просунешь, засов не отодвинешь... Ну что же, поживем, посмотрим, подождем...

Четвертый день начался с криков и суеты. Ну, хоть что-то, а то сидишь, как в болоте, и киснешь. Вода дрянная, кормят скудно, того гляди, лапы протянешь, соседей не видно, только слышно. Скучно! А сейчас, гляди-ка, бегают желтомордые, верещат и даже дерутся. Звери волнуются, рычат и даже мои котики по клетке мечутся как заведенные. Неспроста. Ох неспроста...

Пока я пыталась понять, что происходит, чего ждать, куда бежать, в нашей клетке-камере появился новый вход-выход. В противоположной стене со скрипом рывками в сторону начал отодвигаться каменный блок, и мои котики начали выскальзывать из клетки в открывающийся проход, не дожидаясь, пока камень прекратит двигаться. И ведь не было ни трещинки, ни сквозняка, ничего, что помогло бы мне определить наличие этого лаза. Именно лаза, по-иному его и не назовешь. По нему только кошки пройдут без проблем да, может, еще тощие тюремщики на четвереньках. Довольно круто поднимающийся вверх каменный гладкий желоб был не чем иным, как выходом на поверхность. Заканчивалось это безобразие еще одной

камерой, два на два метра, всего метр высотой и с решеткой. Но на этот раз она была редкой и позволяла как нам разглядеть все вокруг, так и нас увидеть всем желающим. Вот только котам пришлось лечь, плотно прижавшись друг к другу.

А посмотреть было на что. Больше всего это было похоже на древний амфитеатр. Круглая арена, посыпанная песком. Высокое каменное ограждение и два круговых яруса посадочных мест. Второй ярус выгодно отличался от первого, ибо состоял из индивидуальных лож с удобными мягкими сиденьями, прикрытых легкими навесами. Зато на первом ярусе, на обычных скамьях людей помещалось в два раза больше. И сейчас все обозримое пространство было заполнено зрителями, разными зрителями. На первых, — самых нижних рядах возбужденно орали уже знакомые мне желтолицы, оказавшиеся мурдами, а говорили — кочевники, чуть выше торговцы, караванщики и наемники, в ложах — знать, причем мурдов, обвешанных золотом, как елки игрушками, среди них было большинство.

Протрубили трубы, и неприглядное действие началось. Из массивных ворот, открытых напротив нашей клетушки, на арену вышли две группы по четыре человека в каждой и застыли напротив друг друга. Они не были ни воинами, ни магами. Оружие в их руках пугало их самих больше, чем противники, но трибуны орали и бесновались, подталкивая этих людей своими криками к действию. Не знаю, чем их мотивировали, но спустя какое-то время они начали бой. Это не было красивым зрелищем. Это вообще не было зрелищем. Самый молодой из них, почти мальчик, даже не сопротивлялся. Позволил зарезать себя как барана и упал на песок с улыбкой на лице.

Они умерли. Да и не сопротивлялись особо. Потыкали друг в друга ржавыми ножами, и все. Может, не умели драться? А может, не хотели? Но разбалованную публику огорчили знатно. Недовольство густым, незримым облаком повисло над ареной, и организаторам пришлось срочно исправлять дело. На бой начали выходить пары, умеющие держать в руках оружие. Вот только победителей в награду вместо отдыха ожидал дополнительный бой с двумя-тремя неумехами.

Крики, а самое главное, запах крови будоражит не только моих котов, но всех остальных зверей, ожидающих своего выхода по

соседству с нами. Теперь я поняла, откуда на шкурах кошек такие шрамы. Только... Делать-то что?

И вот на арену выпустили сильнейших. Они, умеющие великолепно владеть оружием, получали за победу над своим противником обязательную награду — еще одного противника. Зверя.

Не участвовали в боях женщины. И никто не использовал во время боя магию. Ну, женщины в этом мире оружием не размахивают, а вот маги... Сильных магов нет среди зрителей. Нет их и среди сражающихся. А, нет... Среди зрителей есть те, кто обладают силой, изящной, но такой же серой, как волосы желтолицых, почти незаметной. Шаманы! Древние ведьмы не раз и не два сталкивались с этими умельцами и признавали их силу и знания. Хозяйка попавшего в мои руки дневника, правда, подчеркивала, что все их ритуалы сродни ведьминским, но основаны исключительно на крови. Современные маги, отрицающие магию крови, как темное наследие ведьм, не могут ей противостоять и наверняка именно поэтому избегают появляться в этих краях. Узнать бы еще, в каких именно краях...

Четыре пары сильных воинов провели сражение между собой. Четверо победителей получили награду, если ее можно так назвать. Рев над ареной стоял просто оглушительный. Зрители орали, бесновались в клетушках звери. А на арене на потеху толпе погибали воины. Ни один из них так и не смог одолеть зверей. Их выпускали одного за другим, огромных и не очень, быстрых и неповоротливых, но все они были хищниками, умеющими постоять за себя. Они получали небольшие порезы и глубокие раны, но побеждали, и не просто побеждали, а утаскивали с собой с арены тела побежденных.

Мне впервые стало по-настоящему страшно. Я только в этот момент окончательно поняла, что окружающие меня сейчас коты, несомненно, являются отличными бойцами. Они уже убивали. Убивали людей! Убивали, действуя не каждый сам по себе, а в группе, как единый организм. И вот теперь они, голодные, взвинченные криками толпы и запахом крови, с нетерпением ждут своей очереди. Они готовы выйти на арену. Они готовы убивать! А я? Я могу остаться здесь и не выходить следом за ними, но потом мне придется смотреть, как они будут насыщаться убитой добычей. Я этого не переживу... У меня сердце остановится! Одно дело убить, защищая и защищаясь,

другое — смотреть, как рядом с тобой звери будут рвать тело человека.
Будь проклято мое любопытство!

Боги! Если я сумею отсюда уйти и вернуться к сыновьям, то сяду дома и года три буду вышивать крестиком и варить зелья. Никаких путешествий и сомнительных подвигов! Клянусь!

ГЛАВА 61

Он победил! Последний из четырех, белокурый викинг, победил. Я не могу отсюда рассмотреть его лицо, но высокий рост, безупречную фигуру воина разглядела, а самое главное, сумела оценить воинское мастерство. Вот только бой дался ему нелегко. Противник ему попался достойный и дорого продал свою жизнь. Даже отсюда я чувствую запах крови победителя. Несколько мелких порезов и глубокая рана на правой руке вынуждают воина, так похожего на изображения викингов в моем бывшем мире, перехватить меч в левую руку. И все же он крепко стоит на ногах и готов встретить свою «награду».

И он ее сейчас встретит! Открывается именно наша решетка. Именно мы его «награда» и удача. Мои коты рванули из клетки как ошпаренные. Мне не оставалось ничего другого, как поспешить на арену вслед за ними. Я еще не знала, что буду делать, но спешила изо всех сил.

Поведение котов заставило меня усомниться в их неразумности. Воин успел дойти до стены, прикрывая этим свою спину. Коты же не стали нападать на него с ходу. Они разошлись в разные стороны и улеглись на песок, окружив свою жертву с трех сторон. Казалось, что ни голод, ни шум, ни мелкие камешки, летящие в них с трибун, ничто не способно заставить зверей кинуться на свою жертву. Я понимала их намерения как никто другой. Жертва вооружена, но она теряет кровь, а значит, становится слабее. Нужно всего лишь подождать.

Подбежав к самому крупному коту, с седыми волосками, поблескивающими в густой черной шерсти, я плюхнулась на живот возле его бока. Получила ласковый тычок мордой в ухо и наконец-то смогла рассмотреть стоящего напротив нас воина.

Посмотреть было на что. Набедренная повязка, кинжал в раненой правой руке, меч в левой. Стройное сильное тело, на котором просто не было живого места. Шрамы, большие и маленькие, давно зажившие и заживающие, совсем еще свежие раны и порезы. И это не считая сегодняшних мелких кровоточащих порезов на всем теле и глубокой

раны на предплечье. Грязные волосы стянуты в низкий хвост обрывком кожного ремешка. И еще то, что осталось от лица.

Я не узнала его сразу. Грубый, бугристый, совсем свежий шрам пересекал лицо. Он начинался посередине лба от самой кромки волос, рассекал левую бровь, закрытый отеком глаз, или то, что от него осталось, и заканчивался внизу, уродуя скулу и уголок губ. Второй глаз был в порядке и смотрел на нас сейчас с полным безразличием. Его взгляд был пустым. Так смотрел на меня мой приемный отец до того, как Ангел снял с него печать раба. Так смотрел сейчас на меня герцог Эверли.

В голове зазвучал набат и, словно испугнутые птицы, заметались мысли. Как? Кто? Почему? Не может быть! Он же маг! Один из сильнейших! Что вообще произошло?

Я постаралась успокоиться и перешла на магическое зрение. Его магическое ядро было по-прежнему очень ярким, но магия не струилась по телу. Теперь это был туго скрученный клубок, упакованный в мерцающую сферу. А вот привычного мне магического рабского клейма не было. Натаниэль не был рабом. Он был марионеткой. Его подчинили шаманы. Их серые узоры окутывали его голову словно грязная паутина, закрученная сумасшедшим любителем вязания.

Минуты шли. Натаниэль слабел, теряя кровь. Моя душа плакала от боли и бессилия. У меня не получалось придумать план по спасению нас обоих.

Нат покачнулся, и звери дружно поднялись с песка как бы согласованным движением. Трибуны взвыли. Отчаяние накрыло меня с головой, и я взвыла еще громче их. И кричала я совсем не так, как это делают кошки. Стоявший рядом со мной кот даже присел от неожиданности. Я же встала перед ним, загораживая собой воина, и, поднявшись на задних лапах, начала тереться головой о его голову, шею, тело, стараясь оттолкнуть зверя в сторону. Мое поведение заинтересовало его. Он принялся обнюхивать меня, и я начала надеяться на лучшее, но в этот момент один из младших кинулся в атаку, а второй его поддержал. Все смешалось. Коты не кидались на оружие, как несмышлениши, нет. Они пытались выбить из рук Натаниэля оружие. И это им удалось. Взмах мощной лапы — и вот уже

пальцы раненой руки разжимаются, теряя кинжал, а рука начинает напоминать рукав рубашки, порванный на лоскуты.

Что было потом, я помню плохо. Помню, как я сбила с ног не ожидающего такой подлости с моей стороны одного из младших, как раз того, что бил по раненой руке. Помню, как получила в ответ. Помню боль, крики придурков, сидящих на трибунах. Клыки, сжимающиеся на своем горле, тоже помню.

Пришла в себя, с удивлением понимая — жива! Не просто жива. Старший, его запах спутать невозможно, тащит меня словно котенка, прихватив за шиворот. Лапа разодрана, бок болит адски, и горло словно жеваное. Но мой вежливый носильщик ныряет в темноту выпустившего нас на арену лаза и я слышу, как следом за нами следуют еще двое. Никто из них не волочит за собой добычу, и у меня появляется слабая надежда, но это лучше, чем совсем ничего. Спасительная темнота уводит меня в мир, где нет боли и глупых мыслей...

Громкие вопли помогают мне прийти в себя. Орут люди. Рычат мои мохнатки. Прислушиваюсь... Судя по всему, высокий (для желто-пыльных) мужик, обвешанный бусами, браслетами, кожаными лоскутками и кусочками меха, пытается заставить двух худосочных зрителей нашего зверинца войти в клетку и вытащить из нее мою тушку. Понимаю, что начальство недоволено нашим выступлением. Маленькая кошка испортила охоту, а за смерть Белоголового в лапах черных котов были заплачены огромные деньги. Теперь их пришлось вернуть. Выживет опять-таки этот или нет, неясно. Но денег нет. А коты отказались добивать раненого. Виновата самка! Ее нужно убрать!

Крик продолжался еще с полчаса. Тишина наступила мгновенно, стоило только появиться возле нашей клетки богато одетому белому человеку. Не магу, нет, но зато разодетому, как павлин. Его приказание разрешило неразрешимую проблему в момент.

— Следующий раз арена примет гостей через пять дней. Зверей не кормить. Ставьте только воду. Они эту кошку сами съедят. Они уже сейчас злы и голодны, а значит, сделают все как надо.

Нас оставили в покое. Коты улеглись вокруг меня и принялись вылизывать мои раны, а я думала: съедят или нет?

Не съели и даже не надкусили. Вылизывали, утешали и согревали своими телами. На третий день утром меня разбудил запах крови, свежего мяса и недовольный голос зрителя. Сегодня кормили зверей. Всех, кроме нас. Лоток с песком, а если проще, то кошачий туалет очищался практически мгновенно и не доставлял никаких хлопот, а вот голод доставлял. И я решилась... Да и от ран следа не останется...

Встала. Отошла подальше от зверей и сменила облик. Всего на пару мгновений. Они вскочили, молниеносно кинулись. Столкнулись уже со мной — кошкой. Недоверчиво принюхались и спустя какое-то время успокоились, но ложиться уже не стали, внимательно наблюдая за мной. Успокаивала их как могла. Ласкалась. Вылизывала мурлыкающие от удовольствия морды, а затем ушла в другой угол и опять сменила облик. В этот раз они не кинулись, а меня затрясло от облегчения. «Не бояться. Только не бояться. Страх очень неприятно пахнет и провоцирует любого хищника на агрессию». Коты принюхивались, я ждала. Дождалась! Старший рыкнул. Младшие легли на пол, прижавшись к полу. Зато сам он сделал шаг в мою сторону, продолжая принюхиваться. Меняю облик опять. Даю себя обнюхать и становлюсь человеком, стоя к нему вплотную. Подвергаюсь тщательному досмотру и с надеждой протягиваю руки.

Целый час ушел у меня на повторное знакомство, поглаживания и почесывания, но меня признали за свою. Я успела! Зритель с тележкой, заполненной мясом, уйти не успел. Открыть дверь в клетку у меня получилось без особых проблем, магия всегда со мной, а ткнуть яварой зазевавшегося коротышку тем более. С остальным мои ребята справились сами. Каждый сам выбрал для себя кусок побольше и сам его в наше логово перетащил. О себе я тоже позаботилась. К тому времени как ушибленный смог прийти в себя и встать, мы уже успели плотненько так покушать и даже задремать.

Котам моим способ добычи пищи, по-моему, понравился, а я всерьез принялась раздумывать над тем, как не только самой выбраться из этого болота, но и герцога с собой забрать. Я запрещала себе думать о том, что все мои усилия могут быть бесполезными, что я могу опоздать. Что уже опоздала...

К утру я решилась на безумный шаг. Выполнить все, что я задумала, мне могли помочь внезапность, ловкость и удача! А самое

главное — помощь богов!

Очередной день открытия арены я ждала с огромным нетерпением.

ГЛАВА 62

Крики зверей, хрипы умирающих, беснующаяся толпа зрителей — ничто из этого не волновало меня сегодня. Я ждала, когда откроется наша клетка, и надеялась на помощь богов как никогда раньше.

Да! Огромный, словно гора, мужик ожидал приближения моих котов, прислонившись спиной к стене, сжимая в руках парные короткие мечи.

Нужно успеть, пока они еще не легли, замыкая его в полукруг! Пока стоят на лапах! Отстав от них в самом начале, я начала ускоряться, стремительно нагоняя зверей.

Тяжелые, массивные коты никогда не смогут повторить то, что сделала я. Рысь, прыгающая с места, преодолевает невероятное для ее не очень крупного тела расстояние, небольшой разгон увеличивает его почти вдвое. Я использовала спину не успевшего лечь старшего зверя и стоящего человека как дополнительные трамплины. Три толчка — земля, спина кота и плечи человека. Несколько томительных мгновений растягиваются в целую вечность, но у меня получается. Легко достигаю края стены. Я — человек. На несколько мгновений теряюсь, крики оглушают, вонь немых тел словно обухом бьет по голове, но я — кошка, не останавливаюсь ни на мгновение. Плотные ряды сидящих зрителей, их головы и спины ничуть не хуже, чем камни мостовой, служат моим целям. Никто из сидящих на первом ярусе не успевает достать оружие, а вот охрана второго успевает. Но навесы, прикрывающие элитных гостей от солнца и непогоды, вдвое ниже стены, окружающей арену. Я все распланировала. Как уйти с арены, как пересечь ряды, заполненные зрителями, как преодолеть ложи. А вот что я буду делать потом — нет.

По внешнему краю амфитеатр был окружен узким каменным парапетом. И все! Никакой возможности быстрого спуска с огромной высоты. Отвесные стены и скалы внизу. Не знаю, сколько веков этому строению и кем был безумец, построивший его на берегу моря, и не просто на берегу, а на скалистом языке, врезающемся в море словно волнорез. Никакая кошка, даже очень везучая и удачливая, не сможет выжить, прыгая на камни с такой высоты! Но времени нет. Шум за

спиной нарастает. Совсем скоро на стене появятся воины. До края обрывистого берега метров восемьдесят. Где-то там далеко внизу с бешеным ревом бьются о скалы волны. Магическая сила скручивается внутри меня в тугую пружину. Не раздумывая больше ни секунды, прыгаю и не долетаю... совсем чуть-чуть. Скользящий удар о камни. Один. Второй. Пружина во мне распрямляется. Безумство волн стихает, и вода принимает изломанное тело кошки в свои объятия. А еще через пару минут над спокойной гладью воды поднимается голова огромной змеи. Я сумела отрешиться от боли и сменить облик. Прибрежное течение подхватывает мою расслабленную, несопротивляющуюся тушку и затягивает в каменный грот, скрытый в обычное время бушующими волнами.

Вода увлекает меня вглубь скального массива, а узкая воздушная подушка под потолком позволяет дышать. Свежесть воздуха и усиливающееся течение говорят мне о том, что у этого каменного тоннеля есть выход, и выход этот находится выше уровня моря.

Вышвырнуло меня вовсе не в море, а в небольшое, явно вырубленное в скале озеро идеально округлой формы. И темнота сменилась тусклым освещением, позволившим мне отлично разглядеть место, куда я попала. Глаза быстро привыкали к полумраку, зрение перестроилось.

Поток воды, торопливо огибая озеро по краю, спешил дальше. Неподвижная фигура женщины, стоявшей у кромки озера, заставила меня опустить голову вплотную к поверхности воды и приложить усилия для преодоления течения. Далеко не сразу я поняла, что вижу статую. Обманчивое впечатление жизни создавали солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тонкие трещины, расположенные над ее головой, и блики, сверкающие на поверхности бегущего через озеро потока воды. Они оживляли ее. Создавалось впечатление легкого ветерка, ласково играющего с ее платьем и густыми распущенными волосами. Она была прекрасна.

Она была ужасна. Изумительный мастер сумел сделать невозможное с серым отшлифованным камнем. Она была почти живой. И никакой магии, никакого шаманства, только умелые руки мастера. Казалось, вот сейчас она шагнет вперед. Ее платье и босые ноги наконец-то коснутся воды. Маленькая, хрупкая фигурка, точеные руки, длинные изящные пальцы, высокий лоб, четкий разлет тонких

бровей, широко распахнутые глаза и шрамы. Грубые рубцы, заставляющие вздрагивать и отводить взгляд от ее некогда прекрасного лица. Древний мастер сумел передать красоту и боль молодой женщины. Шрамы покрывали ее руки, шею, лицо. Их хотелось убрать. Стереть одним движением руки, но ее поза, осанка, посадка и поворот головы останавливали, заставляли склониться перед ее силой и мужеством. А еще...

Змеи. Они оплетали ее руки. Свивались, словно ожерелье, на ее шее. Искали защиты у ее ног. Нет, они не были живыми. Я чувствовала вокруг себя только камень и все же не смогла уйти, не проверив, не дотронувшись до них рукой. Рассматривая статую, я сама не заметила, как сменила облик. Собираясь продолжить свой путь, я торопливо шагнула к воде. Но тут рисунки на стенах, сделанные, несомненно, намного позже и совсем другими мастерами, привлекли мое внимание. Их сюжет не отличался разнообразием, но давал мне шанс уйти отсюда с наименьшими потерями. Они поклонялись ей! Желтопыльные мурды поклонялись этой женщине как богине. Приносили ей дары и жертвы. Резали свое тело во славу ее. А самое невероятное, что на некоторых фресках она была изображена в виде огромной змеи.

У меня есть шанс. Я смогу.

Целый час я делала из себя прекрасное страшилище. Достала свои зелья, превратила маленький участок каменной стены в зеркало, подсвеченное магическими огоньками, и приступила к действию. Несколько капель, закапанных в глаза, заставили их потерять цвет. Ведьминские амулеты украсили шею и руки, деревянные заговоренные бусины переплетались в них с кожаными ремешками, напитанными при помощи темных ритуалов. Они не дадут приблизиться ко мне никому против моей воли. Послужат щитом. Усилят любое мое заклинание. Еще одно зелье помогло мне изобразить на себе шрамы. Густая, словно гель, масса, будучи нанесенной на кожу, при высыхании заставляла ее краснеть, вспучиваться, стягиваться вокруг искусственного рубца. Вот только снять всю эту красоту можно будет лишь специальным раствором, который я, на свою беду, оставила дома. Ну и что? Красота, говорят, страшная сила. Похожу красивая.

Волосы распустила. В удачу поверила. Вперед!

ГЛАВА 63

Вот это я удачно попала! Маленькая тихая бухточка никогда еще не привлекала столь пристального внимания. Стремительный поток воды, указывающий мне путь, совершенно неожиданно сменил направление и через глубокие разломы ушел резко вниз. Пришлось пробираться к виднеющемуся выходу своими силами. Выходом эту щель можно было назвать только условно. Моя немаленькая тушка с трудом протиснулась сквозь нее. Удобного спуска для меня никто не подготовил, зато зрителей подогнал. Галдеж стоял знатный... Ну, до тех пор, пока тело огромной змеи с громким хлопком не упало в воду. Не получился у меня прыжок! Но зато звук удара об воду получился звонким и очень громким. Теперь я звезда этого шоу, и все зрители смотрят на меня. Самое главное теперь безупречно сыграть свою роль.

Громкий хлопок об воду заставил около сотни воинов, вальяжно развалившихся около костров, вскочить на ноги, схватить оружие и замереть на месте. Огромная змея, приподняв голову над водой, неторопливо двигалась к берегу. За несколько метров до кромки воды, когда самые решительные подались в ее сторону, выставив вперед мечи, она остановилась. Ее голова начала подниматься все выше и выше, и вот прямо на поверхности воды уже стоит молодая женщина. Ее черными волосами с серебряными прядями играет ветер. Оставшийся путь по воде она проделала спокойно и неторопливо, не замочив платья и сапожек. Стоило только ее ножке коснуться берега, как резкий порыв ветра раскидал стоявших на ее пути воинов, словно мусор, прокладывая среди них прямую дорогу к входу в амфитеатр.

— Анаш! — заорал, видимо, самый умный среди собравшихся, и уже через мгновение все желтолицые упали на колени лицом в песок.

Наконец-то! Признали, заразы... Чуть полностью не поседела. Заморозить под ногами воду и шествовать аки посуху и то легче было, чем идти на мечи, изображая безэмоциональную куклу. Заклинание для чистки половиков расчистило дорогу лучше любого глашатая, а возглас «Анаш!» повалил всех остальных.

Ох, а до нужного мне входа далеко-то как! Торговые ряды, расположенные на моем пути, придется пересекать все так же неторопливо и невозмутимо.

Народу сколько! Гляди-ка, мурды сами мордами в землю падают и иноверцев укладывают, и не смотрят ни на чины, ни на звания. А желтеньких-то все больше и больше! Самые умные уже огребли! Сунулись под ноги с подаянием. Их охранка моя магическая отшвырнула в сторону, как котят. Остальные теперь близко не подходят, но руки с дарами протягивают все чаще.

Иду медленно, головой не верчу, но дары рассмотреть успеваю хорошо. Вот зачем мне, спрашивается, их мечи, ножи, кинжалы, уздечки? Мне лошади нужны, фургон крытый, рулон ткани белой на повязки и много чего еще по мелочи. Решено! Наглеть так по полной! Да и торговцев, ведущих дела с кочевниками, которые не совсем кочевники, наказать хочется.

О! Вот то, что мне нужно! Крепкий фургон, запряженный двумя сильными лошадьми, дуги которого обтянуты плотной тканью, а сбоку закреплены ведра и большой котел. Беру!

Анаш шла размеренно, неторопливо, никуда не сворачивая. Торговые ряды на ее пути волею ее претерпели изрядные перемены. Все, что мешало, было буквально сметено в сторону. Прямая как стрела дорога, начинающаяся у кромки воды, упиралась другим концом в широко распахнутые ворота амфитеатра. Тишина сопровождала каждый ее шаг, словно мягкое покрывало. Недовольных ее появлением не было. Умные замолкали сами, дураки умирали от рук умных. Она пришла, но не принимает дары. Паника начала охватывать людей. Это могло значить только одно: Великая будет наказывать провинившихся, забирать души. Лишившиеся души уже никогда не вернуться на караванный путь, ведущий к перерождению.

С прилавков, из сундуков спешно доставали, со всех людей, попавших под руку, снимали драгоценности, вышитые кошель, наполненные золотом, амулеты, золотые фигурки зверей. С древних времен мурды больше всего боялись именно ее возвращения, ее наказания и знали лишь один способ остановить Великую, предотвратить мор народа — дары. Каждый из них слушал в детстве

рассказы шаманов о том, как сурова богиня, как могут опустеть степи, как вымирает цветущий край всего лишь за несколько дней.

Дары! Она должна принять дары! Богиня — женщина, а значит, ее можно отвлечь, главное, найти то, что она захочет получить.

Внезапная остановка Великой и медленный поворот ее головы вселили в сердца людей надежду. Протянутая рука и повелительное приказание — «фургон!». Радостный вздох и беспрекословное повиновение. Возмущенный крик торговца, хозяина приглянувшегося мне имущества, захлебнулся на самой высокой ноте. Перерезанное горло мешает жить любому, а богиня наверняка с удовольствием примет в дар душу нечестивца. Дальнейший путь Великой вызывал восхищенные вздохи толпы. Богиня принимала дары! А это значит — многие, очень многие останутся жить!

Все, что нужно, мне отдали, собрали, подарили. Вот только хорошими лошадьми я себя так и не одарила. Мне не нужны местные коротконогие лошадки. Придет время бросить фургон и уносить ноги верхом, и что тогда? Ну, ладно... Там, чуть в стороне, живность вроде бы продают. Нужно не забыть глянуть, а пока... Мой выход на арену. Мое выступление следующее. Амфитеатр ждет меня, и зрители ждут. Им наверняка уже сообщили о моем прибытии.

Они ждали меня прямо на арене, выстроившись, словно генералы на параде. Посередине, чуть впереди, израненный, покрытый белесыми шрамами, самый сильный, словно витрина с бижутерией обвешанный бусами и погремушками верховный шаман. Шесть более слабых шаманов прикрывали его со спины и с боков. А еще кукловод, куда ж без него. Тот самый мужик, который прекратил своим решением все споры в зверинце. Стоя за спинами шаманов, он пытался слиться со стеной, возле которой они стояли. Но — увы и ах! — желтые коротышки не могли прикрыть его своими спинами.

Подходить вплотную к наглецам, не склонившимся передо мной, я даже и не подумала. Ступить на песчаную арену, впрочем, тоже. Утопать в песке? Мне? Шагать, поднимая пыль? Не по чину!

Совсем короткое заклинание, произнесенное шепотом, сорвалось с губ, и вот уже мои божественные ножки ступают на плотно утрамбованную поверхность, похожую на шершавое стекло. А что? Землю садовых дорожек это заклинание превращает в изумительные

тротуарчики, а вот песок... Амулеты сработали безупречно, и потому песочек утрамбовался весь какой был.

По арене я сделала всего десять шагов и остановилась. Следовавшие за мной всю дорогу воины начали заполнять арену, словно полноводная река. Они становились по периметру арены в несколько рядов. Тишина затягивалась. Младшие шаманы потряхивали своими погремушками и ждали решения сильнейшего. Сильнейший колебался. И я решила ему помочь. Резкая смена облика — и вот уже на месте покрытой шрамами молодой женщины вьются кольца огромной змеи. Народ на обоих ярусах стремительно соскользнул с сидений, пытаясь укрыться в узких междурядьях. Опустились ниц младшие шаманы. Рухнул как подкошенный старик, стоящий перед ними. Пытающийся быть незаметным кукловод остался стоять.

Очередная смена облика из змеи в женщину заставила его заговорить:

— Кому вы кланяетесь? Ярмарочное чародейство еще никого не убивало! Кого вы боитесь? Вы воины! Убейте ее!

После его слов пришедшие со мной упали ниц, а я не на шутку разозлилась. Эта тварь будет решать, жить мне или умереть? И это ему подчиняются? Он очень слабый маг! Его силенок я в подземелье даже не заметила. Как он сумел приручить этих кочевников? Чему научил?

Изуродованное лицо герцога встало перед моими глазами. Картины убивающих друг друга людей заставили содрогнуться вновь. И я заговорила. Заговорила на русском, наказывая, проклиная... Трехэтажные конструкции «истинно русского языка» я закончила пожеланием, в которое вложила всю свою душу:

— Пусть будут прокляты организаторы этих боев, и пусть они познают боль умерших на этой арене! Пусть сгниет заживо человек, стоящий сейчас передо мной, и превратятся в песок эти стены!

Никто не понял моих слов, но крик, полный боли и страданий, объяснил все и всем. Шаманы шарахнулись в стороны, не вставая с колен, их боль еще впереди. Неизвестный мне кукловод не мог даже упасть. Он стоял неподвижно, и только дикий, пугающий крик рвался из его горла. Это было страшное зрелище, но я стояла и смотрела на него, вспоминая всех, кто погиб на этой арене при мне. Истлевала и распадалась на грязные куски богатая одежда, покрывалась все увеличивающимися язвами кожа, клоками падали с головы волосы.

Лишь несколько минут — и вот с его тела начинают падать не остатки одежды, а куски гниющей плоти.

Я — чудовище. Смогу ли когда-нибудь забыть это или буду обречена наблюдать за этим зрелищем из ночи в ночь? Крик давно стих. Кости, лишенные плоти, рассыпались в прах. Тишина, наступившая в амфитеатре, оглушила меня.

Никто не шевелился и не поднимал головы от земли. Шаманы молчали. А я не знала, что мне делать дальше. Как высказать остальные свои требования, чтобы при этом из образа не выйти? Помог старик. Заговорил, приподняв голову, не вставая с колен:

— Что пожелает Великая?

— Белоголового — в фургон. Свежего мяса и котов мне!

— Госпожа! — испуганно воскликнул старый шаман. — Белоголовый очень плох, почти умер. Мы дадим сильных, здоровых!

— Белоголового. В фургон. Умрет он — умрешь ты. Быстро умрешь.

Шаман взвыл. Люди забегали. Уже через десять минут у моих ног лежали свежие, отборные куски мяса, а из небольшого лаза выбегали на арену три черных кота. Стоящие на коленях не пошевелились. «Их жизнь и души в руках Великой. Умрет тот, кто должен». Хорошая религия! Крутая богиня! Вот только в древнем святилище, посвященном ей, силы никогда не было, тем более божественной, а потому я очень сомневаюсь в том, что она действительно когда-то существовала. Но они верят, и их вера поможет мне убраться из этого места подальше. Узнать бы еще, из какого места.

Никто так и не шелохнулся, ни вокруг меня, ни на трибунах. Наверное, поэтому мои коты пошли на запах мяса, то есть ко мне.

Меня и мясо обнюхивали очень тщательно. Порыкивали, фыркали, но все-таки признали. Ткнулись головами. Облизали руки и приступили к трапезе. Вот не верю после этого, что они неразумные.

— Воды! — потребовала я.

Трясущийся как хвост испуганной овцы парнишка принес воды в деревянном ведре, только поставил его далековато. Я была уверена, что звери не променяют большие куски свежего мяса на худосочного мальчишку, а потому приказала:

— Ближе! Еще ближе! Так, уходи медленно...

Звери уже заканчивали свою трапезу, когда к высшему шаману подскочил разукрашенный мужик и что-то быстро зашептал. Пояснения от старика я получила сразу же.

— Великая! Белоголовый в фургоне. Великая! Коты, они бесполезны. Они перестали убивать!

— Хочешь, — спросила я, — они убьют тебя?

— Пощади!

Не ответив ему, я повернулась и пошла к выходу. Коты поднялись и последовали за мной.

ГЛАВА 64

Первым в ворота вышел старший кот. Я и два молодых зверя следом за ним. Придерживая их за холки, я чувствовала дрожь, пробегающую по их телам. Они были испуганы. Их окружало целое море людей, но они шли рядом со мной без рывков и понуканий. Головы этих больших хищных зверей находились на уровне моей груди, но мне не нужно было напрягать руки, чтобы удержать их. Коты нервничали, но вели себя с большим достоинством, чем все те, кто ожидал моего выхода, ибо увидевшие мое необычное сопровождение люди бросились в стороны, сбивая с ног стоящих позади. На месте остались лишь четверо воинов в полной амуниции. Они удерживали испуганных лошадей. Удержали! Даже когда мы обходили фургон, удержали, а потом заставили бедных животных идти следом. То, что творилось позади, я увидела только тогда, когда остановилась возле торговых рядов с лошадьми. Коты одним своим присутствием навели шороху среди остальных четвероногих, но это не помешало мне разглядеть среди беснующихся лошадей сильного, высокого в холке, с большими острыми ушами жеребца и изящную, верткую молодую кобылу.

— Этих! — Я указала сопровождающим на понравившуюся мне пару и пошла дальше. Вот тогда я и увидела идущих вслед за фургоном не только шаманов, но всех тех, кто находился ранее в амфитеатре и возле него. Долгие проводы и торжественные речи мне были не нужны. От «хвоста» следовало избавиться. Торговые ряды закончились. Город, в который я не стала заходить, остался чуть правее. Дорога же, идущая от побережья, уходила вдаль и терялась в степи. Все! Спасибо за внимание, я пошла. Хозяева, вам гости не надоели? Что им сказать-то, чтоб отстали? Мысленно я вон какая разговорчивая.

Фургон с привязанными сзади лошадьми остановился. Великая и не отстающие от нее ни на шаг коты отошли в сторону, и она повернулась к людям, которые следовали за ними.

— Мне нужны воины. Четыре раза по десять. Только они пойдут со мной дальше, — произнесла она.

— Вур, ты! — крикнул старый шаман. На дорогу вышел крупный для этого народа мужик, обвешанный всевозможным оружием. — Твои! — распорядился изрезанный, как старая разделочная доска, дед, и рядом начали выстраиваться воины, ведущие в поводу лошадей. Всего двадцать минут, и вот они уже готовы пуститься в путь. Фургон двинулся вперед. Воины вслед за ним. Толпа шатнулась следом.

Тупые пыльноголовые! Ну что ж, будем прощаться. Не оглядываясь, устраиваю позади себя пыльную бурю. Как? А, ерунда... Как любая хорошая хозяйка, я могу подмести двор парой слов. Чуть больше силы, чуть больше двор. Мы уходим. Они передумали.

Очень хочется скользнуть внутрь фургона и наконец-то удостовериться, что герцог Эверли действительно там. Что живой. Но мне нужно понять, где я и куда двигаться дальше. Еще чуть-чуть...

— Вур! — О, прискакал как быстро! А котов боится. Народу теперь с нами мало, котики порывают и пугают храброго командира кочевников. — Вур, какой сейчас год? Как сейчас называется эта земля? Как называются соседние земли и кто их населяет?

— Великая! Год красной кобылицы только начался. Находимся мы на землях великих мурдов. — О как, не больше и не меньше. — Десять дневных переходов отделяют нас от королевства Нурин. Два раза по десять — от королевства Грани. С других сторон нас, как и прежде, ограничивает море и немного горы.

— Какой народ населяет земли Нурин?

— Слабый народ, Великая! Бледные. Длинные. Тонкие. Ковыряют землю. Убивать не любят совсем.

— Отвяжи от фургона верховых лошадей, пусть воины присмотрят. Веди отряд в Нурин! Хочу, чтобы бледные узнали мощь богини Анаш!

Воин склонился в поклоне и побежал к своим подчиненным, выстраивая охранение в походный порядок, а я наконец-то смогла забраться в фургон. Мохнатые полезли следом. Как же я удачно карету выбрала, даже с такими попутчиками в ней довольно просторно. Старый сунулся было к окровавленному мужчине, лежавшему у правой стенки, зарычал и схлопотал ладонью по морде. Опешил.

Уселся и склонил голову набок, поглядывая на меня и того, кого я решила защищать. Молодые зарычать не успели. Улеглись в глубине фургона, делая вид, что им все это неинтересно.

Закрываю задний клапан фургона — нечего всяким-разным желтым подглядывать — и торопливо склоняюсь над тем, к кому рвется мое сердце. Еще пока жив, но если ничего не сделать, то в ближайшее время как пить дать упокоится.

А фургон-то странный какой! Вдоль боковых бортов намертво закреплены длинные ящики, похожие на гробы, у них и крышки есть, только они откидываются и крепятся в вертикальном положении. Вот в эти гробы, наполненные сеном, кладутся тюфяки, набитые овечьей шерстью, и пожалуйста спать. Не хотите — опускайте крышку и получите прекрасное сиденье или же стол. Один из ящиков сейчас использовался по назначению, в нем лежало истерзанное тело герцога, и я не знала, смогу ли ему помочь.

Натаниэль был очень плох. У него воспалились не только недавно полученные раны. Да, они загноились, вспухли, от них шел просто ужасный запах, и все же не они привели его на грань между жизнью и смертью. Раны на лице. — вот что волновало меня сейчас больше всего. Рубцы на нем вспухли, начали наливаться чернотой, поврежденный глаз сочился кровью и был вспучен так, словно пытался покинуть глазницу окончательно. Когда я увидела Эверли на арене, то решила, что его глазница пуста и глаз он потерял. Нет, не потерял. Смогу я удалить его, если будет нужно?

Все, что я «подарила» себе на рынке, было аккуратно сложено и потому не доставило труда обнаружить бурдюки с водой, железную кружку и маленький котелок. А зелья всегда со мной. Так, три капли на кружку воды. Мне нужно сбить температуру, а не усыпить его навечно. Как же хорошо, что в этом мире есть магия, и потому мне удастся не только легко приподнять его голову, но и напоить. Я занималась его ранами несколько часов. Вскрывала, промывала, чистила, прикладывала компрессы, мази, засыпала порошком, бинтовала. И зашивала, конечно. Волос великому герцогу пришлось лишиться. Мешали они мне, очень мешали! И, наконец, осталось самое главное — магическое ядро, его нужно освободить. Магия поможет своему хозяину. Поддержит. Напитает. Подтолкнет регенерацию. Кошачьи

коготки на моей руке смотрелись не очень симпатично, но я уже подметила, что именно ими я могу снимать чужое проклятие и колдовство. Надеюсь, и в этот раз у меня получится.

Не сразу, не вдруг, но получилось. Сначала у меня никак не выходило зацепить ту пакость, которая окружала магическое ядро Натаниэля, мои коготки словно по стеклу скользили. О том, что эту дрянь нужно разбить, я догадалась позже. Сжатые пальцы полыхнули алым, в ответ тело герцога выгнулось дугой, он захрипел, а потом расслабился и затих. Тоненькие ручейки магии вновь принялись наполнять его тело, жар немного отступил, и я, вздохнув с облегчением, обратила более пристальное внимание на то, что происходит вокруг меня.

На степь опускались сумерки, а отряд по-прежнему продолжал свое движение. Уставшие от долгого перехода лошади, оставшиеся без обеда люди, всем нужен был отдых. И коты желали прогуляться. Не тревожащие меня все время, пока я была занята, они сейчас выглядывали наружу, сдвинув мордами задний клапан, и, периодически порыкивая, оглядывались на меня. Зверей нужно было отпустить. Не знаю, почему они до сих пор не ушли сами, но держать их насильно мне бы не хотелось. Они звери, дикие звери. Степь их дом, а у каждого, даже у зверя, должен быть выбор.

Повинуясь моему знаку, отряд остановился на отдых. Вот только когда смогу отдохнуть я?

ГЛАВА 65

Они ушли на третий день. Подставили свои головы под мои ладони, выпрашивая ласку, как обычные кошки, и ушли в ночь. Два молодых кота встретили кого-то из своих сородичей и покинули меня. Испытывала ли я сожаление? Нет. Целый день накануне за нами следовали несколько крупных котов. Их крики заставляли мою мохнатую охрану, да и мурдов тоже, нервничать и постоянно оглядываться, и вот теперь они ушли. Я рада за них.

Нет, они не доставляли проблем в дороге ни мне, ни воинам. Охотились сами. Никого из идущих вместе со мной не трогали, но молодым котам не место в нашей долине. Рано или поздно мне пришлось бы сделать так, чтобы они ушли. Но они сами выбрали место, сородичей, судьбу. Мы же продолжили путь в королевство Нурин. Состояние Натаниэля врачи назвали бы стабильно тяжелым. Мелкие раны заживали, более глубокие прекратили гноиться, но глаза... Воспаление охватило оба глаза. Из-за них у него по-прежнему поднималась температура и, судя по всему, дико болела голова. Я понимала, что рискую его жизнью и его зрением, пытаюсь сохранить ему глаз, но не могла иначе. Подожду еще хотя бы пару дней, а потом, если ему так и не станет лучше... О том, что придется делать в случае неудачи, думать не хочется.

Чем дальше я путешествую в обществе мурдов, тем больше они удивляют меня. Никаких вопросов, никаких пререканий, сомнений. Охраняют, охотятся, готовят пищу, ухаживают за лошадьми, приносят воду и бульон моему больному и по-настоящему счастливы. Они не задумываются, зачем богиня тащит с собой калечного воина, зачем ей обычная пища, если, по преданиям, ее пища — души. Им не нужны вопросы. Им не нужны ответы, идут туда, куда ведет Великая. Они те, кто сопровождают богиню в ее земном пути, и этого им, по всей видимости, достаточно.

Отвод глаз помогает мне избегать их пристального внимания, и все же любому одобрению с моей стороны они радуются, как дети.

Старый кот по-прежнему со мной. Он не доверяет воинам и не оставляет меня одну ни на минуту. Я даже в туалет хожу под его строгим присмотром, и никакой отвод глаз на этого зверюгу не действует. Теперь он даже на охоту не отлучается. Сторожит меня лучше любой дуэньи. Одного воина, замешкавшегося ненароком на моем пути, сбил с ног ударом лапы, как чурку деревянную, не напрягаясь. Развлек своим показательным выступлением меня и остальных воинов.

Сегодня впервые с тех пор, как мы отправились в путь, я выпалась ночью. Впервые мое лекарство подействовало так хорошо. Герцог не метался, не вскрикивал, не пытался сорвать с глаз повязку. Он действительно спал. И мне даже кажется, что краснота глаз стала чуть-чуть меньше. Если бы не мои зелья, он вполне мог бы прийти в себя, но я хочу дать ему отдохнуть от боли. А еще я до сих пор даже не попыталась убрать с его головы это серое шаманское плетение подчинения. Хочу быть уверена в том, что он не будет пользоваться магией без моего согласия и в случае боевого столкновения не побежит геройствовать, как только ему хоть чуть-чуть полегчает. Пока эта дрянь на нем, он будет мне подчиняться, и меня это устраивает. Кто-то скажет, что я перестраховываюсь. Да! С таким сильным магом, каким является герцог Эверли, шутить нельзя. Снотворное и приказ лежать и спать, что может быть лучше? Хотя порой кажется, что он чувствует мои прикосновения, слышит мои слова. Вот только мысли его мне недоступны, и вряд ли я когда-нибудь узнаю об этом.

Эх, я так надеялась, что мы сумеем проскочить по степи незамеченными! Ну нет так нет.

Вождю одного из кочевых племен мурдов мы показали легкой и привлекательной добычей. Недолго думая он приказал своим воинам атаковать нас. Жуткий вой, означающий у этого народа воинский клич, и гром копыт целого табуна лошадей заставили меня выскочить из фургона. Представшая перед моими глазами картина могла соперничать с любым голливудским вестерном. Сотня придурков с острыми железками наголо верхом на низкорослых лошадаках несется в нашу сторону и три десятка моих, не менее умных, им навстречу! Десяток остался стоять вокруг моего фургона. Я даже вздохнуть поглубже не успела, а они уже сшиблись.

И как я этих дураков сортировать буду?

Злость, раздражение, тревога за жизнь Натаниэля, все это вместе заставило мою магию принять вид стихийного выброса. И вот в двадцати шагах впереди меня начинает закручиваться, набирая мощь, воронка торнадо, послушного моей воле.

Длинный хвост этого чудовища поднимается в небо, а основание начинает движение в сторону сражающихся, подхватывая по дороге глупцов, решивших добраться до нас в обход. Лошади, воины, кибитки, — никто не успел увернуться. Стихия не разбирала их на правых и виноватых. Я не хочу оставлять после себя желающих взяться за ножи и отомстить и жалеть не буду никого. Этот народ не знает жалости. Не уважает слабость. Мой сэнсэй любил повторять: «Лучший враг — мертвый враг, не оставляй живого врага за своей спиной». В этом мире выживает сильнейший.

Стих ветер. Опала поднявшаяся в небо воронка. Стоявшие вокруг фургона воины опустили на колени, склонив головы до самой земли. Зашевелились, пытаюсь подняться, выжившие. Ночь встретили как одна дружная семья. Без капли сожаления и раздумий воины добились тяжелораненых и оказали помощь тем, кто сможет продолжить путь. Из моих в живых осталось пятнадцать из тридцати человек, а вот из нападавших чуть больше сотни. Пятьдесят воинов, тридцать женщин, сорок ребятишек и шаман. Древний старик с умными глазами, первым преклонивший колени и попросивший защиты великой Анаш. Остался в живых и придурок Вур. Сломанная рука и десять плетей за проявленную инициативу послужили ему достойной наградой.

И все-таки утром наши пути с кочевым родом научи разошлись. Тащить с собой к границе королевства Нурин остатки этого племени, брать их под свое покровительство? Нет уж!

До границы осталось совсем чуть-чуть. Вот только с кем я от границы пойду? Мурдов с собой не возьмешь. Они будут привлекать к себе всех, кого только можно, особенно стражу. А оно мне надо?

Боги! Домой хочу! К отцу! К детям! В лабораторию! Как же я устала... На мне уже платье начинает болтаться как на вешалке. Морда страшная, краше в гроб кладут, я на свои якобы двадцать уже не выгляжу. Стоит ссутулиться, чуть наклониться — и сойду за древность замшелую. У-у-у...

ГЛАВА 66

Полностью уверенный в том, что является хозяином своей судьбы, герцог Натаниэль Эверли был наказан богами. Беды и разочарования посыпались на него, словно снежная лавина зимой. А так все удачно складывалось! Сначала брат признал за ним право самому выбрать себе спутницу жизни, затем был раскрыт заговор против королевского рода, задержаны виновные, умер организатор и вдохновитель этого безобразия, претерпело изменения Белое братство святош. Пополнилась королевская казна, два королевства готовы отпраздновать помолвку наследника и принцессы, которая свяжет их родственными узами. И как гром среди ясного неба! Надо привязать нового казначея к королевскому роду неразрывными узами. Надо. Никому не интересно, как жила и о чем мечтала невеста. Никого не волнует, что чувствует он, Натаниэль.

Брат, который его величество, более чем убедителен. Сочувствует, сопереживает, но при этом приводит в пример себя и повторяет — надо. Соглашение семей было достигнуто быстро. Согласия будущих супругов никто так и не спросил. Внешне спокойный и невозмутимый Натаниэль был взбешен всем происходящим. Обстановку в его кабинете меняли шесть раз за пару месяцев, потому что новая превращалась в старую буквально на глазах. Постоянная любовница была забыта. Женщины вереницей пошли через его постель. Закончилось все печально, в спальне невесты, куда пьяный жених проник не вполне законным способом. Он успел подробно рассказать счастливой невесте о том, как прекрасно она заживет сразу после заключения брака. Как преданно и нетерпеливо ее ожидают слуги, готовые услужить госпоже, собирающейся проживать в небольшом особняке, посреди красивейшего леса королевства, принадлежащего лично Натаниэлю. Как часто, раз в полгода, ее будет навещать муж, озабоченный пополнением их семьи маленькими детками.

А еще... Еще он успел заснуть. Сильнейший маг королевства, воин, которого нельзя отравить и опоить ни снотворным, ни приворотным зельем, уснул в пьяном угаре. Именно в этот день он оставил на своем столе, в кабине Серого ведомства наблюдателей,

горстку сильных артефактов, чтобы ничто не могло помешать ему напиться до потери сознания. Удар по голове, нанесенный невестой, допущенной магией после проведенного накануне ритуала в ближний круг доверенных лиц, довершил все начатое им самим.

Головная боль и отрывистые команды, сопровождаемые ударом кнута, привели его в чувство. Но возмутиться он не сумел. Уклониться от ударов кнута тоже не смог. Сильнейшее желание пить и общая слабость не только рассказали ему о долгом беспамятстве, но и помешали сразу понять главное. Магия — он не чувствовал ее совсем, а тело выполняло чужие команды. Сознание же было заперто, как и он сам, в клетке. Ему не понадобилось много времени для того, чтобы разобраться во всем произошедшем. Появившийся в клетке высохший словно сухое дерево старик, обвешанный браслетами, бусами и кожаными лоскутками, с погремушкой в руках только подтвердил его догадки. Мурды и их шаманы. Грубая магия, замешанная на древних знаниях и ритуалах на крови. Сильных и знающих среди них было мало, иначе эти кочевники уже давно принялись бы завоевывать своих соседей. Сильнейшие из них всеми силами держались за власть и не торопились передавать свои умения молодым.

Над ним, судя по всему, поработал один из старших шаманов. Для него, герцога Эверли, началась жизнь по приказу. Изю дня в день — по приказу! Раз в шесть дней — арена. Смог встать на ноги — арена, не смог — плохо. Поправляйся, зрители жаждут зрелищ.

Свой последний бой он не забудет никогда. Плохо зажившие рубцы тянули и дергали, головная боль, воспаленный глаз, крики трибун, сильный противник. Отбиться получилось с большим трудом. Ухаживающий за ним надсмотрщик шепнул ему, провожая на арену, что за его смерть в лапах диких котов заплачены огромные деньги. И если одного хищника он мог бы надеяться победить, то нескольких...

Прислонившись спиной к стене, он пытался перевести дух, когда они начали выскакивать на песок. Три взрослых кота и котенок. Он был обречен.

Они не кинулись сразу. Окружили и спокойно улеглись на песок. Сегодня он их добыча, и ему не уйти. Опытные, хладнокровные, настоящие охотники, и только маленькая пятнистая кошка портила эту картину. Казалось, что она не понимает происходящего. Ее ласкания к старшему этой маленькой стаи выглядели забавной игрой. Она всем

своим весом пыталась оттолкнуть кота, отвлечь его внимание на себя. Отвлекала она своими действиями и зрителей. Только молодые коты продолжали пристально следить за ним, за своей добычей.

Они напали, стоило только ему дрогнуть, слабея от потери крови. Прощаясь с жизнью, Натаниэль принялся защищаться от ударов мощных лап с острыми когтями, понимая, что у него, раненого и обессиленного, истекающего кровью, шансов нет. И все-таки чудо произошло еще раз. Пятнистая кошка со смешными кисточками на ушах кинулась в бой, заставив одного, а потом и второго кота отвлечься от человека. Пропустивший пару ударов, с разодранной рукой и боком, опускавшийся на песок Натаниэль успел увидеть не только сцепившийся в схватке орудий клубок, состоящий из кошки и двух молодых котов, но и то, как вожак ударом мощной лапы отправляет драчунов в разные стороны. Затем подхватывает котенка за шкуру и не просто уносит с арены забияку, но еще и уводит за собой остальных, подарив ему шанс выжить.

Следующие несколько дней он не раз и не два пожалел о том, что выжил. Никто не собирался промывать его раны. Никто не интересовался, может ли он сам хотя бы пить. Его тело горело огнем, голову и глаза словно в кипятке окунали, язык не помещался во рту, горло пересохло, как русло обмелевшей реки. Душа рвалась из тела, собираясь уйти туда, где нет боли. Казалось, больше быть уже не может... Но нет, мягкие женские руки могут принести боли больше, чем все, кто убивал его на арене. Эти руки резали, чистили, накладывали компрессы, зашивали, поили... Поили... Поили...

И наконец, он смог почувствовать легкое покачивание повозки, ветерок, прикосновение к губам края железной кружки, горечь заваренных трав, вкус мясного бульона, прикосновение ласковых женских рук и плотную повязку, удерживающую компресс на его глазах. Смог услышать скрип колес, ржание лошадей, разговор сопровождающих повозку мурдов, бряцание оружия, рык находящегося рядом огромного кота и тихий шепот ухаживающей за ним женщины.

— Потерпи... Я знаю, что тебе очень больно, ты только не уходи. Здесь тебя любят и ждут твоего возвращения. Потерпи еще немножко. Совсем скоро тебе будет легче. Не смей уходить. Ты мне нужен. Я понимаю, ты никогда не обратишь внимания на такую, как я, но я буду

знать, что ты жив и я смогу тебя видеть. Прости, мой хороший, мои руки приносят тебе боль, но так надо. Зато ты будешь ходить не хромая, сможешь полностью владеть своим телом и руками. Вот только глаза... Я слышала истории о великих слепых воинах. Но я сделаю все, чтобы сохранить тебе зрение.

И через какое-то время:

— Вот видишь, у меня получилось! Магия наполняет твоё тело. Она помогает тебе бороться. Ты крепко поспи. Во сне уходит боль и приходит надежда. Любимый, совсем скоро ты будешь дома. Обнимешь маму и отца, поругаешься с братом, вытрешь слезы сестрам, поздравишь племянника с заключением брака. Я так хочу, чтобы ты выздоровел, но не так быстро, чтобы у меня было время побыть рядом с тобой как можно дольше. Еще два дня, и мы пересечем границу нашего королевства. Мне придется нанимать охрану и прятать свое изуродованное лицо — то, что привычно для мурдов, напугает жителей королевства Нурин. Но я справлюсь. Если бы ты только знал, Нат, как я устала, как мне хочется уснуть в своей кровати и спать долго... А еще очень хочется хоть один раз заснуть и проснуться рядом с тобой. Прижаться к тебе. Вдохнуть твой запах. Узнать вкус твоего поцелуя, ласку твоих рук. Глупые мечты глупой черной вдовы. Никому не нужные, никому не интересные. Спи, Нат, спи. Мы обязательно вернемся домой. Тебя ждет твоя семья, а меня — моя. Такой длинный, такой короткий путь... Прости меня, мой герцог, я лишила тебя твоих роскошных волос и шаманский веночек принуждения по-прежнему на твоей голове, но я уверена, как только ты поправишься, сможешь сам убрать эту гадость. У тебя все получится, ты вернешь себе силу, умения, магию. А шрамы... Шрамы украшают мужчину! Поверь, той, что будет любить тебя так же сильно, как я, не будет дела до твоих шрамов.

Шум боевого столкновения конных воинов он не смог бы спутать ни с чем другим. Звон оружия, ржание лошадей, гневные выкрики воинов, раздраженное «придурки!», произнесенное голосом его спасительницы, и его отчаянное желание понять, что же все-таки происходит. Яростный всплеск стихийной магии и закручивающийся воронкой воздух стали для него полной неожиданностью. Но встать и посмотреть, что происходит, он не мог. Не мог не только заговорить, рукой шевельнуть был не в состоянии. Но спустя час ветер стих, а бой

не возобновлялся. Где-то близко прозвучало имя «Анаш», богини-покровительницы мурдов, и распоряжения, отданные тихим, бесцветным голосом. Дальнейшие события прошли мимо Натаниэля. Уставший организм в очередной раз погрузил его разум в темноту.

ГЛАВА 67

Граница. Каменный мост через узкую, спокойную, но очень глубокую речку и небольшая крепость, преграждающая путь желающим его пересечь на противоположной, королевской стороне. А вот на этой стороне раскинулся огромный стан из шатров и кибиток. Загоны для лошадей, торговые ряды, походные кузни, рабские бараки и рабы. Непрекращающийся поток прибывающих и убывающих. Территория мира и спокойствия. Никто никого не задирает, никто ни с кем не дерется и не ссорится. Все продается и покупается. Купить действительно можно все: рабов — мужчин, женщин, детей, белых, желтых, любых. А также животных, птиц, телегу, фургон, оружие, ткани, посуду и даже чью-нибудь пока еще свободную жену или ребенка. Приглянулся товар? Торгуйся! Не бывает того, что нельзя купить или продать, бывает неправильная цена. И все это на виду у воинов, патрулирующих стены небольшой крепости, стоящей на другом берегу реки. Это другая страна. Не фиг лезть, чтоб на кол не сесть.

Я ходила по торговым рядам под охраной двух мурдов из моего сопровождения и кота, откликающегося с недавних пор на имя Шан. Шелковый голубой шарф, завязанный на его шее, и моя рука, придерживающая зверя за холку, недвусмысленно демонстрировали окружающим, что зверь находится под контролем хозяйки. Но это не избавляло окружающих от страха. Стархов очень боялись. Эти сильные и умные хищники степи не терпели принуждения и бились за свою жизнь до самого конца. Его спокойное поведение да и просто нахождение возле меня заставляли всех, и даже воинов, уходить с моей дороги загодя.

Мне нужны были припасы, нужны были люди, воины. Вот только в этот раз мне придется их покупать. Мое лицо было скрыто густой вуалью, а руки перчатками. Я не собиралась устраивать представление для воинов королевства Нурин. Зачем мне проблемы. Объяснять, почему весь поселок стоит на коленях и почему мне за мою небесную красоту дарят такие подарки, не хотелось. Да и поверят ли? Мне нужно пройти заставу, не привлекая лишнего внимания.

Люди, люди... Люди! Мурды захватили пленников из разбитого ими между делом слабого кочевого племени и продают. Попались в руки торговцы, не имеющие охранной писульки от верховного шамана, — повязали, продают. Но эти хоть знали, куда лезут, а вот эти — бабы, ребятишки, причем ребятишек уж больно много. Судя по всему, не все женщины пережили дорогу и обращение кочевников с пленными. И мужчины, воинов из них всего пара десятков. Я решаюсь спросить:

— Воины из королевства Нурин есть? Не молчите! Если есть, заберу с собой. Я возвращаюсь домой, мне нужна охрана. Тех, кто готов принести мне временную клятву служения и сопроводить до столицы в целости и сохранности моего спутника, выкуплю!

Недолгое молчание, переглядывание. Заговорил седой мужик лет сорока:

— Госпожа, мы согласны. Вы заберете всех?

— Сколько вас? Как вы попали в плен? Вы настолько слабые воины?

— Нас двадцать три человека, мы воины неплохие. Рядом с нами еще десять мужиков — они не воины, но оружие держать в руках могут. Мы вместе с семьями согласились на переселение. Нам обещали участок плодородной земли и освобождение от налога на пятнадцать лет. Закрепиться на новом месте мы не успели. Большое кочевое племя мурдов наткнулось на наше поселение. Их было слишком много для нас. Мы до последнего надеялись на освобождение, но кочевники смогли обойти дозоры и привели нас на свою территорию, на торги. Завтра многие из нас покинут это стойбище и уже никогда не смогут вернуться. Наши жены и дети в соседнем загоне, те, кто смог пережить эту страшную ночь. Мы готовы дать любую клятву, если это поможет нам вернуться домой.

— Как тонко и невзначай ты повернул разговор на ваши семьи... Не пойму только, что я буду делать с толпой баб и ребятишек? Их же нужно не просто выкупить, их нужно собрать в дорогу. Ты представляешь, сколько это будет стоить? Зачем мне они?

— Мы готовы продать себя в рабство за них.

— Ага, ага... Вас выкупи, их выкупи. Припасы, телеги, оружие купи. Все бабы и дети ваши?

— Нет.

Демоны вас раздери! Опять. Ну почему я не могу просто купить воинов и уйти? Ну ладно. Приступим.

— Кто хозяин всего этого хозяйства? Быстро! Так, хватит кланяться, зараза плешивая!

Моя рука нырнула в потайной, не совсем обычный карман. Шикарное кольцо старинной работы засверкало на солнце. Глядя в вытаращенные глаза торговца живым товаром, я распорядилась:

— Выводи этих, всех баб и всех детей!

— Мало, — пропищал этот задохлик.

Это он зря сделал. Другая моя рука вцепилась в его куцую бороденку. Никем не сдерживаемый кот взревел на весь рынок, вторя моим словам.

— Что? Да за это кольцо вы мне все товары, разложенные здесь, соберете и еще должны останетесь! Добавишь четыре телеги с припасами, оружие каждому и два десятка лошадей. Или мне поискать того, кто заплатит настоящую цену?! — Желтолицего проняло. Упал на колени. Протянул руки к ожерелью. Кинула украшение ему в руки и отдала распоряжение сопровождающим: — Проследите! Доставите все к нашей стоянке. И быстро! Я хочу покинуть этот берег до темноты!

Рука вернулась на холку Шана, и он тут же успокоился, перестав доводить окружающих до заикания. Возвращались к нашему фургону мы с ним вдвоем, а в торговых рядах за нашей спиной наметилось оживление.

К исходу дня груженные припасами и детьми телеги в сопровождении женщин и вооруженных воинов двинулись через мост. Двое воинов сдерживали лошадей фургона, ожидая меня, а я прощалась с мурдами:

— Вы сильнейшие из воинов, и потому я встречу вас на берегу вечной охоты, когда ваш жизненный путь подойдет к концу!

Обожанием и преклонением светились их карие глаза. Мне стоило только позвать, и они последовали бы за мной куда угодно, но я не позвала, а лишь покрепче стиснула рукой холку моего хищного брата. Медленно, не делая резких движений, развернулась и ступила на мост, уводя его за собой. Мой поход по землям кочевого народа был окончен, впереди ждал не менее долгий и трудный путь.

Целый час выкупленные мною люди провели возле телег и фургона в ожидании меня. Целый час въедливый жирный коротышка доставал меня вопросами. Ну не мог он поверить в то, что одинокая женщина, черная вдова пересекла земли мурдов, выкупила из неволи умирающего брата, истратила на это все семейное состояние и сумела вернуться назад. Пришлось откинуть вуаль и показать ему мое изрезанное шрамами лицо. Шрамы, как известно, не украшают женщину, но внушают к ней уважение со стороны неграмотных варваров. Толстяк, рассчитывающий, видимо, на признательность со стороны худенькой изящной вдовы, отшатнулся от меня как от прокаженной и даже немного позеленел. Из крепости после этого нас выпроводили очень быстро, и мы наконец-то пустились в путь. Уставшие и измученные люди предпочли двигаться вперед всю ночь, по очереди забираясь на телеги для кратковременного отдыха. Уж очень всем хотелось уйти вглубь королевства как можно дальше.

Чужие люди окружали меня со всех сторон. Я чувствовала благодарность воинов, их желание служить и защищать, а еще чувствовала растущую зависть и раздражение остальных мужчин и некоторых женщин. Слышала ропот недовольных судьбою, не желающих прислуживать черной вдове, прячущей свое лицо от добрых, верующих прихожан. Разве не обязанность каждого верующего в светлых богов помочь попавшим в беду и не требовать за это так много? Боги воздадут щедрому, дадут просящему, накажут провинившегося. А эта... Ведет их всех в кабалу и наверняка хочет сделать рабами. Почему они должны обслуживать ее? Зачем ей в столицу? Через три дня пути, на берегу озера Гран, стоит вдовый монастырь, там самое ей место. Нужно потрясти ее хорошенько на предмет нерастраченных ценностей. Глядишь, и будет на что деревеньку обустроить. Вон какое кольцо мурдам оставила. На те деньги, что за него можно было выручить, город построить можно. Зверюгу вот только усыпить. За него тоже немалые деньги получить можно.

Шепотки, пересуды, злословие. Не успели эти люди вдоволь нахлебаться степного гостеприимства, не до конца осознали, чего сумели избежать, а самое главное, даже предположить не могли, от кого собираются избавиться.

Разозлили!

Утро пятого дня пути по землям родного королевства началось с большого переполоха. Десять мужиков не могли добудиться работяг и четырех воинов. Причитали бабы, ругались мужчины. Шум нарастал, но постепенно смолк, стоило только кому-то заметить появление у костра меня и зверя. Тянуть с выяснением отношений не стоило. Мой дрожащий от бешенства голос звонко разнесся над стоянкой:

— Старший! Выйти вперед. Что происходит?

Мужик, говоривший от имени всех на степных торгах, вышел вперед и принялся объяснять:

— Госпожа, мы не можем разбудить мужчин.

— Ах не можете... Прискорбно. Именно вы, Никлош, обещали мне уважение и преданность этих людей. Именно вы выбирали тех, ради кого я рискнула безопасностью и деньгами. Именно вы до сих пор не знаете о том, что собирались сделать эти люди к концу сегодняшнего дня. Да! Они не проснулись и будут спать до самого вечера. Я не собираюсь тащить с собой гниль. Эти жадные, неблагодарные, самоуверенные глупцы, а также их жены и дети останутся здесь. В сутках пути от этого места находится монастырь, в котором они смогут укрыться и попросить помощь. Допросите женщин, выявите всех желающих обогатиться за мой счет. Спящие виновны. Их жены и дети останутся с ними. Через полчаса мы должны двинуться в путь. И не пытайтесь меня обмануть, я знаю всех, кто шептался за моей спиной. Вам придется сделать выбор, но знайте, ни одна неблагодарная тварь не тронется в путь вместе со мной. Я все сказала!

О-о-о! Какие голоса звонкие и ругаются как... Художественно. Оба-на! Кому-то прилетело!

Злая я, очень злая. Разрешила раздать остающимся только хлебные лепешки и пару бурдюков с водой. Оружие, продукты, лошадей приказала забрать. Пусть радуются жизни, она тоже принадлежит мне, могла бы и ее забрать — такие объяснения дал провинившимся Никлош. Взбешенный, он отвешивал тумаки цепляющимся за него женщинам направо и налево. Почему злился и негодовал так сильно глава выкупленных мною воинов, я узнала только на вечерней стоянке. Как оказалось, зачинщицей всего этого безобразия назвали жену одного из уходивших со мной воинов. Ее

зависть, злословие, жадность и поистине звериная хитрость помогли ей собрать вокруг себя всех, с кем ей теперь пришлось остаться. Пусть теперь они помогут ей выжить, а она — им. Муж не простил ей поругания его чести и достоинства и продолжил путь, забрав с собой их общих детей. Дальнейшая судьба оставшихся в руках богов.

А нас ждет дорога.

ГЛАВА 68

Из глубокого забытья герцога Эверли вывели тихие всхлипывания, раздающиеся рядом с ним. Глаза его по-прежнему были закрыты плотной повязкой, но на слух это никак не влияло, и потому он прекрасно слышал людей, обустроивающих ночную стоянку, всхрапывания уставших лошадей, близкое дыхание большого зверя. И ее, ласкового прикосновения рук которой он так ждал. Они приносили облегчение, давали надежду. Ее голос успокаивал и заставлял верить, что все еще может быть хорошо, что он еще сможет увидеть и обнять родных, что он сумеет вернуться домой. Ему очень захотелось утешить ту, что давала ему так много, и потому, сделав невероятное усилие и преодолев навалившуюся слабость, он заговорил:

— И что же могло расстроить такую мужественную женщину, как вы, госпожа?

Всхлипывания резко прекратились. Сидящая рядом женщина охнула, подсунула руку под его голову, приподнимая ее. Пересохших губ коснулся холодный край металлической кружки. Отвар трав был не очень вкусным, но ароматным, он приятно освежал и утолял жажду. Вот только отвечать на его вопрос она не стала, хотя слова неиссякаемым потоком срывались с ее губ:

— Очнулся... Как же хорошо! Я знаю, тебе пить очень хочется. И кушать. Теперь я тебя не только бульоном кормить буду. Тебе силы нужны, а то привезем в столицу скелет, и меня за подобное кощунство на столичной площади твои родственники растерзают. Мышцы я твои уже дней пять разминаю, а потому, как только силенок наберешься, сможешь встать.

— Погоди... Ишь как много всего ты мне сразу сообщила! А давай так: я спрашиваю, ты отвечаешь. — Отвар смочил горло, позволил ему разговаривать более свободно, и он решил получить ответы на свои вопросы. — Так по кому вы тут убиваетесь, милая леди?

Всхлипывания раздались снова, но теперь они перемежались словами:

— Дети... Я приказала оставить в степи детей! Они не одни, нет. С ними их отцы и матери, но у них нет ничего, ни еды, ни воды, ни оружия, а до монастыря целый день пешего хода.

— И что они натворили? За что ты их так?

— Я их выкупила у мурдов, а они решили, что им мало. Собирались ограбить и избавиться от меня. Но ведь виноваты родители, а страдать будут дети!

— Глупая! Если родители не смогут дойти с ними до монастыря, не смогут понять своей вины, ничего путного из этих детей не вырастет. Ты могла бы забрать детей у живых, здоровых, полных сил родителей? Не-э-эт... У каждого в этом мире своя судьба. Кому-то боги посылают испытания, кого-то милуют, кого-то наказывают, на кого-то не обращают внимания. Ты была послана этим людям, как дар богов, они не поняли и теперь наказаны. Делай, что можешь, и не бери на себя лишнего. Ты не богиня, ты человек. Научись оставлять людей наедине с их судьбой, с богами. Меня вот боги тоже наказали, и так наказали, что я до сих пор не уверен в том, что остался жив. Расскажи-ка лучше, где мы? Кто ты? Как ты меня с арены вытащила и зачем тебе все это?

— А давай я тебя буду кормить и рассказывать! Вот сейчас принесу бульон с сухариками и каши жидкой.

Не договорив, она поспешно выскользнула из фургона. Натаниэль усмехнулся. Если таким способом его спасительница пытается уйти от ответов, это она зря. Никто и никогда не мог отвлечь его от того, что его действительно интересовало.

— Ну вот... Шан, уйди с дороги! Тебя уже кормили. Сейчас его светлость приподнимем, покормим, помоем, разомнем, а потом опять спать уложим.

— Я ем. Ты отвечаешь. Помнишь?

— Помню... Рот открывай, наша светлость. Так, с чего начать-то? А, ладно... Мы с вами и люди, которые нас сопровождают, сейчас находимся на территории королевства Нурин, почти дома. Нападения мурдов опасаться уже не приходится, а вот местные разбойники — дело другое. Правда, вряд ли их привлекут обычный фургон, четыре полупустые телеги, бабы, ребяташки и двадцать хорошо вооруженных воинов.

— Ты не права. Бабы в этих местах самый ходовой товар. Ждите нападения. Рассказывай дальше.

— Ну, раскомандовался, светлость ты наша. Вот ты спрашивал, кто я. Вдова я. На территории мурдов оказалась совершенно случайно. Моя рваная физиономия так их впечатлила, что мне было позволено не только покинуть гостеприимные степи, но и выкупить твою полумертвую разделанную тушку. От амфитеатра до границы нас сопровождал отряд степных воинов. На границе пришлось искать новых провожатых. Драгоценное кольцо пришлось обменять на захваченных мурдами переселенцев, выставленных на торги. Забирать пришлось не только воинов, но их жен с детьми, а также их попутчиков. Сегодня утром попутчиков пришлось предоставить своей судьбе. Теперь нас сопровождают только воины и их семьи. Имея в виду, светлость, устраивать их дальнейшую судьбу будешь ты, у меня своих проблем полно, не захлебнуться бы. Я иду с вами до Зубастых гор, а дальше они будут за тобой приглядывать.

— Как ты, милая моя леди, искусно обошла мои вопросы! Да я упрямый, расспрошу еще не раз и не два. А вот насчет сопровождения... В ближайшем городке нужно попасть в магистратуру, найти представителя моего ведомства и через его почтовый пенал передать письмо тому, кто сейчас возглавляет Серых. К тому времени, как мы доберемся до Зубастых гор, нас встретит хорошо подготовленный и вооруженный отряд. Открываться раньше времени мне бы не хотелось. В столице, да и не только, остались люди, которые сделают все возможное и невозможное для того, чтобы я не вернулся домой уже никогда.

— Мужики... Какие же все-таки мужики! Только-только оживать начал, а уже планы, команды. Вот сейчас разбойник из кустов выбежит, и ты воевать побежишь. Ага, если встанешь. А ты не встанешь. Вон, пока ел, устал так, что еле языком ворочаешь. Сейчас мышцы разминать начну, потом помою. Ты еще в процессе заснешь, и до утра тебя даже землетрясение не разбудит. Вопросы у него! У тебя вопросы, ты и мучайся. У меня вопросов нет. Мое дело тебя на ноги поставить, зрение тебе вернуть. Встанешь, меч в руки возьмешь, вот тогда и будешь командовать. Ну вот и кончились силы твои, хороший мой, ты только поправляйся, а там все обязательно будет так, как ты этого захочешь. Какие же вы славные, когда спите и не командуете.

Ничего больше услышать он уже не мог. Сон укутал его своим теплом и покоем.

Как же вовремя, ну или не вовремя, он очнулся! Командовать принялся, вопросы задавать. Я рада. Правда рада. Теперь он быстро на поправку пойдет. Вот только я уже не смогу говорить ему о моей любви. С этого дня я целитель, сиделка, попутчица. Как же больно где-то там, глубоко внутри, там, где прячется глупая женская душа.

Боги не оставили нас своим вниманием. Они, видимо, решили, что настрадались мы уже достаточно, а потому до ближайшего городка мы добрались без приключений. Никто на нас не нападал, никто на наше добро не позарился. Вот только ни в какой магистрат я не пошла, а герцога самым наглým образом опоила снотворным. Ну не хотела я попасть под надзор Серых, очень не хотела. Я же не дурочка и прекрасно понимала, что стоит только подать им весточку — и все. У следующего населенного пункта нас будут ждать. К нашему пути стянут всех, кого только можно, а это будет означать только одно: мне придется уходить. Если я хочу остаться в стороне, мне пришлось бы уходить уже сегодня ночью, а я еще не готова к этому. У меня есть еще несколько дней, которые я могу провести рядом с ним. Быть может, никогда в жизни у меня больше не будет такой возможности. А потому мы будем обходить поселки и города стороной, пока можно. Я готова резать всех нападающих на мелкие кусочки, если это позволит мне побыть рядом с ним хотя бы еще один день.

Мне не поверили. Я почти обиделась. Как он мог мне не поверить? Забыла я про магистрат. Забыла. Чего орать-то так? А герцог-то поправляется! Сил хватает орать. Вон даже приподнялся сам, правда ненадолго, но еще сутки назад он и этого не мог сделать. Завтра поднимать будем. Раны на теле полностью зажили. Пора. Пусть делом займется, ходить заново учиться, ложку руками держать самостоятельно, да просто в туалет ходить. Как же хорошо, что этот мир магический и в нем так хорошо развита бытовая магия, а то помучилась бы я с чем-то подобным нашим земным медицинским уткам. Вот попробует завтра ложкой в рот попасть и не промахнуться с закрытыми глазами, а я посмотрю на него. Хотя он же маг? О-о-о! А веночек шаманов моя светлость уже расковырял! А я и не заметила

сразу. Когда же он успел-то? Ну, ясной картины происходящего он все равно не получит. А там и время расставания наступит.

Нет, это надо же... Усыпила и сделала все по-своему. Хитрюга. И ведь пока на ноги не встану, так и будет дальше все продолжаться.

Герцог понимал, что он теперь в неоплатном долгу перед этой молодой женщиной, но никак не мог понять, почему она не согласилась на его предложение. Уже через пару дней их путь был бы полностью безопасным. Дополнительная охрана и сильный целитель уже спешили бы на встречу с их отрядом. Серые наняли бы для их охраны лучших из лучших. Но она «забыла», и вот они уже четвертый день не торопясь двигаются по тракту к столице, не встречая почему-то на своем пути никаких селений.

Магия в полном объеме вернулась к своему господину, и ему не составило труда узнать причину. «Госпожа приказала» — и все. Отряд воинов, сопровождавших их фургон, обошел стороной два селения, подчиняясь черной вдове. Два воина заезжали в село, пополняли припасы, но... «госпожа приказала». Никто не задавал вопросов и не обсуждал ее распоряжения. Мужики помогали ему выйти, оправиться, водили вдоль фургона, рассказывали об окружающей природе, о том, как попали в плен, о своих семьях и ничего о ней. Никто так и не рассказал ему о том, как она выкупила их на рынке, как обнаружила заговор против себя и что сделала с провинившимися. Ни слова о том, как она выглядит, ни слова о ее распоряжениях, ничего. Описали довольно подробно только зверя, сопровождающего ее. Лучше бы они этого не делали. Очень уж описанная ими зверюга походила на одного из тех котов, от лап которых он должен был умереть.

Целых четыре дня они обижались друг на друга. Никаких вопросов. Никаких ответов. Он не выдержал первым:

— Не молчи! Расскажи мне о звере, что дышит мне в затылок, пока ты перевязываешь мои глаза, а еще о том, как продвигается мое лечение. Ты простая вдова, молодая женщина. Поставила меня на ноги, обещаешь помочь с глазами. Откуда ты знаешь, как надо лечить людей? Скажи хоть что-нибудь! Не молчи, пожалуйста!

Молчать и дальше изображать из себя обиженную госпожу она не стала и довольно охотно начала отвечать на его вопросы:

— Любая провинциальная леди учится разбираться в травах с детства. Целители в селах и маленьких поместьях встречаются редко, а дети болеют часто, еще чаще они падают, ушибаются, ломают руки и ноги, получают порезы, тренируясь владеть мечом. Я делаю все, что могу. Приедешь во дворец, покажешься королевскому целителю, выслушаешь от него все, что он думает о таких доморощенных знахарках, как я, и будешь лечиться по новой. А глаза... Будут видеть твои глаза! Еще дней десять с повязкой походишь, примочки мои подделаешь, и можно будет снять повязку. Вот только я бы посоветовала тебе, ваша светлость, носить несколько дней что-то вроде густой вуали. Глаза должны привыкнуть к свету, особенно яркому свету, он порой обжигает намного сильнее, чем огонь.

— Ну а сопит у меня над ухом кто?

— Кто, кто... Шан сопит. Котик мой. С ним ты на арене близко познакомиться не успел. Двое молодых, что тебя там порвали, остались в степи, присоединились к диким сородичам, а старший со мной. Вот он тебе в затылок сейчас и дышит. Страшно?

— А тебе не страшно?

— Мне? Нет.

— Ладно... Меня ты выкупила, а кстати, зачем? А коты как у тебя оказались?

— Котиков мне подарил верховный шаман, а тебя... Тебя я узнала, Натаниэль. Не смогла уйти и оставить там умирать.

— Откуда ты меня знаешь, если ты, как ты говоришь, провинциальная вдова? Как смогла меня узнать в покалеченном воине, умирающем на арене?

— Я была в столице и видела тебя во всем блеске величия и великолепия, герцог Натаниэль Эверли. Как любая женщина, я подмечаю любые мелочи в облике понравившегося мужчины, а потому не узнать я бы тебя не смогла, как и уйти, не попытавшись освободить. Боги были благосклонны к нам обоим, и мы смогли вырваться.

— Почему ты назвала свое лицо рваным?

На этот вопрос его спасительница отвечать не стала. Она просто взяла его ладонь и прижала к своей щеке, разрешая ему самому узнать то, что его интересовало.

ГЛАВА 69

Его пальцы легонько прижались к щеке, а потом невесомо скользнули по моему лицу и дрогнули, нащупав шрамы. Вот после этого я и решилась приоткрыть ему одну свою тайну:

— Когда я поняла, что на арене именно ты, мне пришлось изуродовать себя. Мурды могли поверить и выпустить из своей земли женщину только с сильно изуродованным лицом. Они с древних времен поклоняются богине Анаш, а у нее именно такое лицо. — Его судорожный вздох заставил меня поторопиться. — Нет, ты не думай плохого! Я не резала лицо и руки. Если бы я это сделала, то не успела бы спасти тебя, слишком много времени мне бы понадобилось для того, чтобы такие страшные раны зарубцевались. Вспомни, я знахарка. Пара капель сока юрки в глаза — и вот они уже совершенно белые, а загустевший отвар красавки, нанесенный в виде тонких линий, заставляет кожу вздуться и стягиваться жуткими рубцами. Вот только раствор, позволяющий избавиться от этой красоты, я с собой не взяла, а потому смывать ее придется дома. Труднее всего было держать лицо. Никакие эмоции не должны были отражаться на челе Анаш. В нее должны были поверить. А магия... Любая женщина умеет пользоваться бытовой магией. Почистить серебро и подмести дорожки. Разве это сложно? Мужчины недооценивают своих женщин. Так было всегда и так будет впредь.

— Спасибо за объяснения, — поблагодарил меня Нат. — Я бы не хотел быть виновным в твоей беде. Женщина может прикрыть шрамы вуалью, но все равно будет переживать даже из-за самого маленького, а вот мужчина...

— А что мужчина? — прервала я его. — Мужчине проще, он может наплевать на мнение окружающих или надеть шелковую маску, прикрыв лицо.

— Да меня никакая маска не спасет! — заявила мне моя светлость. — Моим лицом теперь только детей пугать, а уж леди те и вовсе в обморок будут падать.

— Ну, я леди... И ни в какой обморок ни разу не упала, а лицо твое сразу после освобождения действительно было страшным. А

сейчас прикоснись пальцами... Шрамы, конечно, остались, но они разгладились, буфами не вспучиваются, а со временем и вовсе будут менее заметными, а от многих останутся только белые полосы. Ну а дети... Мои, например, шрамов не испугаются. Уверена, что, когда я наконец-то появлюсь на пороге своего дома, мои шрамы никого волновать не будут. Мальчики будут рады моему возвращению, и плевать им на то, как я выгляжу. Меня примут любой. Нет, они, конечно, будут переживать из-за шрамов, но только потому, что все будут думать о том, как больно мне было, а не о том, какой уродиной я стала.

— Вы счастливая мать.

— Да, лучше моих сыновей не найти.

— И все-таки у меня еще много вопросов, — заявил настойчивый герцог и услышал в ответ:

— Да, много, а скоро их будет еще больше и вполне возможно, что когда-нибудь, Натаниэль, ты сможешь найти на них ответы.

— Но не сейчас? — уточнил он.

— Всему свое время, да и ночью люди обычно спят, ваша светлость. А потому спокойных снов. Шан! Иди сюда, мой хороший. Помурчи мне. Усыпи меня.

Несколько дней мне удавалось ускользать от расспросов. Натаниэль много ходил, хорошо ел, начал выполнять несложные разминки с применением стилетов и к вечеру уставал так, что падал в свой «гроб» как подкошенный и спал как мертвый. Охрана, внимательно наблюдавшая за ним и помогавшая ему, признала в нем высокородного воина. Мне пришлось назвать им его имя и титул, а также сообщить, что дальнейшей их судьбой будет заниматься именно он. Отношение к моему больному заметно изменилось. Люди стали еще более осторожны в словах и выражениях, охотнее предлагали свою помощь, удвоили охрану и повысили бдительность.

Чем сильнее становилось его тело, чем увереннее движения, тем все решительнее становились его действия. Мой герцог наконец-то окончательно решил жить.

Да, я понимаю, что он никогда не станет по-настоящему моим. Но именно в эти дни, полные опасностей и приключений, он мой — когда крепко спит, когда принимает тарелку из моих рук, когда я обрабатываю его глаза, когда мои пальцы касаются его чуть-чуть

отросших волос, когда прижимаюсь к его ладони, предварительно удостоверившись в его крепком сне, когда ночами напролет смотрю на него, такого близкого и такого далекого.

И вот он настал, этот день. Никто из моих спутников не подозревает о том, что, подчинившись решению герцога и завернув в довольно крупный город Грем, наше растянувшееся совместное путешествие подошло к концу. Я оплатила трехдневное пребывание моих спутников на хорошем постоялом дворе. Нашла представителя Серого ведомства и привела его в номер, который сняла для герцога, а потом самым наглым образом усыпила этого бедолагу и положила спать в своей комнате. Ну не хотелось мне, чтобы этот ликующий торопыга отправил свою радостную весть сегодня и уже через час к Эверли явились бы все проживающие в этом городе воины, достойные доверия королевской семьи, а такие здесь обязательно найдутся. В городе расположен сильный военный гарнизон, обязанный в случае надобности выдвигаться на помощь пограничной страже.

Оплаченный мною ужин и большая бочка, наполненная горячей водой, привели Натаниэля в восторг, отсутствие слуги, должного помочь ему в омовении, расстроило, а мое появление удивило.

— Я правильно понял, ты будешь помогать мне мыться? — спросил он. Догадливый какой. Слава богам, с мозгами у него по-прежнему все в порядке.

— А ты что-то имеешь против? Стесняешься? Что там у тебя есть такого, чего я еще не видела? Все твои шрамы, родинки и так далее я знаю лучше, чем свои. Сегодня я помогу тебе в последний раз.

— Почему в последний? — спросил он, начиная раздеваться.

— Потому что завтра ты можешь снять повязку. Сегодня после купания я наложу ее тебе в последний раз, и уже завтра ты сможешь повязать мою вуаль себе на глаза, как полупрозрачную повязку, и, сберегая глаза, попытаться увидеть все, что тебя окружает.

— Ты не уверена в том, что я смогу видеть, — забеспокоился он, принимая мою помощь и опускаясь в воду. Откинув голову на высокий бортик, герцог с явным нетерпением ожидал моего ответа. Я ответила, неторопливо снимая платье:

— Напротив, я уверена в том, что ты будешь видеть, притом обоими глазами. Просто с завтрашнего дня тебе не нужны будут компрессы. Ты сможешь промывать глаза три раза в день

самостоятельно до тех пор, пока не встретишь королевского целителя. Других титулованных шарлатанов я бы посоветовала тебе не слушать.

Он конечно же слушал меня внимательно. Но волновало его уже совсем не зрение.

— Ты раздеваешься?

— Конечно. Я не хочу намочить в воде свое единственное приличное платье. Тонкая рубашка успеет высохнуть до утра, платье жаль, а купать кого-то и не намочиться... Да и неудобно это.

— Высушить можно магией, а купать кого-нибудь в одежде и правда неудобно, — согласился он со мной. — Ты знаешь обо мне все, я же не знаю о тебе ничего, — заметил он. — Кто ты? Как тебя зовут? Где ты живешь? Что случилось с твоим мужем? Сколько у тебя детей? Сколько тебе лет?

— Когда-нибудь я отвечу на твои вопросы, но не сейчас. Сейчас ты можешь называть меня — моя госпожа. Я не обижусь... Эй! Не смейся! Как смеешь ты издеваться над безобидной, слабой, маленькой женщиной!

Сначала я купала его, а вот потом... Потом герцог заявил, что я и так мокрая, а значит, он вполне может оказать мне такую же услугу. В большой, наполненной горячей водой бочке я оказалась в одно мгновение, а дальше меня мыли, гладили, ласкали, а потом вытаскивали, сушили и целовали. Было ли это неожиданным для меня? Я солгу, если скажу да. Это было то, на что я не смела, но надеялась. И все-таки Натаниэль не был бы Натаниэлем, если бы не остановился на мгновение и не спросил:

— Ты уверена?

Я поцеловала его в ответ, и мы больше не возвращались к этому вопросу.

Сколько у него не было женщины? Больше года? Да! Он был ласковым, но огонь желания жег его так сильно, что в первый раз мой любимый мужчина был более чем напористым и нетерпеливым. Понял ли он, что был у меня первым? Нет, не понял. Или я не ведьма? Несколько капелек крови на белоснежной простыне утром посеют в его душе сомнения, но сейчас об этом ему знать ни к чему. Эта ночь только начинается, и я хочу, чтобы мы запомнили ее на всю жизнь.

ГЛАВА 70

Я запомню ласковые руки любимого, его губы, шепчущие возмутительные глупости. Сытный ужин, долгожданное купание и женщина усыпили моего герцога лучше любого снотворного. До рассвета оставалось всего ничего, пара часов, когда я покинула его комнату. Нет, он не забыл закрыть ее и прикрыл магической охранкой, но когда это было для меня проблемой? Натаниэль умница и вполне может связать мое исчезновение с известными ему вскрытыми магическими заклинаниями в столице. И что? А ничего. Никто из моих нынешних спутников не видел моего лица. Никто не знает моего имени, а до Зубастых гор, по прихоти его светлости, путь все еще неблизкий. Он вряд ли сможет найти мой дом. Вот только уходить мне придется очень быстро, а если точнее, сейчас, немедленно.

Две кошки сумели покинуть постоялый двор и город, не привлекая к себе внимания. Через два часа их не смог бы догнать даже всадник, а к обеду следующего дня, когда его светлость герцог соизволил проснуться, след их невозможно было отыскать даже при помощи магии.

Тишина, полумрак комнаты и несколько ярких росчерков. Первые солнечные лучи осветили комнату. Впервые за последнее время Натаниэль действительно выспался. Сегодня его сон не тревожили ни сцены кровавых боев на арене, ни разговоры людей, не было боли, не дышал в лицо огромный зверь. Только пылинки беззвучно танцевали в тонких лучах света. Их было мало, и они не могли полностью осветить всю комнату, но позволили герцогу рассмотреть плохо обструганные доски, из которых были сделаны ставни, небольшой столик, стоящий на нем кувшин с бокалом. А еще стул с высокой спинкой и развешенную на нем совершенно новую одежду, стоящие рядом со стулом сапоги и большую бочку, предназначенную для купания. Именно наличие в комнате неубранной с вечера бочки заставило герцога проснуться окончательно и осознать: да, он видит! На его глазах нет привычной ему повязки, и он видит все, что его окружает. Видит обоими глазами! Вот только ничего не слышит. Разве не должен он слышать разговоры и шаги тех, кто ходит по коридору мимо его

комнаты, гул голосов в общем зале, шум улицы? Магия помогла ему разглядеть стоящий вокруг кровати полог тишины, а память напомнила, как, когда и почему он его поставил, а также о той, в чьих объятиях он провел эту ночь.

Тревога и непонятное чувство неправильности происходящего охватили главу Серого ведомства, привыкшего многое подмечать и мгновенно анализировать. Всего за пару мгновений он сумел понять, что его беспокоит, и это была вовсе не полоска плотной черной вуали, перекинута через спинку кровати, не отсутствующая в бочке вода, не новый дорогой костюм воина и даже не оставшиеся нетронутыми охранные заклинания. В комнате не было ее. Ушла! Когда? Как? Почему?

Взмах руки — заклинания опадают послушной волной и множество звуков и голосов обрушиваются на него со всех сторон. Надевая на глаза повязку и торопливо одеваясь, герцог Эверли внимательно прислушался к спору, происходящему за дверью. Судя по всему, трое воинов под предводительством Никлоша не давали возможности подойти к его комнате кому-то очень настойчивому, не желающему к тому же представиться.

— Нет, мы не можем пропустить вас! И постучать вы тоже не сможете. Госпожа не велела будить обитателя этой комнаты до тех пор, пока он сам не проснется. Нет, проснется. Позовет. Тогда мы доложим господину о вашем горячем желании увидеться с ним. Что ты там бормочешь? Ждут? Чего ждут? Подтверждения ждут? Подождут. Наш господин еще не до конца выздоровел. Сон для него полезнее твоих разговоров. Вон у меня бабы с ребятишками сидят в общем зале и тоже ждут, и что? И ничего. Проснется господин и все решит. И с нами разберется, и с вами разберется, и во всеми, кто ждет. Отстань, говорю. Надоел ты мне. Сейчас свяжем, рот заткнем, и будешь лежать под дверью, весь такой спокойный-спокойный.

Упрямство воина, охраняющего его покой, рассмешило Натаниэля, но дальше тянуть не стоило.

— Никлош! — крикнул он. — Пропусти этого, которого ждут!

В комнату, как он и думал, проскользнул невзрачный мужчина небольшого роста, одетый в серое. Его цепкий взгляд мгновенно охватил не только стоящего спиной к закрытому окну герцога, но и всю комнату в целом. Сомнения ясно отразились на его лице, но

поклон, последовавший за этим взглядом, был низким, а слова учтивыми.

— Приветствую вас, ваша светлость. Рано утром я отправил ваше послание по адресу, который вы назвали моему молодому напарнику, и незамедлительно получил ответ. Мне велено было попросить вас подтвердить вашу личность еще одним способом. Я поспешил к вам, но ваша охрана продержала меня под дверьми до полудня.

— Что вам приказано сделать? — нетерпеливо спросил Натаниэль. Он всем своим существом чувствовал, как ускользают от него минуты, и не мог понять своего беспокойства, а тут еще этот.

— Мне переслали магический документ, на который вам в моем присутствии нужно нанести каплю крови. Мы отправим его в ведомство наблюдателей и подождем ответа. От того, что нам ответят, будет зависеть не только ваша жизнь, но и моя.

— Доставьте ваш документ, — приказал герцог и позвал: — Никлош, зайди!

Дальше все произошло очень стремительно. Серый человек вытащил документ. Натаниэль проколол стилетом палец и капнул каплю крови туда, куда ему было указано. Вошел и остановился у дверей Никлош, ожидающий приказа. Служащий всесильного ведомства шагнул к окну и занялся почтовым пенальчиком. Натаниэль, уже не обращая на него никакого внимания, начал выяснять причину своего беспокойства:

— Какого моего решения ждут твои люди?

— Госпожа оплатила наше трехдневное проживание на этом постоялом дворе и велела ждать дальнейших распоряжений от вас, ваша светлость. Она сказала, что предупредила вас о том, что теперь мы ваша охрана, ваши люди и решение принимать тоже вам.

— Вы хорошие воины, но тащить вас вместе с семьями через все королевство мне не хочется, — чуть подумав, заявил герцог. — Уже сегодня глава местного воинства предоставит в мое распоряжение отряд сильных воинов, а вы, если вас это устроит, останетесь здесь. Вас примут на службу в королевские войска, а вашим семьям предоставят жилье.

— Мы останемся, но как быть с долгом? Мы задолжали госпоже. На нас долг жизни, и не только. Она выкупила нас на торгах.

— Этот вопрос она будет решать сама. А как она вас выкупила? Как сумела перевести через границу?

— Мурды, захватившие нас в плен, покинули территорию нашего королевства ночью. Нас сумели переправить через реку, минуя королевские патрули. Шаман, прикрывающий степняков, был очень силен. Нас уже выставили на торги в приграничном поселке, торговые ряды которого расположены напротив приграничной крепостцы. Находясь в загоне для рабов, я хорошо видел стражников, патрулирующих ее стены. Желаящие купить белых женщин и детей подходили к нашему продавцу постоянно, но то ли цену он назначал высокую, то ли покупатели еще не решили, кого и зачем они хотят купить, но, на наше счастье, никого из нас до появления госпожи так и не продали. Она появилась возле наших загонов ближе к полудню. Ее образ заставлял покупателей разбежаться в разные стороны, а продавцов судорожно сжимать кулаки. Удивительное, скажу я вам, было зрелище. Идет не торопясь по торговым рядам мурдов маленькая, хрупкая женщина, одетая в дорогое черное платье, с густой длинной вуалью, полностью скрывающей лицо. Держит одной рукой за холку огромного зверя, способного послужить ей лошадью, а в другой — веер и не обращает внимания ни на что, кроме товара. Два мощных, высоких для своего народа мурда, идущих следом за ней, не впечатляли уже никого. Она подошла к нам и, не обращая внимания на нашего продавца с надсмотрщиками, начала выяснять, кто мы, откуда, сколько нас, есть ли женщины, готовы ли мы проводить ее до столицы королевства Нурин.

Далее Никлош подробно поделился всеми событиями нашего пути.

— Как она выглядит без вуали? — Герцогу все не хватало деталей.

— Никто из нас не видел ее лица, а потому на этот вопрос ответа у меня нет, ваша светлость.

— Хорошо. Иди и распорядись, чтобы мне в комнату доставили обед. Пообедайте сами и ждите моих дальнейших приказаний. Воинов от моей комнаты можешь убрать.

— Ваша светлость... — замялся у дверей Никлош. — Тут такое дело. Сегодня утром в комнате госпожи мы обнаружили спящего крепким сном Серого — того молоденького, вчерашнего.

Разбуженный, он убежал с постоянного двора как ошпаренный, а вот госпожа... Она сегодня в комнате не ночевала. Мы до сих пор не знаем, куда она ушла в сопровождении своей зверюги. Ее вещей на месте нет, их и было-то немного. В фургоне ничего не исчезло, все целехонько, но время идет, а ее все нет. Я послал четырех воинов, они сходили на рынок, поспрашивали у торговцев, но ни ее, ни ее зверя в городе никто не видел. Может, вы знаете, куда она могла уйти?

— Что-о-о? — прохрипел герцог, понимая наконец-то, что именно его тревожило. — Женщин и детей сажай обедать, а сами все, сколько вас есть, еще раз прочешите весь город! Быстрее, Никлош! Быстрее!

Глупцом Никлош никогда не был, а потому распоряжение его светлости принялся исполнять с большой поспешностью. Уже через несколько минут во дворе послышался его звучный голос, собирающий людей и отдающий им четкие приказы. Поиски начались...

И оказались безрезультатными. Ни наемники, ни стража, подключенная к поиску главой местного воинского отряда, не смогли найти в городе хрупкую женщину в черном платье. Огромную кошку тоже никто не видел. К вечеру можно было с уверенностью говорить о том, что никто похожий город не покидал, но и в городе их тоже нет. Ночь прошла в тревожном, но бесполезном ожидании. Личность герцога была подтверждена, отряд в количестве сорока воинов был готов тронуться в путь. Городские казармы пополнились новыми людьми, пришедшими в город вместе с герцогом, крепкая, удобная дорожная карета ожидала своего пассажира. Загадку исчезновения их спасительницы решить так и не удалось. С собой герцог забрал только коня и кобылу, купленную госпожой, по словам Никлоша, специально для него, остальное имущество, как и лошади, было оставлено бывшим пленникам.

Утро было солнечным, ярким, но укрывшегося в карете герцога оно не радовало. Гнев, обида и тревога терзали его душу, как свора бешеных собак. Бросила... Она его бросила! Ничего не сказала! Ничего не объяснила! Он только сегодня ночью осознал, что обязан этой маленькой женщине не только своей жизнью, но больше — своей душой. Она вернула ему желание жить. А он? Что сделал он?

Разве задумался он хоть раз в эти дни о том, кто оплачивает продукты для отряда? А одежду для него и всех остальных? Что пришлось еще продать этой женщине, чтобы оплатить всем им проживание на хорошем постоялом дворе? И самое главное, что осталось на руках у нее самой, в конце концов? Вдова с детьми на руках... Как сложится ее жизнь дальше? Вдова? Он до сих пор так и не смог объяснить появления нескольких капелек крови на простынях, замеченных им наутро. Так вдова ли? Но ее гордость, когда она говорила о сыновьях...

К полудню в его голове осталась лишь одна мысль: «Ты думаешь, что ушла? Что я не найду? Не захочу найти? Ты ошибаешься. Жизнь положу, но найду! Думаешь, будет так, как решила ты? Нет, будет так, как захочу я! Ты только дождись. А уж я постараюсь побыстрее найти тебя».

ГЛАВА 71

Меня любили, ласкали, кормили и воспитывали. Ну, не меня, а мою кошечку. Шан дорвался, а лапа у него тяжелая. Поймал как-то маленькую меня на краю обрыва, оттащил в сторону за шкурку и как лапой наподдал... Почувствовала себя опять неразумным подростком, которому сэнсэй мозги через пятую точку вправляет. И все-таки он замечательный! С ним мне не нужно быть взрослой, ответственной и даже внимательной. Мой старший великолепно умеет контролировать пространство. Я впервые за последнее время отдыхала душой и телом. Мы могли очень быстро бежать весь день, а следующий посвятить охоте и ленивому ничегонеделанию, могли с увлечением играть, а могли просто забиться под корни огромного дерева и улечься спать. За время пути я сумела поправиться и восстановить форму, вдоволь назанимавшись с оружием. И наконец-то пришел день, когда я поняла... Все, я готова вернуться домой! Я осознала и приняла все произошедшее. Жизнь продолжается, и я по-прежнему уверена в том, что меня ждут, что мне есть ради кого жить, а самое главное — у меня есть что вспомнить. Пусть совсем недолго, но он был только моим. У многих и этого в жизни не бывает, а я счастлива! Никто не заставит меня жить с чужим мужчиной, подчиняться ему, угождать, терпеть... терпеть... терпеть... Никто не сможет заставить меня забыть то, что я хочу помнить.

Который раз убеждаюсь, стоит только расслабиться и поверить, что все закончилось, как раз! — и на тебе, подарочек. До Зубастых гор оставалась всего пара дней пути, когда мы нашли ее. Красавицу-блондинку с огромными зелеными глазами, в которых стояли непролитые слезы. Ну, вообще-то красавицей она была раньше, а сейчас была грязной, худой бедняжкой с прекрасными глазами и сломанной лапой. Да-да, лапой. Молоденькая кошка, побольше меня, но меньше Шана, испуганно пятилась от нас, приволакивая заднюю ногу. Ее бывшая когда-то золотистой, с редкими темными пятнышками шерсть потускнела, а шкура обвисла, как старое пальто на вешалке.

Выскочив на полном ходу на поляну у ручья, где она, видимо, пыталась спрятаться, мы сильно ее напугали. Вот только убежать от нас она бы точно не смогла, и она это сразу поняла. Прижалась к земле. Клыки оскалила. Я, честно говоря, растерялась, а вот Шан среагировал мгновенно. Лег и меня рядом с собой уложил, еще и за холку зубами придержал, зараза такая. Как кошечка успокоилась, только тогда отпустил. Сам так и остался лежать, терпеливо наблюдая за тем, как я подползаю к ней, обнюхиваю, начинаю вылизывать ее морду. Ошеломленная моей наглостью, блондиночка не заметила, как ко мне присоединился мой огромный братец. С дальнейшим умыванием он великолепно справился сам. А потом и на охоту сбегал и накормил голодную красавицу.

К вечеру я поняла, что потеряла своего лохматого брата. А что? Любовь она такая, раз! — и ты уже у ее ног. Еще целый день я пробыла рядом с ними. Дала кошечке имя — Блонди, показала ей, испугав вначале, свою человеческую форму, погладила, приласкала, напоила зельем, ускоряющим рост костей, а потом стала прощаться. Поняв, что я собираюсь уйти, Шан заволновался, попытался удержать меня силой, но потом отпустил. Вылизал, помурлыкал, словно обещая что-то, и отпустил. Котята не живут рядом с родителями. Приходит время, и они уходят. Ушла и я. Эта потеря всколыхнула мою тоску, мою боль от потери любимого, занозой засевшую в глубине души, и заставила меня бежать без остановки довольно долгое время.

И все-таки боги присматривают за мной! Если бы я не споткнулась от усталости и не растянулась, как неразумный котенок, в густом подлеске, то уж влипла бы так влипла. Как можно было не услышать их загодя? Объяснение этому я нашла лишь одно: привыкла к постоянной заботе Шана — и вот результат. На поляне, через которую я собиралась бежать, тем временем происходили интересные дела. А народу, народу-то на ней ошивалось... У-у-у! Мне бы с избытком хватило, чтобы вляпаться. Человек сорок весело отдыхали, пели, пили, делили добычу. На трех кострах булькали огромные котлы, распространяя аппетитный запах вареного мяса. А я голодная, дней десять сырое ем. Вареного хочу! Но сожрут же все сами! Вон их сколько, а я одна...

Интересно, а кого это они ограбили? Глянь-ка, какое богатство. Это я тоже хочу! А то непорядок, как я могу явиться домой без

подарков. Та-а-ак, властям нужно помогать! Я точно знаю: снижение поголовья разбойников способствует процветанию королевства. Жалко мне их? Нет! Они небось столько народу положили, пока добычу взяли, что мама не горюй. Где-то у меня в кармане с зельями было одно очень хитрое средство... Нашла. Берем, отрываем от нижней юбки маленький лоскуток, делим его на три части, делаем опять же три узелка, наполненных порошком, и обваливаем каждый из них в земле. Они должны быть похожи на маленькие земляные комки. Первый чуть-чуть побольше, второй немного меньше и третий совсем маленький. Порошок попадет в огонь не одновременно, потому и величина земляных комочков разная. Разбойники они тоже разными бывают. Встречаются среди них и умные. Мне ведь не нужно, чтобы у первого костра мужички начали падать раньше, чем у третьего, а подкинуть в костер мои подарочки и не промахнуться, это я смогу.

У меня получилось! Только возле третьего один из сидящих рядом с костром обратил внимание на попавший в огонь комочек земли, но земля она земля и есть, что на нее смотреть?

Легкий голубоватый дымок, появившийся над кострами, никого не встревожил, а приятный запах, наоборот, привлек внимание тех, кто еще не присел возле костра. Пара вдохов, слабость, смерть. И никакой тебе крови, никакой битвы и резни. Вдохнул, выдохнул и умер счастливым. Вот не зря люди ведьм на кострах сжигают, не зря. Сильная умная ведьма — страшная сила. Жду, пока мой порошок не прогорит полностью, и только тогда отправляюсь на поляну. Сначала разбойнички... Проверяю всех и каждого в отдельности. Сюрпризы от полудохликов мне не нужны, береженого боги берегут.

Да! Кровопролития устраивать не придется. Живых нет ни на поляне, ни поблизости, а вот и то, что мне так захотелось назвать своим. Золотые фигурки зверей размером с кулак пятилетнего ребенка. Изумительно тонкая работа. Они словно живые, их глаза сделаны из драгоценных камней разного цвета. Все фигурки разные, пятнадцать штук, и ни одна дважды не повторяется.

Тайники лесных братьев я искать не стала, забрала свежую добычу в виде небольшого количества золота, шкатулки, полной драгоценностей из серебра, две окованные золотом древние книги, золотых зверушек и много вареного мяса. Не забыла отпустить ни в чем не повинных лошадей и наконец-то смогла снова пуститься в

дорогу. Зубастые горы встретили меня дождем. Пока я до долины два дня добиралась, он лил как из ведра, а стоило мне только вход в нее отыскать, кончился. По ничего, шерсть мокрая — платье сухое. Вуали вот только нет. Напугаю детей рожей своего лица, как пить дать напугаю... Да еще и приперлась рано утром.

В кого меня превратил этот мир?

ГЛАВА 72

Гулкий звук, извещающий людей о том, что кто-то преодолел магический замок и движется по ущелью, разнесся над долиной. И как бы я ни торопилась, но стража успела прибыть ко входу в долину раньше меня. А потому меня встретили не объятия, а настороженные взгляды и обнаженное оружие.

Минута, вторая... Недоверчивое — госпожа?.. А затем уже громкое, уверенное, с огромным облегчением в голосе, в три глотки: госпожа-а!

Уже скоро к месту нашей встречи подоспел отец и четверо сопровождающих его воинов, и все потому, что они в полном боевом вооружении собирались, похоже, куда-то ехать. Отец при виде меня скатился с коня, схватил меня в охапку, сжал так, что я выдохнуть выдохнула, а вдохнуть так и не смогла.

— Пороть, пороть... Пороть тебя буду! — приветствовал он меня.

Я затрепыхалась, пытаюсь вырваться и наконец-то вздохнуть. Помог мне в этом почти безуспешном деле глава нашей стражи.

— Господин барон, — произнес он, — дайте ей вздохнуть, а то до встречи с детьми она не доживет!

Шутник... Но это он удачно пошутил. Папочка меня отпустил, но тут же принялся ощупывать на предмет ранений и увечий. Я еще успела его успокоить:

— Хорошо все. Все со мной хорошо! Я в порядке! Раскраску с лица смою и буду краше прежнего! — И все, больше ничего сказать не успела. Там, вдалеке, с крыльца нашего особняка, словно горошины, один за другим скатывались мои младшие мальчики.

Я никогда в жизни не бегала так быстро. И все же упала на колени с протянутыми руками раньше, чем они добежали до меня. Мой Ангел был первым, кто с разбегу влетел в мои объятия, и я даже успела не только прижать его к себе, но и поцеловать. Следующим был Кент. Он, не раздумывая ни минуты, схватил мою протянутую руку и прижался к плечу. Ненамного отстали от него Влад и Воланд. Мои мальчики. Мои сыновья. Я гладила их головки, целовала заспанные мордашки и не могла насмотреться. Боги, я дома! Я вернулась!

Пронзительный крик, раздавшийся вдали, заставил нас разомкнуть объятия. Мой самый маленький, золотой мой мальчик Кин бежал к нам. Падал, вставал и снова бежал. Звонкий детский голосок повторял:

— Мама... Мама... Мамочка!

Я не сразу поняла, что это он. Он громко плачет и зовет меня. Зато это сразу поняли мальчики. Они подняли меня за руки и вместе со мной побежали ему навстречу.

Вскоре я прижимала к себе судорожно вцепившегося в меня Кина. Ревели мы все. И никак, никак не могли успокоиться. Помог отец, давно догнавший нас.

— Та-а-ак, — протянул он, а затем скомандовал: — Мальцы! Прекращайте реветь, а то перед девчонками стыдно! Да и мамку вымочили всю. Мы ее выпорем, на хлеб и воду посадим, и больше она от нас никуда не денется.

Плач начал стихать, сквозь слезы стали появляться улыбки. Маленькие пальчики тронули мою щеку и незнакомый еще голосок моего младшенького произнес:

— Больно?

— Поднимайтесь с земли. Поднимайте маму, — подгонял барон. — Сейчас мы все ее художества смоем, и будет она у нас как новенькая. А вот какую захотите, такую и нарисуем!

Улыбки расцвели на зареванных лицах мальчишек. Они наконец-то поверили в то, что я действительно дома, а я смогла спросить, где старшие. Оказалось, что старшие мальчики на дальнем пастбище, присматривают за кобылами с жеребятами, и за ними уже послали.

Умываться пришлось под пристальными взглядами моих мужчин. Ни они, ни я не смогли сдержать облегченного вздоха, когда мои глаза наконец-то приняли свой естественный цвет, а кожа на лице и руках начала разглаживаться. Крем, приготовленный мною загодя и нанесенный на кожу после очищающего раствора, помог убрать с лица красноту и нездоровый румянец. К концу завтрака в малую столовую влетели старшие парнишки — Марк, Акио и Дэйки. Небольшая заминка у порога, но моя радостная улыбка и раскинутые для объятий руки разрешили все сомнения. Вот их объятия были поистине крепкими! Уже не мальчики. Еще немного — и мы с полным правом

будем считать их взрослыми. Марк даже позволил себе тихонько проворчать:

— Ну и где ты опять геройствовала, а?

— Все вопросы и ответы — вечером, — распорядился услышавший его дед. — Сейчас у нас есть более неотложное дело. На улице собрались люди. Ждут только нас. А в молельном доме уже все готово. Боги услышали наши молитвы, и теперь мы должны поблагодарить их.

Наши люди приветствовали меня улыбками и слезами, низкими поклонами и пожеланиями добра и здоровья. И все как один опустили на колени вслед за мной и моей семьей, присоединяя свои голоса к благодарственной молитве богам, позволившим мне вернуться домой. Молитва закончилась. Мы уже поднимались с колен, когда раздались тревожные голоса.

— Госпожа, Ганка переволновалась! Рожает!

А госпожа у нас кто? Ведьма. И вроде бы как добрая.

Рожала долго, до вечера, но дети появились на свет здоровенькие, горластые, и опять королевская пара, мальчик и девочка. Везет нашей долине на такое чудо. Молодая мама и ее дети порадовали всех хорошим самочувствием. Вот только с вечерними посиделками ничего не получилось, зато спали мы на просторной кровати Ангела, потому как ни Кин, ни остальные мои мальки во главе с Ангелом так и не решились отойти от меня ни на шаг. Я роды принимала, а они возле дома роженицы все время просидели как пришитые. Да, напугала я своих мальчишек. Теперь шаг влево, шаг вправо засчитают за попытку к бегству и посадят под замок. Так мне и надо! Согласна я!

Три вечера подряд отец вместе с мальчиками слушал рассказ о моих похождениях. Я не скрывала от них ничего, честно рассказала о жестокости мурдов, об их шаманах, воинах, семьях, обычаях, об их почитании богини Анаш. Рассказала о боях на арене амфитеатра и конечно же о сильнейшем воине королевства Нурин, прозванном степняками Белоголовым. О том, как он, несмотря на раны и увечья, продолжал биться, до последнего сражаясь за свою жизнь, о том, как он смог выжить в течение года там, где прочие погибали в первые же минуты. А еще подробно рассказала о том, что делала сама и почему. Мои сыновья слишком много испытали в своей жизни, и потому я

решила, что мой рассказ не испугает их, а научит думать, искать выход из любого положения и находить его. Не сказала я им только одного, как звали того воина в действительности, как его настоящее имя. По окончании рассказа я вручила им подарки, отцу — книги в золотом окладе, а мальчишкам — золотые фигурки зверей. А вот шкатулку с серебряными драгоценностями отнесла на следующий день нашей мастерице и с удивлением увидела в ее мастерской трех молоденьких девчонок, сосредоточенно работающих за длинным высоким столом. Новые образцы заинтересовали всех. Мне с гордостью рассказали, что продукция нашей мастерицы пользуется спросом и потому у нее появились ученицы. И это еще не все. Как оказалось, из столицы пришел заказ на наши игрушки. Работы было столько, что за их изготовление взялись даже стражники, свободные от патрулирования долины.

У меня совершенно не было свободного времени. Мальчики потребовали от меня продолжить начатое мною обучение владению оружием. Обучать пришлось даже Кина. И потому на лабораторию у меня оставалось не более трех-четырёх часов в день.

Время шло. Дни мои были заполнены делами и детьми, а вот ночи... Ночью его образ вставал передо мной словно наяву. Мое тело отдыхало, набираясь сил в долине, душа нежилась в любви и заботе моих сыновей, а сердце рвалось в столицу. «Новостной листок» сообщал обо всем и ни о чем. Там не писали о том, вернулся ли к своей семье герцог Эверли. А если вернулся, то какой? Как себя чувствует? Что думает о нем и его здоровье семья? Целители? Что вообще происходит с ним?

Личность белоголового воина, которому я помогала вырваться из плена мурдов, отец назвал на десятый день после моего возвращения. Как-то вечером он спросил:

— Белоголовый — это же герцог Эверли? Любишь его? — Получив положительный ответ на оба свои вопроса, погладил меня по голове, как несмышленного ребенка, и добавил: — Забудь его, девочка моя. Забудь. Любовь к нему не сделает тебя счастливой. Мы можем вернуться в столицу и выбрать тебе такого мужа, какого ты захочешь. А его забудь.

Я обещала ему подумать, но точно знала: он опоздал. Не смогу его забыть, да и не хочу. Буду помнить его всегда. Смотреть на мою

маленькую девочку и помнить. Я ведьма, я знаю, что украла у герцога самое дорогое — дочь, маленькую принцессу. Никто пока еще не знает о ней, но она уже существует. Маленький клубочек света, крохотный огонек, пульсирующий в такт моему сердцу, спрятанный пока еще глубоко во мне.

ГЛАВА 73

Зелье, оставленное герцогу его спасительницей, закончилось за день до прибытия в столицу, но к тому времени зрение уже полностью восстановилось. Глаза не резало от яркого света, да и шрамы не стягивали кожу и не алели на лице уродливыми бугристыми рубцами. Нет, они не исчезли совсем и все так же покрывали тело герцога с ног до головы, но были, на его взгляд, не такими уж и страшными.

Перчатки и шелковая маска помогали ему скрывать если не все, то очень многое. Дамы, встреченные им на пути домой, сраженные таинственностью незнакомца, скрывающегося под маской, строили ему глазки, флиртовали, навязывали свое общество, и он на какое-то время и сам поверил в то, что теперь все будет как прежде, что жизнь наконец-то налаживается. Но...

Что есть это «но», он убедился в пригороде столицы. Ночь застала герцога и сопровождающий его отряд недалеко от усадьбы виконта Дебуа, который гостеприимно распахнул для них двери своего дома. Рассказав своему давнему знакомцу о вынужденном отсутствии в стране по причине слабого здоровья, герцог повелся на заигрывания кухни хозяина и позволил увлечь себя в ее спальню. Жаждающей богатства и удовольствия молодой женщине хватило снятой в полумраке маски. Она орала так, как будто бы в ее спальню ненароком попал демон. Ворвавшиеся в комнату хозяева и сопровождающие гостя воины никак не могли понять, почему она трясется, как лист на ветру, и продолжает кричать.

Одежда что на ней, что на ее госте была в полном порядке, из ее прически не выбился на волю ни один шаловливый локон, а она стояла, заламывая руки. Герцог же, застывший против нее, словно мраморная статуя, смотрел на кричащую леди, скрестив руки на груди. Шелковая маска, как и прежде, надежно скрывала его лицо.

На все вопросы молодая красавица твердила одно: самозванец. Он самозванец! Чудовище! Позовите стражу! Сообщите королю!

Суматоха, вызванная этим происшествием, улеглась не скоро. Так и не сумевшие отдохнуть гости покинули владения виконта с первыми лучами солнца.

В эту ночь Натаниэлю опять снилась арена, бой, боль, огромные кошки. И только под утро ему приснились ласковые руки, без страха и неприязни прикасающиеся к его израненному телу, мягкие губы, целующие лицо, и тихий шепот: «Хороший мой... Ненаглядный...»

Встреча с семьей все расставила по своим местам. Они его ждали. Очень ждали. Сделали все, что могли, чтобы найти. В столице во дворце собрались все — мать, отец, сестры, их мужья и дети, брат с сыном и женой. Ждали. Узнали. Кинулись обнимать. Заплакали женщины. Стиснули в крепких объятиях мужчины.

Требование отца снять маску, довериться им было справедливым. Кому, если не семье? Самым родным, самым любимым.

Перчатки легли на стол первыми, а за ними упала маска. Глухо зарыдала мать, прижимаясь к отцу. Отвели взгляд всхлипывающие сестры и племянницы. Брезгливо поджала губы королева. Охнул племянник. Сурово нахмурились, вглядываясь в его лицо, присутствующие в комнате старший брат и отец. И все... Все они перестали смотреть ему прямо в глаза. Мужчины, признавая за собой несуществующую вину. Женщины, кто жалея, кто брезгуя, кто испытывая страх. Герцог понял, принял и не обиделся, но что-то глубоко внутри содрогнулось от боли. Он так стремился домой, туда, где поймут, помогут пережить ночные кошмары, не будут отдергивать руки, отводить взгляд, не скажут «урод». Нет, конечно, не скажут и даже не подумают, но смогут ли помочь? Захотят ли?

Говорить подробно о том, что он пережил, Натаниэлю уже не хотелось, а потому рассказ его вышел очень кратким. Его предали, пришел в себя в степях мурдов, опутанный шаманскими плетениями, больше года бился на арене на потеху толпе, защищая свою жизнь. Затем последний бой, после которого он медленно умирал в клетке под амфитеатром, и путешествие в фургоне уже по территории родного королевства Нурин. Все.

Король обязал всех присутствующих хранить в тайне возвращение Натаниэля, а вот мать потребовала немедленно позвать целителя, выдворив из королевских покоев всех, кроме мужа, сыновей и внука, возглавлявшего в последние время Серое ведомство.

Сильнейший целитель королевства пришел в ужас, когда представленный ему в виде пациента герцог Эверли разделся. Его руки порхали вдоль тела пациента, а рот не закрывался, перечисляя полученные повреждения. Оборвал его излишняя король:

— Я хочу наконец услышать от вас полный отчет о состоянии моего брата на данный момент!

Седой, богато одетый грузный мужчина глубоко вздохнул, немного подумал и заговорил более конкретно:

— Повреждения его светлости должны были привести к частичной потере физических возможностей, в частности, возможности в полной мере пользоваться левой рукой и ногой, а также к полной потере зрения. Но... И вот в этом «но» все дело. Кто-то, недель шесть назад, перекроил тело вашего брата, как старое одеяло, его резали, правили и зашивали, освобождая стянутую кожу и неправильно сросшиеся мышцы. А глаза? Воспаление поврежденного глаза... Для того чтобы сохранить второй, больной нужно было удалить. Обязательно удалить! Да и это не дало бы гарантии того, что оставшийся будет видеть. И опять же, сейчас оба глаза в прекрасном состоянии, впрочем, как и шрамы на лице и теле. Не знаю, кто занимался лечением его светлости, но делал он это чрезвычайно умело. Герцог абсолютно здоров, если не считать потерю веса. Но это, право, такой пустяк! Ваша светлость, я бы хотел познакомиться с тем, кто оказывал вам помощь. Вы можете мне сказать, где именно он принимает больных?

— Нигде он не принимает, — заявил герцог. — Я этого целителя не видел. Кто меня резал и шил, я тоже не знаю, когда пришел в себя, рядом со мной находилась женщина. Она поила меня травами, постоянно промывала глаза и накладывала на них компрессы. Мыла, кормила с ложечки, разминала мышцы. Остригла волосы тоже она. А еще выкупила людей из рабских загонов мурдов, под охраной которых я и находился, пока она не разрешила мне снять с глаз повязку. Опережая ваш вопрос, скажу, что ее я тоже не видел. Люди, сопровождавшие нас, смогли сказать о ней только одно: черная вдова, лицо которой было скрыто густой вуалью, в сопровождении огромного степного кота. И это все, что мне удалось о ней узнать. Я даже поблагодарить ее не могу! Потому как она не пожелала продолжать путь в моем обществе.

Расстроенного целителя попросили удалиться, но с его уходом вопросы, на которые пришлось отвечать Натаниэлю, не закончились. Их стало еще больше. Радовало одно — расспросы совместили с плотным обедом.

Этой же ночью в королевстве вновь сменился казначей. Нет, как выяснилось, он не собирался избавляться от герцога, но вот скрыть похищение помог. Единственная и горячо любимая доченька не смогла простить брату короля оскорблений и пренебрежения. Воспользовавшись тем, что Натаниэль днем ранее закрепил на ней магическую семейную метку полного доверия, она огрела пьяного герцога по голове тяжелой статуэткой и избавилась от него с помощью любовника и испуганного ее поступком отца.

Сам казначей в ночь ареста охотно и торопливо давал показания в подвалах Серого особняка, а вот его дочь погибла на следующий день в городе. Взбесившиеся лошади, перевернутая карета и скорбящая по молодой леди королевская семья были главной новостью следующего «Новостного листка». О возвращении герцога Эверли никто, кроме его семьи, пока так и не узнал.

Натаниэль сам не знал, почему его рассказ обо всем, что с ним случилось, оказался неполным. Почему он не рассказал о том, о чем говорила ему она? Почему промолчал? Зачем потребовал от Дарвала всех сведений из донесений, полученных с территории мурдов за последний год?

А еще через пару дней герцог и его племянник, используя все полученные данные, смогли наконец составить полную картину происходившего в землях мурдов в последнее время.

По всему выходило, что в степи лет пять-шесть назад появился маг, который сумел втереться в доверие к верховному шаману мурдов. Именно с его подачи древний амфитеатр стали использовать как площадку для кровавых боев, а шаманы и вожди самых сильных кочевых племен начали вести разговоры об объединении.

Самое страшное для королевств, окружающих территории мурдов, это их объединение. Разрозненные нападения племен не шли ни в какое сравнение с объединенной мощью этого воинственного народа, поклоняющегося богине Анаш. Во все времена существование

богини считалось вымыслом, сказками кочевого народа. Никто, кроме степняков, не поклонялся этой кровавой богине, никто не верил в ее существование.

А теперь существуют тысячи свидетелей ее появления. И не поверить им всем, утверждающим, что это была именно она, просто невозможно. Ранние хроники превозносили силу, коварство, жестокость, пристрастие к змеям и, самое главное, уродство миниатюрной богини, но нигде и никогда раньше не упоминалось о том, что Анаш умеет принимать облик огромной змеи.

По свидетельствам очевидцев, она появилась в бухте в образе змеи вместе с водами, вытекающими из священного источника, расположенного в запертом в скалах древнем храме. А вот на берег из воды вышла, приняв облик хрупкой молоденькой женщины с обезображенным лицом и слепыми, абсолютно белыми глазами. Ее длинные, черные с проседью волосы развевались по ветру, а глухое черное платье и сапожки были сухими. Не задерживаясь ни на мгновение, но и не торопясь, богиня двинулась к входу в амфитеатр. Прямая как стрела дорога, расчищенная порывом ветра, легла ей под ноги, указывая путь. Мурды, узнавшие свое божество, не раздумывая склонились к ее ногам. Воины, торговцы, шаманы, они готовы были отдать Анаш все, даже свою жизнь, но равнодушная богиня поначалу отвергала даже самые дорогие дары. Ее приход на земли степи — всегда смерть, разрушения, боль. Все эпидемии и разгул стихии на этих землях связывают именно с ее именем. Появлением богини пугают маленьких детей, и потому отказ от даров — самое страшное, что только может случиться. Это может означать только одно: Анаш в гневе и пришла на землю, чтобы карать.

Начав, в конце концов, выбирать дары, она дала людям надежду, что наказаны будут не все, что богиня пришла карать только провинившихся.

Она и покарала того самого умника, к которому последнее время так внимательно прислушивались сильнейшие шаманы степи. Глупец посмел оскорбить Анаш и превратился в тлен на глазах у всех. Она же, забрав с арены почти мертвого воина и трех степных котов, покинула морское побережье в сопровождении сильнейших воинов, запретив всем остальным следовать вслед за ней, перекрыв путь пылевой завесой.

Сразу же после ее ухода начал рушиться амфитеатр, простоявший нерушимым в течение многих веков. Его толстые каменные стены превращались в текучий песок, деревянные сиденья и ложи — в труху, железные решетки — в ржавый хлам. Амфитеатр исчез за сутки. Потрясенные мощью и невиданным милосердием богини, благодарные мурды немедленно начали сгонять к этому месту рабов. На берегу моря на месте амфитеатра начато строительство храма, посвященного Анаш. Сама же богиня, по словам вернувшихся после ее сопровождения воинов, отправилась в королевство Нурин, для того чтобы привести к покорности изнеженных, не умеющих держать в руках оружие бледных.

Воины клятвенно заверили шаманов, что это было истинным желанием богини и что взятые на рынке бледные воины, преисполненные благоговения и веры, последовали за богиней добровольно, принеся ей клятву пожизненного служения. Воины пограничной крепости подтверждают переход границы караваном под предводительством женщины, черной вдовы. Они были свидетелями выкупа сопровождающих ее воинов и их семей на рабском рынке мурдов. Сама женщина утверждала, что везет домой умирающего брата, которого она с большим трудом сумела выкупить, потратив на это все состояние семьи. Искалеченный воин действительно находился в фургоне госпожи и, по словам осмотревшего его воинского целителя, должен был умереть в ближайшие дни. Глава крепости утверждает, что лицо женщины было обезображено шрамами, но он не нашел причины задерживать ее дольше положенного.

Воины, сопровождавшие Анаш, примерившую на себя личину черной вдовы, утверждают, что умирающий воин вовсе и не умер, а впоследствии оказался герцогом Эверли, а вдова, выкупившая их, таинственным образом исчезла, стоило только герцогу поправиться окончательно. Женщина, ухаживающая за раненым, никого к нему не подпускала, пока он не стал вставать на ноги. Огромный степной кот, который ходил за ней по пятам и охранял ее и ее якобы брата, исчез вместе с ней. Только вот лица ее никто из них не видел, а потому утверждать, что все это время с обозом путешествовала одна и та же женщина, никто из них не берется.

Перед Серым ведомством встала почти неразрешимая задача. Им предстояло узнать: богиня Анаш и черная вдова — это одна и та же

сущность? И если да, то кто она? Человек? Богиня? А может быть, они не имеют никакого отношения друг к другу. Но когда они успели поменяться местами? Кто та, кому герцог обязан жизнью? Куда она делась? И самое страшное, действительно ли на земли королевства проникла женщина, несущая в себе божественную сущность Анаш?

Серое ведомство приступило к работе. На ноги подняли всех, кого только можно, и первым делом принялись проверять черных вдов. Кто и где был последние три месяца? Отлучался ли куда-нибудь? Если отлучался, то на сколько дней и кто это может подтвердить? Начали искать и прирученного черного с проседью степного кота. А еще проверять слова герцога, утверждающего, что концентрированный сок красавки позволяет изобразить на здоровой коже грубые рубцы, имитирующие незажившие шрамы.

Натаниэль работал вместе с Дарвалом не покладая рук, стараясь как можно меньше времени проводить в кругу семьи. Женщины, да и мужчины по-прежнему старались не смотреть ему в глаза, отводили взгляд, старались следить за своими словами и движениями. Маска стала его спасением. Он мог спрятаться под ней и избежать виноватых взглядов. Нет, семья не стала любить его меньше, но... Высокородные, из века в век привыкшие к целительской магии, любые шрамы считали серьезным недостатком. Люди, получившие раны, след от которых невозможно было скрыть по разным причинам, становились изгоями. Они могли стать наследниками своих отцов только в том случае, если никого другого просто не оставалось. Таким мужчинам чаще всего приходилось выбирать себе жен из обнищавших родов, потому что даже не каждая вдова согласилась бы выйти за него. Высокородным женщинам, имеющим изъян на своем теле, приходилось посвящать жизнь престарелым родственникам, исполняя обязанности сиделки и компаньонки.

Вернувшийся из плена глава ведомства наблюдателей знал, что никто не посмеет сказать в лицо ему, герцогу Эверли, брату короля, что он урод. Но вот для того, чтобы молоденькая высокородная девушка согласилась разделить с ним жизнь и постель, ему придется серьезно раскошелиться. Совсем недавно он перебирал претенденток на роль своей жены, преисполненный самоуверенности и превосходства, а теперь та, которую он сможет назвать женой, наверняка согласится лечь с ним в постель только для того, чтобы зачать наследника. Разве о

таким он мечтал? Да и мечтал ли? Задумывался ли об этом серьезно? Раны, нанесенные оружием степняков, освященным шаманами, подарили ему эти шрамы. Их невозможно было убрать при помощи магии, а это значит, что таким «красавчиком» ему суждено быть до конца своих дней.

Оставалось только понять, чего на самом деле он хочет от жизни, от семьи.

ГЛАВА 74

Люди работали. Сведения шли непрерывным потоком. Вот только ответов на самые главные вопросы герцог и его венценосный брат так и не получили. Все донесения выстраивались в определенном порядке, но картина, которую они рисовали, не радовала. Нигде, даже в самых древних хрониках не упоминалось о возможности смены облика человеком. А огромная магическая сила у женщины? Невозможно! Сила ведьмы, это да, а вот сила магии — нет. Тогда все-таки богиня? Но зачем ей умирающий от ран герцог? И если он был нужен ей как марионетка для того, чтобы подобраться к королевской семье, то почему она ушла? И куда? Стоит ли ждать ее появления возле него? В столице? В королевском дворце?

Черные вдовы. Устав их монастыря оказался одним из самых суровых. В его стенах царил строгий порядок. Никто и никогда из тех, кто переступал границу, обозначенную его стенами, не возвращался в суетный мир. Кружева и шали, которые изготавливали его послушницы, обменивались на все необходимое через небольшую калитку, защищенную древним магическим замком. Пройти в обратную сторону могли лишь неодушевленные или неразумные предметы и существа, такие как маленькая лошадка с небольшой тележкой. Все. Серые смогли получить сведения о том, что никто за последние сотни лет не покидал обитель. Несколько семей беженцев, прибегнувших к покровительству монастыря, недавно получили помощь в виде воды и продуктов, но допущены на его территорию, конечно, не были. Куда они двинулись потом и что с ними случилось, сестры не знали. Самих же беженцев найти так и не смогли.

Зато тех, кто только собирался отринуть мирскую жизнь, нашли достаточно много, но пока никто из проверенных черных вдов не вызывал у Серых подозрения. Нет, были, конечно, среди них те, кто попытался скрыть свои похождения и секреты, но на проверку все оказывалось довольно просто. Любовник, попытка заработать, не привлекая к себе внимания... Некоторые даже промышляли воровством, но ни одна из них не уезжала из своего дома дальше соседнего города и дольше чем на пару дней. Высокородные же вдовы,

находящиеся под суровым надзором своей семьи, проверенные в первую очередь, не вызывали никаких подозрений. Ни одна из них не покидала своего поместья в последнее время, потому что ни одна не получала королевского приглашения посетить праздник. Серые проверили не только показания самих вдов и их родственников, но и слуг, соседей, хозяев ближайших трактиров и постоянных дворов. Пусто. Никто никуда не уезжал и не приезжал. Прирученного степного кота тоже никто не видел.

Загадки были. Разгадок к ним не было. И новых версий не было тоже. Строился храм, посвященный богине Анаш. Разрастался город, расположенный вблизи него. Мурды прекратили выставлять рабов на бои. Продолжались разрозненные набеги кочевых племен. Вот только известий о том, куда же подевалась ушедшая на земли бледных людей богиня, не было отсюда. Степной народ был уверен в том, что дела Анаш касаются исключительно ее, а их дело верить и ждать возвращения богини.

Спустя три месяца после начала разведывательной операции король, герцог Эверли и принц Дарвал пришли к выводу, что дальнейшие интенсивные поиски исчезнувшей на просторах королевства богини или же женщины, принявшей ее облик и сущность, бесполезны. А потому ими была организована отдельная группа, призванная отслеживать среди поступающих донесений все необычное с дальнейшей проверкой оного. А все остальные приступили к работе в обычном режиме. Тысячи людей вздохнули с облегчением. Другие дела и происшествия заставили королевскую семью отвлечься от поисков той, что вернула им Натаниэля. Но герцог не мог забыть ласковые руки своей спасительницы, ее сладкие губы, отзывчивое податливое тело и тихий шепот «люблю...».

Все. Я избавилась от своих черных платьев. Не собираюсь больше покидать долину, здесь я хозяйка и госпожа. Какое мне дело до всего остального королевства? Почему я у себя дома должна ходить, устрасая народ своим видом? Да, я вдова — по документам. Да, я не собираюсь в ближайшее время замуж, но и в монастырь я тоже идти не намерена. Тогда зачем? Никто меня замуж против моей воли не выдаст, а значит, черной вдовой я больше не буду. Надоело. Буду просто вдовой! Если подумать, кому я нужна с пятью детьми и тремя

племянниками! Барону наследует мой старший, тем более все наследство на него уже оформлено. Взять с меня нечего. Остается только спеть любимую песню моего родного отца от имени женщины «я свободна, словно птица в небесах!». Вот только в небеса я подняться точно не смогу, потому как кушать больше не стала, а вес и талия поплыли. Пора признаваться. Первым о моем интересном положении узнал отец.

Он все понял, не стал ругать, только спросил:

— Ты уверена, что будет девочка? — А услышав мое «да», заулыбался, обнял и поцеловал в лоб. — Ну наконец-то! У наших безобразников появится маленькая сестренка и большая головная боль. Девочки такие затейницы и непоседы! За ними глаз да глаз нужен. Ох и побегают наши парни, как только она подрастать станет! А потом женихи пойдут, и то еще веселье начнется. Спасибо тебе, Миира! Разве мог я мечтать о том, что смогу вернуться домой, что мой дом вот так, в одночасье, наполнится детскими голосами, что рядом со мной будут расти такие удивительные мальчишки и что однажды я смогу взять на руки маленькую внучку! Ты береги себя. Ее береги. Она теперь самое дорогое, что у нас есть. Вот мальчишки обрадуются!

Они действительно обрадовались и стали контролировать меня еще больше. Ну-ну... Вся долина принялась ждать рождения маленькой госпожи. Женщины, конечно, посудачили немного, обсудили возможного отца малышки, но совсем недолго, а вот потом... Потом принялись готовить для принцессы Долины цветов приданое — пеленки, распашонки, шапочки, штанишки, носочки, кружевные платица и игрушки. К весне всего наверняка хватит не на одного младенца, а на нескольких. Лишь бы не перестарались, а то гложут меня странные сомнения. Кажется мне иногда, что за крупным, ярким комочком прячется еще один, поменьше. Чур меня!

Чем больше времени проходит со дня моего возвращения в долину, чем больше подрастают мои девочки — а теперь я точно уверена, что их две и к весне я буду похожа на дирижабль, — тем сильнее я скучаю по нему. Днем дела, заботы, неугомные мальчишки отвлекают меня, но приходит ночь, и тоска буквально выворачивает меня наизнанку. Я так хочу спать! Но глупые мысли не дают мне заснуть, и уже к утру я готова бросить все и бежать. Бежать туда, где я

хоть одним глазком смогу увидеть его. Мне кажется, я чувствую иногда его растерянность, обиду и даже гнев. Но наступает утро, и я понимаю, что не могу опять бросить тех, кто мне дорог. Обещала же не покидать долину.

Как тяжело порой выполнять свои обещания!

Сегодня удивительный день. Сегодня мои малышки зашевелились. Нет, слабые движения я чувствовала и раньше, но вот такие уверенные, сильные толчки впервые. А еще я нашла в дневнике ведьмы, который изучила больше чем наполовину, заклинание под названием «Зов». Описание его действия не совсем внятное, но обещанный результат обнадеживает. Если я смогу общаться с ним хотя бы во сне...

ГЛАВА 75

Герцог Эверли. Титул, теперь всех больше всего интересовал его титул. Племянник, прочно взявший в свои руки управление созданным им ведомством Серых, начинал тяготиться его присутствием в его же бывшем кабинете и вовсе не собирался отказываться от власти, которую дал ему этот пост. Родители и сестры, предложившие ему покинуть столицу и отправиться в родовое имение для окончательной поправки здоровья, не очень-то и настаивали на своем предложении. И только брат был крайне настойчив. По его словам, Натаниэль просто обязан теперь жениться. Дети сестер не принадлежат к роду Дагув. Принц Дарвал является единственным наследником первой очереди, а потому герцогу придется обзавестись законными наследниками как можно быстрее.

Не слушая доводов Натаниэля и его возражений, не считаясь с его желаниями и просьбами, король настаивал на своем, перебирал кандидатуры и рисовал перед братом радужные картины счастливой семейной жизни вдалеке от столицы.

Сильнейший маг королевства, он вдруг оказался никому не нужным. За этот год с небольшим они научились жить без него, привыкли к его отсутствию. Принц почувствовал вкус власти. Его величество же, видимо, не хотел вновь чувствовать себя обязанным за сохранение жизни своей семьи, не хотел и впредь учитывать мнение своего брата при принятии решений. Зачем? Они уже решили за него, как ему жить и где.

Герцог Эверли стоял перед огромным зеркалом в своем столичном особняке, придирчиво разглядывая свое отражение. Да! Сегодня он не будет прятать лицо под шелковой маской. Брат хочет объявить о его возвращении? Дает бал по этому поводу? Он обязан быть? Хорошо. Он будет там. Вот только будет на своих условиях. Желающие получить титул герцогини соберутся на этом празднике ради него? Еще лучше! Высокородные прелестницы, мечтающие породниться с королевской семьей, должны знать, что именно получают, какой красавец-муж будет дарован судьбой одной из них до скончания веков. А уж он не забудет проинформировать самых стойких, что семейное гнездышко, куда

герцог отвезет свою избранницу, находится очень, очень далеко от столицы.

О да! Натаниэль произвел на всех неизгладимое впечатление и был впервые за последнее время доволен собой. Братишка — тот, который в короне, жаль, другого нет — не просто злился, он был в ярости. Ну а что? Дамы вон в восторге. Герцог вернулся и готов жениться! Красавицы падают в обморок? Так это наверняка от переполняющего их восторга. Нет? Урод? Зато богатый. Платья, драгоценности, кареты, дворец. Разве не стоит ради этого потерпеть? Не перед кем будет хвалиться богатством в дальнем поместье? Какое горе... Остается только посочувствовать той, которая выполнит настойчивую просьбу короля и выйдет замуж за герцога.

«Все на свете имеет свою цену». Именно эта мысль пришла в голову герцога в тот момент, когда родной брат вложил в его руку изящные пальчики баронессы Лирской. Она принадлежала к старинному высокому роду, была молода, хороша собой. Пристрастие ее отца и старшего брата к азартным играм разорили семью, и вот теперь они продавали единственную ценность, которая у них оставалась, — Амалию Лирскую, послушную дочь, любимую сестру. Ее карие глаза были пусты и бессмысленны. Руки не дрожали. Дыхание было размеренным и спокойным. Она была здесь, но витала где-то в своих мыслях, если они у нее вообще были. Для того чтобы понять, что с ней происходит, его светлости хватило пары мгновений. «Зелье покоя» подчиняло и помогало уйти от действительности, но только если принимающий его делал это добровольно. Значит, она сама сделала из себя бессловесную куклу, добровольно устранившись от жизни и возникших проблем.

— Ну и зачем мне нужна эта, с позволения вашего величества, кукла? — произнес Натаниэль, напоказ целуя холодные пальчики девушки.

— Она красива, высокородна, согласна рожать тебе детей и не обращать внимания на твои недостатки, — вспыхнул в ответ король.

— Если она будет пить «зелье покоя», как простую воду, изо дня в день, то у меня не будет ни нормальной жены, ни нормальных детей.

— Ерунда, — махнул рукой старший брат. — Пусть только забеременеет. Потом уберешь от нее подальше все зелья, сам будешь

поменьше показываться ей на глаза, и девочка придет в себя. Она всю свою жизнь прожила в нищете. Твой замок с множеством слуг будет для нее лучшим подарком. Родит пару мальчишек, выполнит свой долг, и можешь потом забыть о ее существовании. Сразу после заключения брака ее отцу будет выплачено разовое денежное вспомоществование, и мы сможем забыть об их существовании.

— Ты так торопишься, брат. Считаешь, что ни одна женщина по собственной воле не согласится стать моей женой? — Неприкрытая горечь прозвучала в голосе Натаниэля.

Король отвел глаза в сторону, но медлить с ответом не стал.

— Ну что ты... Какая-нибудь потасканная дрянь, которой нужны деньги, может, и согласится. Может быть, она даже будет высокородной. Вот только тебе придется постоянно сомневаться в ее верности и проверять магией, а твоего ли ребенка она носит. Не становись на дыбы, Натаниэль. Ты сделаешь так, как я сказал.

— А если я убью ее?

— Я найду тебе еще одну и женю в день похорон первой! Не зли меня, брат. Нет никаких препятствий для заключения этого брака. Ни ты, ни одна из этих высокородных сучек не сможете помешать моим планам.

— А если, согласно древним законам богов, на бракосочетание явится родовитая леди, беременная или с ребенком на руках, и заявит свои права на меня?

— Заплатим и отправим восвояси. Но этого не произойдет, ты всегда был очень осторожен со своими пассиями, и я просто уверен, что нет пока на свете ребенка, какого ты мог бы назвать своим. Но они будут. Обязательно будут! И ты еще придешь ко мне с извинениями и благодарностью, когда твоя жена подарит тебе сына. Уводи девушку из зала. Любители сплетен не должны заметить ее состояния. Уводи, я сказал!

Спорить с рассерженным королем на глазах у всех Натаниэль не стал. Он молча увел безразличную ко всему, назначенную невестой девушку и передал ее в руки королевского целителя, поджидающего их в коридоре. А затем покинул королевский дворец. Напускное спокойствие оставило его на пороге столичного особняка, холл которого не без его участия превратился в руины за считанные минуты, но зато ему полегчало. Уцелела спальня; бутылка дорогого вина,

приготовленная слугами перед его приходом, тоже не пострадала. Вот только одной бутылкой дело не ограничилось, а потому заснул упившийся вусмерть герцог только под утро. Но зато заснул в своей гостиной, потому как в этот раз, прежде чем напиться, тщательно перекрыл все входы и выходы сложнейшим магическим плетением, так как проснуться в этот раз рассчитывал там же, где и заснул.

Заснул? Заснул. Его жизнь сделала круг и вернулась туда же, откуда все началось. Все повторялось: принуждение к браку, возникающее в душе бешенство, желание крушить все вокруг, вино... Много вина. Вот этой ночью он не пошел шататься по кабакам и борделям, не стал искать виноватых.

Теплый ветерок коснулся его лица, скользнул по обнаженной шее, спине и рукам, заставил открыть глаза. Закрыть и снова открыть. Зубастые горы. Он не мог не узнать их, уж очень необычное и завораживающее зрелище представляли они, но такую маленькую долину с озером и водопадом, с высокой шелковистой травой и сверкающими в лучах восходящего солнца склонами окружающих ее скал видел впервые. В свое время герцог немало путешествовал по дорогам королевства и не раз и не два пересекал по тракту эти горы, пользовался гостеприимством хозяев долин и потому знал их наперечет, но такой... Такой среди них точно не было!

Ветерок прикоснулся к его спине еще раз, и Натаниэль заметил, что ничего, кроме бриджей, на нем нет. Голые ступни утопают в траве, а руки по-прежнему сжимают недопитую бутылку и серебряный кубок. Да, сначала его поразила красота этого места, но потом в голову стали приходить очень правдоподобные версии происходящего с ним и не менее правдоподобные опровержения. Если он опять был похищен, то почему не связан? Если умер, то почему в его руках бутылка с вином и кубок? Почему он раздет? Почему не чувствует свою магию? Что вообще происходит? И главное, почему он не может оглянуться? Руку поднять, сесть поудобнее, голову повернуть совсем немного может, а встать, оглянуться назад, туда, откуда слышатся чьи-то легкие шаги, — нет!

Ответы на свои вопросы он получил сразу же. Стоило только подумать и... Теплые ладони прикоснулись к его плечам. Такими знакомыми движениями огладили их, спустились по спине, скользнули вниз и соединились на животе. Женское тело, укутанное в тонкую

нежную ткань, прижалось к спине, уткнувшись лицом между лопаток. Тихий, чуть приглушенный голос подтвердил то, что уже понял и принял разум.

— Ты спишь, моя светлость... Спишь. И спишь ты неправильно! Зачем напился? Опять хочешь пуститься в опасное путешествие? Я так соскучилась по тебе. Ждала. А ты? Мало того что заснул лишь под утро, так еще и напился. Вот кто ты после этого? Ты добрался домой? Твоя семья рада твоему возвращению? Твои близкие так долго тебя искали. Как ты себя чувствуешь? Королевские целители осмотрели тебя, подлечили? Что с твоим зрением? — И наконец, возмущение: — Что молчишь?

Бутылка вместе с кубком были отброшены в сторону. Большие, чуть шершавые от мозолей ладони герцога накрыли обнимающие его руки молодой женщины, и он впервые за последние дни смог рассмеяться. И непонятно, чего больше было в этом смехе, облегчения или радости.

— Госпожа моя! Разве вправе я был перебивать тебя? Я слушал твой голос, как самую лучшую музыку на свете. Даже если это сон, то я благодарен богам за него и согласен не просыпаться, если это позволит мне остаться с тобой. Дома действительно все были рады тому, что я жив, но вот видеть, во что я превратился... И все же меня пожалели, и братец-король решил мою участь одним росчерком золотого пера. Работу Серого ведомства в свое время я отладил слишком хорошо, теперь им без проблем и усилий руководит мой племянник, и ему это очень нравится. А я... Я теперь, оказывается, просто обязан позаботиться о том, чтобы у нашей династии были наследники второй очереди. Мне даже глупышку малолетнюю купили в жены. Я совершенно здоров, благодаря тебе прекрасно вижу и признан пригодным производителем маленьких герцогов. — К концу этой речи настроение Натаниэля уже заметно испортилось. Он принялся язвить и даже обвинять. — Путь это только сон и на самом деле тебе неинтересно все, что со мной происходит. Пусть настоящая ты не услышишь, но я скажу... Ты бросила меня, как ненужное старое платье, и ушла! Ушла молча, а ведь обещала ответить на вопросы! Я ведь даже не знаю, где мне тебя искать! Я проверил всех черных вдов в королевстве, и даже монастырь, и не нашел. Ни одна высокородная вдова не покидала своего дома, а уж тем более монастыря. Ни одна

простолюдинка в черном платье не отлучалась из своего селения дольше чем на пару дней. Родная мать засомневалась в моей разумности, а я продолжал поиски. А еще... Ха-ха! Я снял маску, и высокородные леди начали падать в обморок, содрогаясь от отвращения. А вот сестры и племянницы не падают, отводят взгляд, стараются не прикасаться ко мне. Спокойно на мою рожу смотрят только простолюдины.

Все осложняется еще и тем, что я эмпат. Никто не знает об этом, даже моя семья. Я бы не смог дожить до своих лет, не научившись закрываться от чужих эмоций, но, закрываясь постоянно, я будто глохну. Любому человеку хочется тепла, и все мы мечтаем быть любимыми, эмпату же это просто необходимо. Это как дышать для обычного человека. Эмпаты не могут жить в пустоте. Эмпат способен пылать в ответ на искренние чувства, но может и выгореть во враждебном для себя окружении. Прежде именно семья служила для меня якорем, одаривала теплом. Студеным холодом веяло только от старшего брата, но я всегда считал, что тяжесть венца и ответственность за королевство делают его таким. Сейчас любовь семьи несет в себе горечь, вину, сожаление и желание найти применение ставшему таким неудобным недочеловеку. Что мне остается? Покинуть столицу? Начать скрываться от семьи? Я сильный воин и еще более сильный маг, но шрамы не скрыть, кровь не изменить, а значит, рано или поздно меня найдут. Вернут. И будут возвращать раз за разом. В конце концов, брату надоест возиться со мной, и меня запрут в подземелье, лишив разума. Теперь я по собственному опыту знаю, что любого мага, даже очень сильного, можно заставить повиноваться, но самое главное я понял раньше.

Я понял, что потерял в тот же день, когда ты ушла. Ты забрала с собой тепло своего сердца, ласку рук и любовь... Ты забрала с собой свою любовь! Если бы я только мог вернуть тебя! Почувствовать снова. С головой окунуться в безбрежный океан твоих чувств! Я засыпаю, вижу тебя во сне, но приходящее раз за разом утро не приносит мне облегчения. И вот опять сплю и боюсь проснуться. Мне не хочется вновь и вновь окунаться в холод и грязь чужих эмоций. Прошу тебя... Пока мы здесь... Пока этот сон еще длится... Поговори со мной!

Ты плачешь? Моя спина... Она мокрая? Почему ты плачешь? Ответь мне! Ну же! Я не могу повернуться, не могу прижать тебя к себе. Не могу высушить твои слезы...

Темнота, внезапно окутавшая герцога, казалась такой плотной, что ее просто хотелось потрогать рукой, а чувство потери причиняло острую боль, угнездившуюся где-то глубоко в груди. Глухие и мощные равномерные удары, сотрясающие пространство вокруг, заставили его очнуться, разорвать сгустившуюся тьму.

Гостиная, плотно закрытые шторы, пустые бутылки, валяющийся у ног серебряный кубок и магические удары в дверь. Кто-то изо всех сил пытался пробить его охранное заклинание, а он сидел в кресле и вспоминал свой сон и то короткое мгновение, когда был так счастлив.

Взмах руки убрал заклинание, открыл дверь и позволил буквально ввалиться в дом магам. Король вошел вслед за ними, не потеряв ни капли своего достоинства. Он даже орать стал не сразу. Выгнал сначала всех деятельных помощников.

— Ты что творишь? Как понимать твоё поведение? Ушел без предупреждения, закрылся наглухо. К тебе не могли достучаться в течение пяти часов!

— Ну и что? — спокойно спросил и не подумавший встать навстречу брату Натаниэль. — Заснул под утро. Крепко спал.

— Крепко спал? А это что? — Возмущенный Валиен поддел носком сапога одну из бутылок и отшвырнул ее в сторону.

— А что? Это я праздновал, — просветил его герцог.

— Что ты праздновал? — вновь заорал король.

— Как — что? — Делано удивился Натаниэль. — Будущее изменение моего статуса.

— Пять дней. У тебя есть пять дней для того, чтобы привести себя в порядок. Через пять дней мы будем праздновать все вместе нерасторжимую магическую помолвку с девицей из рода Лирских, а к началу зимы — заключение брака. И не зли меня, Нати, не надо. Со временем ты поймешь, что я забочусь о тебе и только о тебе!

Не ожидая ответа, его величество стремительно покинул гостиную и младшего брата, так и не поднявшего на него глаз. Герцог, подновив охранное заклинание, нашел возле своих ног непечатую бутылку и продолжил праздновать.

ГЛАВА 76

Я не удержала нить сна... Пробуждение не было приятным. Глухие рыдания разрывали грудь. Я так старалась! Столько сил приложила для того, чтобы он вновь захотел жить! Просто жить и радоваться. А они? Они же убивают его. Если он эмпат, то я с трудом представляю, как ему удалось выжить на арене. И как сейчас тяжело ощущать эмоции родных ему людей. Демоны бы побрали всех этих высокородных с их воспитанием и привычками! Что мне делать? Как помочь? Он будет полезен для своей семьи даже мертвый. Они смогут использовать его имя и память о нем. Как сделать бесполезным для них его самого?

Весь день я просидела в нашей библиотеке. Просмотрела десятки книг, в которых имелись упоминания о древних законах наследования, легенды, описания обрядов, посвященных богам. И я нашла! Нашла ее, тонкую книжицу, написанную от руки и спрятанную между последними страницами огромного фолианта, описывающего жизнь знаменитого столетие назад путешественника Амарая Крайли. Расстроенная безрезультатными поисками, я пролистывала пожелтевшие страницы без особого внимания, не ожидая найти ничего полезного для себя, но глаза зацепились за слова, рассказывающие о том, что существовало раньше племя людей, где верховными правителями были женщины. Начала читать и только к концу этой якобы сказки поняла, о чем в ней говорится. Женщины не только правили, они принимали мужчин в свой род. Проводили обряд, посвященный, как ни странно, единственной богине, которой люди поклоняются и доныне, Гвенли. Уверенные в силе и мудрости своей богини, они жили по древним законам и погибли, защищая их. В сказке-легенде утверждалось, что женщина, берущая под свою защиту и покровительство неразумного, агрессивного, способного навредить не только самому себе, но и другим мужчину, не только вводила его в свой род, но и закрывала его от людей и богов собой, даря ему свое имя. Автор подробно описывал ритуал и утверждал, что сам присутствовал во время его проведения. Он возмущался, что проводила его не жрица, а принимающая женщина. И становился этот

достойный с его точки зрения мужчина потерян для общества и своей бывшей семьи, ибо обратного хода обряд не имел. Души соединялись раз и навсегда. Имя мужа менялось тоже навсегда, а для своего рода мужчина окончательно умирал. Вот только согласие на подобный обряд должно было быть дано искренне. Добровольно.

Ночи я ждала, как никогда раньше. Нетерпение, беспокойство, неуверенность горели в моей душе обжигающим огнем. Сомнение не давало уснуть. Но вот наконец-то заснули дети, утомился отец, разошлись по комнатам слуги. Я начала засыпать, успевая краешком сознания заметить, как все ярче разгораются руны, собственноручно вырезанные мною на деревянной спинке кровати. Ну где же ты, светлость моя? Я ведь чувствую, что ты спишь, так почему же мне опять приходится прилагать столько усилий, чтобы затащить тебя в свой сон?

Тяжелые тучи заволокли небо, делая ночь еще темнее. Высокие деревья с тонкими гладкими стволами не оставляли надежды на укрытие. Оставалось только идти вперед, и он шел. Глубокая рана в груди кровоточила и болела. Ноги подкашивались. Чужая грязная одежда совершенно не грела, а чужие сапоги в кровь натерли ноги. Но где-то там, за спиной, слышались громкие голоса его преследователей, и в этот раз он уже не успевал уйти от них. Магия покинула его. Друзья забыли о его существовании. Семья поверила в его смерть. Не уйти... Да и стоит ли? Тяжелое надсадное дыхание стесняет грудь. Никто не ищет его, никто не ждет. И смерть вовсе не уродина, не страшилище... Она красива, молода, добра. Ее ласковые руки избавляют людей от боли и горя, приносят облегчение. Почему люди боятся ее? Боятся жизни! Она беспощадна, жестока, любит причинять боль, отбирает любимых. А земля... Она такая мягкая...

Легкий ветерок коснулся лица измученного болью Натаниэля. Темнота окутала легким покрывалом тишины, даруя покой, избавляя от боли. Но внезапно тяжелый подзатыльник, полученный им, заставил гневно вскрикнуть. Раздавшемуся вслед за этим слова вынудили открыть глаза.

— Опять напился? Да что ж это такое? Когда это кончится? Убью тебя, светлость моя ненормальная! Мало того что ты в вине решил утонуть, так еще и ужасики по ночам смотреть приловчился, а я опять

вытаскивай! Вот кто ты после этого? Что молчишь? Я не сильно тебе врезала? Язык ты вроде не должен был прикусить...

Она ругалась, а Натаниэль слушал, и улыбка невольно появлялась на его лице. Как же давно он не улыбался так искренне, от души. Как же давно он не был счастлив, просто услышав чей-то голос. Маленькая долина, горы, озеро, чистое ночное небо, россыпь звезд и она... Ругается. Шумит. Переживает. Грозится. Как же хороша может быть жизнь, если рядом есть человек, которому ты нужен! Именно ты, а не твое имя, твое состояние.

Еще один подзатыльник быстро вывел его из состояния блаженства, в которое он начал было проваливаться, но уже через мгновение ласковые руки поглаживали обнаженные плечи, а гневно сопящий нос уткнулся в ключицу. Требовательное «ну» заставило бы заговорить даже немого, а он немым не был и потому поторопился с ответом:

— Я думал, что уже никогда больше не смогу поговорить с тобой! Раньше во сне ты никогда не разговаривала, и я решил, что вчера мы общались в последний раз. Спрашиваешь, почему напился? Своему брату ответил — праздную. Тебе скажу — прощаюсь. И ни одному из вас я не соврал. Он пришел, порадовал меня приказом: «Будь готов к магической помолвке, которая состоится через пять дней». Магическая, значит, закрепленная в храме богов. Обязательный брак. Обязательная верность. Он обещал мне свободу после рождения сыновей, но, судя по всему, взял свое обещание назад и объяснил это заботой обо мне. Почему прощаюсь? А потому, что после заключения этого брака я уже никогда не увижу тебя, не узнаю, не обниму, не почувствую. Один день уже прошел, осталось всего четыре. Если бы только я мог найти тебя... Но все мои мечты останутся только мечтами. Ты мой сон. Такой ласковый, долгожданный и такой счастливый. Порой я начинаю сомневаться в том, что на самом деле чувствовал тебя, дотрагивался до твоего тела, твоих рук, твоих губ.

То, что произошло дальше, заставило Натаниэля потерять дар речи. Сначала за его спиной хмыкнули, а затем сказали:

— Сон... Да, сон, но я — это на самом деле я. И сон мой, а не твой. Твой был тот, кошмар. Долина эта, она необычайно красива, и мне очень хотелось показать тебе ее. Хотелось встретиться с тобой именно здесь. Мой сон — мои правила. Хочу — ветер дует, хочу —

солнышко светить начнет. И прежде чем назвать тебе свое имя, спрошу: ты действительно не хочешь жениться на своей молоденькой невесте? Действительно готов покинуть свою семью? Ты подумай хорошенько. Но недолго, нам обязательно нужно договориться именно сегодня. Слишком мало времени дал тебе брат. Слишком мало... Если ты не готов покинуть семью, отказаться от своего рода, своего имени, то именно сегодня мы попросимся навсегда.

Две молодые женщины. Две судьбы. Он не знал хорошо ни одну из них, но рядом с одной чувствовал себя живым, а рядом с другой начинал умирать. Семья... У каждого в его семье был кто-то, ради кого стоило жить, и только ему они торжественно вручали ключи от дверей, ведущих в холодную бездну одиноких дней и ночей. Имя... Разве согреет его имя рода? Разве одарит его теплом и любовью? Дети? Будут ли они? Отказ от имени и рода — это отказ от родовых земель и более чем половины состояния.

— Да... — услышал он свой тихий голос словно со стороны. И уже увереннее и громче, с полным осознанием своего решения, повторил: — Да! Я готов уйти. Знать бы только куда? Где тот дом, в котором меня будешь ждать ты?

Он замолчал и непроизвольно задержал дыхание в ожидании ответа. Ответ, к его радости, не заставил себя долго ждать. Хрупкая фигурка, одетая в легкую ночную сорочку, скользнула в его объятия, уселась на колени, обхватила руками за шею, спрятав лицо у него на груди. Такая маленькая по сравнению с ним, такая легкая, долгожданная и решительная.

— Слушай меня внимательно, Нат. Боюсь, что времени у нас осталось очень мало. Мы знакомы с тобой намного лучше, чем ты думаешь. Меня зовут баронесса Миира Шангри. Мой отец и я были приглашены к тебе на беседу, и именно я показывала тогда свое умение обращаться с боевым веером. Мой отец владел Долиной цветов, расположенной вдоль тракта, проходящего через Зубастые горы. Сейчас долиной владеет мой старший сын, Ангел Шангри. Отец и я являемся его регентами. Долина закрыта для посещений. Гостей мы не принимаем и на постой никого не пускаем. Тебе придется ускользнуть из столицы как можно быстрее и незаметнее. Пообещав своему брату прибыть на помолвку вовремя, ты наверняка сможешь хоть ненадолго успокоить его. Сделай так, чтобы он не искал тебя как

можно дольше. Если ты успеешь добраться до долины за четыре дня, мы сможем провести древний обряд заключения брака. Ты примешь имя моего рода и станешь моим мужем. Разорвать такой обряд невозможно. Найти тебя по родству крови после него тоже не смогут. Обряд не позволит никому, кроме меня, подчинить тебя, даже шаманы больше не будут представлять опасности. Никакие приворотные и отворотные средства будут тебе не страшны. Над тобой буду властвовать только я. Тебе придется довериться мне. Доверить свою жизнь, свою честь, своих детей. И последнее... Мои люди с завтрашнего дня будут ждать тебя у входа в долину и днем и ночью. У тебя еще будет время подумать. Довериться женщине... Полностью довериться, даже любимой, могут немногие. Я не уверена в том, что сможешь ты, поэтому я не показываю тебе свое лицо. Ты знаешь мое имя, но не знаешь лица, возможно, и не узнаешь. Лишние знания — лишние печали... Все, пора прощаться! Я буду ждать тебя столько, сколько нужно. Ты только приходи!

Неумолимая темнота навалилась, закружила, швырнула в лицо чем-то колким и неприятным. Отекшие глаза отказывались открываться, а пересохший рот издавать звуки. Но магия отозвалась мгновенно. Горячий, освежающий поток ее пронесся по организму герцога, принося с собой облегчение для тела и ясность мысли. Натаниэль огляделся — спальня, пустые бутылки, спертый воздух, помятая постель и сон... Невероятный, нереальный, невозможный. И все-таки...

Когда-то в юности он уже уходил из дома, настояв на своем. Тогда он сумел стать воином, магом. Нашел друзей. Приобрел врагов. Сумел помочь брату удержать власть в королевстве. Почему сейчас старший брат так настойчиво спроваживает его в дальнее поместье? Боится за свою корону? Считает, что его младший брат получил в свои руки слишком большую власть? А друзья? Что удерживает их вдалеке от него? Семьи? Полученные от короля титулы и привилегии? Почему молчит и отводит глаза отец? Почему уехала в поместье мать?

Вопросы, вопросы... И только одно желание: «Пусть этот сон сбудется, а она дождется».

Утро в особняке герцога Эверли началось поздно, было оно суетливым и тревожным. Прислуга получила приказ привести особняк

в идеальное состояние и подготовиться к прибытию невесты его светлости, баронессы Лирской. Герцог отправился в гости к своему брату, не забыв скрыть лицо под черной маской. Его спокойный и бесстрастный вид больше чем что-либо другое успокоил его величество. Сам же Натаниэль, желая усыпить подозрительность брата, настоял на подписании дополнительного договора, который должен будет вступить в силу сразу после завершения помолвки. Согласно достигнутому между братьями соглашению, закрепленному на бумаге и подтвержденному магической печатью, три из десяти королевских шахт, ведущих добычу драгоценных камней, переходили в собственность герцога Эверли в качестве свадебного подарка сразу же после завершения церемонии помолвки. Расстались братья довольные друг другом, условившись встретиться на церемонии в главном храме столицы ровно в полдень. Организацию церемонии король взял на себя, милостиво позволив младшему брату подготовиться к главному событию в его жизни самостоятельно.

Натаниэль так рьяно взялся за дела, что закончил их все уже к полуночи этого же дня. Завещание на титул, имущество и даже драгоценности династии — все это было положено в родовой сейф. Именные счета, никак не связанные с имуществом рода, аннулированы. Деньги с них переведены на десятки новых счетов, оформленных на предъявителя магического ключа. Личные дома и особняки переоформлены на детей сестер актом дарения с отсроченным на десять дней извещением о подарке. Любимые вещи, оружие, безделушки, золото и драгоценности, особо редкие книги (почти вся личная библиотека герцога) упакованы в пятнадцать сумок с магически расширенным пространством. Сами сумки легко поместились в еще одну такую же, но выглядевшую при этом как обычный, не совсем новый, потертый кошелек горожанина. И вот ровно в полночь сиятельный герцог в сопровождении Серых наблюдателей, которых он демонстративно не замечал, отправился в самый дорогой бордель города. При этом не забыв сообщить своему дворецкому, что появится в храме минута в минуту, попросив не объявлять его пропавшим раньше времени и дать от души повеселиться напоследок.

Серые не стали заходить следом за ним в бордель, чем пусть немного, но облегчили Натаниэлю решение стоящей перед ним задачи.

Он при помощи магии с легкостью насквозь прошел особняк, в котором размещался этот «дворец удовольствий», и, не привлекая к себе внимания, выскользнул из него, воспользовавшись известной лишь немногим неприметной дверью, ведущей в нижний город. А спустя еще полчаса из дверей дешевого трактира, расположенного довольно далеко от центра столицы, вышел ничем не примечательный наемник в потрепанном плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. Оружие, которым он был буквально обвешан с головы до ног, было не новым, но зато ухоженным и внушающим уважение к его владельцу. Пару отличных лошадей вместе с седлами и припасами «подарил» наемнику глава королевской стражи, встретившийся ему возле городских ворот. Что уж он там делал, наемника не интересовало, но глава, ну очень неожиданно, очень захотел спать и отправился домой куда не сворачивая, твердо уверенный в том, что обеспечил лошадьми курьера ведомства наблюдателей за безопасностью.

Наемник же успел покинуть город во время смены караула. Группа из десяти стражников, несущая караул за воротами города, менялась каждые пять часов. Лишнего, неожиданно появившегося в своих рядах, brave вояки так и не заметили. Удаляющегося от города всадника тоже. Проехавший рано утром через ближайшее селение всадник в сером плаще также никого не заинтересовал.

Сильнейший маг королевства покидал столицу, используя все свои немалые магические силы и умения. Он оставлял за своей спиной тех, кому перестал быть нужным, тех, кому перестал доверять.

ГЛАВА 77

Слишком рано. Я жду его слишком рано. От столицы до нашей долины не меньше пяти дней пути, и то если очень, очень спешить. И все-таки я жду. Время утекает, как песок сквозь пальцы. Я умею держать лицо, не мечусь по комнатам, не заламываю руки, не застываю, глядя вдаль бессмысленным взглядом, но и это не помогает. Меня вычислили. Мои мальчики, мои любимые мальчишки почувствовали неладное и буквально прилепились ко мне. Влад и Воланд усадили в мягкое кресло. Ангел заварил успокаивающий сбор. Кин забрался ко мне на колени и притулился к боку, положив ладошку на мой живот. Кент принес маленькую скамеечку для ног и усадил меня поудобнее. Рассевшись на лохматом меховом ковре у моих ног, вся эта компания малолетних дознавателей с серьезными мордашками уставилась на меня, а мой милый Ангел скомандовал, не попросил, а именно распорядился:

— Рассказывай, мамочка!

Думала я недолго. Они мои дети и имеют право знать, что со мной происходит.

Слушали меня внимательно, переговаривались, обсуждая услышанное. Решение приняли еще быстрее.

— Посмотрим. Послушаем. Если не понравится, если будет тебя обижать... В долине ему не жить!

В итоге волноваться мне запретили, приказали хорошенько заботиться о еще не родившихся сестренках и дружно принялись меня, бедненькую, пасти. Кто-то один, не считая малолетнего Кина, постоянно находился рядом со мной. У входа в ущелье, ведущего в долину, теперь постоянно несли дежурство воины. К концу дня секрет перестал быть секретом, и появления Натаниэля ожидали уже все жители долины.

Четвертый день подходил к концу. В горах темнело намного быстрее, чем на равнине. Тракт, идущий через гряду Зубастых гор, опустел. Караваны остановились на ночлег в долинах, дающих приют путникам, и только он, беглый герцог, продолжал двигаться вперед со

всей возможной скоростью. Натаниэль в очередной раз поменял двух лошадей и уже практически загнал обеих. Завтра в полдень его не дождутся в храме и начнут искать. Проведут поиск, используя кровное родство — колдовство шаманов его теперь не прикрывает, — и найдут. Если все, что он видел во сне, только сон, тогда к концу следующего дня все долины будут обследованы с особым усердием. Все будет зря. Он использовал все, что мог: магию, эликсиры, свое тренированное тело, но так и не смог, по-видимому, вовремя добраться туда, куда стремился. Четыре дня без сна и отдыха... Почему они не договорились, как и где он будет искать ее долину? Мог ли он обмануть самого себя во сне? Не отправился ли он в погоню за призраком? Мысли. Сомнения. Они терзали его, не давая остановиться и отдохнуть.

Уставшие лошади уже с трудом передвигали ноги, а тело Серого герцога отказывалось ему служить, когда черная тень, притаившаяся в кустах у подножия скалы, шевельнулась и раздвоилась. Они слаженно шагнули ему наперерез — бесшумные тени, укрытые от любопытных взоров плащами непривычной расцветки. Черные, серые, темно-зеленые пятна, расположенные на ткани в хаотичном порядке, делали хозяев этих плащей невидимками без применения магии. Крепкие руки придержали лошадей, а вопросы остановили схватившегося за оружие герцога.

— Господин наемник ищет ночлег? Его ждут?

— Да.

— Приносим извинения за беспокойство, но мы ждем гостя, который должен ответить на один наш вопрос. Если ответ будет правильным, мы готовы проявить гостеприимство. Как зовут ту, что пригласила вас в гости?

— Миира, баронесса Шангри, — не задумываясь, произнес Натан и услышал в ответ:

— Наконец-то! Мы вас уже заждались, ваша светлость. Мы видим, как вы устали, но ехать осталось совсем немного.

Ветви кустов, закрывающих вход в ущелье, были аккуратно раздвинуты, и древнее магическое плетение приняло в свои объятия усталого путника, ошеломленного мощью и сложностью магического замка.

Вспыхивающие по мере их продвижения на стенах ущелья огоньки, освещающие тропу, не смогли удивить уставшего герцога. Не удивили его и трое вооруженных воинов, встречающих его и его сопровождающих у входа в долину.

— Откиньте капюшон и снимите маску. Мы должны точно знать, кто вы такой.

Яркий магический фонарь осветил обезображенное шрамами лицо и ледяной взгляд голубых глаз. Разразиться гневной тирадой Натаниэль не успел. Все воины слаженно склонили головы, приветствуя его:

— Я Амир, глава стражи Долины цветов, — произнес старший. — Мы рады приветствовать вас в нашей долине, ваша светлость! Разрешите сопровождать вас.

Безмерно уставший герцог молча кивнул головой, тронул поводья своей усталой лошади и двинулся вслед за тремя сопровождающими. Не преминув, впрочем, обратить внимание на то, что двое встречающих его воинов не последовали за ними. А вернулись к расщелине, ведущей в долину. Далеко ехать ему действительно не пришлось. Уже через несколько минут он спешился у аккуратного особняка, а навстречу ему выбежала дородная крупная женщина с кубком в руке.

— Мне передали, что ваша светлость после долгой дороги очень хочет пить. Примите, прошу вас! Не побрезгуйте!

Пить ему действительно хотелось, а потому выпил он принесенный ему душистый отвар с большим удовольствием. И только потом подумал, кто и когда успел рассказать этой женщине о его желании.

Падающего навзничь герцога бережно подхватили крепкие руки мужчин. Дальнейшим его устройством занимался уже барон Шангри. Под его руководством его светлость вымыли, переодели и уложили спать в гостевой спальне. Что делала я? Пряталась в своей комнате. Мне почему-то было так страшно! Страшно взглянуть ему в лицо. Страшно показать свое. А вдруг я ему не понравлюсь? А беременность... Что я ему скажу? Как он к этому отнесется? Боюсь надеяться. Боюсь. Сердце бьется так сильно, словно хочет вырваться из груди ему навстречу, а я стискиваю кулаки и с трудом подавляю

дрожь. Он пришел. Преодолею такой долгий путь за такой короткий срок, а я вот стою и признаюсь себе в том, что больше всего боюсь потерять его в самый последний момент. Знаю, что все сделала правильно. И усыпила его с помощью отвара правильно. Натаниэль устал. Мои травки помогут ему восстановить силы в кратчайший срок, помогут уже утром встать с кровати полным сил и магии. Вот только понять друг друга они нам помочь не могут, а времени для принятия окончательного решения у нас остается все меньше и меньше, и завтра, в полдень, оно истекает совсем.

Дети давно уже спят. Они знают о приезде герцога, как, впрочем, и большинство жителей долины. И все же в доме наконец-то все уюмонились, и я могу без помех увидеть его. Он спит так крепко. Под глазами синяки. По телу периодически пробегает дрожь. Усталость не хочет отпускать из своих объятий мою светлость.

С огромной радостью и восторгом прикасаюсь к нему наяву. Его запах, бархатная кожа, отросшие волосы... С трудом отрываю от него свои руки. Если бы не беременность, не ушла бы. Улеглась бы под бочок и самым наглым образом наплевала бы на все приличия и традиции. Но... Опять и снова это «но»! Упрямый. Высокомерный. Сильный. Умный. И пока еще герцог. Мне остается только дожидаться утра и встретиться с ним с открытой душой, без тайн и недомолвок. Да, без отварчика мне сегодня не заснуть. Придется пить. Мои принцессы — мое сокровище, от которого я никогда не откажусь, а значит, варианты пить или не пить, спать или не спать рассмотрению не подлежат.

Ухожу. Плачу и ухожу к себе. Почему плачу? А потому что хочется! От счастья.

Он проснулся резко, в один момент, но глаза открывать сразу не стал, предпочитая сначала понять, что его разбудило, и вспомнить, где засыпал. Что разбудило, понял — тихое дыхание людей, расположившихся в непосредственной близости от него, а вот как и где ложился спать, вспомнить не смог. Нет, он помнил, как его встретили, как напоили вкусным отваром, а вот что было потом... Мягкая кровать, свежее, приятно пахнущее белье, теплое одеяло... Он ощущал себя чистым и отдохнувшим, вот только... Вокруг него по краям кровати с обеих сторон сидели люди. Их спокойное, размеренное дыхание не

таило в себе угрозы, но понять, кто они и что им надо, это не помогало. Помог голос. Звонкий, очень громкий детский голос.

— Проснулся! Он проснулся!

Измученный Натаниэль открыл глаза... Зажмурился и открыл снова, не веря им. Вокруг него на кровати сидели дети, мальчишки. Такие разные и все же чем-то неуловимо похожие друг на друга. Четверо из них были черноволосые, а вот пятый, который кричал, золотоволосый. И это еще не все. Возле двери, опираясь о стену, стояли еще трое. Подростки. Они не скрывали своей настороженности, а сидевшие на кровати — своего любопытства.

— Мама! — опять громко позвал младший мальчишка лет четырех, сидевший в ногах у герцога. Не дождавшись ответа, он стремительно скатился с кровати, и уже через мгновение его звонкий голосок раздался в коридоре: — Мама! Он проснулся! И это не я его разбудил.

— Кин, иди ко мне, мой хороший! — позвал малыша самый старший. — Ты звонкий, как птичка. Мамочка тебя услышала, но она не может сейчас бегать так быстро, как ты. Да и наш гость еще не успел даже одеться. — И сказал, обращаясь уже к Натаниэлю: — Позвольте мне представиться и представить вам моих братьев, герцог. Меня зовут Марк, я старший. Рядом со мной Акио и Дэйки — мы сироты, живем здесь, с тетей. На вашей кровати устроились мои кузены, сыновья нашей тети, Мииры Шангри: Ангел — наследник рода Шангри, Кент, Влад и Воланд и конечно же наш красавчик Кин. Мы готовы помочь вам одеться и показать, где можно умыться. Все ваши вещи привели в порядок. Завтрак будет готов через час. Если поторопитесь, — неожиданно усмехнулся он, — вы даже успеете надеть штаны до того, как наша Миира придет в вашу комнату, чтобы забрать своего звонкого золотого мальчика. А может быть, мы даже успеем прийти к ней первыми.

Последнее дерзкое замечание отчего-то понравилось герцогу больше всего, и он, доброжелательно улыбаясь, спросил:

— А вы не испугаетесь моего уродливого тела?

— Шрамы украшают мужчину и рассказывают о его силе, мужестве и умении выжить. Так говорит нам мама, а это значит, вы не урод, а воин. Вот только воинским навыкам вас придется подучить. Новые шрамы вам, я думаю, не нужны, — заявил в ответ на его вопрос

наследник рода. А потом скомандовал: — Так, братья, встаем с кровати! Полюбовались на настоящего герцога, и хватит. Бегом кровати заправлять и на завтрак! И малька с собой заберите, а мы с Марком сами его светлости поможем и проводим. Мама наверняка ждет его в своей комнате.

К удивлению Натаниэля, мальчишки без споров и пререканий вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь, и лишь самый младший доверительно сообщил герцогу, прежде чем его увели:

— Ты не страшный! Не бойся, мы возьмем тебя к себе.

Натану пришлось спешно вставать и идти в маленькую купальню, примыкающую к его спальне. У него не было слов. Эти дети... Таких детей он не встречал никогда. Их не пугали его шрамы. Они не прятали глаза. А еще они его собирались учить и защищать! Его! Да его уже лет двадцать никто не защищал. Это могло прийти в голову только ей и ее детям. Но как же легко стало у него на душе! Он убрал ментальные щиты еще тогда, когда они все были в комнате. Настороженность, интерес, симпатия и целое море любопытства вот чем одарили его мальчишки. И тогда же надежда на лучшее расцвела в его сердце.

Они терпеливо ждали его вдвоем, а вот провожать его, вопреки ожиданию герцога, отправился Ангел, а не Марк, хотя и был старше.

Долго следовать за своим серьезным провожатым Натаниэлю не пришлось. Их путь окончился, едва начавшись, у третьей двери слева по коридору. Остановившись, парнишка оглянулся и, не спуская с него глаз, тихонько постучал и спросил:

— Матушка, наш гость... Я могу впустить его?

— Да, мой Ангел! Спасибо, что проводил. Герцог Эверли, прошу вас, входите.

Шумно вздохнув, он заметив лукавую улыбку ребенка, продолжавшего внимательно за ним наблюдать, и понял, что непроизвольно задержал дыхание, ожидая услышать голос той, чьи эмоции — надежду, волнение, радость и немного смущения — он сейчас ощущал. Это был ее голос! Натан улыбнулся в ответ на улыбку ребенка и, сделав глубокий вдох, открыл дверь и шагнул в комнату.

ГЛАВА 78

Он, конечно, еще по дороге вспомнил свою первую встречу с баронессой Шангри. Вспомнил ее хрупкую фигурку, черные как смоль волосы с посеребренными прядями, холодное безразличие эмоций и конечно же сопоставил со своими воспоминаниями о ее таком желанном теле в своих объятиях. И все же Натаниэль немного растерялся, увидев молодую девушку, стоящую возле окна, которая повернулась к нему навстречу.

Высокий лоб, тонкие брови вразлет, черные густые ресницы, подчеркивающие необычную форму голубых глаз, алые губы, бледная, словно прозрачная кожа и волосы, черной густой волной лежащие на плечах.

«Как? Как такая хрупкая, красивая молоденькая девушка смогла пройти земли мурдов?» — Мысли закружились в голове герцога бешеным хороводом. Они не просто кружились, они множились!

Она стояла перед ним и улыбалась, наблюдая за его растерянностью и нерешительностью, а он смотрел на чудо, к которому шел так долго, и не мог поверить своим глазам. Но эмоции... Они же не могут обмануть! Ведь о его способностях не знает никто! А она, не подозревая ни о чем, здесь и сейчас одаривает его любовью, безграничной, безоглядной, такой настоящей.

И вот наконец решившись, он шагнул вперед, ничего не спрашивая... Обнял. Прижал к себе. Уткнулся лицом в ее макушку и заулыбался, услышав такое знакомое:

— Ну наконец-то, светлость моя! А то стоит, о чем-то думает. Вредно тебе думать. После того как тебя мурды по голове били, и нечем уже, наверное? Я уж думала, мне самой на тебе виснуть придется.

Натаниэль с облегчением рассмеялся и ответил:

— Ты! Это все-таки ты, моя госпожа ворчунья! Теперь не отпущу и никому не отдам! Тем более... Два маленьких огонечка, которые ты носишь, тянутся ко мне такой родной магией! Думала, я не пойму? А если бы мы больше не встретились, когда бы ты сообщила мне о них? — спросил он и услышал в ответ:

— Не обижайся, Натан, но дворец и его интриги это не место для незаконнорожденных детей, и тем более для девочек. Разве не так?

— Так. Я рад, что нашел тебя. Что ты нашла меня. Что позвала. Позволила быть рядом с вами, — успокоил ее сомнения герцог. — Но тебя волнует что-то еще? Я чувствую.

— Да, — пробормотала она тихонько, не поднимая головы. — Мои дети.

— А что твои дети? Твои мальчишки просто чудо! Самый маленький. Кин — я правильно запомнил? Кин сказал, что они готовы взять меня к себе, а наследник пообещал научить владеть оружием, чтобы я не получал новых шрамов. У наших девочек будут лучшие братья на свете! Я до сих пор не могу поверить, что теперь у меня есть ты и что совсем скоро я стану отцом. Пять дней назад я прощался с жизнью, и вот со мной опять случилась ты. Мое счастье! Моя радость! Моя любовь! Моя новая жизнь! И все опять изменилось.

Они целовались долго... Очень долго. До тех пор, пока кто-то очень решительно и демонстративно громко не закашлял рядом с ними и не заворчал:

— Ну да, ну да... Целуются они. Мама! Вы пропустили завтрак! И даже не это главное... Вы помните о том, что у вас осталось слишком мало времени, а? — Ангел, а это был именно он, громко вздохнул и добавил: — Люди собрались для проведения обряда. Я пошел. А вас ждут.

Он ушел, а мы вдвоем засмеялись. Да, мой Ангел — настоящий ангел. Времени действительно осталось немного, а мне нужно еще раз предупредить Натана о том, чем он рискует, соглашаясь на этот ритуал.

— Натаниэль, послушай меня. Этот обряд свяжет нас неразрывными узами до конца наших дней. Твой род ни кровно, ни магически не будет больше признавать тебя. Родовые документы, артефакты — ты исчезнешь для них, будешь чужим. И самое трудное для тебя: во время обряда я буду принимать тебя в свой род, обещать заботиться о тебе, руководить тобой, владеть тобой. А тебе придется дать добровольно согласие на смену рода, согласиться подчиняться. У тебя еще есть немного времени на раздумья. Ты можешь отказаться, вернуться к своей семье.

Мне кажется, что в ожидании его ответа я перестала дышать. Забыла, как это делается. И вот улыбка. Легкий поцелуй в уголок губ и тихое «да».

— Да! А то я четыре дня подряд не думал! Хватит уже думать. Если мы проведем обычный обряд, то за нашу жизнь и жизнь наших детей я не дам и ломаного медяка. Короли так просто не отказываются от того, что считают своим. А так меня просто не найдут, а потом я не буду им нужен. Зачем им кто-то, кто даже во дворец на прием попасть не сможет, ведь я не буду бароном Шангри, я буду просто мужем баронессы Шангри, Натаном Валари. Раньше этим именем именовал себя молодой маг, ходивший в походы с ватагой наемников, скрывающий свой титул и род, но все, кто знал меня под этим именем, умерли. Это тебе нужно подумать, госпожа моя, зачем тебе нищий, безродный, увечный воин-маг. А?

— Как — зачем? Ты будешь мой. Только мой! Если бы ты только знал, как много бессонных ночей я провела, думая о тебе. Как неистово я молилась богам, когда ты умирал у меня на руках! Как тяжело было заставить себя уйти из степей и не убить их всех за то, что они сделали с тобой!

— Вот-вот, с этого места поподробнее, пожалуйста, — заявила моя светлость, не забывая прижимать меня к себе, как любимую мягкую игрушку. Пришлось приступить к решительным действиям.

— Подробности подождут, а сейчас идем. Я быстренько на тебе женюсь, а потом обедать! Я беременна, а потому, как говорит мой отец, война войной, а обед по расписанию!

И кому какое дело, какой отец это говорил. Главное, результат, а результат был. Мы быстро, как могли, поспешили в молельный дом.

Тяжелые тучи накрыли долину. Наверняка именно сегодня землю украсит первый снег, а еще через день мы будем отрезаны от остального мира окончательно. А сейчас нас с доброжелательными улыбками приветствовали жители долины. Все уже знали о том, кого я с таким нетерпением ждала и зачем. Женщины улыбались, прослышав о том, какой ритуал мы готовы провести с герцогом. Мужчины радовались за меня, но в то же время умудрялись сопереживать Натаниэлю. Ну, по крайней мере, пока не увидели, что делает он это совершенно добровольно. Обряд был недолгим, но кровушку своему любимому мне пустить все-таки пришлось. Вырезая на его руках

небольшим острым стилетом кровавые руны, я клялась у небольшого родового алтаря:

— Я, баронесса Миира Шангри, добровольно и без принуждения беру Натаниэля Эверли в мужья. Принимая его в свой род, обязуюсь предоставить ему защиту и направлять его действия. Властью своею даю ему имя Натан Валари. Обещаю быть ему верной женой и любящей матерью его детям.

Ответную клятву бывшего уже герцога все присутствующие при заключении брака слушали очень внимательно.

— Я, герцог Натаниэль Эверли, добровольно и без принуждения даю свое согласие на брак по древнему обряду с баронессой Миирой Шангри, согласен войти в ее род, признать как главу семьи и рода. Принимаю имя Натан Валари. Обещаю быть верным мужем и заботливым отцом всем ее детям.

При последних словах мои мальчишки радостно заулыбались, а стремительно заживающие резаные раны на руках и ярко вспыхнувшие и рассыпавшиеся искрами магические огоньки заставили ахнуть всех присутствующих. Наши клятвы были услышаны и приняты богиней, брак заключен.

Молельню я покидала под радостные крики наших людей, на руках любимого мужа. А в воздухе в этот момент закружились первые снежинки. Но день был еще не окончен. Впереди нас ждал праздничный обед и долгий разговор, а может, до разговоров дело сегодня так и не дойдет.

ГЛАВА 79

День не задался с самого утра. Люди, посланные наблюдать за Натаниэлем, доложили наследнику престола и королю о том, что городской особняк готов принять в своих стенах молодую хозяйку. Вот только сам хозяин, отправившийся в бордель, так и не соизволил до сих пор покинуть его гостеприимные стены. Зная взрывной характер брата и его огромную магическую силу, король приказал ждать до последнего. Огромные деньги, которые потребовал с него Нат за заключение этого брака, давали ему надежду на то, что он будет в храме вовремя. А бордель? Это даже хорошо! Это значит, что за эти дни он так и не узнал о том, что его отец и старший брат изменили свое решение и гости, собирающиеся в храме, приглашены на заключение брака, а не на помолвку.

Шепотки, разговоры и, в конце концов, откровенное недоумение и злорадные замечания гостей раздавались все громче, а жениха все не было.

Долгое ожидание наконец-то закончилось, когда все поняли, что герцог Эверли не явился на свое бракосочетание. Королевская семья покинула храм, а гости были вынуждены прождать еще целый час, прежде чем смогли отправиться восвояси. К концу дня по столице поползли слухи о самоубийстве брата короля.

В отличие от королевского семейства никто из посторонних так и не узнал о том, что Натаниэль отказался от титула, родовой собственности и денег, о том, что оформил на племянников усадьбы и особняки. Но вот о том, что он, убитый горем, напивался, что не смог пережить своего уродства и, отвергнутый высокородными красавицами, ушел из жизни, об этом шептались все кому не лень.

Серое ведомство в очередной раз приступило к розыску, а королевская семья собралась в закрытых покоях дворца для проведения запрещенного в королевстве ритуала поиска по крови, ибо никто из них в этот раз не сомневался в том, что Натаниэль жив. Его не нашли ни в одном столичном борделе, да и вообще в городе. Его счета в банках оказались аннулированы, а из особняка, в котором он проживал, исчезли книги, оружие, одежда, ковры и гобелены, а также

мелкие, любимые им безделушки. А самое главное, договор дарения, оформленный на его имя, долженствующий вступить в силу после его помолвки, лежал на столе в кабинете для всеобщего обозрения, словно насмешка.

Взбешенный своеволием младшего брата, король с трудом сдерживал гнев и строил планы, ожидая окончания ритуала. Натаниэль был нужен семье. Значит, он будет найден. А уж способ принудить его к повиновению найти можно всегда. Его величество король был не просто зол, он был еще и очень обижен. Всю жизнь он старался быть понимающим и доброжелательным с братом, исподволь приучал его к покорности и повиновению. И вот сейчас, когда он был уверен в том, что у него получилось, что-то пошло не так, как он планировал.

Красивый, молодой, сильный маг и воин. Такой брат мог бы претендовать на престол, пока... Пока не стал уродом. Хотел ли он стать королем или нет? Теперь не важно. Могли захотеть высокородные. Теперь же они не поддержат притязания уroda на престол, а значит, именно сейчас Нат стал полезен и безопасен. Серые в руках принца. Трон тоже в безопасности, и потому Натаниэль просто обязан стать заботливым мужем и отцом. Так надо. Так будет.

Год назад Валиен был просто уверен в том, что брат не вернется. Еще никто и никогда не возвращался с арены амфитеатра мурдов. Откуда взялась эта вдова? Откуда взялась эта Анаш? Что на самом деле произошло в этих засушливых степях?

Но все вышло даже лучше, чем он планировал ранее. Брат вернулся. Вернулся искалеченный, но уверенный в том, что его ждали, его искали. Уверенный в том, что точно знает, кто виноват.

И все же все еще можно исправить. Осталось только найти этого упрянца. Найти и убедить в том, что он им нужен. Король был просто уверен в том, что его младший брат должен заплатить за то унижение, что пережили в храме, по его милости, все они. Вот только надежды его разбились, когда он услышал слова святоши, проводившего ритуал: «Сегодня в полдень ваш брат умер. Его больше нет». Он ускользнул из жесткой хватки короля, но, видимо, не сумел скрыться от своей судьбы.

На следующий день на всех городских магистратах королевства были вывешены черные флаги. «Новостной листок» сообщил о смерти герцога Эверли от полученных ран и о захоронении его тела в

семейном склепе. На целых тридцать дней королевство погрузилось в траур. Члены правящей семьи отстояли на коленях в главном храме столицы поминальный молебен.

Землю укутал снег. Жизнь в столице замерла, потому что в связи с печальными событиями королевская семья покинула ее до весны.

Ну да, до разговоров в этот день дело так и не дошло. Никогда еще я не была так счастлива! И теперь я больше чем уверена, что, даже если я умру прямо сейчас, моя душа не покинет этот мир и не будет скитаться, как неприкаянный странник. Они привязали меня к себе навсегда, намертво, — мой любимый, мои дети. Мой ласковый, мой нежный, просто мой. И самое главное, это его клятва. Мне никогда не придется сомневаться в его верности и любви. Он действительно мой, на веки вечные. Я благодарна богам за этот драгоценный подарок!

Тихий стук в дверь и осторожное шевеление еще мгновение назад крепко спящей у него под боком молодой жены заставило Натана, бывшего еще вчера герцогом Эверли, проснуться и прислушаться к своим чувствам и тому, что его окружало. Она выскользнула из кровати и совершенно бесшумно шагнула к двери. Он почувствовал, что там ее ждал мужчина. Маленький мужчина.

— Мы готовы, — произнес он, как только Миира приоткрыла дверь. Услышав в ответ: — Начинайте без меня, я сейчас оденусь и приду. — Ребенок убежал вдаль по коридору, при этом его поступь была сравнима с тем, как движутся опытные охотники, она была легка и почти беззвучна.

Легкий шелест одежды, но его негромкий вопрос: «Куда? Почему без меня?» — остановил эти торопливые сборы.

— Разбудили тебя? Извини, я не хотела тебя будить. Ты за четыре дня так устал! Мне так хотелось, чтобы ты отдохнул получше. До завтрака ещё два часа, а у мальчиков тренировка. Я и так вчера ее пропустила. Кент вот напомнить пришел, — объяснила ему закончившая одеваться Миира и шагнула к неплотно прикрытой двери. Вот только выйти она не успела. Услышанный вопрос заставил ее остановиться.

— Какая тренировка? При чем здесь ты?

— У нас есть большой тренировочный зал. Мои сыновья учатся владеть своим телом и оружием. Тренировки проходят два раза в день по два часа, — пояснила она, задержавшись на пороге комнаты.

— Обязательные и регулярные тренировки это, конечно, хорошо, но я так и не понял, зачем на тренировках нужно присутствие беременной женщины, — заявил ее молодой муж.

— Ну понимаешь, — замялась было она, но потом, глубоко вздохнув, решительно сказала: — Дело в том, что эти тренировки провожу с ними я. Ты не волнуйся! Сейчас я не веду активных тренировок, только правлю показанное ранее, но без моего присутствия они не смогут. Заученные до автоматизма ошибки исправлять намного труднее. Ты же воин. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Я-то воин... А вот при чем здесь ты? Хотелось бы мне на это посмотреть! — заявил Натан и, шагнув к ней, уже совершенно одетый, пошутил: — Ты их штопальной иглой учишь владеть? Или веером?

— Что б ты понимал! — услышал он в ответ, следуя за своей женой по коридору. — Любого хорошо обученного воина можно убить штопальной иглой. Самое главное, знать, как к нему подойти и куда ударить.

Он улыбался, следуя за ней, чуть недоверчиво, насмешливо, но недолго. То, что он увидел в тренировочном зале, поразило его до глубины души.

Они были там, все восемь мальчишек, от самого старшего до самого младшего. Одетые в непривычные для него черные костюмы, стоящие в два ряда и выполняющие, судя по всему, группу разминочных упражнений. Никто из них не среагировал на открытие дверей и на появление в зале двух взрослых людей. Их движения плавно перетекали одно в другое.

— Присядь! — Она жестом указала ему на ряд кресел, стоящих у дальней стены, а сама шагнула к своим мальчишкам и начала поправлять положение стопы у одного, постановку рук у другого, движение рук у самого маленького.

Разминка закончилась. Началась работа в парах. Через некоторое время Миира присела в кресло и начала внимательно следить за детьми, давая непонятные ему указания...

Тренировка закончилась ровно через два часа. Мальчишки одновременно поклонились своей учительнице и убежали, весело переговариваясь, а он все молчал. И наконец спросил:

— Давно они занимаются?

— Чуть больше года, — услышал в ответ.

— Что они уже могут? — продолжал расспросы бывший глава Серых, задумчиво и внимательно глядя на свою любимую.

— Могут они еще очень мало, но дать отпор взрослому, ничего не подозревающему бандиту и выскользнуть из захвата — это да, это у них получится уже сейчас, — сказала она с улыбкой. — Ну, пойдём умываться, переодеваться и завтракать. Мы с малышками так проголодались, что начнем тебя сейчас надкусывать, если нас никто не покормит.

— А секреты? — смеясь, спросил Натан.

— А секреты сразу после завтрака. Мои сыновья с удовольствием расскажут их тебе если не все, то почти все. Они приняли тебя, а значит, секретов у нас от тебя со временем не будет совсем, — пообещала Миира и оказалась права.

Они рассказали ему все. С гордостью и восхищением о том, что умеет их любимая матушка. С потрясающей доверчивостью о том, кем были они сами до встречи с ней и как им жилось. И уже под вечер, у камина, после очередной тренировки, о ее приключениях в степи. А он слушал их, теперь уже своих сыновей, и мысленно добавлял к их рассказу то, что они знать не могли, а она еще не успела ему поведать. Он наконец-то понял, кто был тот воин, что невзначай почистил тракты от разбойников, кто «повеселился» в столице в особняке казначея и Ниэлы, кто навестил святош в их неприступном монастыре. Теперь он знал, что уносит каждый вечер в постель на руках высшую ведьму, уснувшую под негромкий говор сыновей, сильнейшего мага, богиню Анаш, неуловимого воришку и самую любящую и любимую женщину, сумевшую изменить жизнь тех, кто ее окружает. Самое большое сокровище, какое только может найти мужчина в своей жизни.

ГЛАВА 80

О-о-о! Мои мальчишки не молчали! Молчал отец, улыбался, глядя на нас всех, и помалкивал. А мой ненаглядный муж каждый день узнавал что-нибудь новое. Больше всего его удивил рассказ о моем умении принимать облик змеи и большой кошки. Он понял, кто был той огромной змеей, что поймала его в объятия в его собственном кабинете, и кто была та пятнистая кошечка, которая кинулась защищать его на арене амфитеатра, но поверить в это до конца так пока и не смог. «Этого не может быть, потому что быть не может», — утверждал он. А если это есть, то как? Мне пришлось рассказать мою личную историю, только показать свои облики я пока не могла. Беременность накладывала на меня свои ограничения. Не рассказала только о том, что моя душа раньше принадлежала другому миру, и кто меня учил такому необычному владению оружием, тоже не открыла. Ну не все я помню после магических опытов графа Двардского, не все... Могла молоденькая впечатлительная девушка что-то забыть? Могла! И вообще, у каждой женщины должна быть загадка. Это я еще из прошлой жизни помню.

Нам доставляло удовольствие удивлять Натана, рассказывая ему о нас, о нашей долине, о ее сокровищах и о людях, ее населяющих. Моя лаборатория привела его в восторг, и он застрял в ней на несколько дней, а вот потом... Потом наш маленький Кин, озабоченный безопасностью своего папы больше, чем кто-либо другой, взял его за руку и поставил в строй во время утренней тренировки рядом с собой. Как он это объяснил? А просто! Он обещал научить бедного раненого воина правильно сражаться, и он научит. С того дня учеников у меня прибавилось. Нат не отказался учиться и с удовольствием принялся тренироваться. А после того как он провел магическую диагностику наших мальчишек и понял, что помимо всего прочего они все еще и магами являются, дополнительные занятия появились и у них. Я же наконец-то смогла вздохнуть с облегчением, ибо учитель из нашей бывшей светлости получился очень терпеливый и требовательный. Зельями же со мной вместе, в очередной раз удивляя папочку, продолжал заниматься Ангел. Ох, чую я, а точнее, я точно уверена в

том, что получится из наследника Шангри сильнейший ведьмак, невиданное чудо в этом мире. Намудрила я, проводя родство с моим Ангелом. У Двардского научилась, не иначе...

Сам же Натан начал удивлять нас дней через десять после своего приезда. Вспомнил он, видите ли, о небольшой сумочке, которую привез с собой. Мальчишки были в восторге. Столько оружия они не видели никогда! А гардероб? А ингредиенты для лаборатории? А куча золота и драгоценностей, ваз, шкатулок, подсвечников, великолепных шкур и гобеленов? И самое главное — книги. Огромная библиотека. Как же хорошо, что он у меня маг! Сильнейший маг!

Подвал увеличили, утеплили, облагородили, и теперь моим домашним приходится вытаскивать меня из этой изумительной библиотеки силком. Моя прелесть... книги... И мой любимый библиотекарь, готовый объяснить мне все, что я не могу понять сама!

Вот теперь у меня точно есть все, что только может пожелать женщина! Любимый муж, ласковый, но иногда жутко упрямый мужчина, дети, дом, книги, лаборатория, оружие, лошади, золото, драгоценности и прочее. Мне не нужно думать о том, чем я буду кормить завтра детей, во что одевать, как и чему учить. А самое главное, есть тот, кто потихоньку, почти незаметно, день за днем вникал во все наши дела и в конце концов принял на себя большинство наших с отцом дел и обязанностей, позволив нам заняться тем, чем хочется больше всего каждому из нас.

Я счастлива. Мы счастливы. И с нетерпением ждем весны. Ждем появления на свет наших девочек, наших маленьких принцесс!

ЭПИЛОГ

Две звонкоголосые, розовенькие, с золотым пушком на голове красавицы родились ранней весной. Кому из нас роды дались сложнее, мне или моему мужу, сказать трудно, но я в отличие от него в обморок не падала. Поорать поорала, и то не очень громко и не очень долго. И вот теперь в нашей семье подрастают два солнышка, Ариса и Асами — папины доченьки от кончика мизинчика до кончика волос, и магия папина. От меня девчушки взяли только форму глаз, и все.

Десять лет уже красавицам нашим. Не завидую я тем, кто захочет девчонок замуж взять, да и просто взгляд неправильный бросит. Братья во главе с папой на ингредиенты для лаборатории разберут и скажут, что так и было. Да и самим красоткам палец в рот не клади, по самый локоть откусят. Братья их балуют во всем. Попросили научить драться? Пожалуйста! Попросили подарить лошадку? Пожалуйста! Научить магии? Обязательно! Шить. Вышивать. А как же? Вот только бросить занятия им никто никогда не позволял. Просили — нате вам, жадин в семье нет. Хочешь посмотреть, как живут люди в королевстве? Учись себя защищать. Научишься — посмотришь. Добрые братцы, любящие, а уж папочка и того лучше. И только дедушка на внучек своих дышать боится, все для них, а они и пользуются. Но дедуля наш крепок душой и телом. Поживет еще.

А я что? Я ничего. Мне покой нужен. Тишина. Беременная я. Будет у нас в семье еще одна девочка, еще одна любимая красотулька. Натан, сиятельство мое ненаглядное, счастливый ходит, аж светится весь. Вот только «нельзя» в моей жизни с его подачи появилось слишком много, целый список составить можно. А я? Подчиняюсь. Почти. О чем мне теперь волноваться? За нашими неугомными девчонками есть кому присмотреть и без меня.

За первые два года нашей с мужем семейной жизни я непрерывно и очень упорно занималась его внешним видом, и теперь он совершенно спокойно покидает нашу долину. Большинство шрамов на его теле и лице превратились в еле заметные штрихи, а те немногие, что остались, сгладились и не привлекают к себе особого внимания. Волосы его после моих зелий значительно потемнели, изменив его

облик до неузнаваемости, а потому именно он сопровождал наших старших, Марка, Акио и Дэйки в их первом, почти самостоятельном путешествии по королевству. С полного и безоговорочного одобрения своего названного отца они создали свой отряд наемников и за четыре года завоевали себе имя, уважение и репутацию.

Берут они за свои услуги очень дорого, но на долгосрочные контракты не соглашаются. Недавно вот сообщили о том, что умудрились отказаться от службы королевскому дому. Каковы, а? Да и правда, нечего им при дворе делать. Забыла уже королевская семья про Натаниэля Эверли, носит теперь этот титул маленький сын наследного принца, и слава богам. А старшеньким нашим действительно некогда. Ждет их дальняя дорога, непростая дорога в королевство Ауриндия.

Сегодня мы проводили в путь нашего Ангела. Старшие братья и их друзья с ним пойдут, присмотрят, помогут, но... Другое королевство, другие законы. Это желание сына — увидеть своего родного отца и, возможно, поговорить с ним.

Мы собрали его в дорогу, подготовили к возможным трудностям более чем старательно. Ангел сильный воин-маг, а самое главное, он ведьмак, умеющий работать со стихиями. Мы все надеемся, что он найдет то, что ищет, и его душа успокоится. А я надеюсь на то, что из этого путешествия мои мальчики вернутся не с пустыми руками. И я не имею в виду золото. Пусть каждый из них найдет себе пару. Ту любимую, единственную и неповторимую. Ведьма я или кто? Я так хочу! Боги мне свидетели! А это значит, так будет!

Как же хорошо, что четверо младших решительно настроены сидеть дома и приглядывать за сестрами! Кин вот, например, заявил, что начнет искать себе пару только после того, как выдаст замуж сестричек. Надеюсь, он имел в виду старших, а то он рискует умереть холостым.

Боги! Присмотрите за моими мальчиками. Пусть им сопутствует госпожа удача. Выстилает путь его величество счастливый случай. Дарят спокойные сны бархатные руки тьмы. А мы будем ждать их возвращения!

Все мы.